

ISSN 1680-645X
9 771680 645003 >

ЕСЛИ

НОВАБРЬ 2005

ФАНТАСТИКА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

11'2005

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU, WWW.RUSF.RU/ESLI.

**АЛЕКСАНДР ГРОМОВ
ЗМЕЁНЫШ**

**ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН
БРЮС МАКАЛЛИСТЕР**

**ЕВГЕНИЙ ЛУКИН:
РАЗОБЛАЧЕНИЕ
РЕАЛЬНОСТИ**

Дорогие читатели!

Мы предлагаем Вам

самый выгодный

вариант подписки –

издательский

Стоимость одного номера с доставкой

всего **50** рублей

полугодовая подписка –

всего **300** рублей

Не надо бегать в поисках журнала по лоткам и киоскам. Вы получите журнал по специальной цене и без всяких хлопот

Более подробно о подписке и подписных квитанциях смотрите на двух последних страницах журнала

ПОДПИСКА-2006

Кто предпочитает традиционный путь, может найти журнал «Если» в двух каталогах:

«Пресса России»

«Роспечать: газеты, журналы»

Цена подписки на первое полугодие — 300 рублей плюс стоимость почтовых услуг.

Индекс — 73118

Цена подписки на весь год — 528 рублей плюс стоимость почтовых услуг.

Индекс — 42918

В будущем году читателей ждут новые встречи с творчеством Сергея Лукьяненко, Евгения Лукина, Марины и Сергея Дяченко, Александра Громова, Олега Дивова, Владимира Михайлова, Бориса Руденко, Леонида Кудрявцева, Святослава Логинова, Грега Игана, Майкла Суэзвика, Роберта Рида, Дэвида Брина и других известных писателей-фантастов. Помимо этого мы познакомим вас с французской и японской фантастикой, предложим произведения популярных польских, болгарских, испанских авторов.

ВСЕ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ, ЧТО ЕСТЬ В МИРОВОЙ ФАНТАСТИКЕ, БУДЕТ НА СТРАНИЦАХ «ЕСЛИ». НЕ ОПОЗДАЙТЕ С ПОДПИСКОЙ!

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ШЕКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэръ».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru
if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli
www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейдс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
ул. Полиграфистов, д. 1.

Тираж 14 400 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.
© «ЕСЛИ», 2005

31 Далия ТРУСКИНОВСКАЯ
БЕРЕГ НАДЕЖДЫ

Загадочная фирма предлагает всем желающим реализацию даосской мудрости: садитесь на берегу реки и ждите, когда мимо проплывет труп вашего врага.

189 Александр ГРОМОВ
ЗМЕЁНЫШ

«Приручить» его можно, но вот подарить мир, который бы его устроил...

3 Генри Лайон ОЛДИ
ВОССТАНЬ, ЛАЗАРЬ!

Есть чувство, которое вам мешать жить? Не спешите с ним расставаться: последствия могут быть самые непредсказуемые.

21 Олег ОВЧИННИКОВ
ЗВЕЗДА В ПОДАРОК

Мы, конечно, далеко не ангелы, но зачем же так круто?..

91 Эндрю ВЕЙНЕР
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ
СЧАСТЛИВ

Еще одна попытка овладеть удачей — на этот раз предпринятая известным канадским писателем.

117 Алексей КАЛУГИН
ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ПРИЮТ

Детский сад — да и только! Но руководить им выпало бравому воюке.

157 Брюс МАКАЛЛИСТЕР
ГЕРОЙ

Что остается, когда вы уже спасли Землю? Об этом размышляет автор рассказа, стилизованного под киносценарий.

101 **Александр РОЙФЕ**

КОГДА РОЖДАЕТСЯ СКАЗКА

Оказывается, знаменитые братья-фольклористы не только коллекционировали народное творчество и писали книжки...

103 **Евгений ХАРИТОНОВ**

СЛАДКАЯ ИСТОРИЯ

Стоматологам и зрителям с большими зубами смотреть не рекомендуется!

111 **Борис ДОЛИНГО**

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Это фантастика или документалистика? Ответ не знают даже на кинофестивале в Венеции...

106 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Нереалистическое кино поражает разнообразием жанров.

259 **Глеб ЕЛИСЕЕВ**

**СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ,
ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ**

Вот еще одна тема, придуманная нефантастом, но успешно эксплуатируемая как раз фантастами.

266 **РЕЦЕНЗИИ**

Авторам — замереть и не дышать! Слово рецензентам!

297 **КУРСОР**

Ехал Грека через реку... по «Звездному мосту».

272 **Дмитрий БАЙКАЛОВ**

ТАМОЖНЯ ДАЕТ ДОБРО

Очередного романа Сергея Лукьяненко читатели ждали почти два года.

274 **Евгений ЛУКИН**

ВРАНЬЁ, ВЕДУЩЕЕ К ПРАВДЕ

А вы думали, известный фантаст в роли публициста способен писать одни лишь манифесты партии национал-лингвистов?

293 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**

Эксперты отправляются в будущее, чтобы оценить нынешнюю ситуацию в жанре.

299 **ПЕРСОНАЛИИ**

Великолепная семерка номера. И хотя они из разных стран, но говорят на одном языке — языке фантазии.

Г Е Н Р И   Л А Й О Н   О Л Д И

ВОССТАНЬ,

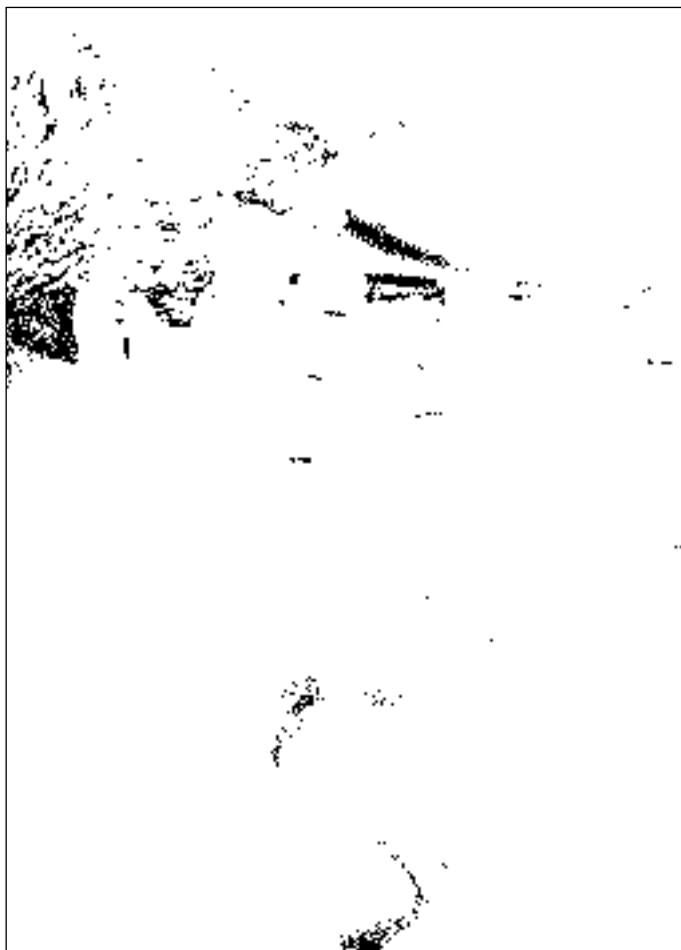

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ЛАЗАРЬ!

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Апостол Павел,

Послание к Коринфянам, гл. 13, 1–3.

Аплялиться на чужих людей некрасиво!..
 — Кто сказал?
 — Мама!
 Кудрявый бутуз лет шести подумал, сунул палец в нос и уточнил с гордостью урожденного жадины:
 — Моя мама!
 — Ну раз мама... тогда да, конечно... Ты не в курсе: кто здесь Жора Мясник?
 — Дядя Жорик вон там, на ящике!

Мужчина поправил очки: дорогие, французские, в золотой оправе от «Antoine Bourgeois». Антибликовый пластик зловеще сверкнул зелено, как глаза хищника.

- Они все на ящиках...
- Дядя Жорик с бухлом!
- Они все с бухлом...

Очкарик был прав: трое грузчиков, коротающих обеденный перерыв во дворе, у черного хода в «Гастроном», сидели на дощатых ящиках и трепетно разливали вторую бутылку портвейна «Таврического» в пластиковые стаканы. Стаканы были пивные, пол-литровые, с жеваными краями. От вина посуда отсвечивала густо-лиловой тьмой, напоминая гроздь персидской сирени.

- Дядя Жорик самый главный!
- Э-э... В каком смысле?

Бутуз аж подпрыгнул от такой вселенской тупости собеседника:

- На разливе сидит! Ну вы ваше...
- Ага, я ваше...

Соглашаясь, очкарик явно имел в виду что-то свое, непонятное чужому человеку. Так признаются на приеме у венеролога в дурной болезни, подхваченной в командировке.

- На, держи, умница... Привет маме!

Он сунул бутузу пачку жевательной резинки. Мальчишка возликовал, сунул в рот горсть мятных подушечек и умчался играть в «банки». Еще за три метра от «стартовой» черты он запустил битую — обломок держака от швабры — в полет, и та лихо снесла пустую жестянку из-под ананасных ломтиков. Девчонки, оккупировавшие неподалеку раздолбанную карусель, брызнули прочь, спасаясь от снаряда. Старушки на лавочке заворчали с неодобрением, вспоминая, как в мезозойскую эру претерпели от таких же хулиганов. Бутузовы соратники хором завопили: кто от зависти, кто от восторга, кто просто так, за компанию.

А грузчиков пустые банки интересовали мало. Грузчики сказали тост: «Ну!..», выпили портвейн, отдали бутылки сборщику стеклотары, деду в потертом камуфляже, и принялись деловито закусывать хлебом со шпротами.

— Серый, жди здесь, — сказал очкарик шоферу, высунувшемуся из окна черного «лексуса». Шофер кивнул. У него было глуповатое и добродушное лицо человека, достигшего предела личных амбиций.

— Проходимец! — внятно сказала одна из старушек, ткнув спицей в сторону машины. Наверное, имела в виду ходовые достоинства джипа.

Очкарик пересек двор и остановился возле грузчиков.

— Добрый день! — сказал он. — Жора... э-э... Георгий? Извините, отчества не знаю...

Мордатый детина поднял голову.

— Ну, — сказал детина не пойми к чему.

Радушия в его голосе не ощущалось.

— Вот деньги, — очкарик достал из бумажника крупную купюру и протянул ее другому грузчику, молодому парню с рябыми щеками. — Сбегайте в магазин, возьмите водки. И закуски получше. А вы, — это уже адресовалось третьему, — прогуляйтесь за компанию. Чтоб правильно скупились. Хорошо?

В голосе очкарика сквозила определенная харизма.

Обращаться к грузчикам «на вы» не всякий умеет.

— Ну, — без большого одобрения, но и не возражая, повторил мордорот Жора. — Палыч, сходи с Хлебчиком. Водки не надо, она вся паленая. Бери крепленое. И сала венгерского, с красным перцем. И черного хлеба буханку. Сдачу вернешь начальнику.

Оставшись наедине с очкариком, он уцепил шпротину за чихлый хвостик, заглотил целиком и в третий раз сообщил:

— Ну?

— Меня зовут Лазарь Петрович, — очкарик присел на освободившийся ящик, подпернув отутюженные брюки. — Меня к вам направил Глеб Артюхов. Ваш клиент. Вы помните Глеба?

— Ну, — кивнул Жора, не балуя гостя разнообразием. — Какие проблемы, Лазарь?

— Я жену не люблю.

Наверное, любой собеседник должен был удивиться такому ответу. Любой, но не Жора Мясник.

— Я тоже, — сказал он. — Хрена их любить, жен?

— Вы не понимаете. Я ее раньше любил. Очень. Мы со школы встречались. У нас двое детей. Мальчик и девочка. И жизнь вполне... Достойная. Я хорошо зарабатываю. И вот однажды смотрю: не люблю я ее, и все.

— Заведи бабу на стороне, — посоветовал Жора. — Или секретаршу, с ногами.

— Заводил.

— С ногами?

— С рогами. А толку?

— Ты ко мне зачем пришел? — мордovorот подозвал деда в камуфляже и отобрал дареную бутылку. Обнаружив на донышке жалкие остатки портвейна, он допил прямо из горлышка и вернул бутылку огорченному деду. — В любовники звать?

Очкарик оставался спокойным. Чувствовалось, что спокойствие дается ему с трудом.

— Глеб предупреждал, что вы станете хамить. И сказал, чтобы я не обращал внимания. У вас, значит, стиль такой. Нет, Жора, как любовник вы меня интересуете мало. Вы мне любовь к жене верните, я рассчитаюсь и уйду. Глеб сказал, вы можете.

— Что я могу? — хмыкнул Жора.

— Восстановить. Любовь, дружбу, уважение. Если какое-то чувство было и умерло, вы умеете его воскресить.

Мордатый детина расплылся в шербатой ухмылке.

— И ты поверил? Слышь, Лазарь, скажи честно: поверил?!

— Я поверил, — кивнул очкарик Лазарь.

— Ну и правильно сделал. Вера, она горами движет. Только на кой она тебе?

— Вера?

— Любовь.

— А это уже, извините, не ваше дело.

— Нет, Лазарь. Это не я к тебе, это ты ко мне пришел. Сам при-

шел, я тебя не звал. Теперь у нас одно дело, общее. Зачем тебе жену любить?

— В каком смысле: зачем?

— В прямом. Ну, разлюбил, бывает. Сам говоришь: двое детей у тебя, баба, секретарша, заработки. Живи с супругой, как все. Без любви. Небось раз со школы, надоела до чертиков?

— Нет. Просто разлюбил. Была любовь и слыла. Равнодушие. Вы, наверное, не поймете: это как счет в банке. Или дом. Или привычные тапочки. Смотришь однажды, а счет пустой, дом кто-то перекупил... тапочки сносились. Я привык, Жора. Привык любить жену. Мне без этого не по себе. Словно обокрали.

— Тапочки, это да, — согласился Жора. — Тапочки я понимаю.

Он расстегнул рубашку, почесал волосатую грудь и внезапно спросил:

— Глеб — твой друг?

— Какой Глеб? А-а... ну да, конечно. Друг.

— Близкий?

— Близкий.

— Самый лучший? — настаивал Жора без видимой связи с предыдущим разговором. Видимо, Мяснику было очень важно узнать, что Глеб Артюхов, приславший к нему очкастого Лазаря с пропавшей любовью, находится с этим самым Лазарем в наитеснейших дружеских отношениях.

— Самый. Мы знакомы с детства. И работаем вместе: Глеб — мой комдир. Ну, коммерческий директор. А что?

— Ничего. Давай дальше про тапочки.

— Хватит про тапочки. У меня любовь умерла, — очкарик сказал это без малейшей патетики, скучно и обыденно. Так обсуждают деловой вопрос с малознакомым бизнес-партнером, которого хорошо рекомендовали люди, заслуживающие доверия. — Глеб сказал, что вы можете поднять. Мертвую любовь — поднять. Беретесь или нет? Если нет, я пойду. Выпивка и закуска за мой счет.

— Твой счет... — буркнул Жора. — Любовь, говоришь, поднять? Сама, говоришь, не стоит?

Он долго хохотал. Потом взял веточку акации и написал на земле цифру.

Длинную.

— Вот твой счет. За подъем. Потянешь?

Очкарик с уважением посмотрел на цифру.

— Однако, у вас и тарифы... Потяну. Легко. Только, Жора, вы за-

помните на всякий случай: я — человек простой. Если что, я вернусь. И за каждую копейку спрошу.

— А ты меня не пугай. — Мордатый доел последнюю шпротину и лениво поднялся с ящика. — Я страх какой пугливый. Начну тебе любовь поднимать, а руки, понимаешь, дрожат... Она и не встанет. Ладно, пошли в подвал.

— Зачем в подвал? — не понял очкарик.

— Поднимать. Я обожаю, когда в подвале, возле холодильника. Там мясо на леднике хранится, мне от мяса сил прибывает.

— Ага, — догадался Лазарь, — поэтому вас Мясником и прозвали.

— Ни фига подобного. Фамилия у меня такая: Мясник. Георгий Мясник, по паспорту. Пошли, чего зря баззать! Скоро Палыч с Хлебчиком вернутся...

Уже у черного хода, ведущего в мясные подвалы «Гастронома», очкарик снова подал голос.

— А вы не боитесь, Жора, — спросил он, — что я вас обману? Вы мне любовь поднимете... воскресите, а я вам денег не дам? Уйду, и все?

Жора Мясник бросил на клиента веселый разбойничий взгляд:

— Не боюсь, Лазарь. Вот этого не боюсь ни капельки. Дашь ты мне денег. Глеб твой дал, и ты дашь. До последнего грошика. Я честный, и со мной по-честному.

— А что вы Глебу поднимали? — внезапно спросил Лазарь.

— Не твое дело, — мстительно отрезал Жора.

— Подняли?

— Поднял, — со странной интонацией ответил мордатый. — Еще как поднял. Иначе с чего бы он тебя ко мне направил? Ты не спрашивай, ты иди и молчи...

Кудрявый бутуз запустил им вслед палкой, но промахнулся.

* * *

Святое время — август.

Еще стоит жара, мужчины ходят в шортах и сандалиях на босу ногу, девицы щеголяют обнаженными пупками, гроза собирается где-то далеко, за новостройками, за зелеными тучами листвы в сквере. Шелестят пыльные акации, но по вечерам становится прохладно, зябкий шепоток бродит в кронах тополей, осторожно трогая их желтыми пальцами. Из открытой форточки плывет баритон полузабытого изгнанника: «Ах, если бы только не август, не чертова эта пора!..», и вторит ему из другого окна не менее забытое меццо-сопрано: «Скоро

осень, за окнами август, от дождя потемнели кусты, и я знаю, что я тебе нравлюсь...». Два голоса сливаются за спиной у случайного прохожего, отойдя на двадцать шагов, уже не разберешь, где чей, и только понимаешь, что лето у тебя было, оно еще здесь, в руках, протянутых за подаванием, но горячий август проливается сквозь пальцы на серый асфальт, лето было, лето есть, это ненадолго, так ненадолго, что словно и нет его, лета, и не было никогда, а жалко...

Осени не ждешь. Ждешь разве что Нового года.

Начинается дождь.

* * *

— Извините... Не подскажете, где живет Степан Поликарпович?

Сухонькая старушка чопорно поджала губы. Коротко, с неприязнью зыркнула на очкарика снизу вверх. Ничего не ответив, она поглубже упрянула руки в антикварную муфту: когда-то норковую, а теперь вытертую до неузнаваемости.

— Может быть, вы?

Вредная старушенция скосила глаз на толстую подругу — цыц, мол, дура! — и демонстративно отвернулась. Весь вид ее ясно говорил, что она будет молчать, как подпольщик на допросе. Не исключено, что и молчала в свое время. В гестапо.

— А я знаю, я знаю!

— Что ты знаешь?

— Где Пан Карпыч живет! Ростовщик!

Знакомый бутуз. «Вождь краснокожих», зимний вариант. Шапка «петушок» лихо сбита набекрень, куртка расхристана, на левом ботинке развязался шнурок. В правой руке зажат крепко слеplенный снежок.

— Ну, и где?

— В угловом подъезде.

— В правом или в левом?

Мальчишка задумался. Видимо, с определением «правого» и «левого» у него возникли проблемы. Посему, не мудрствуя лукаво, он просто указал рукой:

— Вон в том. Третий этаж, 31-я квартира. Код на дверях...

Обе старушки пронзили бутуза огненными взорами. Но тот, игнорируя намеки, не замедлил выболтать страшную военную тайну:

— ...двадцать одно!

— Спасибо, Штирлиц, — улыбка вышла тоскливой. Даже солнце в пластике дорогих очков сверкнуло на миг и угасло. — Ты хоть в курсе, кто такой ростовщик?

— Так Пан Карпыч и есть — ростовщик! Который с Ростова приехал.

Шоколадный батончик «Lion» обрадовал мальчишку не меньше, чем в прошлый раз — жевательная резинка. Юный информатор с гиканьем припустил к друзьям, возводившим в середине двора монументального снеговика. Вместо классической морковки нос снеговика заменял ржавый водопроводный кран с маховиком-вентилем; глаза — катафоты от велосипеда. Шляпа — крышка от масляного фильтра — завершила футуристический дизайн. На бегу мальчишка с силой запустил в голема снежком, угодив прямо в глаз. Уцелевший катафот кроваво блеснул, словно у замороженного Терминатора.

— Эй! А еще Пан Карпыч всякую фигню берет! — юное дарование выказало неожиданную эрудицию. — Под проценты! У вас фигня есть?

Двор пересекали хорошо укатанные «скользанки». В чисто вымытых окнах красовались наряженные елки. Легкий морозец покусывал нос и щеки. Пахло праздником: Новым годом, подарками, хлопушками, шампанским и непременно салатом «оливье». Хотелось присоединиться к мальчишкам: веселиться и дурачиться. Но очкарик Лазарь шел вперед, и плечи его сутулились, словно длиннополое пальто было изготовлено из дубовых досок.

Код оказался верным. Замок лязгнул затвором автомата, открывая затхлое нутро подъезда. В носшибанула вонь кошачьей мочи и застарелого табачного перегара. Лазарь торопливо зашагал по лестнице. На третьем этаже он остановился перед квартирой с бронзовой табличкой «31» и, собравшись с духом, решительно утопил кнопку звонка.

Долгое время ничего не происходило. Затем в дверном глазке мелькнул свет, и глазок тут же вновь потемнел. Очарик чувствовал, что за ним наблюдают, и стоял спокойно.

— Вам кого?

— Я к Степану Поликарповичу.

— Фамилия! Фамилия как?!

— Моя?

— Нет, Степана Поликарповича!

Было неясно: издевается хозяин или говорит всерьез.

— Моя фамилия Остимский. Лазарь Петрович Остимский. Но это вам, скорее всего, ни о чем не скажет. А фамилия Степана Поликарповича — Ватрушев.

— Откуда? Откуда знаете?!

— Меня направил к вам мой друг. Артюхов, Глеб Артюхов.

— Отчество?

— Чье? Глеба?

— Ага! — торжествующе взвыли из квартиры. — Не помните! И врете вы все: кто да как...

— Тыфу ты, из головы вылетело! Мы с Глебом друзья детства, по отчеству редко... О, вспомнил! Игоревич.

В квартире долго сопели, булькали, потом защелкали замки.

Замков было много. Не меньше пяти.

Наконец дверь приоткрылась. Слегка, но вполне достаточно, чтобы понять: разохшееся дерево, выкрашенное пузырчатым суриком — чистой воды бутафория. Тут в случае чего плечом не пробьешься. Над стальной цепочкой из сумрака проступило востроносое личико. Цепкие глазки обшарили лестничную площадку.

— Чего стоите? Заходите скорее!

Металлической змеей зашелестела, опадая, цепочка.

— Знаете, сколько всяких прохиндейцев кругом шляется? А потом ценные вещи пропадают, гортензии сохнут... На какой щеке у Глеба Игоревича родинка?

— Нет у Глеба никакой родинки. В смысле, на щеке. На шее есть, у кадыка.

— Чудненько, чудненько! Душевно рад знакомству.

Узкая ладонь ростовщика оказалась подозрительно твердой.

— Прошу в комнату. Чаю? Кофе? Коньячку?

— Кофе. У меня принцип: вести деловые переговоры на трезвую голову. Вот позже, когда мы договоримся...

— Если договоримся, Лазарь Петрович. А принцип ваш мудрый, одобряю...

Квартира Ватрушева напоминала лабиринт. Не представлялось возможным определить, сколько здесь комнат и коридоров. Все пространство занимали шкафы, шкафчики, шифоньеры, полки и полочки, комоды и этажерки. Под потолком тянулись пыльные антресоли. «Всякая фигня» — пользуясь определением бутуза — водилась тут в изобилии. Старые велосипеды, настольные лампы, наборы гаечных ключей, штабеля граммофонных пластинок, типографский резак, фарфоровые безделушки, телефонные аппараты в черных эбонитовых корпусах, пишущие машинки, радиолы, гусли с порванными струнами, портсигары с вензелями, бронзовые канделябры для роялей, напольные часы с гирями и маятником...

И всюду, на полках, шкафах и подоконниках — горшки с цветами, кактусами и прочими фикусами. Возможно, редкими и экзотическими: очкарик был не силен в ботанике. В воздухе, приятно радуя после миазмов подъезда, витал аромат тропиков.

— Осторожно, не зацепите агаву! Располагайтесь, вот кресло.

Посреди с трудом отвоєванного у вещей пятакча разместился вполне современный мягкий уголок: диванчик, журнальный столик и два кресла, обитых клетчатой тканью. Точь-в-точь такой расцветки, как халат на Степане Поликарповиче.

— Я пошел за кофе...

Вспыхнула паника. Сейчас хозяин сгинет в дебрях необъятной квартиры и больше не вернется. Никогда. А гость проведет остаток жизни, ища выход и рыдая от безнадеги. Наваждение накатило и схлынуло. Очкарик снял пальто, искал, куда бы его пристроить — и к собственному удивлению обнаружил вешалку, приколоченную к дверце шкафа.

— Вешайтесь, вешайтесь, оно свободно...

Сварить кофе за это время было невозможно. Но ростовщик уже семенил к столику, неся поднос с полным кофейником, сахарницей и чашками. Над ним витал божественный аромат мокко, имбиря, кардамона, черного перца...

«Надо бы спросить рецепт», — отметил Лазарь.

— Ну-с, к делу. С чем пожаловали к старику?

— С предложением. Глеб сказал, что вы даете ссуды под залог... скажем так, некоей нематериальной сущности.

— Оставьте ваши эвфемизмы. Не бойтесь, я не сочту вас сумасшедшим.

— Хорошо. Я бы хотел оставить в залог одно чувство.

— Какое именно?

— Любовь.

— К женщине? К родине? К вкусной и здоровой пище?

— К жене.

— Что ж, это интересно. Редкий товар. Но позвольте полюбопытствовать: зачем вам мои гроши? Вы человек обеспеченный. Если вам нужен кредит, обратитесь в банк. Или в ломбард.

— Как вы верно заметили, я человек обеспеченный. Но сейчас испытываю финансовые затруднения. Временные, разумеется. Деньги есть, но они вложены в дело. Мои партнеры по бизнесу против того, чтобы я закладывал основные фонды. А без их письменного согласия... Короче, я пришел к вам.

— На любовь, конечно, спрос есть, тем паче к жене... Чувство дефицитное. Однако мои возможности ограничены. Боюсь, предложенная сумма вас не устроит.

— Сколько?

— Вы собираетесь со временем выкупить залог?

— Да.

— И вас не интересуют сроки? Проценты?

— Конечно, интересуют. Но в первую очередь меня интересует сумма!

— Поспешность не идет на пользу, Лазарь Петрович. Скажем, пять тысяч.

— Евро?

— Да.

— Мне нужно больше. Дайте пятнадцать.

— Нет. Слишком много для меня. И слишком мало для серьезной инвестиции. У меня складывается впечатление, что вы просто хотите избавиться от своего чувства. А деньги вас не волнуют. И получив их, вы сюда больше не вернетесь. Впрочем, это не мое дело. Семь тысяч. Это последняя цена.

— Согласен.

— Полгода под пятнадцать процентов за весь срок.

— Тридцать годовых? Да это же... Согласен!

— Сначала мне надо убедиться в качестве товара. Если залог не подойдет, я немедленно верну его вам.

— Хорошо.

— Сидите, где сидели. Не вставайте. Не делайте резких движений. Думать можно о чем угодно. Хоть обо мне, в самых нелицеприятных выражениях. Я вхожу.

Ростовщик аккуратно поставил чашку с недопитым кофе на журнальный столик. Откинулся на спинку кресла. Смежил морщинистые, черепашьи веки. На лице его проступило выражение благожелательной сосредоточенности — как у человека, занятого кропотливым, ответственным, но при этом любимым делом.

«Садовник за работой», — пришло на ум.

Лазарь перевел взгляд на картину, стоявшую на комодe за спиной ростовщика. Новодел в манере пейзажистов позапрошлого века. Масло, холст. Стилизация удачная, даже трещинки-кракелюры имеются. Запущенный парк, на переднем плане — клумба с георгинами, дальше — кипень жасмина, заросли шиповника, узловатые стволы вязов, под которыми все тонет в сумраке. На клумбе лежит густая тень: от человека, которого на картине нет.

Его отвлек хриплый стон. Ростовщик, неестественно запрокинув голову, судорожно пытался сделать вдох. Лицо старика пошло пятнами, глаза закатились, побелевшие пальцы мертвой хваткой вцепились в подлокотники кресла.

— Вам плохо?! Воды? «Скорую»?! Где у вас телефон?

О мобильнике, лежащем в кармане пиджака, очкарик забыл.

— На кухне... коньяк... Мне помог-х-х-ха...

Лазарь метнулся в ту сторону, куда раньше уходил хозяин. Зацепил стеллаж: посыпались картонные коробки, рулоны обоев, жестяные баночки с диафильмами. Против ожидания, кухня нашлась быстро. Контраст с остальной квартирой оказался разительным: стерильная белизна, блеск металла, стройные ряды тарелок в сушилке, аккуратные пирамиды кастрюль, посудомоечная машина... Коньяк нашелся сразу, в первом же открытом шкафчике. «Remi Martin XO», едва початая бутылка. Рядом стояли пузатые коньячные бокалы.

Очкарик не помнил, чтоб он так спешил в последние пару лет.

Ростовщик был жив: тяжело дышал, массируя виски. Лазарь щедро плеснул коньяку в бокал, поднес к губам хозяина. Внезапно Степан Поликарпович перехватил его руку и взял бокал сам. Наклонил, едва не опрокинув. Задергался кадык. По подбородку потекла маслянистая струйка. Лазарь машинально налил и себе. Выпил залпом, как водку.

— Под монастырь меня подвести вздумал?! — голос ростовщика напоминал кашель туберкулезника. — Почему не сказал, что ходил к Мяснику?! Налей еще.

Ослушаться Лазарь не посмел.

— Разве это имеет...

— Смерти моей хочешь? Любовь, значит? К жене, значит?!

— Любовь...

— Сперва уморил, потом Мясника уговорил поднять — и ко мне в залог?! Нет уж... сам расхлебывай... Ты! Ты специально! — ростовщик вдруг сорвался на визг. — Убить меня решил?! Кто тебя подослал?!

— Никто. Я просто хотел избавиться от этой новой любви. Продать кому-нибудь...

— Продать?! Ты в своем уме?! Кто ж такую пакость купит? Кто, я тебя спрашиваю?! Вот ты, ты сам — купил бы?

— Я?!

— То-то же. И не стыдно, молодой человек? — Степан Поликарпович опять перешел «на вы». Было в этом что-то от объявления войны. — Пытались меня обмануть, чуть не угробили...

— А я?! А мне как с этим жить?! Не могу больше, сил никаких нет! Да, я ее люблю! Люблю! Ревную ко всякой тени! Увижу, что с кем-то двумя словами перекинулась — готов и ему голову проломить, и ее удавить... Или самому — с моста в реку. Следить начал. Из дому ее не выпускаю. Допросы устраиваю... Потом каюсь, прощения прошу. Она

плачет... К бесу такую любовь! В пекло! Заберите ее! Даром заберите! Хотите, я еще и приплачу?! Пять! Десять тысяч! Это хорошие деньги! Хотите больше? Ну, говорите свою цену! Забирайте и делайте с ней, что хотите! Выбросьте, продайте, подарите, изничтожьте...

— Изничтожить? Вы меня с кем-то пугаете. Я ростовщик, а не, простите, киллер. Я за такое дело не возьмусь. Даже за миллион, которого у вас все равно нет. Жизнь, знаете ли, дороже. Покойнику деньги ни к чему.

— А что мне делать? Что?! Погодите... Вы сказали — «киллер»? Есть киллеры по этой части? Есть?! Вы их знаете?!

— По-моему, вам пора, Лазарь Петрович. Я ничем не могу вам помочь.

Уже в дверях его догнал вкрадчивый голос ростовщика:

— Да, кстати... Вдруг вас заинтересует? Ревность-то у вас настоящая — в отличие от... Я мог бы купить... вернее, взять в залог. Разумеется, за куда меньшую сумму. Сами понимаете — не ходовой товар...

* * *

Декабрь. Порог зимы.

Начало мгlistых, долгих, как отчаяние, сумерек, что наползают на город вскоре после обеда, пора тоскливых ночей, царство стылой поземки, блуждающей меж домов с упорством пьяницы, забывшего дорогу домой. Грядущий Новый год, мальчишка в потешном колпаке, лишь ненадолго завертит хмельной, бестолковой круговертью — чтобы сгинуть без следа, оставив после себя муторное похмелье. Старенький Окуджава из приемника тихо прощается с желтеющей елкой, сплошь в шарах и серпантине, как с утомленной женщиной в ярком вечернем макияже, спрашивая без надежды на ответ: «Что же надежные руки свои прячут твои кавалеры?». Серость будней, ледяная скользота под ногами — время падений и травм, время бессонных ночей в «неотложке», время сломанных костей и судеб. Безмолвие слежавшегося снега под ногами, безмолвие тусклых фонарей, безмолвие низкого неба над головой. И ты без слов, со злобой солдата, ведущего неравный бой, движешься сквозь зиму и ночь, оскальзываясь и стараясь не упасть, остаться на ногах, дойти, доползти, дожить, дотянуть до такой далекой весны...

Где-то там, говорят, апрель.

* * *

— Ты, наверное, и Гицеля знаешь?

— Ну...

Кудрявый бутуз не спешил отвечать. Он терзал «змеяку» на синей ветровке, задумчиво прикусив нижнюю губу. От ближайшего подъезда за двумя людьми — очкариком и мальчишкой — следил большой дог. Печальные глаза собаки сочлились скукой. «Рокки, сидеть!» — крикнула от карусели толстая старуха, хотя в этом не было никакой надобности.

— И где мне его найти?

— В подвале.

— В каком подвале? Почему в подвале?

Очкарик сильно сдал. Осунулся, побледнел, не брился по крайней мере неделю. Щетина на его щеках отливала сизым: ранней сединой. Даже модный кардиган крупной вязки висел на Лазаре, как на вешалке.

— Гицель в подвале сидит. Там тепло, там трубы. К Пан Карпычу — наверх, а к Гицелю — вниз.

— Код на дверях: очко? В смысле, двадцать одно?

— Ага...

Лазарь порывлся в карманах. Вместо жвачки или шоколадки достал бумажник и протянул мальчишке десятку.

— Извини, вкусностей сегодня нет. Забыл. Держи, купи себе сам.

Бутуз денег не брал. Он молча пятился назад, словно очкарик держал в руке какую-то гадость, обманку, пытаясь злоупотребить доверием ребенка.

— Бери, бери... Чего ты?

Не отвечая, бутуз развернулся и побежал прочь, к приятелям, увлеченно палившим из рогаток по аптечному пузырьку, подвешенному на бечевке. На бегу он выхватил свою рогатку и навскидку разнес пузырек вдребезги. Глядя ему вослед, очкарик пожал плечами, спрятал невостребованный червонец и побрел к знакомому подъезду. На ходу он насвистывал хабанеру из оперы «Кармен». Выходило фальшиво. Дважды Лазарь вступил в лужу, сильно забрызгал брюки, но не обратил внимания.

— И ходит, и ходит, а чего ходит? — громко сообщила хозяйка дога Рокки.

Собака тоскливо завывала. Соглашаясь или протестуя — неясно.

В подъезде, как обычно, воняло кошками и табаком. Спускаясь в подвал, Лазарь почувствовал, что к знакомому букету добавляется новый оттенок: сырая гнильца. Видимо, трубы, которых в подвале много, частенько прорывало. Входная дверь, к счастью, оказалась незаперта. Пройдя мимо ряда дощатых створок, украшенных в большин-

стве резбовыми замками «Антипаника», за которыми обитатели подъезда хранили запасы солений и барахло, он углубился дальше. Потянулись трубы: толстые, лоснящиеся, обросшие плесенью.

По одной из труб метнулась крыса, скрывшись во мгле.

— Здравствуйте, — вежливо сказали оттуда, где исчезла крыса.

Лазарь пригляделся. У стены, подстелив клеенчатый дождевик, а поверх дождевика — старый бушлатик, сидел худой, как скелет, человек. Одет человек был в спортивный костюм, аккуратно заштопанный в самых неожиданных местах.

«Бомж», — равнодушно догадался очарик.

— Здравствуйте. Это вы Гицель?

— Да. А вы, наверное, господин Остимский? Лазарь Петрович?

— Вы меня знаете?

— Мне про вас Мясник рассказывал. И Стёпа.

— Так что, возьметесь? — без предисловий спросил очарик.

— Нет, — так же кратко ответил Гицель.

— Почему? Вы же можете?

— Убить чувство? Могу. Но я ведь сказал вам: Мясник... и Стёпа. Я про вас всё знаю. У вас сейчас не чувство, а фикция. Тень. Призрак. Я не берусь сражаться с тенями и экзорцировать призраки.

— Экзорцировать! — с горькой насмешкой передразнил Лазарь. — Бесов экзорцируют. А призраки, они вроде бы расточаются. С рассветом. Что ж это вы, с такими мудреными словечками в подвале сидите?

— Здесь тепло, — объяснил Гицель. — Здесь трубы.

В углу, болтаясь на коротком шнуре, тускло горела сорокасвечовая лампочка.

— А Глеб сказал мне, что вы — последняя надежда.

— Да, он был у меня, ваш друг детства Глеб. Тоже после Стёпы и Мясника.

— И ему вы тоже отказали?

Гицель пошевелился. Скрестил ноги каким-то маловероятным образом, словно у него вместо костей были резиновые жгуты. Улыбнулся, показав отсутствие многих зубов.

— Нет. Согласился. Мне Мясник уже потом про него и про вас рассказал. А сам определять я тогда еще не умел. Ни разу не сталкивался, понимаете? Ну и... Короче, еле выжил. До сих пор в боку стреляет. И голова по утрам болит. Нет, извините, не возьмусь.

— Двор у вас... — буркнул очарик. — Веселенький дворик.

Тоший Гицель пожал плечами:

— Двор как двор. Обычный.

Из пакета, который принес с собой, Лазарь достал бутылку текилы. С натугой скрутил пробку. Протянул бутылку собеседнику:

— Выпьешь, Гицель?

— Спасибо. Я не пью.

— И не куришь?

— Курил. Раньше.

— Небось и по утрам бегаешь. Между помойками, а?

Гицель внимательно смотрел на собеседника. Взгляд его напомнил Лазарю дога у подъезда. Казалось, бомж сейчас завоюет с сочувствием. Чтобы отвлечься, очкарик запрокинул голову, поднеся бутылку ко рту. Из-за дозатора струйка текла медленно, текила обжигала горло. По подвалу распространился запах дешевого самогона.

— Я пойду? — спросил очкарик, отдышавшись и закрутив пробку.

Только сейчас он заметил, что бомж, в отличие от него самого, чисто выбрит.

— Всего доброго.

Снаружи шел мелкий дождь. Старушки раскрыли зонты, бутуз с дружками дождем пренебрегли. Первое, что бросилось в глаза слегка захмелевшему Лазарю — машина у подворотни. Знакомый черный «лексус». Шофер скучал за рулем, читая газету. У машины о чем-то спорили двое: высокий брюнет в длинном кожаном плаще и женщина средних лет, одетая в легкое пальто.

Сегодня Лазарь приехал на такси, и «лексус» должен был стоять в гараже.

— Вон он! — брюнет замахал очкарику руками. — Что, отказал?

Сунув текилу обратно в пакет, очкарик медленно зашагал к машине.

— Танюха, это он из-за тебя ходит! — не унимался брюнет. — Это я ему сказал: из-за такой бабы, как Танюха, не ходить — бегать надо! Я — лучший друг, я в курсах! Лазарь, плюнь: не этот Гицель, так другой найдется! Танюха, ты посмотри, как мужика коробит! Ничего, поправим, поможем... на то и друзья!..

Очкарик уже подходил к машине, когда кудрявый бутуз зарядил рогатку стеклянным шариком. Почти не целясь, мальчишка выстрелил. Солнце на миг пробилось меж облаками, узкая радуга прочертила двор — и шарик впился Лазарю в правую ягодицу. Вскрикнув, очкарик ухватился за пострадавшее место.

Приятели бутуза разразились приветственными возгласами.

— Ну, шпана! — с сочувствием сказал брюнет. — Плюнь, Лазарь.

Тюрьма по ним, сявкам, плачет. Пошли, спасти тебя будем. Тут один вариант наклеивается: полный вперед!

Женщина молчала и смотрела на очкарика.

— На то и друзья! — с удовольствием повторил брюнет.

Без слов очкарик поставил пакет с текилой на асфальт, неумело размахнулся и ударил брюнета в ухо.

— Ты! Ты чего?! — брюнет отступил на шаг. — Меня? Лучшего друга?

Очкарик пнул его ногой в живот, промахнулся и ухватился за лацканы кожаного плаща. Оба мужчины упали, покатались по мокрой земле, по лужам, пытаясь оседлать один другого. Залаял дог Рокки. Загомонили старушки, колеблясь между вызовом милиции, «скорой» и управдома. Мальчишки зашлись от восторга.

— Танька! — пробился из какофонии отчаянный крик очкарика Лазаря, давно потерявшего в свалке свои замечательные очки. — Танька, это он... он меня посылал! Он за дружбой сюда ходил, сволочь!.. а я, дурак!.. Тань...

Женщина у машины следила за дракой, не вмешиваясь.

Наконец мужчины встали, тяжело дыша. У брюнета был разбит нос, тоненькая струйка крови текла по губам на подбородок. Очкарик хрипел, держась за помятые ребра. Пакет с разбитой бутылкой текилы валился поодаль, от него резко тянуло спиртным.

Дог Рокки подошел, обнюхал обоих и брезгливо удалился.

— Поехали домой, Лазарь, — сказала женщина. — Поехали, дурачок. Очкарик разогнулся.

Стеклянная, весенняя, летящая радуга полыхала в его близоруких глазах.

— Поехали, — изумленно сказал он. — Серый, заводи тарантас.

— Ага, — кивнул меланхоличный шофер.

Выбравшийся из подвала Гицель внимательно следил за отъезжающей машиной. Потом бомж поднял голову и встретился взглядом со Степаном Поликарповичем, высунувшимся в открытое окно. Старик погрозил бомжу пальцем и укрылся за шторой.

— Эй! — заорал Жора Мяслик от черного хода в «Гастроном». — Ну, люди! Такое бухло ногами топчут!.. Звери, не люди...

Гицель засмеялся.

— Апрель, — сказал он. — Сумасшедший месяц.

журнал

АНТИКВАРИАТ

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА

И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

**Достоверная информация
и реальные цены**

Подписка:

- ◆ по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс **99438**;
- ◆ по каталогу «Пресса России» — индекс **45720**;
- ◆ в отделе распространения, тел. (095)248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.
Тел.: (095)248-2090 (редакция), 248-6819
(отдел распространения), тел./факс: 248-2190.
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@uuu.ru (отдел распространения)

О Л Е Г О В Ч И Н И К О В

ЗВЕЗДА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

В ПОДАРОК

Надо же, какие тугие! Как в Раю!» — удивился Третий, с трудом протискиваясь между массивными дверными створками. Двери были из цельного дерева — лиственницы или ольхи, — древние, как сам дом, но еще достаточно крепкие, вдобавок усиленные изнутри каким-то хитрым неприветливым механизмом. Стоило Третьему отпустить потемневшие медные ручки, как дверные створки захлопнулись за его спиной, гулко лязгнув засовом.

Сразу за дверями начиналась лестница, широкие частые ступеньки круто забирали вверх. Лампочка под потолком казалась целой, но не работала, только в окно на площадке между первым и вторым этажами лился тусклый уличный свет. Третий постоял немного, давая глазам привыкнуть к полумраку, и стал медленно подниматься. Он не решался прикоснуться к покосившимся витым перилам. Справа от окна на стене висел указатель с шутовой надписью «За звездами — на самый верх!».

Третий преодолел семь лестничных пролетов и толкнул локтем дверь, обитую приятной на вид, но фальшивой на ощупь кожей. Кабинет за дверью тоже казался ненастоящим, яркий и вызывающе современный, он дисгармонировал с мрачной монументальностью и запущенностью старого дома. Подвесные потолки, лампы дневного света, лакированные стеновые панели. Три рабочих места — кресло, стол, компьютер и горшочек с цветущим кактусом — разделяли невысокие перегородки.

Два места пустовали, третье занимал молодой человек в темных брюках и белой рубашке. Судя по тому, с каким комфортом он расположился: полулежа в кресле, в одной руке — яркая книжица, в другой — авторучка, на которую намотан конец галстука, под вытянутыми ногами — перевернутая корзина для бумаг, — паренек не ожидал наплыва посетителей в это непогожее субботнее утро.

— Что у вас с входной дверью? — спросил Третий вместо приветствия. — Вам что, клиенты не нужны?

На молодого человека его вопрос произвел эффект разорвавшейся... пожалуй, все-таки петарды. При звуке чужого голоса паренек вздрогнул, уронил книжицу на стол и выпрыгнул из кресла, на глазах розовея лицом.

— Прошу прощения, — пролепетал он. — Там что-то разладилось в пружинном механизме. В понедельник придет слесарь и...

Паренек осекся, сообразив, что говорит не о том, отчего покрас-

нел еще сильнее. Он с видимым усилием улыбнулся нежданному посетителю, и от этой улыбки что-то как будто переключилось у него в голове. Третьему даже послышался тихий щелчок примерно в том месте, где гладкие волосы парня делил надвое прямой пробор.

— Добрый день! Спасибо, что обратились в «Стар Бридж». Наша компания на рынке с девяносто третьего года и в настоящее время занимает лидирующее...

Третий поморщился и взмахом ладони остановил словесный поток.

— Будьте любезны, наденьте пиджак.

Белый цвет раздражал его, особенно в одежде.

— Что? — Паренек растерянно посмотрел на посетителя и снова скатился на лепет: — А, да, конечно. — Он сдернул пиджак со спинки кресла, с третьей попытки всунул руки в рукава и застегнул пуговицы на груди. — Простите.

— Спасибо, — сказал Третий. — Не возражаете? — Он подкатил к себе одно из двух гостевых кресел и, не дожидаясь ответа, сел.

— Да... То есть нет... Садитесь, пожалуйста, — сказал молодой человек, теряясь окончательно.

Третий ответил ободряющей улыбкой. Какая все-таки прелесть эти деловые костюмы с воротником-стойкой, подумал он. Теперь, когда он мог смотреть на паренька, не щурясь, Третий разглядел, насколько молод и неопытен его визави. Совсем еще мальчишка, белобрысый, пучеглазый, неловкий. Лет восемнадцати от силы. Ноль опыта и бездна скрытых амбиций. На работу принят недавно, заключил Третий. И ненадолго.

— Вы тоже садитесь, — пригласил он.

Паренек неуклюже, боком, плюхнулся в кресло и уронил локти на стол.

— Продолжайте, прошу вас.

— Да...

Молодой человек опустил голову, собираясь с мыслями, наткнулся взглядом на яркую книжицу, которую читал перед приходом клиента, и воровато смахнул ее в ящик стола.

Третий не успел прочесть название, заметил только фотографию на задней странице обложки. От улыбающейся лощенной физиономии автора веяло благополучием. Очередное пособие для продавцов воздуха, усмехнулся Третий и движением бровей поторопил паренька: «Так продавай, я не против, за тем и пришел!».

Прикосновение к гляncу обложки, казалось, немного успокоило парня. Он ненадолго задумался, потом улыбнулся — точь-в-точь как мужчина на фотографии — и сказал:

— Меня зовут Антон.

Давно бы так, мысленно похвалил Третий. Теперь спроси меня о чем-нибудь незначительном, вроде погоды, предложи какого-нибудь питья и переходи к делу.

Антон выждал пару секунд, давая посетителю возможность представиться, которой тот благополучно пренебрег. Тогда паренек улыбнулся еще шире, посмотрел в окно и тут же отвернулся. Серое небо в косых росчерках мелкой мороси не располагало к приятной беседе.

— Легко до нас добрались? — спросил он. — Наверное, пробки повсюду?

— Нормально добрался, — ответил Третий. — Можно сказать, долетел.

Антон, глядя посетителю в глаза, вежливо хихикнул. Должно быть, спрятанная в стол книга учила с пониманием относиться к шуткам клиентов, даже непонятым.

— Хотите кофе? — предложил он. — Или, может быть...

— Давайте ближе к делу, — сказал Третий. — Вы говорили что-то о лидирующем... положении? Или месте?

— Да, положении... — Антон замер на миг и снова переключился на особенный голос, приветливый, но совершенно безадресный, как у автоответчика, которому все равно, с кем разговаривать. Искренности в нем было не больше, чем в кождаменителе, украшающем стальную дверь кабинета, или в цветке кактуса, который Антон машинально взял в руки, немного покрутил и приколол на новое место. — Если вы изучали рынок предложений, то наверняка заметили, что наша компания далеко не единственная в данной сфере услуг.

— Мягко говоря, — согласился Третий.

— Вот-вот. — Антон театрально вздохнул и перешел на доверительный тон: — Знаете, развелось в последнее время... Мы называем их звездопродавцами. Действуют по одному шаблону. Сначала регистрируют торговую марку, чтобы в названии обязательно АСТРО или СПЕЙС, а лучше — и то, и другое. Потом достают где-то сомнительную базу данных, заявляют, что работают напрямую с НАСА или с Парижской Академией, и после этого готовы продать вам что угодно. Хоть... — рассчитанная пауза и сдержанный смешок, — Луну с неба!

Пользуются, так сказать, доверчивостью и астрономической безграмотностью населения.

— Как-как? Астрономической безграмотностью?

— Да. А что?

— Ничего-ничего, продолжайте.

— Так вот... А между тем Международный Звездный Каталог «Стар Бридж» — это единственный в мире электронный каталог, который официально разрешен к коммерческому использованию. Его существование закреплено патентом, можете убедиться.

Антон махнул рукой себе за спину. Над его головой на стене действительно висела бумага в застекленной рамке, на которой без труда можно было прочесть ПАТЕНТ и что-то еще, но уже напрягая глаза. Рядом в такой же рамке висела фотография известного космонавта с однозначным порядковым номером.

— Прекрасно, — сказал Третий. — Правда, не совсем понятно, зачем вы объясняете все это мне. Я ведь уже выбрал вас, именно вас, а не каких-то нечистоплотных звездопродавцев. И теперь сижу здесь и жду не дожусь, когда вы наконец сообразоволите продать мне звезду.

— Прошу прощения, — Антон подался вперед и заговорил с заученной строгостью. — Давайте сразу уточним. Наша компания НЕ занимается продажей звезд.

— То есть? А как же плакат на входе? «Звезда в подарок» и все такое?

— Это рекламщики... — Антон наморщил нос, как бы говоря: что с них возьмешь? — Продать звезду вам не сможет никто, хотя бы потому, что звезды не являются чьей-либо собственностью. Но мы готовы предоставить вам услугу регистрации имени звезды. Разумеется, в том случае, если она не была поименована раньше. Так что если вы собирались дать новое имя нашему Солнцу... — Он развел руками и улыбнулся, показывая, что пошутил.

— Я понял. Регистрация имени — это как раз то, что мне нужно.

— Отлично. В таком случае мой первый вопрос: кому вы хотите подарить звезду? Вашей жене? Ребенку? Матери? Может быть, — он улыбнулся, изобразив интимное понимание, — какой-нибудь другой женщине? Или коллеге по бизнесу?

— Простите, но какое это имеет значение?

— Очень большое. Если речь идет о ребенке, информация о времени и месте рождения поможет нам выбрать именно ту звезду, под

которой он появился на свет. Если вы хотите увековечить название своей фирмы, нам нужно знать дату ее регистрации. Поэтому я и спрашиваю, в честь кого конкретно...

— Конкретно — никого. Я не хочу дарить звезду кому-то. Или, если угодно, хочу подарить ее всем.

— Понимаю, — кивнул Антон.

Могу себе представить! — подумал Третий. Решил, наверное, что клиент попался с астрономическим тщеславием? Ничего подобного! Подозреваю, там и без меня хватает всевозможных «Павликов», «Колынычей» и «Евгениев Александровичей Плюшкиных».

— Тогда второй вопрос. Какая вас интересует звездная величина?

— Это еще что?

— Ну, блескуность. Проще говоря, насколько хорошо ваша звезда будет видна с Земли. Звезды с первой по пятую величину видны невооруженным глазом. Шестой — тоже невооруженным, но в хорошую погоду. С седьмой по десятую различимы в бинокль. С одиннадцатой по пятнадцатую — в телескоп.

— А после пятнадцатой?

— В о-очень сильный телескоп.

— Например, Хаббл?

— Вот-вот. Строго говоря, это уже не звезды, а самосветящиеся объекты. Ими может оказаться что угодно.

— Например?

— Да что угодно! — Антон махнул рукой, показывая, что считает продолжение темы бесперспективным.

— Однако именно такой объект меня и интересует, — сказал Третий. — Извините, что не предупредил сразу. Мне нужна не абы какая звезда, а совершенно конкретная. Про нее передали вчера в новостях. Сказали, что обнаружена блуждающая звезда — если не ошибаюсь, как раз Хабблом, — которая приближается к Земле.

— Ах, вы об этом... — Антон заметно поскущел. — Ох уж эти журналисты! — Он поморщился так, что стало ясно: журналисты еще хуже рекламщиков. — Скажут же — приближается! Метр в секунду... да она еле ползет! Такими темпами она доползет до нас как раз к концу света. И то при условии, что Земля будет терпеливо дожидаться ее, стоя на месте. Нет же, из чего угодно сделают сенсацию!

— И тем не менее. Мне нужна именно эта звезда. Ведь она, если я правильно понял, еще не зарегистрирована. В репортаже ее не-

сколько раз назвали безымянной, а потом вывели на экран какой-то уникальный номер, или как это у вас называется? Я его переписал. Вот.

Третий положил на стол листок, вырванный из записной книжки. Антон внимательно изучил его и кивнул.

— Да, это номер из нашего каталога. Но после вчерашней передачи... вы же понимаете...

— И тем не менее, — повторил Третий. — Вы не могли бы убедиться?

Антон вздохнул, демонстрируя полное отсутствие оптимизма.

— Попробуем. — Он придвинул к себе клавиатуру, еще раз взглянул на цифры, записанные на листке, и быстро застучал по клавишам. Потом замер, уставившись в экран. — Сейчас, это займет немного... О! Вам повезло, мы успели первыми. Будем оформлять?

У него было выражение лица человека, приятно обманувшегося в ожиданиях, однако это «О!» не понравилось Третьему. И без того не слишком искренний тон собеседника теперь казался откровенно фальшивым.

— Секунду... — Третий привстал и, не спрашивая разрешения, развернул монитор экраном к себе. Ему хватило минуты, чтобы разобраться в ситуации. — К сожалению, вы ошиблись, — сухо сказал он. — Это не тот номер.

— Не может быть!

— Да, да. Смотрите, цифры после тире совпадают, но перед тире здесь стоит шестерка, а у меня записано двадцать два. Видите?

Некоторое время Антон, хмуря брови, переводил взгляд с экрана на листок и обратно, потом кивнул.

— Извините.

— Ничего. И все-таки, будьте любезны, посмотрите на двадцать два. А кстати, что означают эти цифры перед тире?

— Блескучность, — буркнул Антон.

— То есть звездную величину, — сообразил Третий. — А стоимость регистрации, видимо, напрямую зависит от нее?

Антон не ответил. Он остервенело стучал по клавишам.

— Вы не волнуйтесь, — мягко сказал Третий. — Вы только найдите мне именно ту звезду, а какая у нее величина, не имеет значения. Я заплачу как за первую.

Антон перестал стучать, посмотрел на свои руки и тихо сказал:

— Лучше как за шестую.

— Не понял, — признался Третий. — Разве первая величина не дороже шестой?

— Дороже, причем намного, но... Понимаете, на VIP-звезды нужно сначала подать заявку в Федерацию Космонавтики. Пока еще они ее рассмотрят, и вообще... А шестерку мы легко регистрируем на месте.

— Шестерку так шестерку.

— Да, шестерку, — Антону потребовалось совсем незначительное усилие, чтобы прийти к согласию с собственной совестью. — Тем более, вы сами сказали, она... приближается. Так что... О! Вам снова повезло! Вот она, ваша малютка! — Он расплылся в улыбке, и на сей раз Третий ему поверил. — Так я заносу нашу крошку в стоп-лист?

— Да, да, — Третий облизнул губы, — делайте, что там у вас положено.

— Хо-ро-шо. — Антон снова застучал по клавишам. — Вы готовы оплатить покупку?

— Готов. Деньги показать?

Третьего раздражал привкус во рту — как от прикушенного медного мундштука.

— Не обязательно. Значит, регистрацию сделаем сейчас, а пакет документов будет готов к понедельнику.

— Каких еще документов?

— Как каких? Вы получите сертификат в красивой рамке, если хотите, с золотым напылением. Карту звездного неба, карту созвездия, звук вашей звездочки на диске.

— Звук?

— Звук. Со спутника. Спутник направляет микрофон на звезду, записывает звучание Космоса и передает на Землю.

— И все это — к понедельнику?

— Ну да, — Антон пожал плечами, как будто спрашивая: а какие проблемы? — Это, кстати, недорого. Опять-таки по желанию, мы можем послать тому, кому вы дарите звезду, поздравительную открытку от имени Ангела Хранителя.

— От имени кого?!

Антон озадаченно покосился на Третьего.

— А, да, вы же сказали, что дарите звезду как бы всем. Извините, из головы вылетело. На всех открыток, конечно, не хватит.

— Ничего, ничего. — Третий взял себя в руки. — Документы оформляйте, какие пожелаете, хоть с напылением, хоть на чистом зо-

лоте. Вы мне вот что скажите. Имя у звезды тоже появится только в понедельник?

— Нет, имя у звезды появится, как только мы заполним заявку.

— И все немедленно об этом узнают?

— Ну, в общем, да. Каждый, кто заглянет в каталог «Стар Бридж», узнает, что у звезды номер такой-то появилось название. Кстати, вы его уже придумали?

— Да. Я ведь могу выбрать какое угодно?

— Если оно приличное. И если кто-то не выбрал его до вас. Например, зарегистрировать звезду по имени Александр, Саша или Шурик можно и не пытаться. Все простые имена давно заняты.

— А вот такое... Взгляните. — Третий протянул руку к листку, на котором был записан номер звезды, и перевернул его.

Антон склонился над листком, указательным пальцем поглаживая переносицу.

— Вроде бы не должно. Хотя лучше проверить. Это ваша фамилия?

— Вот еще! — фыркнул Третий. — С чего вы взяли?

— А что? — Антон пожал плечами и взялся за клавиатуру. — На той неделе у нас был клиент по фамилии Ревень. А еще до него, — он смущенно хихикнул, — Земляничка.

— Нет, это не фамилия, — отчеканил Третий.

— Угу, — молодой человек кивнул, глядя в экран. — Название свободно, так что, если не передумали, я пишу.

— Пишите, пишите. И скажите, теперь изменить это название не сможет никто?

— Никто, кроме его владельца. Кстати, продиктуйте ваши данные.

— То есть?

— Ну, фамилию, имя, отчество. Раз у подарка нет конкретного адреса, я могу записать ваши.

— Это обязательно?

— Да.

— Хорошо. — Третий ненадолго задумался. — Пишите. Евгений Александрович Плюшкин.

— Записано. Теперь пожелание.

— Это еще что?

— На карте звездного неба принято писать пожелание. Хотя вы же непонятно кому... Может, все-таки выберете что-нибудь из готовых? — Антон протянул список на двух страницах.

Третий, качая головой, бегло просмотрел пару десятков корявень-

ких четверостиший и, хмыкнув, ткнул пальцем в третье с конца, посвященное, по всей видимости, новорожденному.

Пусть падают звезды, желание дара и отмеряя век,

Пусть падают все — но не твоя, маленький человек!

Твоя пусть вечно сияет тебе, собой озаряя ночь,

И ангел с улыбкой глядит с небес, всегда готовый помочь.

— Вот это, — сказал он. — Только вместо «собой озаряя ночь» напишите «твой озаряя путь».

— А... как же рифма?

— А в последней строке замените «помочь» на «подуть».

— Я извиняюсь... подуть?

— В трубу. Бывают же ангелы с трубами.

— Понятно, — Антон удовлетворенно кивнул.

— Вот и славно. Надеюсь, это все?

— Почти. Ваш контактный телефон, пожалуйста.

Третий продиктовал, и Антон, не моргнув глазом, записал его, хотя прекрасно знал, что трехзначных номеров телефона не бывает. Но раз клиент готов расплатиться на месте, рассудил он, его контактный телефон не так уж необходим. И вообще... Продавцы воздуха должны быть снисходительны к мелким причудам его покупателей.

Через десять минут, спускаясь по лестнице на первый этаж, новоиспеченный владелец — даже не звезды, но имени звезды, то есть вдвойне эфемерной субстанции — достал из кармана мобильный телефон и три раза нажал «шестерку».

— Алло, — сказал он. — Пятый, ты? Да, Третий. Ну что там в новостях? Зафиксировали ускорение? Молодцы! И как скоро? Через двадцать четыре часа? Отлично!.. Да, я свое отрубил. Я говорю, «Полынь» зарегистрировал. К вечернему выпуску, надеюсь, до них дойдет. Нет, абсолютно без проблем. Ты прав, ничему не учатся. Такие же алчные, как всегда... Ты вот что... Подожди, сколько они там насчитали, и выпускай саранчу. Сам знаешь? Ну, тогда все. Я говорю, все. Конец.

Третий бросил через плечо ненужную трубку и поморщился, когда осколки запрыгали по ступенькам. «Нет, все-таки в Раю двери потуже», — подумал он, раздвигая деревянные створки. Неисправный пружинный механизм, которого уже никогда не коснется рука слесаря, обиженно скрипнул и сдвинулся.

Д А Л И Я
Т Р У С К И Н О В С К А Я
БЕРЕГ

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

НАДЕЖДЫ

Я обнаружила его в парке, который вырос вокруг городского канала. Он сидел и глядел, как медленно проплывают кленовые листья. Лицо показалось знакомым, окликнула. Да, мы действительно пересекались лет десять назад. Говорить в общем-то было не о чем.

Он сильно постарел. Удивительно постарел — сразу из молодости провалился в старость. Привычки остались прежние — ходил без шапки, но в длинном пальто, таскал с собой трубку в замшевом футляре, не стригся. Имя осталось прежним — Игорь Николаевич. Волосы стали редкими, легкими и серебряными, откликались на каждый всплеск ветра. Пальто имело жалкий вид. Я полагала, что встретила классического неудачника. Но он, к большому моему удивлению, ни на что не жаловался. Было в нем умиротворение и ощущение какого-то тихого удовольствия от жизни.

Обстоятельства сложились так, что мне довольно часто приходилось, спрямляя дорогу, утром или вечером бежать через парк на берегу канала. Примерно раз в неделю я видела там его — он менял места в соответствии с временем года. Осенью сидел ближе к воде, зимой — повыше и у тех аллей, где регулярно разгребали снег. Весной перебрался на декоративный каменный бастион, врезавшийся в воду, как корабль. Иногда мы здоровались.

Однажды я шла через этот парк в сквернейшем состоянии духа. Такое бывает, когда напарываешься на безнаказанную скотину. Эта скотина села на шею моей лучшей подруге, и лояльность не позволяла мне говорить правду в глаза. А скотина почуяла во мне врага, и образовалось противостояние, чреватое взрывом.

Странно, что сперва именно он опознал во мне врага, только потом и я — в нем, но дело житейское, и я даже до таких мыслей возвысилась, что подруге проще один раз оплатить его похороны, чем ежемесячно вкалывать на двух работах, чтобы милое сокровище могло неделями сидеть дома и смотреть телевизор в ожидании, пока его режиссерская голова родит гениальную мысль. Меж тем оно перебывало в театре на второстепенных ролях и было убеждено, что завистники его гнобят.

А она его любила и переживала его безделье — ей казалось, будто это вынужденное безделье! — куда острее, чем он сам.

Так что взрыв созрел, огонек уже бежал по бикфордову шнуру. До хороших же времен мы дожили: не так просто назвать дармоеда и бездельника дармоедом и бездельником! Это — целое событие, сопровождаемое громами и молниями.

У меня было немного лишнего времени, я спустилась к бастиону, села на скамейку и стала глядеть на проплывающие мелкие льдинки. Канал был на самом деле крепостным рвом, окружавшим самую старую часть города, он соединялся с рекой выше и ниже ее по течению, и его собственное течение было очень медленным. Я смотрела на эти льдинки и вдруг вспомнила старую даосскую мудрость: если у тебя завелся враг, ничего ему во вред делать не надо, а просто сесть на берегу реки и ждать — в один прекрасный день мимо тебя проплывет его труп.

Рядом опустился на скамью Игорь Николаевич, тихо поздоровался.

— У вас, я вижу, завелся враг, — уверенно сказал он.

Я пожалала плечами — враг не враг, однако что-то очень неприятное.

— Враг, — повторил он. — Не смертельный, но достаточно... обременительный.

Я не ждала от Игоря Николаевича такой четкой формулировки и повернулась к нему, не в силах скрыть удивления.

— Как вы догадались?

— Я увидел, как вы смотрите на текущую воду. Я уже научился определять у людей этот взгляд. Видите ли, у меня тоже был враг, — продолжал он. — Но, в отличие от вас, я думал о нем постоянно. И вот в один прекрасный день...

* * *

Его враг был, не в пример моему, довольно агрессивен. Подружкин несостоявшийся режиссер пока никому сознательно зла не причинял — кишка тонка, а мое враждебное отношение вызывал не сам по себе, как физическое тело со скверным характером, а как набор качеств, вместе дающих нечто отвратительное: мания величия плюс патологическая лень плюс вечно ущемленное самолюбие — плюс еще нежелание признаться себе самому в полном отсутствии таланта. Меня он невзлюбил именно за то, что я видела отсутствие таланта. Такой зоркости мужчины не прощают.

Враг Игоря Николаевича был сварлив, криклив, обладал острыми локтями, распахивал ими всех по дороге ввысь, и быть его подчиненным более месяца уже означало диагноз «мазохизм».

Садисты с возрастом учатся находить жертвы длительного использования. Такой жертвой стал мой собеседник. Бывают ситуации, когда в ответ на оскорбление нужно просто сразу, без паузы, закатить хорошую оплеуху. Одну. Этого хватает. Садист — сам себе не враг.

Игорь Николаевич полагал, что начальнику отдела оплеухи давать нехорошо, и с работы вылетишь, и хулиганом прослывешь. Он по ха-

рактеру был тих и кроток, склонен идти на поводу у приятеля, или у женщины, или у судьбы. В итоге он несколько лет прослужил козлом отпущения за минимальную зарплату. Ему даже не приходило в голову хлопнуть дверью и поискать себе другую работу. Бывают такие пассивные граждане, что их даже землетрясением не раскачаешь.

К тому же он этой работой дорожил. После разгильдяйской молодости выяснилось, что бывший мальчик из хорошей семьи, подававший грандиозные надежды, не имеет вообще никакой профессии, имеет только красивые привычки. Естественно, искать более подходящее для себя место под солнцем он просто не умел. И не нашлось женщины, которая сделала бы это вместо него.

Со стороны глядя — ему повезло. Он угодил в современный офис — огромное помещение со стеклянными загородками. Он даже мог чувствовать себя на равных со всеми этими деловитыми молодыми женщинами и озабоченными мужчинами средних лет, которые носят взад-вперед с пластиковыми папками, стопками буклетов, дискетами и мобильниками. Игорю Николаевичу даже казалось, что они движутся чуть быстрее, чем полагалось бы по человеческой физиологии, но лишь самую чуточку.

Игорь Николаевич числился менеджером непонятно чего и почти безвылазно сидел в своем закутке перед компьютером. Обычно на той стопке документов, что справа, стояла чашка хорошего кофе. Три вещи в мире он очень ценил, знал в них толк — это были кофе, чай и трубочный табак.

Как у многих тихих офисных мужчин, у него завелась мелкая страстишка — компьютерные гонялки и стрелялки. Нет, он, Боже упаси, не валял дурака круглосуточно, не впал в зависимость, однако ему было приятно полчаса или даже час в день посидеть за воображаемым рулем «Формулы-один» или полетать по каменным лабиринтам, полностью воплотившись в пистолетное дуло посреди экрана. Он праздновал маленькие победы, переходя с уровня на уровень — и ему в общем-то для душевного комфорта этих побед было достаточно.

Несколько раз он, увлеченный игрой, откладывал на потом какие-то служебные дела — проще говоря, подставлялся и получал за это по полной программе.

В итоге Игорь Николаевич копил и копил обиду. После очередного скандала он сперва раз двадцать расстреливал шефа в каменных тупиках виртуального мужского мира, потом до утра мечтал, как явится к начальнику в сопровождении вышколенных спецназовцев и как пока-

жет пальцем, даже не отдавая команды — и так все ясно. Он всегда был отчаянным фантазером.

Мечта жестоко проучить своего садиста зреет в человеке, не способном к сопротивлению, годами, десятилетиями и, пожалуй, может даже материализоваться. Вот это и произошло с Игорем Николаевичем — на улице к нему подошел молодой человек, бесплатно раздававший какие-то брошюрки, в аккуратном черном костюмчике и с белой повязкой на лбу, из-под которой торчали жесткие черные волосы. По ткани были напечатаны два иероглифа — по композиции китайские, но в качестве составных элементов в каждом имелось по звериной фигурке в древне-египетском стиле.

— Я знаю, какая у вас проблема, — сказал этот тонкий и чуть раскосый восточный юноша. — Пойдемте, я постараюсь вам помочь.

Это были банальные слова, но сказанные с неподдельным сочувствием. Игорь Николаевич вдруг поверил молодому человеку и пошел с ним.

Они шли, и шли, и шли, и говорили почему-то о японской архитектуре, в которой Игорь Николаевич ровным счетом ни шиша не понимал, и забрели на улицу, название которой он сейчас почему-то не мог откопать в памяти, и вошли в дом... дом, кстати, вызвал в нем какие-то воспоминания, во-первых, к входной двери с улицы вела лестница, а дверь эта оказалась чуть ли не на уровне второго этажа, и Игорь Николаевич почему-то вспомнил красивого человека в голубом плаще, который бежал по этой лестнице к открытой галерее, опоясывавшей дом, но в реальной жизни или в кино... впрочем, неважно. Когда у человека такая реальная жизнь, как у него, куда спасительнее помнить красивые кинокадры и монтировать из них квазипамять.

Игорь Николаевич и юноша поднялись наверх и оказались в галерее, которая была жилой: на полу татами и подушки, невысокие ширмы с восточными рисунками, курильница, низкий столик.

— Сюда, прошу вас, — пригласил юноша.

Он указал на стену, состоящую из крупных белых квадратов, коснулся ее — и кусок стены отъехал в сторону.

Юноша и Игорь Николаевич вошли в помещение, где стояли вешалки с одеждой. Время года было не холодное, однако там имелись и шубы, и дубленки, а внизу стояли теплые сапоги, мужские и женские. Игорю Николаевичу тоже пришлось раздеться и разуться. Ему дали сандалии восточного образца и ситцевый халатик с простеньким узором — синие ромбы на коричневом поле. Халатик этот имел довольно широкие рукава, прорехи под мышками и назывался юката. Юноша

научил, как класть кошелек в зашитый край рукава. Сам он тоже снял костюмчик, обувь, тоже переделся в юкату, переобулся в сандалии.

Потом Игорь Николаевич заплатил за входной билет.

Почему он вдруг согласился отдать деньги за какой-то загадочный билет, я не понял. Как-то его, видать, уболтали. А он, затюканный и заклеванный своим садистом, не посмел сопротивляться.

Деньги за билет принял и бумажку с вертикальными рядами иероглифов вручил какой-то дедок, сидевший на полу, поджав ноги.

Потом Игоря Николаевича вели по каким-то коридорам, и ему казалось, будто ведут в баню. Я заподозрила было во всем этом логику сна: пока спишь, все связно и понятно, проснешься — связи исчезают и остается быстро тающее недоумение. Игорь Николаевич сказал на это, что дома у него хранится тот самый билет и завтра может быть предъявлен.

Потом через подкову, как в аэропорту, и раздвижную дверь они вышли во двор, который непостижимым образом был на уровне второго этажа — то есть спускаться не пришлось. Пересекли его по выложенной плитками узкой дорожке. Сопровождавший Игоря Николаевича юноша открыл калитку, и они оказались на улице. Улица опять же была знакома.

Город, где мы живем, имеет странную особенность — он только притворяется городом. Он отрастил себе три десятка широких и красивых улиц, пересекающихся строго под прямым углом, покрыл их асфальтом и обтыкал получившиеся кварталы по периметру пятиэтажными и шестизэтажными зданиями, которые явно прикупил по дешевке на каком-то межгородском благотворительном аукционе — они, невзирая на лепнину и балкончики, имеют очень уж тухлявый вид. Но в середине каждого квартала сохранились нетронутые деревенские пейзажи. И в двух шагах от асфальта есть улицы, где ходишь просто по убитой земле. Красивые, кстати, улицы — там сквозь заборы и ограды лезет наружу дикая и мощная зелень; там сирень безумствует пудовыми гроздьями; там осенью вспыхивают кисти красных ягод, о которых даже старики не могут сказать точно, съедобные или нет; там есть прекрасные каменные лесенки в три-четыре ступеньки, ведущие к узорным чугунными калиткам под округлыми каменными арками; там растут фантастической яркости клены. По такой улице юноша повел Игоря Николаевича, и тому не казалось странным, что вот он, взрослый человек, шлепает среди бела дня по городу в восточных сандалиях и едва прикрывающей голые колени юкате.

Прохожие, впрочем, совершенно не обращали на них внимания. Да и было их немного, человека три в юкатах и двое — в европейской одежде, да женщина, сидящая у лотка с лакомствами.

Потом они свернули в переулок, оказавшийся умеренно крутым спуском к реке.

Вот тут Игоря Николаевича охватило сомнение — по его расчету выходило, что юноша привел к городскому каналу, однако это никак не мог быть канал. Именно реку он увидел, а в чем заключается мгновенно установленное различие — объяснить не смог.

Вернее, так — увидел, но не сразу. Сперва, поскольку они спускались к берегу, он обратил внимание, что на той стороне уж больно много людей. Сперва решил — рыболовы. Потом обнаружил отсутствие удочек и спиннингов. А когда спустился к воде, понял: и на этом берегу точно так же сидят люди, и не просто сидят — а на театральных креслах, которые кто-то выкорчевал из зала прямо рядами и расставил цепочкой вдоль реки.

Все эти зрители были, как и он сам, в сандалиях и юкатах. Мужчины и женщины, все сидели молча или очень тихо переговариваясь с соседом, все глядели на ровную, как полированный металл, воду. Кое-кто держал в руках цветные журналы, которые пролистывал, то и дело вскидывая глаза на реку или на большой, в восемь квадратных метров, экран сбоку от кресел. На экране сменялись заставки и клипы какой-то неведомой Игорю Николаевичу рекламы: туалетная вода «Встречай меня» для джентльменов и дам, пицца «Жданка» с ветчиной и грибами, шесть компактв с сериалом «Жди меня»...

Меж рядов прохаживались тихие разносчики прессы, мороженого, прохладительных напитков, чипсов.

Юноша отыскал свободное кресло и шепотом предложил садиться.

— Очень хорошее место, отсюда как раз виден поворот, из-за которого он появится, — сказал юноша. — Там, выше по течению, заводь, они теряют скорость и потому выплывают довольно медленно. Потом вон там их уже подхватывает течение. Но вы успеете как следует взглянуть своего.

— Кого — своего?

— Врага. Это гарантировано.

— Что гарантировано? — никак не понимал Игорь Николаевич.

— Что рано или поздно мимо вас проплывет труп вашего врага.

— Вон оно что... Но!..

— Тише. Вы мешаете другим ждать.

Игорь Николаевич отвел юношу повыше и заговорил. Он хотел по-

нять — всякий человек ест, спит и ходит в туалет, и какая может быть гарантия, что труп не проплывет в то самое время, когда он, Игорь Николаевич, будет оторван от созерцания.

— Я же сказал — там, выше, есть заводь, работают профессионалы. У них стоит электронное табло, и они знают, кто из ожидающих на месте, а кто временно отсутствует. Если появится ваш, его подцепят багром и загонят в камыши. А когда вы придете, вытащат и пустят по течению. Хотите — пойдем посмотрим. У нас секретов нет.

Они поднялись по реке (тут Игорь Николаевич окончательно убедился, что это не городской канал, заводей он у нас не имеет) и увидели все, что было обещано благовоспитанным юношей. И табло на двух железных ногах, представляющее собой план обоих берегов с местами занятыми и свободными, с фамилиями в колоночку, и босоногих мужчин в соломенных шляпах и с длинными баграми, то и дело забредающих в воду, и уточек, проплывающих попарно, и камыши, из которых торчали чьи-то печальные лиловые пятки.

— Вам повезло — не придется долго ждать процедуры прощания. Вот, вот, смотрите, — юноша показал на медленно плывущего вверх лицом и мирно скрестившего руки покойника. Плыл он, как полагается, ногами вперед, в черном костюме, а на груди имел маленькую табличку, приколотую к лацкану, самый натуральный бейджик. Мужик с багром подтянул его поближе, прочитал имя-фамилию, сверился с электронным блокнотом, который в кожаном футляре висел у него на шее, и подтолкнул тело. Оно, как показалось Игорю Николаевичу, кивнуло и поплыло дальше.

— Пойдемте, сейчас будет самое интересное, — предложил юноша. Игорь уставился на плывущее тело и наконец ужаснулся.

— Но это же... это — святотатство! — воскликнул он. — Настоящий покойник... его что, украли в морге?..

Во взгляде юноши стояла печальная мудрость двадцати столетий.

— Вы пропустите прощание с врагом, — укоризненно сказал он.

— Нет, это какой-то кошмарный сон... — пробормотал Игорь и, разумеется, пошел вслед за юношей.

Не отставая от покойника, но и не обгоняя его, они шагали вниз по течению. Начались ряды кресел. Зрители заволновались, стали приподнимать зады, вглядываться, кто-то приложил к лицу морской бинокль.

Экран, по которому скакали девицы в пестрых юкатах, рекламируя надувные подушечки для кресел, погас и тут же снова выдал изображение. Сперва Игорь Николаевич не понял, что там такое. Потом дога-

дался — кусок реки, абсолютно ровный, с неживым полированным блеском.

Уже при первом взгляде на ряды кресел он обратил внимание на красивую светловолосую женщину, сидевшую рядом с представительным мужчиной. Теперь этот мужчина резко встал, встала и она. Игорь Николаевич невольно сделал несколько шагов вперед, юноша его не удерживал.

Тело плыло одновременно посередине неширокой реки и, увеличенное раза в два, — по экрану. Течением его четко сносило к берегу, к креслам.

— Бывает, что человек не узнает врага, — сказал юноша. — Это случается, если он не видел врага десять или двадцать лет. Мы относимся с пониманием. В таких случаях наши сотрудники подсказывают. Вот, обратите внимание.

Игорь Николаевич, повинувшись жесту своего гида, обратил внимание на хорошенькую девушку в нарядной юкате, которая стояла на ступенях беседки, прижимая к уху мобильник, и следила за той самой парой.

— Спокойно, Саша, спокойно! — сказала, заметно волнуясь, женщина. — Не теряй лица!

Но ее мужчина уже преобразился.

— Мой! Мой, сволочь, мой, мой! — раздался крик. Дождавшийся врага мужчина кинулся в воду. Он настолько ошалел, что, стоя по пояс в реке, вцепился покойнику в плечи и стал его трясти.

— Теперь понимаете, почему сандалии и юката? — спросил юноша. — Мы заботимся о клиентах. Мы понимаем — состояние аффекта... Не волнуйтесь, на обоих берегах дежурят врачи.

Он мог бы этого не говорить — двое в белых юкатах, заткнув полы за пояс, полезли в воду, держа наготове пластмассовый стаканчик с лекарством и шприц.

Очевидно, где-то посреди реки имелись микрофоны: то, что негромко и яростно говорил мужчина врагу, разносилось вдаль и ширирь километра на полтора.

— Ты помер, а я жив! — твердил он. — Ты, сука, помер, а я — жив!

И тряс врага все сильнее.

Это тут же показывали на большом экране.

Его подруга не выдержала и пошла за ним, остановившись уже по колено в воде.

— Саша, Саша, нельзя же так!.. Саша!.. Отпускай его! — требовала она. — Саша, все, хватит! Отпускай!

А мужчина никак не хотел отпускать труп долгожданного врага, отмахивался, ругался, но ему всадили в бедро инъекцию и сразу после этого влили в рот лекарство. Лишь тогда он позволил вывести себя на берег.

Женщина устремилась к нему с возгласом: «Сашенька!».

Он словно бы не заметил подруги. Подбежали две прехорошенькие девушки в нарядных юкатах трогательного персикового цвета с вышивкой, что-то нашептали ему на ухо и увели. Блондинка осталась растерянно стоять на берегу.

На освободившееся место тут же села женщина.

— Некоторым приходится немного ждать, — словно бы извиняясь, сказал юноша. — Там, повыше, есть красивая беседка, называется «Приют умиротворенного созерцания». Реки из нее не видно, есть настольные игры и журналы. И электронное табло, разумеется.

— Что же вы больше кресел не поставите? — спросил Игорь Николаевич.

— Нельзя, договор об аренде у нас строгий. Мы арендуем эту реку с учетом ее пропускной способности.

— Ясно...

— А теперь самое красивое, — и юноша показал на большой экран. Там опять сменилась картинка. Уже не берег реки, а уголок ухоженного парка, и лицо мужчины, малость закаменевшее, и людей в цивильных костюмах, с белыми повязками, и ведущую — очень модную и элегантную даму, которую Игорь Николаевич уже года два не встречал в телепередачах и все гадал, куда же она подевалась.

— Мы поздравляем нашего клиента господина Сидорчука с осуществлением его самой горячей мечты! — маразматически жизнерадостно сообщила ведущая. — Господин Сидорчук всегда был образцом обаяния, элегантности и хороших манер. Его ожидание было образцовым! Он является нештатным автором нашего любимого журнала «Свет ожидания». И сегодня, когда мечта господина Сидорчука сбылась, всем нам немного грустно оттого, что мы больше не увидимся с ним на этом замечательном берегу! Не забывайте нас, господин Сидорчук!

Хорошенькие девушки вручили Сидорчуку цветы — подозрительную икебану, из которой на увитой зеленью палке торчал какой-то овальный мохнатый предмет, наводящий на странные мысли.

— Особый приз — от редакции журнала «Свет ожидания»! Внести приз в студию! — приказала ведущая.

Стройные юноши внесли большую картонную коробку с черными иероглифами на боках.

Сидорчук, видимо, плохо понимал смысл происходящего, и красавица подсказала ему вскрыть коробку. Но он молчал и не двигался.

— Ребята, помогите... — попросила тогда ведущая.

Помощники открыли коробку и добыли оттуда огромный керамический чайник в восточном стиле. Его вложили в руки Сидорчуку. На экране замельтешили люди с фотоаппаратами, Сидорчуку вручили еще какие-то цветы. Он стоял, словно монумент.

— Дальше уже неинтересно, — сказал юноша Игорю Николаевичу. — У него возьмут большое интервью, а потом за счет фирмы на машине отвезут домой.

— Боже мой, при чем тут чайник... — пробормотал Игорь Николаевич.

Юноша улыбнулся и пригласил следовать дальше.

Они пришли в заведение вроде чайной под открытым небом, где на плетеных полках была размещена посуда из восточной керамики, залезли на помост и подсади к низкому столику. Официант в черной юкате и белой повязке принес набор посуды для восточного чаепития и начал священнодействовать, переливая кипяток из чашки в чашку и бамбуковым веничком взбивая заварку.

Юноша велел принести журналы. Один назывался «Берег надежды», другой — «Свет ожидания». Оба предлагали истории, написанные, казалось, одним человеком: как некто N в тяжкую минуту готов был лезть в петлю от обиды, как соседка (прохожий, родственник, продавец в магазине) рассказывала о Центре восточной мудрости (тут Игорь Николаевич смутно вспомнил, что действительно у двери имелась вывеска с этими словами на русском и на восточном языках), как этот N купил сперва месячный, потом годовой абонемент, сидел на берегу часами, днями, месяцами, и когда совсем было отчаялся, по реке проплыл труп врага — изуродованный в автомобильной катастрофе, так что аромат справедливого воздаяния овеял всю реку. Игоря Николаевича очень обрадовало полиграфическое исполнение — тут были цветные снимки N в детстве, отрочестве, юности, зрелости, депрессии, на берегу в кресле, по колено в воде, в восторге и в просветленном спокойствии.

В ожидании чая он вычитал также ценные советы: как вести себя при встрече с врагом, чего не рекомендуется делать (громко кричать, плакать, бить врага, выражаться нецензурно), что, напротив, обострит удовольствие (можно заранее заказать подходящую музыку, скажем, Грига, «Пещеру горного короля»). Были очень точные психологические рекомендации: например, входить в воду медленнее, чтобы растянуть

удовольствие, и при этом еще дышать особым образом, вводя себя посредством счета вдохов и выдохов в легкий возвышенный транс.

Имелись в журналах и письма читателей — как правило, женские. В них раскрывался полный спектр мужской подлости — к счастью, без портретов — и приводились горячие слова благодарности Центру восточной мудрости (а вот тут воспоминание о вывеске оказалось куда более отчетливым). Игорь Николаевич получил полдюжины экземпляров в подарок, и его внимание было обращено на последнюю страничку с прејскурантом. Он вчитался и задумался.

Получалось, что ему ожидание трупа врага просто не по карману. Правда, в утренние часы предоставлялась скидка, самым дорогим оказался вечер. Юноша объяснил, что многие приезжают сюда после работы часиков на пять-шесть, иные берут термосы и бутерброды, это не возбраняется, хотя можно приобрести легкие закуски прямо тут, на месте, вон стоит круглосуточный киоск.

Игорь Николаевич стал задавать наивные вопросы, надеясь, что юноша проболтается и выдаст возможность ждать труп врага на халяву. Оказалось — все не так просто. Если человек купил абонемент и стал клиентом, его враг где-то наверху вносится в списки и после смерти направляется именно в данную реку, которая является рукавом другой, большой реки. А если покойника в списках нет — то его по большой реке куда-то там и сплавляют. И кресел на берегах большая река не имеет.

Получалось, нужно искать деньги.

Игорь Николаевич крепко задумался. Мысль, что он может увидеть труп своего садиста, грела душу. Он спросил, сколько стоит разовое посещение, и получил ответ: полчаса ожидания входят в стоимость его билета.

Юноша достал смартфон, вышел в локальную сеть, вывел на экран схему того, что условно можно было назвать зрительным залом, и указал стилосом на свободное кресло. Затем он провел туда Игоря Николаевича, усадил и пожелал приятно провести время.

Был в этом какой-то подвох судьбы — соседкой Игоря Николаевича оказалась та самая блондинка, подруга Сидорчука.

Она была в меру грустна, глядела не на реку, а сквозь реку, и во взгляде, осанке, поникших кистях рук была печаль неизбежной разлуки. Все правильно, подумал Игорь Николаевич, и здесь — как всюду, кто-то из двух первым встречает врага и уходит...

По другую сторону от блондинки сидела пожилая женщина, чьи тяжелые драгоценности и вычурная прическа плохо гармонировали с

ситцевой юкатой. Женщина смотрела на реку в театральные бинокль. На коленях у нее стоял большой, почти до подбородка, пакет чипсов «Вражки».

Игорь сел в кресло и долго возился, натягивая юкату на колени.

— Вы не стесняйтесь, — melancholically сказала блондинка. — Здесь все очень просто...

— А вы... вы — давно?.. — спросил Игорь.

— Уже пять лет. Как постоянный клиент имею скидку.

— Что значит постоянный?

— Это у меня уже второй враг, — сказала блондинка и посмотрела на часы.

— Спешите?

— Да, я сегодня уйду пораньше. Мне завтра в семь утра ехать в аэропорт, встречать делегацию.

— Может, познакомимся? Я — Игорь.

— Ева.

В мире за пределами Центра восточной мудрости такие женщины Игорю Николаевичу могли только сниться. В ней чувствовалась порода, ее озаряло то легкое высокомерие, которое свойственно женщинам, не привыкшим оставаться без мужского внимания. И она шла на контакт спокойно, без суеты и пошлости, ради одного этого стоило прийти сюда.

Игорь Николаевич вспомнил, как такие дела делаются: взял узкую белую руку, обремененную двумя дорогими перстнями, и поцеловал.

— Не надо, — тихо сказала Ева. — Мне сейчас лучше побыть одной.

— Да, конечно... — смутившись, пробормотал Игорь Николаевич. И оба как бы не заметили, что ее рука еще ненадолго осталась в его руке.

К ним подошел продавец закусок с лотком. На лотке пестрели пакетики.

— Пожалуйста, «Ожиданчики» с маком, «Ожиданчики» с тмином. Шоколад «Встречайка» — с орехами, с изюмом, — благовоспитанным полупешотом предложил продавец.

Игорь Николаевич первыми увидел шоколадки в трогательной обертке — хорошенькая девочка с бантиками по колено в воде.

— Мне с орехами, большую, — попросил он.

Цена оказалась приемлемой. Игорь Николаевич расплатился, вскрыл шоколадку, разломал ее сквозь фольгу, протянул Еве:

— Угощайтесь.

— Спасибо, — она взяла один квадратик.

— Вы берите, берите... В шоколаде есть вещество серотонин, против плохого настроения...

— Спасибо.

Она взяла еще квадратик.

Игорь Николаевич устроился в кресле поудобнее, отгрыз кусочек шоколада и мечтательно уставился на реку.

Река была прекрасна.

Нельзя сказать, что Игорь Николаевич был таким уж патологическим бездельником. Свою небольшую зарплату он отработывал честно. Однако — в суете. Он и сам не знал, насколько истосковался по обыкновенному покою, по сладостному бездействию, по простой и неприятельной тишине. Мудрая мысль посетила голову: всякий человек имеет право на покой и тишину, почему бы не воспользоваться и не насладиться? Почему бы не впустить в себя ощущение умиротворенного ожидания, от которого думается как-то мягко, плавно, без резких срывов и перескоков? Почему бы не насладиться красотой, проявившейся в изысканных и точных деталях: зависшая над водой стрекозка, оттенок облака, стильные линии восточной керамики, профиль красивой женщины, на который можно скосить глаза и от избытка чувств вздохнуть всей грудью?

Понемногу Игорь Николаевич и Ева разговорились. Ева знала многих клиентов Центра восточной мудрости, и знала хорошо — в журналах о зрителях писалось довольно подробно.

— А вон тот дяденька взял годовой круглосуточный абонемент, — показывала Ева. — Он тут живет, чтобы не пропустить труп.

— А что, такое бывает? — удивился Игорь Николаевич.

— Как еще бывает. Они, конечно, никогда не признаются, но я знаю несколько человек, которые сидели тут годами, а потом случайно выяснялось, что враг давно умер и похоронен. Эта компьютерная система учета врагов — она, знаете ли, тоже дает сбои. Или что он проплыл, пока ты бегал за чипсами. Там мужики в заводи — они тоже могут проворонить и вовремя не спрятать в камышах. А потом его уже из моря не вернешь.

— Они плывут в море?

— Ну да... куда же еще?.. — тут уж удивилась Ева. — Так что дяденька правильно делает, ему тут дали хорошую скидку на питание и отель. Вы не видели наш отель? Если понимаешь, что уже поздно, и хочешь еще пару часиков посидеть утром, до работы, можно остаться. Номера двухместные, душ, чай и кофе бесплатно. Вон он, обернитесь, еще левее...

Игорь Иванович увидел за деревьями верхние края окон и крышу.

— Значит, отсюда можно не выходить месяцами? — понял он. — Классно!

— Ага — если деньги есть.

— А... а погода, зима, лето?

Она задумалась.

— Это надо в «Береге надежды» посмотреть, там часто бывают теоретические статьи. Вы закажите номера за последние два года, обязательно что-нибудь найдете.

Сзади его плеча коснулись рукой.

— Ваши полчаса истекли, — сказал вежливый юноша.

Игорь Николаевич засуетился, стал прощаться.

— Не так громко, люди ждут и сосредоточились, а вы мешаете, — сделала прощальный выговор Ева и тут же улыбнулась, что могло означать: до встречи.

Юноша вывел Игоря Николаевича в Центр восточной мудрости и сопроводил в канцелярию. Там сидела очередная хорошенькая девушка, в деловом костюмчике и обязательной повязке. Она тут же снабдила будущего клиента большой картонной папкой с проспектами, журналами и чистыми бланками. Игорь Николаевич засмутился — он еще ничего для себя не решил, и преискурант на шестнадцатой странице журнала тоже его несколько озадачил.

— А мы не настаиваем, — сказал юноша. — Возможно, ваш враг даже не стоит такого ожидания. Иногда обиженному человеку кажется, будто он готов хоть сто лет сидеть на берегу реки и ждать, пока по течению проплывет труп врага. А начинает — и выясняется, что обида была пустяковая.

— Вы расскажите про своего врага, — попросила девушка. — Тогда вам будет легче принять решение. И, между прочим, ждать тоже будет легче. Вы мне поверьте, я тут не первый год работаю. Я видела всяких клиентов. Некоторые не хотели говорить о своих врагах, все держали в себе. Так им приходилось ждать очень долго. О враге как раз надо говорить, рассказывать, вспоминать подробности, это очень помогает ждать. И даже как-то получается, что ждешь меньше, чем тот, кто молчит.

— Это правда, — подтвердил юноша. — Вы вот почитайте журналы, посмотрите, как откровенно наши клиенты рассказывают о своих врагах. Тот же господин Андреев... вот, на пятой странице, и вот, на двадцатой... Он ведь у себя дома и на работе отмалчивался. А у нас он впервые заговорил. Мы помогли ему избавиться от страха перед правдой.

— Какой правдой? — удивился Игорь Николаевич.

— Обычной. Старую женщину сбил дорогой автомобиль, за рулем сидел пьяный высокопоставленный чиновник. Вот эта правда в десяти словах. Господин Андреев узнал фамилию чиновника и понял: с этим человеком он не справится. Он не стал подавать в суд, не обратился в газету. Он вытеснил правду за пределы своей жизни. Мать погибла — ничего не поделаешь, подробности уже не имеют значения, так он говорил себе, чтобы правда не мешала ему жить дальше. И чиновник продолжал безнаказанно развезжать по городу пьяным.

Игорь Николаевич внимательно посмотрел на портрет Андреева. Немолодой мужчина, ничего особенного... лицо, траченное временем и мелкими невзгодами, скучным трудом и непременным телевизором...

— А когда господин Андреев пришел к нам и все рассказал, ему стало легко на душе, — подхватила эстафету объяснений девушка. — Он объявил чиновнику войну. Он сел на берегу и начал ждать. Знаете, это ведь очень опасно — когда кто-то ждет твоей смерти! Вы почитайте. Не забудьте — статья называется «Аромат справедливого воздаяния»!

Потом Игоря Николаевича кто-то из сотрудников на машине подвез до дома.

Дома он сел и задумался — где взять денег?

Ему весьма импонировала атмосфера на берегу, это было очень приятное и словно нарочно для него придуманное занятие — сидеть, ждать, шепотом переговариваясь с милой соседкой, грызть при этом чипсы или орешки, можно даже взять большой пакет попкорна. Какое-то очень достойное времяпрепровождение... и не заметишь, как труп приплывет...

Игорь Николаевич внимательно перечитал документы и обнаружил: Центр восточной мудрости дает ссуду на приобретение абонеента под залог квартиры или иной недвижимости. Квартира у него была. На всякий случай Игорь Николаевич связался со знакомым юристом. Тот изучил бумаги и сказал, что условия ссуды выгоднее, чем в любом банке. Опять же, если срок абонеента закончится, а труп врага не приплывет, следующий абонеент дают с большой скидкой.

Окончательно запутавшись в процентах, Игорь Николаевич переволновался и с утра на работе страдал рассеянностью. За что и огреб по полной программе от своего садиста.

Садист изошрялся, а Игорь Николаевич исподтишка на него поглядывал и пытался определить степень риска. Садист был уже не молод, имел мешки под глазами — проблемы с почками, видывали его и пья-

ным. То есть лет десять он, скорее всего, еще протянет, так стоит ли раньше срока усаживаться на берегу?

В обеденный перерыв Игорь Николаевич обычно ходил в кафешку напротив, где можно было почитать газеты. Газетная услуга оказывалась бесплатно, они лежали большими стопками на широком подоконнике, и Игорь Николаевич предпочитал старые, по крайней мере один раз прочитанные — ему нравилось ощущение узнавания событий. На сей раз он прихватил в кафе журналы из папки — «Берег надежды» и «Свет ожидания». Он их уже просматривал, теперь хотел получить удовольствие от вторичного чтения. И тут же напоролся на статью, которую сперва не заметил. Это было интервью с человеком, который строился ждать труп врага годами, однако ему повезло — дело было зимой, враг буквально через месяц попал под сорвавшуюся с крыши острую сосульку. То есть встал вопрос о деньгах, вложенных в трехлетний абонемент. И оказалось, что деньги можно законсервировать — они будут лежать на счету Центра восточной мудрости, принося даже кое-какие проценты, до того дня, как человек найдет себе нового врага. А еще есть возможность самому отыскать по объявлениям бедолагу, мечтающего сесть на речном берегу, и продать ему абонемент уже от себя, за свою цену.

Сперва Игорь Николаевич попытался заработать нужные деньги. Он растерял давних приятелей и не знал, кто на какой ступеньке финансовой лестницы прозябает. Если совсем честно — и не хотел знать, потому что каждая удачная мужская судьба была для него упреком. За помощью он пошел к сослуживице Анечке. Она как раз уходила в декретный отпуск, кто-то должен был за нее работать. Анечка честно предложила шефу кандидатуру Игоря Николаевича напололам с еще одним обездоленным. Шеф, понятное дело, отказал. Решение окрепло.

Игорь Николаевич вызвал домой оценщика, узнал стоимость своей однокомнатной квартиры и понял: сидение на берегу ему в общем по карману. Квартиры должно было хватить лет на десять — это если сразу взять десятилетний абонемент класса «А». В последнюю минуту Игорь Николаевич струсил и взял годовой абонемент класса «С» — как бы на пробу.

Он имел право ждать труп врага тридцать часов в неделю — если это были часы полной оплаты, или тридцать пять — если это были утренние часы.

Ему выдали пластиковую карточку и сказали, что на ней 1820 утренних часов. Если посещать берег и по вечерам, перерасчет производится автоматически. Когда остается пятнадцать часов, клиента преду-

преждают. И еще напомнили — Игорь Николаевич может оказать Центру восточной мудрости услуги. Например, привести других клиентов. За каждого клиента прибавляется триста утренних часов.

Наступила новая, насыщенная жизнь. И началась она со строжайшей экономии. Раньше Игорь Николаевич вечером довольствовался чаем с бутербродом, что обходилось недорого. Теперь он был вынужден питаться не хуже прочих зрителей — брать орешки, чипсы и попкорн. Он и не думал, что эти невинные радости могут сожрать четверть зарплаты. Кроме того, несколько раз он оставался ночевать в отеле, чтобы с утра уже быть на берегу. Удовольствие недорогое, но все же...

Игорь Николаевич отказался от общественного транспорта, от чашечки кофе в обеденный перерыв, от хорошего табака, от ежедневной газеты. Он страшно боялся потерять квартиру и надеялся, откладывая эти гроши, погасить ссуду Центра восточной мудрости.

На берегу он познакомился с другими зрителями, и почти каждый показал ему журнал со своим письмом или со статьей о себе. Любопытно, что говорить о врагах на берегу не было принято — это считалось слишком интимным делом зрителя. Лишь изредка звучало что-то вроде: вчера встретил моего, вид замотанный, долго не протянет.

Игорь каждый день присматривался к своему садисту, уже почти не обращая внимания на его крики и угрозы. Он искал приметы близкой смерти. Однажды поверил в чудо — когда садист свалился с воспалением легких. Тогда Игорь Николаевич за два дня израсходовал весь недельный лимит. И дальше тридцати часов хватало только дня на четыре, не больше.

Но садист выкарабкался, а Игорь Николаевич оказался на голодном пайке. Он привык каждый день проводить на берегу четыре часа, он больше не мог без этих четырех часов! Они стали его кислородом, дающим возможность просуществовать рабочий день. Попытка обойтись полутора или двумя часами была мучительна. Все казалось, что стоит ему уйти, как не знающие о его затруднениях мужики в заводи тут же примут и сплавят вниз труп врага! Но если продолжать роскошествовать, годовой абонемент окончится куда раньше срока.

Игорь Николаевич продал телевизор, продал оставшиеся после родителей фарфоровые фигурки и купил по розничной цене двести часов. А потом узнал, что можно подрабатывать на дому — раскладывать рекламные проспекты по конвертам. Платят немного, но вместе с зарплатой это позволит взять абонемент класса «В». Целых сорок часов обычного времени или пятьдесят — льготного!

Он целую неделю раскладывал проспекты, но деньги нашли другое применение — он вдруг неожиданно для себя стал всерьез ухаживать за Евой и врачевать ее маленькую драму: Сидорчук, с которым у нее за время ожидания сложился роман, и отнюдь не платонический — она даже пару раз ночевала вместе с ним в отеле, дождавшись врага и получив чайник, исчез. То есть ни разу даже не позвонил.

Игорю Николаевичу нравилось, что она выбирает мужчин из числа зрителей, а прочие ей не интересны. Да и как могут быть интересны люди, живущие в какой-то беспамятной суете?

Он неторопливо двигал вперед этот милый роман и смел уже надеяться на взаимность. За пределами Центра восточной мудрости он бы просто не решился предлагать такой красавице, как Ева, свое мужское внимание. Но берег — о чем, кстати, он и в «Свете ожидания» прочитал — способствовал сближению душ, здесь нередко возникали супружеские союзы. На сей предмет Центр восточной мудрости даже выправил лицензию на регистрацию браков. На регистрацию разводов, кстати, тоже.

Игорь Николаевич все же понимал, что может предложить лишь свою брэнную плоть — имущества и просто денег он не имел никогда. Поэтому малость колебался. И Ева ободрила его тем, что как бы случайно обмолвилась — ее враг из породы долгожителей, а всякие аварии и теракты случаются отнюдь не по заказу. То есть они имели впереди еще немало лет и могли провести их очень даже приятно — в отеле для супружеских пар предлагалась пятидесятипроцентная скидка.

Но нелепый, как ему и полагается, случай сбил вагончик Игорева счастья с пряменьких рельс и погнал по бездорожью.

Это случилось в офисе, посреди рабочего дня. Игорь Николаевич трудился, ничего не замечая. Компьютерные гонялки и стрелялки он давно уже стер, и на экране мельтешили только таблицы бухгалтерской программы.

Вдруг Игорь Николаевич уловил странный запах. Была в нем, этом несколько неприятном запахе, отчетливая нотка тревоги. Игорь Николаевич принюхался и выскочил из своего стеклянного закутка с криком:

— Кто поджег мусорник?!

Только что прошедший мимо с кем-то из любимцев шеф повернулся, и во рту у него Игорь Николаевич увидел новенькую трубку.

Запах распространял именно табак, тлевший в трубке, и Игорь Николаевич с опозданием вспомнил, что это такое: латакия, знаменитый

пиратский табачок, который продавался точно таким, каким был в восемнадцатом веке, то есть не ароматизированным.

Осознав это, Игорь Николаевич в растерянности приоткрыл рот.

Кто же мог знать, что проклятый шеф, заведя дорогую трубку, начнет именно с латакии?!

От осознания кошмарности ситуации Игоря Николаевича вдруг разобрал смех. Он громко засмеялся, а прочие сотрудники испуганно выскакивали из закутков.

Через весь офисный зал полетел шепоток — про подожженный мусорник. И послышалось сдержанное фырканье.

— Ну, все! Все! С меня хватит! — выдернув изо рта трубку, воскликнул шеф. — С завтрашнего дня! По несоответствию!..

И это было, увы, чистой правдой — Игорь Николаевич не имел нужного для работы в таком офисе диплома, он получил лишь странную цветную бумажку об окончании подозрительно коротких менеджерских курсов.

В тот же вечер автомат, куда Игорь Николаевич, выходя из Центра восточной мудрости, вставлял свою карточку, предупредил: осталось всего пятнадцать часов. Как и было обещано контрактом.

Вместо приятного ожидания Игорь Николаевич отправился искать завербовавшего его юношу. Ему было неловко начинать с сообщения об увольнении, и он стал заезжать издалека: а что будет с трупом врага, если, скажем, труп уже приближается к заводу, и в тот же час кончается срок действия абонемента, а новый не приобретен?

— Мне очень жаль, но тогда, возможно, ваш враг увидит, как по реке проплывает ваш труп, — скорбно отвечал юноша.

— Ч-черт... У меня неприятность. Меня, кажется, увольняют... — признался наконец Игорь Николаевич и тут же, набравшись наглости, стал проситься на работу в Центр восточной мудрости.

— У нас очень строгие критерии отбора, — без всякого сочувствия заявил юноша. — Возраст — до тридцати, знание трех языков, компьютер, водительские права...

— У вас женщина сигареты продает! Что — и у нее три языка?!

— Не надо повышать голос. Она — доктор наук, химик экстра-класса. Мы пошли ей навстречу. Английским, кстати, владеет свободно. А вы?

Игорь промолчал.

— Не расстраивайтесь, — сказал юноша. — Найдете работу — приходите к нам опять. А пока...

Он достал смартфон и вывел на экран информацию.

— Пока у вас целых четырнадцать часов. Используйте их. Приятного ожидания!

Ничего себе, приятное...

И, главное, именно эта новость привела Еву в смятение. Да такое, что, с одной стороны, лестно — любовь такой женщины для Игоря Николаевича была совершенно незаслуженной драгоценностью, — а с другой стороны, даже неловко...

— Мы что-нибудь придумаем, слышишь? — шептала Ева. — Ты можешь прийти сюда, а потом просто взять и не уйти. А я буду приносить тебе еду, хочешь? У меня есть спальный мешок, я его как-нибудь сюда проташу...

— Глупенькая, я же в базе данных, — держа ее за руку, отвечал тронутый Игорь Николаевич. — А распределение трупов по рукавам тут компьютеризированное. Как только истечет мой срок — труп врага, если он появится, отправят сразу в большую реку.

— А как было бы здорово... — начала и осеклась Ева.

— В спальном мешке?

Оба засмеялись, глядя друг на друга. Чудо, чудо свершилось на берегу — двое нашли наконец друг друга. Потом Игорь Николаевич протянул руку за спиной у Евы — и вот они уже сблизились, уселись в обнимку, не спуская глаз с реки.

Так они сидели до вечера, а потом освободили кресла (где-то в электронных внутренностях тотчас же это было отмечено) и пошли вверх по склону, по красивой изогнутой дорожке, туда, где за кустами были видны крыша и верхние окна отеля.

По дороге впервые поцеловались.

И потом Игорь Николаевич то и дело повторял себе: нельзя, нельзя, досидев оставшиеся часы, терять Еву навеки!

Надо было что-то предпринять.

Ева оказалась жаворонком — она уснула еще до полуночи. Игорь Николаевич тихонько вышел из отеля и спустился к берегу. Пейзаж был знакомый — большинство кресел пустует, ожидающие дремлют, светит всего один прожектор — этого хватает. Если приплывет чей-то враг — конечно, зажгутся остальные пять.

Игорь Николаевич обогнул кресла и нахмурился — между ними и растительностью на берегу было добрых пятнадцать шагов. А поди знай, на что нацелены телекамеры. После того, как один спятивший клиент бросился на своего усопшего врага с ножом, во-первых, установили в здании центра аэропортовскую подкову, во-вторых, включили в контракт пункт об умышленной порче трупа врага, ну а в-треть-

их, со всех содрали по четыре часа на установку дополнительных телекамер.

На короточках, по-обезьяньи опираясь на руки, дико озираясь и замирая от каждого шороха, Игорь Николаевич добрался до места, где река делала поворот. Там он выпрямился и уже обычным шагом подошел к заводу.

В кроне дерева горел небольшой фонарь, давая достаточно света, чтобы озарить всю заводь и весь берег. Возле самой воды стояла палатка, на берегу не было ни души. Игорь повертел головой, заглянул за палатку — никого.

— Эй! Есть кто-нибудь? — осторожно позвал Игорь Николаевич.

Ему не ответили, но раздался звонок и тут же — голос в палатке.

— Да, слушаю... — сказал заспанный мужчина. — Да... Хорошо, принимаем.

Из палатки появился сотрудник — голый по пояс, в закатанных штанах, с мобильником на шее, в обязательной повязке, подобрал с берега багор и вошел в воду, а за ним — другой, в юкате и без багра. Оба повернулись лицом к истоку. Игорь Николаевич понял — ждут врага.

Когда враг в элегантном сером костюме приплыл, полуголый мужчина зацепил его багром, другой снял табличку с груди покойника и сверился с экраном электронного блокнота.

— Так, блин! Бить вас некому! — воскликнул он. — Подожди, Толик...

Он достал свой мобильник и набрал номер.

— Вы что присылаете? — сердито спросил он. — Это враг номер семьсот тридцать три — четырнадцать, а у нас заказан семьсот двадцать три! Двадцать! Нет, точно!

— Ну так что? — спросил полуголый.

— Гони его обратно. Вот сонные тетери...

Полуголый сотрудник, тихо выругавшись, поволок тело вверх по течению, а Игорь Николаевич, набравшись мужества, подошел к недвольному человеку в юкате.

Первый мужчина убрел вверх по течению, таща за собой тело.

— Извините, вы тут за главного? — проклиная интеллигентские, как ему казалось, просительные и униженные нотки в собственном голосе, спросил он.

— Ну, я начальник смены.

— Скажите, ради Бога, у вас тут вакансий нет?

— Каких еще вакансий?

— Я не знаю... Ну, багром ловить, охранять, я не знаю... Я на все готов! — пообещал Игорь Николаевич.

— Что, абонемент не по карману?

— Неприятности у меня. Возьмите, я вас очень прошу! Это же неквалифицированная работа, тут языков знать не надо!

— С чего ты взял?

Игорь Николаевич смущенно замолчал.

— У нас и компьютер нужно знать, и здоровье иметь железное. Всю смену по колено в воде — думаешь, легко?

Игорь Николаевич покивал, соглашаясь, и вдруг вспомнил, что многие из здешней обслуги трудятся не просто так.

— Но вы ведь не только за деньги, вы ведь тоже врага ждете? Или нет? — в надежде на сочувствие спросил он.

Сочувствия не обнаружилось.

— Какой еще враг? Работа такая... не хуже другой работы...

— Вы меня запишите, телефон, адрес, если что — звоните... — безнадежно попросил Игорь Николаевич. И тут у собеседника зазвонил телефон. Он поднес аппарат к уху.

— Погодин слушает. Да вы что? Откуда — в ночной смене?.. Нет. Нас тут только трое... Понятия не имею! Хотя... подождите...

Он повернулся к Игорю Николаевичу.

— Слушай, такое дело — можешь подработать, — сказал он озабоченно. — У них там наверху парфюмер врага дождался. Ну и не в себе — дело понятное... А кем его заменишь, если ночная смена? Подмени на пару часиков, а? Познакомишься с нашими, вась-вась, зацепишься? Ну?

— Куда идти?! — без голоса вскричал Игорь Николаевич.

— Чеси вверх по течению, — велел начальник смены. — Скажешь — Погодин прислал. Давай, живо!

— С меня причитается!

— Свежими покойничками. Шутка такая.

Очевидно, следовало привыкать к здешним шуткам. Заранее решив со всем смириться, и с замогильным юмором тоже, Игорь Николаевич устремился вверх по течению. Там с освещением было совсем плохо. Он то и дело забредал в воду, наконец решил, не мудрствуя лукаво, шлепать по мелководью. Но провалился ногой в ямку и упал. Он поднялся, весь мокрый, ему стало зябко, но он решительно побрел дальше и увидел блики на воде — это падал свет из-за поворота.

Там тоже была заводь, но не такая широкая, не окаймленная камышами. На берегу стоял пожилой мужчина — тоже сотрудник Центра во-

сточной мудрости, в форменной юкате и с повязкой на голове. В руке он держал пластмассовую корзинку, как в универсаме.

— Меня Погодин прислал, — радостно сообщил ему Игорь Николаевич.

— Ты парфюмером работал когда-нибудь?

— Научусь.

— А чего там учиться? Видишь — плывет? Мы тут проводим последний фейс-контроль и раскидываем по трем рукавам. Ну и запах, понятно. Фейс-контроль — это девочки там, выше...

— Какой запах? — забеспокоился Игорь.

— Пошли, — сказал сотрудник. — Вот, держи.

Он дал Игорю Николаевичу корзинку, в которой лежали большие баллоны аэрозолей, и первый вошел в воду, Игорь — за ним. Они забрели по пояс.

— Дальше не надо. Слушай внимательно. Тут главное — быстрота. Останавливать рукой, трогать — воспрещается. Это привилегия клиента. Ты оцениваешь запах и вносишь поправки. Вот вы все говорите — труп врага всегда пахнет хорошо! А кто-то же должен об этом позаботиться. Запах входит в пакет услуг. Только клиенты не всегда это замечают. Смотри и учись.

Слушая инструкции, Игорь Николаевич даже не заметил, что к ним ногами вперед подплывает простенько одетый враг — в клетчатой рубашке, джинсах и кроссовках.

Сотрудник принялся, выхватил из корзинки аэрозоль и щедро окропил проплывающий труп. Запах над рекой распространился мгновенно — и это был запах с претензией, не скромный лимонный или яблочный, а нечто химическое, из тех, которые авторы любят называть «Утренний бриз» или «Ночная орхидея».

— Кошмар, как в туалете, — неожиданно выпалил Игорь Николаевич.

— Нет, у нас разработана своя линия ароматов. Называются — «Долгожданный плюс», «Долгожданный экстра», «Долгожданный супер-стронг». Держи корзинку.

— А если вдруг мой?

— А разве тебе самому не будет приятно, что он хорошо пахнет? Ну, давай! Вон, вон еще плывет!

Какое-то время он стоял рядом с Игорем Николаевичем, подсказывая, какой дезодорант взять, потом ушел на берег.

Ночь затянулась безбожно. Вода, сперва показавшаяся не слишком холодной, теряла градусы с невозможной быстротой. Стоящий по пояс

в реке мужчина вспомнил страшное слово «простатит». Но он подумал о враге — и промеж ног даже как-то потеплело.

Наконец наступило утро, явился дневной парфюмер и долго смеялся: незачем героически торчать в воде, достаточно дать начальству номер своей мобилки — и об очередном враге предупредят за две минуты с поста фейс-контроля. Игорь Николаевич хлопнул себя по лбу, продиктовал дневному парфюмеру номер и побрел обратно к креслам.

Ожидающих в этот час было немного — те, которые всю ночь продремали на берегу, и те, которые ночевали в отеле. В первом ряду сидела Ева и смотрела на реку.

Игорь Николаевич подошел к ней.

— Приятного ожидания, — сказал он. — Извини, что ночью ушел...

— Приятного! — бодро отвечала Ева.

— А я, кажется, тут на работу устроюсь. Наверху парфюмер дождался врага и уходит. А я всю ночь вкалывал. В семнадцатый рукав враги прямо косяками шли, успевай только обрабатывать! Вот смена кончилась, меня отпустили...

В голосе Игоря Николаевича была скромная гордость труженика, влившегося в большое, общее дело.

— Есть будешь? — с заботливостью жены спросила Ева. — У меня бутерброды с бужениной.

— Ох, это бы здорово — с бужениной. И знаешь, работа довольно творческая. Я не сразу разобрался, а к утру кое-что стал понимать.

Ева достала из сумки бутерброды, дала Игорю Николаевичу коричневую бутылку.

— Это что, «Жданка» номер три? — обрадовался он.

— Специально для тебя взяла. Ты же знаешь, я пива не пью.

Игорь Николаевич благодарно улыбнулся. Кажется, у них возникала настоящая семья...

Днем пришлось съездить на работу — на бывшую работу. Оказалось, приказ об увольнении уже существует, но еще не подписан — шеф помчался куда-то в Америку недели на полторы. Игорь Николаевич подумал, что при любом раскладе нечего держаться за место в офисе, когда есть возможность устроиться ночным парфюмером, и решил больше на работу не возвращаться — а заглянуть когда-нибудь за трудовой книжкой.

На берег он пришел к вечеру. Ему оставалось всего девять утренних часов, но он не хотел упускать возможность: вдруг позвонят насчет парфюмерской должности, а он уже здесь! Так и вышло. Игоря Николаевича вызвали к начальнику шестого распределительного пункта, ко-

торый был совсем высоко по течению, и там он согласился на все условия.

— Учтите, много мы платить не можем. И работа всегда в одну смену — ночью, — сказал начальник. — Если хорошо себя зарекомендуете, переведем вас подменным дневным парфюмером.

Игорь Николаевич понимал, что этот толстый дядька — шишка на ровном месте, раз его кабинет расположен прямо на берегу под навесом, пусть даже навес в доподлинном восточном стиле. Но если не признать дядьку за крупную персону — парфюмерская должность махнет хвостиком.

— Да, конечно, я постараюсь! — выпалил он.

— Ваша зарплата начнет поступать на счет, и из нее будет оплачиваться ваш абонемент. На руки вы получите очень мало.

— Мне много не надо.

— Тогда — вон там наша бытовка. Будете приходить на берег через служебный вход, вам выпишут пропуск. В течение двух недель сдайте трудовую книжку, медицинскую книжку, справку о здоровье...

— У меня нет медицинской...

— Ну так сделайте.

Начальник кивнул, и это означало завершение аудиенции.

К Игорю Николаевичу подошел ожидавший его дневной парфюмер, который замолвил за него словечко.

— Ну, поздравляю! — тут последовали два обязательных хлопка по плечу. — Ты вот что — ты прописаться должен. А то повязку не получишь.

— Ну, это само собой! — воскликнул счастливый Игорь Николаевич.

На берегу можно было приобрести спиртное, но слабенькое — пиво там, сухарь, портвешок (марочный, правда), это самое японское саке, дорогое и совершенно бесполезное, из крепкого — ликеры. А выставляться ликером — это как-то даже непристойно. Игорь Николаевич решил затовариться в городе. Он взял большую спортивную сумку и забил ее тем, что соответствовало мужским понятиям о прописке: водкой, колбасой, копченым салом, солеными огурцами, сыром, черным хлебом. Денег не экономил — ему с этими мужиками на берегу жить, нельзя с самого начала показать себя тупым скупердяем.

Сумка образовалась тяжеленная. Тащить ее лишних десять метров — и то уже было морокой. Игорь Николаевич решил спрямить дорогу и пошел через городской парк.

Он здесь не был, почитай, с тех самых времен, когда бабушка при-

водила его повозиться в песочнице. Грязный пруд, любимое место мальчишек и кошмар их родителей, остался вне его интересов. А пруд за последнее время расчистили, благоустроили и, утя, что он на редкость неправильной формы, в самом узком месте перебросили художественный мостик, на берегу же установили белые скамейки. Игорь Николаевич, умаявшись, остановился, поставил сумку на скамейку и стал улаживать в ней поудобнее бутылки и пакеты.

На другом конце скамейки сидел тихий старичок. Он повернулся к Игорю Николаевичу.

— Добрый день, — приветливо сказал старичок.

— Добрый день, — рассеянно отвечал измочаленный Игорь Николаевич.

— Присаживайтесь.

— Простите, некогда.

Игорь не врал — он действительно торопился на берег.

— А зря. Вместе ждать веселее. Это неправда, будто они проплывают только раз. Если хорошенько ждать, они приплывают дважды и трижды!

Сказав это, старичок многозначительно поднял указательный перст и, склонив голову набок, этак кокетливо улыбнулся. Повевало безумием. А сумасшедших Игорь Николаевич не любил.

Впрочем, какая-то из его извилин, ответственная за логику, возмутилась независимо от диагноза. Врага могло принести течением. И только.

— Это же пруд! Откуда им тут взяться? — спросил Игорь Николаевич.

— А я вам говорю — если внимательно смотреть, то вон оттуда... дважды и трижды!

Перст указал на крутой мостик. Из-под моста, стало быть, как если бы враг самозародился в тени под мостом... Тьфу!

Игорь подхватил сумку и обошел скамейку сзади. Теперь стало видно, что рядом со старичком стоит большой керамический чайник.

Поняв, что напоролся на бывшего клиента, Игорь Николаевич содрогнулся — но разбираться не стал и торопливо ушел. Ему нужно было попасть на берег в пересменку, чтобы за столом встретились и вечерняя, и ночная смена. Хотя со столом у него была проблема — он еще не наловчился сидеть по-восточному перед этим маленьким и низеньким, больше похожим на подставку для цветочных горшков, столиком. И резать колбасу в такой позе было как-то несподручно, а уж с водкой — сплошное недоразумение, потому что начальство строго сле-

дило за местным колоритом и изымало граненые стаканы. Но какая же водка без стакана? Какая, спрашивается, водка в крошечных пиалушках для саке?.. Однако как-то уютились, в тесноте — да не в обиде, и расплескали, и обмыли белую повязку, и опять расплескали, и отдельно обмыли форменную юкату, и погрузили Игоря Николаевича с головой в местный фольклор, а потом тихонько, чтобы ветер до клиентуры не донес, запели пьяными и сладостными голосами:

Милый враг, наконец-то мы вместе!

Ты пльиви потихоньку, пльиви!

Сердцу хочется ласковой песни...

Словом, прописался Игорь Николаевич исправно, получил личный гвоздик в дощатой, скрытой за кустами бытовке, куда вешать плечики с дневной одеждой, получил оставленную предшественником полочку для всякой мелочевки, а также доступ к холодильнику и душевой.

И жизнь потекла неспешно и приятно.

Как в офисе, так и на берегу Игорь Николаевич трудился без лишних вопросов. Там он не спрашивал, откуда берутся и куда деваются деньги, протекающие через его компьютер, а тут не любопытствовал насчет врагов. Ну, крадут их из моргов, ну, сплавляют куда-то... Зарплату бы вовремя на карточку перечисляли, и ладно. Опять же, после бурной ночи, когда враги шли косяком, успевай только пшикать, но Игорь Николаевич обратил внимание на врага, пльвущего без бейджика, и сам вручную отогнал его к берегу, начальство отметило его старания, выписало премию — триста часов! Триста — и не утренних, а вечерних! Игорь Николаевич чуть не прослезился, когда понял — его здесь любят и ценят так, как отродясь нигде не любили и не ценили.

И с Евой все шло прямо замечательно.

Душа, затюканная и заклеванная, понемногу заново училась улыбаться. Особенно это удавалось ранним утром — когда Игорь Николаевич после смены, переодевшись в сухую юкату, шел вниз по течению к Еве, неся термос с горячим чаем и пирожки, шел и улыбался от свежести и прозрачности воздуха, от птичьих голосов, празднующих рассвет. Они ужинали вместе и завтракали вместе, потом Ева уезжала на работу, а Игорь Николаевич отсыпался в бытовке. У него уже не было особой необходимости возвращаться домой, и он всерьез подумывал сдать свое жилье квартирантам. С другой стороны, если они с Евой распишутся — то как-то нехорошо сразу вселяться к жене, как будто приبلудный кот. Своя крыша над головой должна быть доступна в любую минуту.

С такими вот рассуждениями Игорь Николаевич шел по берегу, даже свистел птицам в надежде на вразумительный ответ, шел и пришел к Еве, сидевшей с краю — чтобы, когда явится сердечный друг, меньше беспокоить соседей. Она, как всегда, одним глазом глядела на реку, другим — в журнал и еще грызла чипсы из большого пакета.

— Ну наконец-то! — сказала она ворчливо, но улыбка выдавала радость от встречи.

Игорь сел рядом.

— Устал, как собака. Слушай, я чуток вздремну. Если мой поплывет — разбуди, а?

— Нельзя же так выматываться, — она положила узкую ладошку на его руку, пальцы сползли — и получилось, что она касается его голого колена, почти ласкает.

— Ничего, привыкну, возьму еще полставки. Выше по течению есть еще распределительные посты, там тоже нужны парфюмеры.

Игорь Николаевич устроился в кресле поудобнее и закрыл глаза.

Проснулся он от вопля. Не сразу понял — где, что?!

По реке уплывало тело, стоящий по пояс в воде мужчина смотрел след и выкрикивал проклятия на никому не известном языке. К нему спешили санитары.

— Как он кричал, прямо жуть... А я вот в прошлый раз не кричала. Меня даже снимали для каталога образцовых прощаний. Неужели я тоже способна так вопить? — спросила Ева. Она всегда соблюдала повадку вышколенной леди, и это Игорю Николаевичу очень в ней нравилось.

— Нет, конечно, — успокоил он. — В «Береге надежды» есть интервью с доктором Крачковским, так он утверждает, что вокализированная реакция желательна, но не обязательна. То есть выплеск эмоций может проходить на чисто энергетическом уровне, он там даже советует упражнения для концентрации внимания на зонах...

— Плывет чей-то... — вдруг изменившимся голосом сказала Ева, как если бы не верила собственным глазам.

— Точно, — подтвердил Игорь Николаевич. — Вроде женщина...

Ева вскочила.

— Господи, сделай так, чтобы это была моя! — воскликнула она. Но уже и по лицу было ясно — она дождалась!

— погоди, постой, она еще далеко, ты вся вымокнешь, — сказал Игорь Николаевич, деликатно удерживая подругу. — Сейчас я войду в воду и подгоню ее поближе к берегу.

Зрители засуетились, зашевелились, привстали, кто-то в расстроенных чувствах уже садился обратно — не его врагиня.

— Она! — еле слышно произнесла Ева. — Она, сучка драная!

И тут уж Игорь Николаевич не смог помешать — Ева кинулась в воду и в несколько шагов оказалась на глубине.

Она удержала тело, что подплыло к ней ногами вперед, и ухватила, как полагалось по инструкции, за плечи. И заговорила.

— Вот ты плывешь, а я жива, а у меня все вперед! И никогда уже у тебя ничего не будет, понимаешь? Ничего! А у меня будет все! Понимаешь? Все! Нет, я все-таки верну тебе ту пощечину!

Придерживая тело, Ева ударила его по щеке.

— Получай, Тайка! Получай! И еще! Получай!

Игорь Николаевич вскочил. Это было уж запредельно.

В воду спешили медики со шприцем и стаканчиком на изготовку. И он тоже — потому что не так уж часто встречается имя Таисия...

Еву отцепили от врагини, и тело поплыло дальше. Тогда Игорь Николаевич неожиданно для всех кинулся наперехват. Вода была привычно холодной, а лицо — тем самым, которое он боялся увидеть.

Тайка Илюшина, самая красивая из однокурсниц, чуть было не стала его женой — и стала бы, если бы он за безделье не вылетел из института... Тайка, постаревшая, разумеется, и с печальным ртом, Тайка, которая в воспоминаниях жила, постоянно окруженная золотым ореолом, Тайка, девочка...

Он погладил ее по щеке, как будто это могло унять боль от пощечин... как будто она еще могла испытывать боль...

А вот он еще мог.

Он вылез из воды, и тут же к нему подбежала дама с диктофоном.

— Простите, это и ваш враг? Совпадение?

Он помотал головой и полез по склону вверх, в беседку. Сразу оттуда сбежал вниз молодой парень — занять его место.

Удрав с берега, Игорь Николаевич кинулся узнавать подробности. Нашел дома старую телефонную книжку, позвонил одному, другому, третьему — ничего не выяснил. Бывшие однокурсники все куда-то подевались, а в Тайкином доме жили какие-то чужие люди. Ужас охватил Игоря Николаевича — он понял, что в его жизни начинается время похорон и теперь предстоит поочередно потерять всех, к кому его хоть что-то привязывало... включая самого себя...

Вечером, уже порядочно выпив, он оказался в парке у пруда. Он знал, что застанет там старичка с чайником. И хотел перенять у старичка хоть немного его оптимизма и узнать кое-что для себя важное.

Старичок кивнул ему, Игорь Николаевич сел рядом.

— Вон оттуда должен приплыть, — сказал старичок, показывая на мост.

— Вам еще не надоело? — спьяну вообразив себя великим провокатором, спросил Игорь Николаевич.

— Как это может надоест? — удивился старичок.

— А когда проплывет, вы выпьете за упокой души?

— За что?..

Вот это и был ответ на беспокоивший Игоря Николаевича вопрос, и ответ этот ему не понравился. Осталось лишь достать из сумки початую бутылку.

— За упокой души рабы Божьей Таисьи... Была Тайка — и нет...

Глоток из бутылки был уже никакой — как вода, душа перестала воспринимать водку.

— Это ваш враг? — вежливо спросил старичок.

— Любовь это моя... давняя-давняя... столько не живут...

— Тогда плохо. Тогда это уже навсегда. А вот труп врага проплывает дважды и трижды. Вы смотрите, смотрите...

Игорь Николаевич уставился в темноту под мостом.

— Тайка... — позвал он.

Вода в пруду даже не колыхнулась.

Старичок поднял перст.

— Вы меня слушайтесь, я вас научу, — сказал он. — Я умею, про меня даже в журналах писали. Вы почитайте — Андреев моя фамилия... Я точно знаю — дважды и трижды...

Игорь Николаевич послушался и ждал довольно долго, хотя как-то нелепо — засыпал и просыпался, что-то говорил некстати, старичок отвечал ему невпопад. Наконец в голове малость прояснело, и стало понятно: на работу он безнадежно опаздывает. Игорь Николаевич кинулся ловить такси и пообещал шоферу перечислить ему на карточку аж десять вечерних часов. Шофер сперва не хотел везти, потом почему-то потребовал расплатиться рублями, хотя рублями получалось гораздо меньше. Поудивлявшись его глупости, Игорь Николаевич сел в машину и прибыл на берег как раз к склоке — уже искали, кого поставить на его место.

Начальство обрушилось на Игоря Николаевича с заслуженными упреками, требовало зачем-то объяснений. А он терялся, когда с ним говорили строго. Он что-то проблеял. И еще два дня прислушивался к себе — пытался понять, хочет ли он внести в свой персональный список врагов Еву...

На третий день стало ясно — не хочет. Была Ева с ее мнимой лю-

бовью к Игорю Николаевичу и с настоящей ненавистью к Тайке, была — и пропала. Больше не вернется — ни на берег, ни в его жизнь.

На четвертый день обида ожила. Игорь Николаевич узнал, можно ли одновременно ждать двух врагов. Оказалось — да хоть десять, только платы за каждого отдельно.

Игорь Николаевич решил обдумать хорошенько — потянет ли он двух врагов. А обдумывать такие вещи лучше всего ночью, во время дежурства. Никто не мешает, сиди себе на берегу и совершай умственные расклады.

Он устроился на боевом посту с корзинкой дезодорантов и стал перебирать в памяти то, за что Ева заслужила быть врагиней. Вдруг среди ночных звуков он уловил подозрительный плеск и резко повернулся.

Из-за поворота, оттуда, где стояли кресла, появился человек в юкате, но без повязки — следовательно, клиент. По первому впечатлению это было бодрое, жизнерадостное, лысое и бородатое сорокалетнее дитя. Достаточно было посмотреть, как он шлепает по воде, как озирается по сторонам, приоткрыв от любопытства рот.

— Сюда нельзя. Здесь служебная зона, — казенным голосом предупредил Игорь Николаевич.

— Да брось ты, все свои, — отмахнулся гость.

— Возвращайтесь на свое место, — уныло посоветовал Игорь Николаевич.

— Да успею еще насидеться! Слушай, а там — что? — гость показал рукой вверх по течению.

— Распределительные пункты. Вы же читали в журналах — это всего лишь один рукав Большой реки.

— Да ну тебя! Про рукав и я тебе расскажу. А дальше — что?

Разговор складывался как у взрослого с неугомонным младенцем.

— Большая река, — отвечал надоед Игорю Николаевич.

— А откуда она берется?

— Ну, откуда берется река? Вытекает откуда-то.

— А вот теперь ты мне скажи — откуда она вытекает?

— Ну, откуда может вытекать река? Ну, из ручейка, из болота...

— А трупы врагов в ней откуда берутся?

— Неужели вам не объясняли, когда вы подписывали контракт? — спросил уставший от бестолковой беседы Игорь Николаевич.

— Да ну его к бесу, этот контракт! Я правду знать хочу.

— Ваш враг вносится в компьютерную базу данных... — начал повторять стандартный текст Игорь Николаевич, думая одновременно, что неплохо бы вызвать охрану.

— Да ну ее к бесу, эту базу данных! Я сперва не дотумкал — ведь враг-то мой, зараза, в Америку умотал! Так что же, они труп на самолете доставят?

Вопрос был хороший, и Игорь Николаевич неожиданно для себя малость ожил.

— Мы так дорого платим за абонементы, что за эти деньги можно и на космической ракете...

— Ни хрена ты не понял, — сообщил гость. — В общем, я пошел.

Он зашлепал по воде вверх по течению, мимо Игоря Николаевича.

— Стойте! Туда нельзя! — негромко так крикнул Игорь Николаевич, громкие вопли ночью не одобрялись.

— Посторонним вход воспрещен? — почему-то обрадовался гость. — Во! Еще один!

Вниз по течению плыло очередное тело. Игорь Николаевич испугался — занятый гостем, он чуть было не проворонил этого врага. Схватив корзинку, он поспешил в воду, забрел по пояс, принялся, заглянул в лицо (ничего особенного, старик и старик, возможно, его ждали очень долго), выбрал подходящий дезодорант и пошпикал на плывущее ногами вперед тело.

Тем временем гость побежал по мелководью довольно шустрой рысцой. Игорь Николаевич, увидев это, остолбенел и поспешил к берегу, чтобы броситься в погоню.

— Да стойте же, вам говорят! — взывал он, вытаскивая мобилку, что висела на груди под юкатой. — Я сейчас дежурную бригаду вызову! Вас лишат абонемента!

Гость, не оборачиваясь, свернул влево, размахивая руками, выбрался на глубину, шлепнулся пузом на воду и весьма быстро пустился вплавь к другому берегу.

— Немедленно вернитесь! — безнадежно потребовал Игорь Николаевич.

Он уже стоял по колено в воде. Что же предпринять? Разумнее всего было бы тут же вызвать охрану, но Игорь Николаевич испугался — после нагоняя, полученного за опоздание, ему еще только не доставало нагоняя за проскочившего в служебную зону клиента. Не умом, не мозгами, а тем органом, что продуцирует страх, он решил, что справится с ситуацией сам, швырнул корзинку с дезодорантами на берег и повернул обратно, чтобы броситься подлецу наперез.

Этот номер у него не прошел — он помнил, что когда-то неплохо плавал, и воспоминание полностью затмило реальность. Реальность же

была печальна — уже лет десять он не совершал заплывов хотя бы на сотню метров.

Остановить беглеца в воде он, разумеется, не сумел, а на другой берег они выбрались почти одновременно, оба малость ошарашенные своим нелепым подвигом.

Другой берег в районе служебной зоны был пуст и отлог, лишь в нескольких метрах от воды росли чахлые полупрозрачные кустики, а среди них стоял некий металлический куб на одной ноге, вместе с ногой — ростом с человека.

Беглец озирался по сторонам, явно не понимая, зачем он сюда забрался и куда двигаться дальше. Игорь Николаевич подошел к нему, достаточно злой, чтобы захватить этому обормоту в зубы.

— Вы немедленно, сейчас же, сию минуту поплывете обратно! — велел он. — Я не собираюсь ради вас работу терять! Не вернетесь — вас лишат абонеента!

Но нагнать страху не удалось.

— А ты мне объясни, откуда они в реке берутся — и я сразу поплыву. Мне же только знать хочется, а то деньги заплатил, а он — в Америке!

— Раньше думать надо было. Когда договор подписывали, — отрубил Игорь Николаевич.

— Ну да, раньше! — обиженно отбреднул незнакомец. — Хорошо, что мне хоть теперь в башку стукнуло.

Неизвестно, долго бы они пререкались на пустом берегу и удалось бы Игорю Николаевичу загнать это бородатое дитя обратно в воду, но тут оба услышали шум, который показался им противоестественным. Не положено оглашать ночные берега такой реки подобным шумом, и потому они переглянулись, объединенные одной мыслью: что за безобразие?!

Это был набор звуков, которые издает подъезжающий и тормозящий автомобиль.

— Тихо! — велел Игорь Николаевич.

Не сговариваясь, они опустили на корточки, пытаясь слиться с жалкими кустиками.

Было страшно.

Если это охрана — то не видать им больше берега, как своих ушей, думал Игорь Николаевич. Переплыть реку — за это же сразу уволят. Объясняй не объясняй, что преследовал нарушителя...

— Их на машинах привозят, да? — шепотом спросил бородач.

Автомобиль, ломая кусты, выкатился на берег. Это был черный лимузин, пожиратель пространства, с потушенными фарами. Из него вы-

шли двое, тоже в черном, с черными лицами, какие получаются, если на физиономию натянуть чулок. Один держал в руке фонарик, дающий тонкий луч, и этот луч уперся в металлическую стенку куба, сделав на ней белую точку размером с копейку.

— Ну, вот он, — сказал человек с фонариком. — Давай сюда кислородный баллон.

— Держи. Только осторожно — он искрит.

Голоса были молодые, спокойные.

— Кабель не запутай...

Человек с фонариком принял от товарища небольшой прибор, кабель от которого тянулся к лимузину и исчезал в салоне. Он приложил прибор к стенке металлического куба и стал водить по ней, прислушиваясь. Товарищ меж тем сел за руль.

— Ага, вот... зацепил... врубай!

Из прибора полетели искры бенгальского огня.

— Пошло! Идет! — донеслось из салона.

— Сколько?

— Час двадцать, час тридцать, час сорок... хватит!

— Погоди, хорошо пошло... Еще немного...

— Хватит, сматываемся!

Игорь Николаевич, сидя на корточках, смотрел на черный силуэт, закрывший собой светлую точку, и знал одно — добром все это не кончится. Мало было этого сумасшедшего, который чесанул через реку...

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил сумасшедший клиент.

— Нет... Я не технарь.

Вдруг раздался оглушительный треск скоростного мотоцикла.

— Чтоб я сдох, сюда еще кто-то едет! Отползаем к реке! — приказал невольный соучастник Игоря Николаевича и сам попятился назад.

Незнакомец с фонариком, наматывая на руку кабель, устремился к машине и залез в салон. Автомобиль казался глыбой окаменевшего ночного мрака, и немудрено, что мотопатруль — двое в белых повязках с иероглифами поверх шлемов, на дорогих сверкающих байках, оснащенных бронебойной силы фарами — попросту не заметил его.

Оба затормозили одинаково — картинно вздернув байки на дыбы.

— Сдавайтесь, вы арестованы! — крикнул один патрульный, другой же принялся шарить светом по кустам и, разумеется, обнаружил перепуганную парочку — Игоря Николаевича с его безумным соратником.

— Деру! — услышал Игорь. — В реку!

— Идиот! — ответил он, растерявшись окончательно и бесповоротно.

— Они за нами не полезут! — и бешеное бородатое дитя, схватив Игоря Николаевича за руку, невольно его опрокинуло спиной в кусты, но не смутилось, а поволокло к воде. Явив необыкновенную силу — тем более что по воде тащить было намного легче.

— Стоять! — заорал патрульный.

Но беглецы уже плыли к своему берегу.

— Ну, слава те Господи, ушли! — услышал Игорь Николаевич сквозь плеск и фыркание.

— Мы сейчас же!.. Спустимся вниз!.. По течению!.. — отвечал он в том же стиле, но с большими паузами — он плыл быстрым кролем, дышал под левую руку, было не до пространных речей. — И я вас сдам!.. На распределительном пункте!.. Я за ваши глупости!.. Отвечать не желаю...

— Ну что ты взъелся? — несколько снижая темп, спросило бородатое дитя и перевернулось на спинку. — С виду нормальный мужик... О!.. Слушай!

— И слушать не желаю.

Сбрэндивший соратник завертелся в воде, что-то высматривая на темном своем берегу и на освещенном фарами чужом.

— О! Гля! Мы куда плывем?!

— Вниз, к контрольному пункту, — отвечал Игорь Николаевич.

— Мы, блин, вверх плывем!

И действительно — река сама довольно быстро тащила их против течения. Это можно было определить по тому, как уплывали назад редкие огоньки фонарей в древесных кронах. А вот мотоциклетные фары вкупе с треском двигались почти вровень.

Бородатое дитя, лежа на спине головой к устью реки, пыталось справиться с течением, но без толку. Его несло к истоку — и ногами вперед.

— Река взбесилась! — выкрикнуло оно, и тут же раздался голос, усиленный мегафоном:

— Эй, в реке! Вы арестованы! Сопротивление бесполезно!

Тут же пловцов настигли два световых пятна.

— А хрен тебе! — огрызнулся соратник, проваливаясь в воду задом и тут же принимая вертикальное положение.

Вдруг пятна улетели назад, мотоциклисты понеслись куда-то прочь.

— Во! Класс! Понял! — крикнул Игорю Николаевичу его спутник, похоже, очень довольный этим приключением. — Они думали, будто это мы — на машине! А те подождали, пока они за нами!.. И — ходу!.. Сейчас все образуется!

Игорь Николаевич не поверил, но несколько минут спустя река пе-

рестала безобразничать и потекла в нужную сторону. Тогда он тоже лег на спину, чтобы перевести дух.

В голове творился страшный кавардак. Вспомнилось что-то древнегреческое — водяные чудища Сцилла и Харибда, которые то ли кусались, как акулы, то ли вообще были двумя страшными водоворотами, затягивавшими в себя навеки. Река явно тащила к какой-то страшной западне — но только как это вообще было возможно? Разве что река на самом деле оказалась какая-то механическая...

Тут Игорь Николаевич услышал плеск, повернул голову и увидел, что бородатое дитя быстро плывет к чужому берегу.

Догонять уже не было сил.

— Стой! Куда? Я сейчас так заору! Все патрули сбегутся! — предупредил он.

— Да ладно тебе... — через плечо булькнуло дитя. — Какая разница?

— Я докладную напишу!.. У тебя абонемент заберут без компенсации!.. Это не подействовало.

— И черта с два ты узнаешь, откуда они берутся!

— А я другой абонемент куплю! Я не нищий! — был ответ.

Перебранка получалась какая-то дурацкая, но ничего лучше Игорь Николаевич придумать не мог.

— А тебя в базу данных внесут! — пригрозил он. — Будешь персона нон грата!

— Какая персона?

— Поворачивай! — крикнул Игорь Николаевич этому безграмотному чудаку и, вдруг ощутив каменной тяжести равнодушие ко всему на свете, поплыл к своему берегу.

Когда он вышел на сушу, его покачивало. Он повернулся к реке и увидел, что по ней ногами вперед плывет враг в черном костюме с бейджиком на лацкане. Игорь Николаевич только вздохнул — возможно, это был уже не первый враг, поплывший к клиенту без парфюмерной обработки. Нетрудно представить, какая утром будет головомойка.

Имело ли смысл ее дожидаться?

Он мог просто взять свое имущество в бытовке и прямо ночью навсегда покинуть Центр восточной мудрости. Насколько он знал здешние нравы, гоняться бы за ним не стали. Конечно, хрен тогда увидишь, как течением проносит мимо тебя труп врага. Но головомойка?.. Но труп?.. Но головомойка?..

Игорь Николаевич был не в состоянии что-то решить и побрел вниз по течению.

— Эй! Ты куда намылился?! — раздалось с середины реки.

Игорь Николаевич ничего не ответил.

Бородатое дитя сменило курс, поплыло наперерез Игорю Николаевичу, вылезло на берег чуть позади и рысцей нагнало его.

— Ну что ты, в самом деле! Шуток не понимаешь? Ну, сходили, посмотрели... Ну, поплавали, подумаешь, событие...

Отвечать на это не хотелось. Когда взрослый мужик корчит из себя наивного младенца — даже не всякой бабе понравится. А своему брату мужику — очень скоро станет противно.

— Ну, слушай, давай по-хорошему разойдемся! — предложил оболтус. — Тебя как звать? Меня — Никитой!

Игорь Николаевич не имел никакого желания знакомиться и промолчал.

— У меня там, в раздевалке, кредитки, я на твой счет сто часов внесу! Мало, да? Полтораستا! Вечерних! А то я не знаю, какого черта ты ночью вкальываешь! Вот скажи, сколько тебе за смену платят?

— Не твое дело, — буркнул Игорь Николаевич.

— Ну, десять часов, да? Двенадцать? Четырнадцать? — стал выкрикивать Никита. — Да что ты, в самом деле, надулся, как индюк! Мужик ты или где?

Игорь Николаевич отвечать не хотел, но вдруг увидел перед собой такое, что слова выскочили изо рта сами:

— Вот именно, что где...

— Мама... — прошептал озадаченный Никита.

Берег был перегорожен высококой, не менее трех метров, проволочной сеткой, заходящей далеко в воду. Ее удерживали толстые бетонные столбы, и на каждом горела слабая лампочка.

— Ничего, мелочи, мы ее по воде обогнем... — тут же придумал Никита.

— Не обогнем.

На чужом берегу царила какая-то суета — понаехали мотоциклисты, гуляли пятна света, черные силуэты сбились в плотный ком — похоже, вокруг металлического куба на ноге...

— Мамочка родная... — задумчиво сказал Никита. — Так что, нам тут до утра тусоваться?

— Выходит, так.

Они минут пять тупо простояли возле проволочной стенки.

— А ячейки крупные... — заметил Никита. — Слушай, может, выдержит?

И, не желая ждать возражений, тут же начал карабкаться на стенку.

Сверху, наверное, со столба, раздался негромкий вой.

— Ну что ты за идиот! — воскликнул Игорь Николаевич.

Но было поздно — с того берега на них нацелили фару. Поймали или нет — неведомо.

Никита сорвался со стенки и кинулся в кусты, Игорь Николаевич — за ним.

— Ну все, с меня хватит. Пошел сдаваться, — сердито сказал Игорь Николаевич.

— Куда еще сдаваться?

— На ближайший распределительный пункт, — с совершенно казенной интонацией ответил Игорь Николаевич.

— И что? — растерянно спросил Никита.

— И все. Напишу докладную, как за тобой гонялся. Может, не выгонят.

— И напишешь?

— И напишу. Как ты меня подставил.

— Я тебя подставил?! — возмутился Никита.

— А то кто же. Я из-за тебя работу терять не собираюсь.

Тут произошло чудо — Игорю Николаевичу понравился его собственный голос, понравилось, как сложились вместе и зазвучали слова. Оказывается, можно говорить о своих правах, не извиняясь каждым звуком и взглядом за то, что живешь на этом свете, и не поддаваясь на этические провокации. Это было странно для него — но приятно.

— Так тебе же самому интересно было... — безукоризненно правдиво заявил Никита.

— Что — интересно?

— Откуда они приплывают.

Вот тут-то Игорь Николаевич и потерял наконец терпение.

Он и не подозревал, что способен кричать на человека.

— Мне наплевать, откуда они приплывают! Мне — начхать! Мне все равно, откуда приплывет труп моего врага! Мне все равно, откуда он возьмется! Мне нужен труп моего врага, и я за это деньги плачу, я за это вкалываю!

— Ну, тихо, тихо... тихо, говорю... услышат же... уже услышали!

Луч пронзил кусты — возможно, в сплетении дохловатых веток нарисовались два съежившихся, как коты на заборе, силуэта. А может, и нет — но все равно сделалось страшновато.

Никита вскочил, дернул Игоря Николаевича за руку и потащил его прочь, вдоль железной сетки — в колючие заросли. Кажется, это был шиповник — Игорь Николаевич, потомственный горожанин, крайне

редко соприкасался с шиповником, и аромат, непохожий на аромат магазинных роз, ничего ему не сказал.

Через несколько метров они вывалились из зарослей, им под ноги подвернулась ровная дорожка, и они, не задумываясь, понеслись по ней, что есть сил. Потом потихоньку перешли на шаг и метров с полсотни брели, пыхтя и отдуваясь.

— Если я из-за тебя отсюда вылечу... — сказал Игорь Николаевич, а на большее не хватило дышалки.

— Ну и что ты мне сделаешь? купишь новый абонемент... пуф-ф... и сядешь на берегу ждать... пуф-ф-ф... мой труп?

— Тихо...

Они вышли на открытое место, невольно остановились и, опять же невольно, переглянулись.

Перед ними была лужайка, а за ней — белый павильон, словно фарфоровый или же словно изваянный из лунного света, словом, невозможно красивый и, как им показалось, подвешенный в воздухе. Силуэтом он напоминал пагоду, в высоких окнах горел свет.

— Мама, это что? — спросил потрясенный Никита.

— Тихо... — повторил Игорь Николаевич. Ему было не до красоты — имея неплохую зрительную память, он тем не менее не мог припомнить, чтобы в «Береге надежды» или в «Свете ожидания» публиковалась такая прелестная картинка, а ведь эти издания использовали все, что хоть как-то годилось для рекламы. Стало быть, павильон подозрительный. И лучше близко не соваться.

Однако неумный Никита подкрался, вернулся и доложил — павильон стоит на мостике, оседлавшем ручей, а ручей, кажется, впадает в реку. Вот потому и казалось, будто домик подвешен.

Игорю Николаевичу тоже стало любопытно — почему вдруг на мостике? Места, что ли, мало?

Они вдвоем подкрались поближе, и очень вовремя — дверца в нижнем ярусе павильона отворилась и по пандусу, очень похожему на детскую горку, в ручей ногами вперед съехало тело в черном костюме-тройке и со скрещенными на груди руками. Оно уплыло по ручью туда, где у самого устья из темноты вышел человек в юкате и повязке, багром развернул его так, чтобы оно красиво уплыло в реку.

— Еще один враг... — в беспредельном отчаянии пробормотал Игорь Николаевич, и вдруг его озарило — они с Никитой забрались уже довольно высоко, может статься, этот враг должен плыть в какой-то другой рукав, где его ждет совсем другой парфюмер. Вот было бы здорово...

Никита же завел старую мелодию:

— Слушай, откуда они там берутся? Их что, на вертолете привозят?

Игорь Николаевич только вздохнул. Он не хотел даже думать, откуда берутся враги.

Никита, пригибаясь, подбежал к павильону, вошел в ручей, забрался под мост, посидел там какое-то время, а потом вылез и сбоку подобрался к окну. Понаблюдав, он сделал Игорю Николаевичу жест: живо сюда!

Игорь отмахнулся, но Никита затеял целую сигнализацию. Его силуэт так нагло выделялся на белой стенке павильона, что Игорь Николаевич не выдержал и пошел прекращать это безобразие.

В конце концов, он в любую минуту мог сказать, что преследует оборзевшего клиента. Другой вопрос — кто бы ему поверил?

— Ты должен это видеть, — прошептал висящий на стенке Никита. — Должен, понимаешь?

Впервые за время их краткого знакомства Никитины слова прозвучали убедительно.

Игорь Николаевич ступил на довольно широкий карниз, ухватился за лепнину и сбоку заглянул в окно.

Он увидел помещение, освещенное сильными лампами, наподобие операционной. Увидел несколько мужчин и женщин в белых юкатах и повязках возле высокого рабочего стола, на котором стояли компьютеры и лежали раскрытые гримировальные наборы.

Женщина вывела на монитор мужской портрет, увеличила, опять уменьшила, выделила глаз с бровью, потом рот и, повернувшись, приказала:

— Враг номер семьсот тридцать четыре — восемьдесят один. Рост — сто семьдесят шесть, телосложение — плотное, шатен — семь или восемь, автокатастрофа.

Плотный мужчина простецкого и даже малость алкогольного вида повторил за ней:

— Есть сто семьдесят шесть, плотное, шатен семь или восемь, автокатастрофа.

Он ушел, женщина перешла к другому монитору и вывела другую картинку, портрет старика.

— Враг номер семьсот тридцать четыре — восемьдесят два. Рост — сто семьдесят восемь, телосложение — худощавое, седина — два или три, естественная смерть. Особые приметы — на левой руке отсутствуют безымянный палец и мизинец, — сказала она. — Ну, живо, живо. У нас еще до конца смены штук сорок.

— Есть сто семьдесят восемь, худощавое, естественная, два или три, безымянный и мизинец, — ответил другой мужчина. — Где там у нас кусачки?

— Вот, — девица в изумительно короткой юкате подала ему инструмент, и он, подойдя к раздвижной двери, пропустил каталку, на которой первый мужичок вез большую белую куклу с черными ступнями, раскрашенными как башмаки. Поперек куклы лежала одежда, поверх одежды — шатенистые парики. Две немолодые женщины тут же начали одевать куклу в рубашку и брюки. Первая, поглядывая на монитор, стала готовить грим, смешивая у себя на запястье нужные цвета.

К ней подкатили одетую куклу, и женщина очень быстро и метко стала ее гримировать. Первый мужчина принес баллон и перепачкал синтетической кровью одежду и руки куклы.

Все это было проделано ловко, деловито, профессионально.

Затем на куклу натянули парик, подвезли ее к люку и отправили в плавань.

Игорь Николаевич и Никита, прилипшие к стене, проводили ее взглядами.

— Ну ни фига ж себе... — пробормотал Никита.

— Пошли отсюда... — попросил Игорь Николаевич. Больше всего на свете ему сейчас хотелось проснуться.

— Чего пошли, чего пошли?.. Я этого так не оставлю! У них же тут целый склад! Раз-раз пальцем — готово, враг! И в речку его! — Никита опомнился наконец, и в нем заклокотало законное возмущение клиента, которому вот-вот подсунут липу.

У Игоря Николаевича было ощущение, будто он угодил в картину Брюллова «Последний день Помпеи». Мир рушился, смятение достигло предельного градуса, но там, на картине, можно было хоть прижаться к кому-то близкому, а тут? К Никите?!

— Ну на кой черт мы сюда приперлись?.. — простонал он тихонько.

— А чего? — удивился исполненному тоски голосу Никита.

— Так если поймают, да еще здесь, точно выпрут...

Игорь Николаевич, собственно, хотел сказать что-то другое, только слов не подобрал.

— А не выпрут — ты так и будешь вкалывать в ночную смену парфюмером, а на заработанные часы ждать врага?

Это ожидание, исполненное прекрасного неведения, показалось Игорю Николаевичу утраченным раем.

— Ну, только-только жизнь наладилась... — пробормотал он.

Никита молча пошел вверх по течению ручья. По дороге нагнулся, подобрал камень, удобно лежащий в ладонь.

— Ты куда? — обреченно спросил Игорь Николаевич.

— На склад.

— Идиот...

— Чего идиот? Он где-то там, зуб даю. Представляешь — полки, полки, а на них враги, враги... Это надо видеть!

Как-то так получилось, что Игорь Николаевич поплелся следом.

Как всегда, когда подступала тошнота, а воспротивиться обстоятельствам было страшно, Игорь Николаевич нырнул в мир мечты. Там жили и ждали его готовые к бою спецназовцы, но он мановением руки отклонил их услуги. Спецназовцы никуда не денутся — а вот прощание с трупом врага, столько дней бывшее реальным, стремительно перетекало в область мечты — и следовало прописать его там поскорее, сделать незримым для посторонних утешением. Наперекор всему, наперекор ночным открытиям! Враг-то все еще был реален.

Игорь Николаевич вызвал в памяти картинку — берег, кресла, бесшумных разносчиков с лотками. Это он умел. Рядом с собой посадил мужчину, с которым успел познакомиться, по фамилии Чердаков. И сразу перешел к делу.

На самом повороте нарисовалось продолговатое черное пятнышко.

— Кажется, ваш, — сказал Чердаков.

— С чего вы взяли? — с фальшивым равнодушием спросил Игорь Николаевич.

— А он, смотрите, к нам подгребает. Это не мой, так, наверное...

— Мой... — прошептал Игорь Николаевич. Этот торжествующий шепот еще следовало отрепетировать.

Тут произошло вторжение мокрой и грязной реальности.

Никитина рука, перемазанная в ржавчине, хлопнула по плечу.

— Да проснись ты. Какой-то бункер Гитлера, блин, — прошептал Никита.

Они стояли в коридоре, а коридор находился в подземелье какого-то большого здания. Вдоль стен тянулись грязные трубы, висели счетчики, что ни шаг — то жестяная дверь с засовом, то пустые ржавые стеллажи. В дальнем углу горела дежурная лампочка.

А ведь попали в этот кошмар очень даже просто — дошли до разрушенных теплиц, потом до какой-то сторожки, Никитина неугомонная натура погнала их в сторожку, там обнаружилась лестница... Какого черта спустились по этой лестнице? Какого черта свернули? Как вышло, что захлопнулась железная дверь?

— Туда! — воскликнул Никита и понесся по коридору. Игорь Николаевич в полном ошалении следовал за ним.

Никита хватался за все выступающие детали, дергал их, пытался провернуть, бормоча диковинные матерные конструкции. Наконец встал перед совершенно ровным и плоским участком стены, зашитым в железо, и стал поочередно двигать торчащие из щитка тумблеры. Железный лист поехал в сторону, открылась внутренность лифта. Кнопка у него внутри не было. Никита забрался туда, с немалым трудом позвал Игоря Николаевича и стал яростно прыгать, сотрясая не только кабинку, но и все окрестности. Железный лист вернулся на место, кабинка потащила вверх.

Игорь Николаевич жил на два фронта — он присутствовал в дергающейся кабинке и одновременно пытался понять, почему его вернули в разоренную квартиру и когда они с садистом успели так состариться?

Он никогда не считал себя тугодумом — в молодости так очень даже бойко мыслил и считался интеллектуальной душой безалаберной компании. Но на самом деле он и навыки беззаботной болтовни утратил, и скорости отточенной мысли не нажил. Только одно утешение оставалось — уж если он сейчас до чего-то со скрипом и скрежетом додумается, так это будет правда...

Лифт остановился, но ничего не поехало в сторону.

— Блин! — сказал Никита и бухнул кулаком в стенку. Загудело, и загудело нехило.

— Идиот, — в стотысячный раз проворчал Игорь Николаевич. С трудом отвязавшись от образа разоренной квартиры, он начал составлять речь. Если Никита своим буханьем переполюшит весь дом и явятся люди их вызволять, нужно будет сказать что-то умное. Гнал за нарушителем правил, да... Свидетели — ребята из мотоциклетного патруля, они вспомнят, как спугнули двух дураков, помчавшихся в воду, и упустили черный лимузин... если захотят вспоминать... Опять же — вой, который поднял потревоженный забор из крупноячеистой сетки! В принципе, весь путь Игоря Николаевича и Никиты отмечен какими-то зацепками, и если у высокого начальства будет охота разбираться — то его можно реконструировать и подтвердить алиби ночного парфюмера. А вот будет ли?

Из-за железной стенки раздались голоса. Она несколько сдвинулась, в кабинку проник пронзительный луч фонарика. Никита словно предвидел это — прижался к стенке, так что виден остался лишь Игорь Николаевич. Он прикрыл рукой глаза и отвечал на вопросы.

- Вы кто такой?
- Ночной парфюмер...
- Откуда?
- С шестнадцатого рукава.
- Карточка есть?

Игорь Николаевич отстегнул кнопку изнутри рукава юкаты, полез в кармашек, достал и протянул пластиковую карту.

— Сейчас идентифицируем... Точно. Как вы, ночной парфюмер, сюда попали?

- Преследовал нарушителя правил.
- Какого нарушителя?

Никита стал дергать Игоря Николаевича за подол, но тот даже не шелохнулся: своя юката ближе к телу.

- Клиент пошел вверх по реке, хотел узнать, откуда берутся враги.
- А вы?
- Погнался, хотел остановить. Он поплыл, я за ним...
- Дальше.

— Вышли на другой берег. Там... там стоял такой металлический куб, не знаю, как называется.

- Это контрольный модуль. Дальше.

Игорь Николаевич стал рассказывать, как прибыл черный лимузин с погашенными фарами, как примчался патруль, и успел уже дойти до крупноячейстой сетки. Никита сперва щипал его в соответствующее место, потом вдруг угомонился.

— Ясно, — сказал незримый следователь. — Сейчас вас выпустим. Не бежать, идти за мной спокойно, по сторонам не глядеть. А лучше — опустите свою повязку на глаза.

— С удовольствием! — воскликнул Игорь Николаевич. Он и сам не желал тут ничего видеть и понимать.

Когда стенка открылась настолько, что можно было выходить, он уже стоял с повязкой на глазах, протягивая вперед руки в надежде, что кто-то возьмет и поведет.

И взял, и дернул!

Но перед этим что-то крякнуло, что-то грохнуло, что-то еще и заскрипело.

Игорю Николаевичу пришлось пробежать, влекомому безжалостной рукой, с десяток шагов, пока он догадался сдернуть повязку.

Никита тащил его прочь от разверстой дырки в стене, за которой был лифт, а на полу валялся тот незримый следователь с фонарем. Луч упирался в потолок.

Ничего не соображая, Игорь Николаевич буквально влетел в какой-то закоулок, потом в дверь, в другую дверь, зажмурился от ужаса, а раскрыл глаза, лишь когда услышал возмущенную Никитину матерщину.

Они таки попали на склад врагов.

Все было так, как нафантазировал Никита: полки, полки, а на них враги, враги! Все — белые, лысые, разной комплекции и без половых признаков. Враги — и точка!

Никита тут же забаррикадировал дверь кучей кукол и завертелся в поисках иного выхода. Выход нашелся — дыра в стенке, к которой был прилажен довольно широкий и уходящий вниз, в черную глубину, желоб.

— Во, класс! — обрадовался Никита. — Ша разберемся!

Он спустил по желобу врага, отметив, что весит он немного, кило пятнадцать, и долго прислушивался. Потом спустил другого.

— Они в воду плюхаются. Черт, веревка нужна...

— На что тебе?

— Ты меня на веревке спустишь. И потом — плот вязать!

— Какой еще плот?!

— Из этих!

Похоже, Никита просто наслаждался маразмом ситуации.

В забаррикадированную дверь стали стучать. Никита схватил еще одного врага и отправил вниз по желобу.

— Веревку ищи! — кричал он, подтаскивая к дыре четвертого врага. — Ищи веревку, кретин!

Вообще Игорь Николаевич чувствовал себя комфортно, когда ему четко говорили — что делать, и даже вполне обходился без «почему делать». Однако сейчас на первый план вылезло «почему». Какого черта он, ночной парфюмер, должен вредить своей фирме — только потому, что клиент Никита взял да и спятил? Конечно, фирма занимается непонятными делами, но... но часы-то на карточку перечисляет исправно! А касательно этих белых кукол... ну, помилуйте, какой смысл воровать из морга настоящие трупы? Так куда гигиеничнее, и важен не физически аутентичный враг, но образ плывущего и уплывающего врага, да, именно образ, за ним сюда и приходят...

Оправдав впопыхах Центр восточной мудрости, Игорь Николаевич завертел головой — но не в поисках веревки. Он искал то самое, что называется в протоколах тупым тяжелым предметом. Он хотел вывести Никиту из строя хоть ненадолго — чтобы сдать его охране.

Самым подходящим показался... враг.

Если треснуть пятнадцатикилограммовым предметом по голове, то, пожалуй, уложишь надолго.

Игорь Николаевич потянул за ноги куклу удобного размера и перевалил ее с полки себе на плечо, да так, что она повисла кверху задом. Теперь он, подойдя, мог резко качнуться вперед, одновременно дергая за вражьи ноги, и треснуть Никиту по его дурной лысине.

Ничего путного из этой затеи не вышло.

Дверь, заваленная врагами, стала приоткрываться. Баррикада из врагов ползла медленно, однако ползла, и в распоряжении Игоря Николаевича и Никиты было хорошо если секунд сорок.

Игорь Николаевич еще мог успеть ударить Никиту, но встал пнем — руки-ноги вдруг отказали. В голове же образовалась трогательная идея: нет, не бить надо эту любознательную скотину, втавившую его в крупные неприятности, а внести в компьютерную базу данных и ждать в дешевые утренние часы выплывающую из-за поворота куклу с бородой и лысиной! С учетом обстоятельств руководство Центра наверняка сделает Игорю Николаевичу индивидуальную скидку на Никиту...

Тут вдруг воображение издевательски предъявило дорогой керамический чайник. А больше ничего предъявить не успело — Игорь Николаевич и сам не понял, как полетел в дыру и поехал по желобу в черную неизвестность, яростно брыкая куклу, в чьих конечностях запутался, казалось, навеки. Да еще и в голову уперлось что-то непонятное, потом выяснилось — сандалия Никиты.

Они поочередно плюхнулись в воду и, держась за белых врагов, стали молотить ногами, отплывая подальше от желоба.

Тут никакой свет не горел, а плавать впотьмах — довольно страшно, тем более что и перекликаться они боялись. Наконец им удалось как-то нашарить друг дружку, и течение потащило вниз странную композицию из нескольких белых тел, связанных поясами от юкат, и двух торчащих меж ними человеческих голов, одной — длинноволосой и бритой, другой — лысой и бородатой.

В композицию ударил световой луч, тут же раздался выстрел с берега.

— Заметили, гады! — прошипел Никита. — Ты ногами работай, ногами!

После второго выстрела его голова исчезла под водой и через пару секунд опять появилась.

— Наше счастье, что они не резиновые! — радостно воскликнул Никита. — Сдулись бы — и кранты!

Больше выстрелов не последовало.

Они плыли до рассвета и здорово замерзли. У Никиты еще хватило наглости перечислять те марки дорогостоящих виски и коньяков, которыми теперь можно было бы согреться. Еще он пытался сплывать в воде впрыскав, держась за врагов, и даже спел для бодрости несколько матерных частушек.

Игорь Николаевич сплавлялся молча.

Поскольку ни выстрелов, ни погони не обнаружилось, они набрались мужества и вскарабкались на свой странный плот. Намного теплее от этого не стало.

Нужно было спасаться. А спасение Игорь Николаевич знал одно.

Спасением для человека, угнетенного голодом и холодом, мог быть только враг. Мечта о прекрасных минутах прощания обязана была и согреть, и внушить желудку чувство сытости.

Игорь Николаевич опять вызвал перед умственным взором вид берега со всеми его особенностями, с огромным экраном, с Чердаковым, занявшим соседнее кресло. И представил себе оживившееся лицо Чердакова.

— Кажется, ваш, — сказал сосед.

— С чего вы взяли? — с фальшивым равнодушием спросил Игорь Николаевич. На сей раз это получилось уже лучше.

— А он, глядите, к нам подгребает. Это не мой, так, наверное...

— Мой... — прошептал Игорь Николаевич. Этот торжествующий шепот должен был сопровождаться улыбкой, но простодушной или мэфистовельской — Игорь Николаевич еще не решил.

— Вы постоитте немного, дышите полной грудью, — подсказал Чердаков совет из очередного номера «Света ожидания». — Выдыхайте полностью.

Игорь Николаевич сделал шесть вдохов-выдохов и шагнул в воду. Ощущение прохладной влаги было настолько родным и близким, что мир мечты ожил окончательно.

Тело садиста подплыло совсем близко, его уже можно было придержать, чтобы заглянуть в закрытые глаза. Он это и сделал.

Но мир мечты все же был проекцией реального мира, а в реальном обнаружилось мошенничество. Ощущение неправды мешало отдаться прекрасному мгновению, и Игорь Николаевич, пытаясь спасти эпизод, перевел стрелки — не мошенничество, а ошибка! Ему сплывали не тот труп! Он стал озираться — может, просто течение сыграло шутку и сейчас кто-то из зрителей кинется в воду с воплем: «Мой! Мой!». Но зрители смотрели не на тело, а на самого Игоря Николаевича. И это уже

было самым что ни на есть реализмом — труп врага ничего принципиально нового собой не представляет, а вот клиент — это уже готовый спектакль.

— Клиент, соберитесь с духом, — услышал он усиленный рупором знакомый хрустальный девичий голосок. — Вы должны уложиться в десять минут. Тормозите его, а то упустите, тормозите!

Ноги уже миновали Игоря Николаевича, и он, как гласила инструкция, встал лицом к истоку реки, спиной — к устью, и двумя руками аккуратно взял труп врага за плечи. И тут эпизод, которому предстояло занять блистательное место в квазивоспоминаниях Игоря Николаевича, словно взбесился. Ошибка, которую он изобрел, чтобы не признавать мошенничества, начала какую-то свою игру...

Нет, это определенно не был садист. Игорь Николаевич забеспокоился — враг не мог так разительно измениться. Но, позвольте, когда же он последний раз видел своего учителя?

Стоя по пояс в воде и придерживая врага, он наклонился, вглядываясь в лицо. Смотрел долго. И понимал: этот отощавший старик, вылепленный из голубоватого воска, совсем беззубый и жалкий, — враг.

На секунду Игорь Николаевич перестал понимать — что же такое «враг». И есть ли что-то общее между тем, кто за годы ожидания освоился в его душе, занял там немалое место, обжился со всеми своими древними пакостями, и покойником, плывущим по реке.

И понял — ничего общего.

Хотя бы потому, что этот голубоватый старик действительно мертв, а тот крепкий мужик в расцвете лет, сварливый и злобный, жив. И будет жив, пока о нем помнят...

Оставалось только молча оттолкнуть покойника и повернуть к берегу.

И тут же последовало неожиданное продолжение — Игорь Николаевич увидел себя в своей квартире, с высокохудожественным восточным чайником в левой руке. Его доставили домой транспортом Центра, но в квартиру он занес свой приз сам — ему не хотелось, чтобы сотрудники Центра видели жалкое жилище, где остались только продавленная тахта, стол и стул. Шторы с окон — и те были отданы дворничихе, которая за них притащила два мешка крупной картошки со своего огорода. На самом деле, конечно, мебель имелась, и шторы висели, это он знал четко, однако вид разоренной квартиры был куда правдивее правильного воспоминания о ней.

Игорь Николаевич поставил чайник на стол, сел на одинокий стул

и задумался. Что-то было не так. Крепко не так. Иначе он представлял себе прощание с трупом врага. И уж во всяком случае не догадывался, что прощание с трупом и прощание с врагом — отнюдь не одно и то же. «Но почему старик? — спросил он себя. — Позвольте, если он — старик, так и я ведь — старик, мы, кажется, были ровесниками?..»

Математика лет и дат закувыркалась в голове...

Он открыл глаза. Плавание продолжалось — с той же скоростью и в том же мраке.

Когда уже можно было разглядеть пейзаж, Никита забеспокоился. Их несло по широкой и прямой реке, лишенной какого бы то ни было дизайна — ни тебе куста приличного, ни кресел, ни беседок. Совершенно безлюдный и безжизненный был пейзаж.

— Слушай, это что? Ты тут был? Во, блин, куда это нас занесло?..

— Это та самая Большая река, по которой невостребованных врагов отправляют в море, — сказал Игорь, понимая, что несет ахинею. Но он вычитал эту ахинею в глянцевоm журнале — да и другой в его распоряжении пока не было.

— Я не хочу в море!.. — возмутился Никита. — И какие, блин, враги? Нет никаких врагов! Залипуха это! Кидалово! Какое, к черту, море?!

Орать можно было хоть до скончания века — течение тащило их по прямой, как шоссе Петербург—Москва, реке с ровной и неумолимой скоростью.

То справа, то слева в реку впадали речушки — Игорь Николаевич догадался, что они и есть те самые рукава, на берегах которых стояли кресла.

Наконец появились признаки цивилизации — металлические кубы на ножках, уходящие в воду резиновые трубки, торчащие из воды штыри с датчиками.

— Приземляемся, — распорядился Никита.

Они развязали пояса юкат, от чего плот стал разъезжаться во все стороны, сползли в воду и доплыли до берега. Солнце уже выглянуло, уже немного грело, и они, стянув с себя юкаты, растянулись на полосу крупного серого речного песка.

Разрозненные белые враги поплыли дальше по течению.

Никита некоторое время еще смотрел им вслед.

— Плывите, голуби, плывите... — пробормотал он и повалился на гравий.

Наконец солнце пригрело их, высушило ситцевые юкаты, и оба ма-

лость ожили, даже смогли вступить в беседу о пейзаже. Хотя Никита и утверждал, что разбирается в технике, но ничего подобного в жизни не видал.

Игорь Николаевич подобрался к какой-то колонке, вылезавшей из кучи песка, и прислушался. Колонка жужжала. Он сказал об этом — как будто это имело какой-то смысл.

— Я сам сейчас зажужжу, — пообещал Никита.

Он тяжело встал и тут же присел на корточки.

— Ты чего? — удивился Игорь Николаевич.

— Чего-чего! Сам смотри!

Игорь Николаевич поправил повязку на лбу, встал и увидел за кирпичным заборчиком сверхсовременное здание с открытой террасой, со стеклянными кабинками, в которых стоят компьютеры, с множеством припаркованных машин. Прекрасно одетые господа и дамы носились взад-вперед, совещались по двое и по трое.

Игорь Николаевич и Никита гусиным шагом подкрались к этому бизнес-великолепию.

Кирпичная ограда была ажурной — с квадратными дырками, образующими примитивный узор. Сквозь них можно было наблюдать, а голоса доносились неплохо — особенно когда, пробравшись поближе, Игорь Николаевич и Никита оказались возле кафетерия под тентом.

Двое мужчин в светлых костюмах по три тысячи евро встали из-за столиков и пошли к большим стеклянным дверям прекрасного сверкающего здания. Правда, сами они не больно-то соответствовали своим костюмам — рожи излучали малоприятную сытость, свойственную высоко поднявшимся жуликам.

— Ты прикинь, пропускная способность всех рукавов, вместе взятых — не менее пяти тысяч часов в сутки, — объяснял один другому. — Допустим, какие-то любители сверхскоростей воруют по двадцать—тридцать часов за ночь, в месяц — ну, тысяча часов. И все равно мы имеем не сто пятьдесят тысяч часов, а где-то сто тридцать. Я читал месячный отчет, я знаю, пусть они другому лапшу на уши вешают. Поэтому нельзя сравнивать цену местного часа с ценой, скажем, китайского часа. Они никак не выйдут на заложенную в проекте отпускную цену, и вкладываться в эту реку я сам не буду и тебе не советую.

В голосе сквозила фальшь — бизнесмен в меру актерских способностей отгонял собрата от кормушки.

— Кстати, китайский час — это совсем другая плотность времени,

— возразил собеседник, явно пропустивший вранье мимо ушей. — Я бы, скорее, перевел половину продукта в финские часы и придержал немного...

В предложении тоже была ловушка — очевидно, финские часы, если их придерживать, сильно потеряют в стоимости.

Как Игорю Николаевичу удалось это понять — он не знал. Само получилось. Или же свершилось чудо — количество перешло в новое качество, и общий гигантский объем желания быть обманутым, но так обманутым, чтобы душа пела, перекувырнулся и обратился в свою противоположность — в крошечный объем желания мыслить правдой.

Бизнесмены ушли, а с террасы спустились деловой мужчина и деловая женщина. Эти беседовали странно — не отпуская от ушей мобильников.

— Ага, да. Если время слишком придерживать — останешься на бабах. Нет, не надо. Вот в Нигерии запускают новую реку. Восемь годовых, — говорил мужчина, и женщина, чем-то похожая на Еву, его не переспрашивала — значит, понимала. — Там населению все равно больше делать нечего — будет сидеть и ждать врагов, а вот как раз врагов там немерено. Девять годовых.

— Сказал тоже — африканский час! Отгружайте сегодня же. Ты знаешь вообще, какой курс у африканского часа относительно американского? И отправляйте немедленно, — ответила она сразу двум собеседникам.

— А ты не забудь, что на рынок уже выбросили мексиканский час. Нет, десять годовых — это уже подозрительно. Мне предложили восемьдесят тысяч мексиканских часов — а они, учти, очень плотные, и их все авиакомпании берут очень охотно. Я уже не говорю про федеральные космические программы...

— Чтобы к вечеру все было отправлено. Мексиканская река долго не продержится. Мексиканцы не будут ждать врагов, а пойдут и пристрелят. А документы я подпишу утром. Давай лучше купим рукав в норвежской реке.

— Так там время какое-то водянистое, энергия вялая! Его потом никому не спихнешь! Норвежский час — это для инвалидной коляски...

Игорь Николаевич и Никита, сидя на корточках, слушали эти беспредельно деловые разговоры, и туман у них в голове, более плотный и вязкий у Игоря Николаевича, более воздушный и невесомый у Никиты, начинал рассеиваться.

— Тут какое-то вранье, я ничего не понял — это же мы платим за часы... — прошептал Игорь Николаевич, хотя на самом деле почти все до него дошло, он только хотел подтверждения своих прозрений.

— Зато я понял. Кидалово — вот что это такое! — отвечал злой Никита. — Мы платим за то, чтобы они отняли у нас наше время! А вот куда они денут время...

— Время — деньги? — повторил давнюю формулу Игорь Николаевич, но выводов из нее сделать не сумел, зато сумел Никита.

— Время — скорость! А я-то, дурак, никак понять не мог, почему эти новые «феррари» на наших дорогах триста кэ-мэ делают! А они время вместо бензина жрут! Прыг, прыг! Где у меня на дорогу три часа уходит, у «феррари» — двадцать минут!

— Все равно непонятно, — как человек, никогда не имевший машины, Игорь Николаевич сразу не уловил связи между потоком времени, имевшим для рода человеческого вид плавно текущей реки, и какими-то «феррари».

— Ну и дурак. Бизнес это, понимаешь? Бизнес! Нефть — тьфу! А это — настоящий бизнес! Нефтяники могут отдыхать! Это же передел мира — вот что это такое! Но я себя дурить не позволю! Надо возвращаться к нашим, все рассказать и всем вместе потребовать обратно деньги.

— Я понятия не имею, где наш рукав, — мрачно сказал Игорь Николаевич.

— Я тоже. Пошли... ну чего ты?..

— Пытаюсь понять окончательно...

И он действительно пытался — вот только перед глазами все время поворачивался то боком, то носиком большой восточный чайник.

— А чего тут понимать? Мы — сидим, а время — течет! И, заметь, течет из нашего кармана в их карман! Ну, бизнес же! Пошли, пошли, надо выбираться...

Море мирового бизнеса, куда впадали все реки, и норвежская, и нигерийская, Никита проклял всеми известными словами и повел Игоря Николаевича вверх по течению. И вел его довольно долго. Есть и пить хотелось невыносимо, но речную воду они даже пробовать боялись.

Берег с рядами кресел уже казался любимой и желанной родиной. Он являлся в приятных воспоминаниях, дававших силы брести дальше.

— Я бы сейчас лягушку съел. Только они тут не водятся. А у нас на берегу, наверное, уже горячие пирожки разносят, — тосковал Никита.

— У нас в чайной теперь можно суши заказать, — добавлял тоски Игорь Николаевич.

— Я слышал, у нас теперь тем, кто остается ждать врага ночью, будут выдавать пледы, чтобы не мерзли, усугублял тоску Никита.

Несколько раз они переходили вброд речушки, впадавшие в большую реку, причем Никита весьма авторитетно утверждал, что это еще не их рукав. У каждого такого устья стоял контрольный модуль, мимо которого они проходили то вздыхая, то ворча, то фыркая.

Наконец Никитино любопытство, временно притихшее, дало о себе знать.

Никита подошел к металлическому кубу и стал его изучать, то принося к стенке щекой и ухом, то обшелкивая куб со всех сторон, и даже обнюхал его основание.

— Ты чего? — спросил Игорь Николаевич.

— Слушай, а чем это они тогда присосались? Я тоже так хочу. Где-то в заборе есть дырки, они приезжают и подзаряжаются... Знаешь, наверное, эта хреновина продается на автозаправках, или нет... где-то же она продается! Они на нашем времени ездят, а мы?.. Как дураки?..

— Пошли. А то вообще тут с голоду помрем, — предупредил Игорь Николаевич.

Ему очень не хотелось думать о железных кубах, загадочных аппаратах, противозаконно откачивающих время, и прочих неприятностях.

И тут Никита — очевидно, уже оттаяв после ночного спуска по реке — наконец взорвался.

— Нет, ну какое свинство! Мимо нас миллионы плывут! Миллиарды! А мы?!

Он пнул стальную ногу куба раз, другой, взвыл — не в плетеных сандалиях такие сражения производить, опустился на корточки, быстро разрыл песок и попытался выкорчевать куб с корнями.

Игорь Николаевич заткнул полы юкаты за пояс, медленно перешел очередное устье — воды было по пах, самый неприятный уровень, — и побрел вверх по течению.

Никита выпрямился, но продолжал бушевать.

— Честное слово, выберемся — все тут разгромяю к чертовой бабушке! У меня все прихвачено...

Игорь Николаевич шел, не оборачиваясь, Никита постоял, пнул на прощание железную ногу и побрел следом, выкрикивая:

— Да сюда ветеранов прислать на трех бэ-тэ-эрах! С калашами, с гранатами! Они тут живо разберутся! Все разнесут! Восток, блин! Сам камуфлю надену и на головном бэ-тэ-эре пойду!.. Мировой бизнес, блин! Я им его в задницу затолкаю... Мочить, мочить и еще раз мочить!..

Он завелся всерьез. Очередную речку вроде бы узнал, сам пошел вперед — вверх по ее течению, но при этом так и сыпал угрозами. Игорь Николаевич даже посмотрел на него пару раз с уважением — кажется, этот может показать всей восточной мудрости кузькину мать. Поведение Никиты в доме, где обнаружили склад врагов, свидетельствовало: мужика лучше не злить. Конечно, темперамент у него — как у капризного дитяти, все ему сей же миг вынь да положь... Но для Игоря Николаевича любое открытое проявление чувств было недоступным ему самому героизмом. Даже такое, как у Никиты.

Речка оказалась неправильная, пришлось возвращаться обратно. Жажда так допекла — выпили подозрительной водицы из большой реки. Не умерли. Пошли дальше. Ночевали в кустах, вырыв в песке ямки, чтобы хоть ветром не обдувало.

И только наутро, еще дважды сбившись с пути, они выбрали по мелководью туда, где стояли знакомые кресла, знакомый экран и сидели ожидающие.

— Ну, ща я их... — тихо сказал Никита и нехорошо посмотрел на экран — видимо, с него и решил начать.

А Игорь Николаевич вдруг увидел в полупустом первом ряду Еву. Вернулась!..

Он побежал к ней. Никита, ничего не поняв, двинулся следом.

Ева, как всегда, грызла чипсы, перелистывала журнал и смотрела на реку. Игорь Николаевича она заметила, лишь когда он опустился перед ее креслом коленями на влажный серый песок.

— Ева!.. — хрипло позвал он.

— Мочить... — мотая ошалевшей башкой, пробормотал Никита.

Ева, узнав жениха, радостно улыбнулась и протянула к нему руки.

— Я знал, что ты придешь, я знал, что ты не можешь так уйти... — твердил совсем измочаленный Игорь Николаевич, а Никита озирался в поисках дрына.

— А куда же я денусь? — с милой тихой обреченностью спросила она.

— Ну вот... вот и встретились...

— Во! — заорал Никита.

На берегу появились две новинки — белый павильон у самой воды и указатель с дощечкой, а на ней слова «Обменный пункт» и стрелочка. Внизу была приколата бумажка с курсом вечернего, утреннего, среднесуточного, финского и итальянского часов.

Дрын, к которому крепилась дощечка, был не деревянный, как полагается, а из какого-то светлого металла. Но Никиту это вполне устраивало — и он решительно пошел выкорчевывать указатель.

— Ты не представляешь — оказывается, третьего врага ждешь с восьмидесятипроцентной скидкой! — поделилась Ева. — Вот, читай, у меня интервью взяли...

Она раскрыла журнал, показала разворот с картинками.

— Какого врага?.. — растерянно спросил Игорь Николаевич.

— Тебе не все ли равно? Ну, есть у меня еще один враг, я про него даже забыла, представляешь?.. Забыть про врага! Ужас! А потом, конечно, вспомнила.

Игорь Николаевич молча поднялся с колен.

— Ты что? — спросила Ева.

— Сюда, Игореха! — крикнул сражавшийся с указателем Никита. — Мочить будем! Помогай! Мочить!

Оказалось, дрын в песок воткнули не просто так — а в бетонную лепеху, и она, закаменев, крепко его держала.

Вдвоем они вытянули эту лепеху из неглубокой ямы, и Никита поволок ее, чтобы она набралась инерции и раскрутилась в его руках, словно гигантская булава.

Тут к нему подбежала девушка в повязке.

— А мы вас всюду ищем! — воскликнула она и схватилась за мобилку: — Враг номер семьсот тридцать пять — двенадцать, выводите на течение!

После чего она, схватив Никиту за руку, повернулась к Игорю Николаевичу:

— Вы не волнуйтесь, ваш враг тоже скоро проплывет, вы садьте, отдохните...

— А пошли вы все вместе с этими!.. — невежливо выразился Никита, но девушку это не смутило.

— Вы ведь похоронный марш заказывали? И костюм? Идемте скорее! Скорее, враг через три минуты будет здесь!

Она за руку поволокла Никиту в белый павильон.

— Игореха, подожди, я скоро! — крикнул Никита, оставляя в руках у Игоря Николаевича страшный дрын с бетонной лепехой. И был втянут в двери павильона.

— Вот повезло человеку! — сказала Ева. — Ты чего молчишь? Садись. Это будет классное прощание.

Игорь помотал головой.

Бухнули тяжкие аккорды похоронного марша в исполнении гигантского духового оркестра.

Из павильончика вышел Никита — весь в белом. Костюм-тройка с бабочкой явно были от лучшего кутюрье. Он встал у самой кромки во-

ды и покосился на экран, где мог видеть самого себя — невыносимо элегантного.

Рядом сразу оказалась фантастически красивая девушка в бикини.

С обеих сторон набегали операторы с камерами и прочая пресса. Все были заняты только Никитой в эксклюзивном костюме, никому не было дела до человека в перепачканной юкате, стоявшего тут же с вывернутым из песка указателем.

Под буханье оркестра из-за поворота выплыло тело врага.

— Клиент, соберитесь с духом, — прошептала, прижавшись к Никите всеми своими соблазнами, девушка в бикини. — Вы должны уложиться в пять минут. Ступайте.

Никита медленно вошел в воду и двумя руками взял труп подплывшего врага за плечи — все, как положено. Следом вошла девушка и встала у него за спиной.

Музыка крепчала.

— Вашего врага больше нет. У вас впереди — слава, деньги, женщины, а у него впереди — великая пустота, — нараспев, профессионально поставленным голосом произнесла девушка. — Вас ждет счастье, вас ждет любовь! А у него уже не будет ни славы, ни денег, ни женщин, ни счастья, ни любви... Теперь — отпускайте. Отпускайте!

Никита снял руки с вражеских плеч, и тело медленно поплыло мимо него.

— Замечательно, — вполголоса похвалила девушка. — Теперь поворачивайтесь. И с достоинством возвращайтесь... не спешите, они подождут...

Никита неторопливо вышел на берег под общие аплодисменты. Его окружила пресса, которой ненавязчиво руководил давний знакомец — стройный юноша в повязке...

— Журнал «Берег надежды»! Несколько слов о себе! — потребовала журналистка с диктофоном.

— Журнал «Свет ожидания»! Всего три вопроса! — крикнула другая журналистка с диктофоном.

— Высший класс! Я прямо наслаждался! Эти кадры пойдут в учебный ролик! — высказался телеоператор.

— Можно было подумать, что вы уже десятого врага провожаете. Так спокойно, с достоинством, со скорбью — ну, высший класс! — добавил фотограф.

— Аккуратненько в пять минут уложились! Вы всем доставили огромное удовольствие, — похвалил юноша в повязке. — Прямо жалко расставаться с таким замечательным клиентом. Ни криков, ни слез —

вы просто по-джентльменски его проводили. Позвольте вручить приз Центра восточной мудрости...

Пресса, не хуже вышколенного кордебалета, тут же образовала просторный круг, в круг вошла девушка с подносом, на подносе стоял картонный куб, перевязанный широкой золотой лентой.

Никита, радостно улыбаясь, развязал ленту, вскрыл куб и достал большой чайник из коричневой глины, ручной работы и очень дорогой.

— Ну, класс! — искренне, от души, воскликнул он.

Юноша в повязке поднял руку, собирая на себя общее внимание.

— Как десятитысячный клиент нашего Центра восточной мудрости, дождавшийся врага и блистательно проводивший его, вы получаете еще один приз — бессрочный и бесплатный абонемент в наш центр! Приходите и ждите поочередно всех своих врагов! Приятного ожидания!

— Приятного ожидания! — дружным хором пожелала пресса.

Игорь и Ева видели всю эту суету вокруг Никиты на большом экране.

— Десятитысячный! Вот это удача! — воскликнула Ева. — Подойди к нему, поздравь!

Она тоже в упор не видела металлического дрына в руках у Игоря Николаевича.

Игорь, волоча за собой дрын, пошел навстречу выбравшемуся из окружения прессы Никите.

— Слушай, Игореха, это такой кайф! — воскликнул сияющий Никита. — Особенно когда разжимаешь пальцы и отпускаешь!

— Но ты... ты же все знаешь! Про поток времени, про мировой бизнес!.. И откуда они берутся!

— Да, знаю. Ну и хрен с ним. Ты просто не представляешь, какой это кайф!

Он уселся в кресло, поставил рядом чайник, закинул ногу на ногу и предался откровенному блаженству — от души, как и все, что он в жизни проделывал.

— А мочить? — растерянно прошептал Игорь Николаевич.

Ответа не последовало.

Он осторожно положил на песок дрын и пошел прочь.

Где его носило и какие мысли рождались в голове? Этого он не рассказал. И просил не задавать вопросов. Проболтался только, что ему все время мерещился керамический чайник, из которого льется коричневый кипяток, выливается и уходит в песочек.

Наутро Игорь Николаевич заявился в офис, откуда его уволили.

Нового сотрудника еще не взяли, его стеклянный закуток был пуст. В других закутках трудились бывшие коллеги.

Игорь Николаевич включил компьютер и пошел с чашкой в коридор — там стоял автомат, выдававший горячую воду, чтобы заваривать чай или растворимый кофе.

Он принес кофе, поставил чашку, как всегда, на папку с документами, и полез в локальные сети — посмотреть, чем тут без него занимался офис.

Изучал файлы он ровно двенадцать минут — кто-то догадался сбегать доложить шефу-садисту про это неземное явление. Шеф помчался разбираться с уволенным придурком.

Он подошел к закутку, увидел Игоря Николаевича, остановился — подождал, пока все тело нальется яркой злостью — и вошел.

— Ну, знаешь ли! — произнес он очень отчетливо. — Ты что, шутки со мной шутить вздумал? С твоими куриными мозгами?

Игорь Николаевич посмотрел на часы — было девять часов шестнадцать минут сорок пять секунд — и встал.

— Кретин! Придурок! — продолжал шеф. — Чтоб ноги твоей...

Игорь преспокойно взял чашку и выплеснул горячий кофе ему в лицо.

Шеф схватился обеими руками за щеки, обалдев до полной немоты. Образовалась тяжелая тишина.

— Ты что, ты совсем охре?... — начал было он.

Игорь выплеснул ему в лицо остатки кофе. При этом молча смотрел в глаза.

Ему было просто любопытно. Ни страха, ни возмущения — одно любопытство, которым, возможно, он заразился от Никиты.

Все сослуживцы, повскакав с мест, напряженно ждали — что будет.

— Идиот! — выкрикнул шеф, повернулся и торопливо пошел к себе в кабинет, рукавами стряхивая с пиджака и рубашки кофе.

Игорь Николаевич задумчиво смотрел ему вслед. Потом поставил чашку на стол и отправился следом за шефом.

От него шарахались.

Шеф уже у дверей своего стеклянного кабинета обернулся и увидел Игоря Николаевича. Тот сделал еще шаг — и шеф, быстро войдя в кабинет, захлопнул дверь и заперся изнутри.

Игорь Николаевич посмотрел на часы.

— Пятьдесят две секунды, — произнес он вслух. — Пятьдесят две секунды — надо же... Пятьдесят две секунды...

Вот, собственно, и вся история.

Игорь Николаевич не стал считать, сколько часов своей драгоценной жизни отдал ожиданию на берегу. Их было явно больше, чем показала бы вскрытая знакомым хакером карточка, которую он, уходя, не вернул в отдел кадров Центра восточной мудрости. Правду ему сказала зеркало — река унесла из жизни не те несколько месяцев, в которых он отдавал себе отчет, а несколько лет.

Он понемногу заново учился жить без ожидания и без врага. Но ведь это такая отравка... Вот почему он раза два в неделю устраивался с газетой, а то и с термосом на берегу нашего городского канала. Он знал, что если не форсировать события, болезнь скоро пройдет. Хотя окончательно изъять из памяти врагов (сказав это, он, сдается мне, подумал о Еве) человеку средних способностей, пожалуй, не удастся никогда.

* * *

Он ушел, а я осталась на берегу. После таких откровений я просто хотела убедиться, что со мной все в порядке. Смотрела на воду и прислушивалась к себе. Нужен ли мне этот труп врага? Готова ли я отдать за него десять лет жизни? А если готова — то кто же я такая?..

Ко мне подсел красивый юноша в белой повязке. На повязке были два иероглифа — вроде китайских, но в одном под вертикальной чертой примостилась непонятная зверюшка.

— Простите, — сказал он. — Я вижу, у вас проблема. Я помогу вам с ней справиться. Пойдемте, это тут близко...

В голосе было искреннее сострадание.

— Мое время вам не по карману, — ответила я. — И скажите, пожалуйста, почему вы так высоко повязали эту белую тряпочку с иероглифами? Что вы там под ней скрываете?

Реакция у меня неплохая — но я до сих пор не поняла, как ему удалось столь стремительно исчезнуть. Возможно, он растаял в воздухе. Это случается с теми, кто слышит прямой и малопривлекательный вопрос. А я ведь даже не протянула руки к его повязке.

Мне было не до погонь и разоблачений — следовало разобраться с собой.

Всидеть на скамейке в одиночестве, глядя на воду, удалось ровно полчаса.

Вода медленно уносила листья, мелкий сор, задумавшихся чаек.

Я убедилась, что мое сердце действительно свободно и от вражды, и от малодушия, встала со скамейки и ушла.

Э Н Д Р Ю   В Е Й Н Е Р

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

БЫЛ СЧАСТЛИВ

Гершель Фриман никогда не считал себя особо удачливым. Но и неудачником назвать себя не мог. Так, нечто промежуточное. Конечно, как и любому человеку, счастье порой улыбалось Гершелю. К примеру, как-то на вечеринке в канун Нового Года прекрасно сложенная блондинка (между прочим, финансовый инспектор) упала в его объятия и поведала о своем влечении к людям с романтической внешностью. Они провели вместе несколько чудных недель, прежде чем компания перебросила ее в Аризону, и связь их прервалась. В другой раз он выиграл в городскую лотерею тысячу долларов и купил новый телевизор SONY. Но по большей части жизнь Гершеля текла спокойно и размеренно. До того самого дня (ему как раз исполнилось двадцать восемь), когда внезапно счастье повернулось к нему лицом.

Это началось на работе. Начальника Гершеля уволили за постоянные сексуальные домогательства к сотруднице отдела электронной информации.

Ближайший кандидат на его место отказался. Кризис среднего возраста привел его к решению больше времени уделять своему саду. На следующей ступеньке служебной лестницы помимо Гершеля имелось еще несколько кандидатов. Одни выглядели более солидно, другим обычно больше везло.

— Мы наблюдали за вами, Гершель, — сказал ему вице-президент. — И думаем, что с этой работой вы справитесь. — Принимайте отдел электронной информации.

Гершель поклялся себе, что сможет.

Ближайшим вечером, отмечая свое продвижение с несколькими друзьями в баре на окраине города, он завел многозначительный разговор с советником вице-президента по связям с общественностью, высокой красоткой за соседним столиком. Через два месяца после ураганного романа они поженились. Гершель был так счастлив с Марианной, что почти не обращал внимания на других женщин.

Затем двоюродная бабушка, о которой он едва слышал, умерла бездетной в возрасте девяноста трех лет, оставив в наследство имущество, которое должно быть разделено между оставшимися родственниками. Родственников оказалось немало, но наследства хватило на всех. Гершель получил долю в шестьдесят тысяч долларов, самый крупный чек, который он когда-либо держал в руках.

Часть средств он использовал на оплату коттеджа, но самую значительную сумму вложил в акции. Повинуясь зову безумного каприза, он приобрел некое количество копеечных акций на горные разработки, о которых случайно услышал из разговора за соседним столиком в рес-

торане. В шахтах нашли то ли золото, то ли серебро, и Гершель заработал еще сорок тысяч.

Состоялось еще несколько удачных капиталовложений. А затем он начал выигрывать: компьютер (в результате розыгрыша, проводимого местным банком), домашний кинотеатр (конкурс любителей мороженого), автомобиль (тотализатор, предложенный риэлторской фирмой).

Спустя какое-то время Гершеля стало немного беспокоить такое фантастическое везение.

— Боже, — сказал он как-то в перерыве между двумя удачами. — По-моему, это слишком хорошо, чтобы продолжаться, не так ли?

Оказалось, не так.

Однажды по почте он получил бесплатное приглашение в «Стар-волд», новый комплекс отель-казино в Лас-Вегасе. Марианна посоветовала ему согласиться.

— Но я понятия не имею об азартных играх, — признался он.

— Это так здорово, — настаивала она. — А еще там всю неделю будет Нэйл Даймонд. — Марианна была большой поклонницей Даймонда.

— Наверное, здесь какая-то ошибка, — засомневался Гершель. — Такие приглашения присылают лишь настоящим игрокам. Тем, кто должен оставить на столах кучу денег.

— Тогда это их ошибка, а не твоя, — заключила Марианна.

Со своим везением Гершель и сам мог заплатить за собственное пребывание, однако трудно отказаться от халявы...

— Вы счастливчик, мистер Фриман, — сказал менеджер казино.

— Надеюсь, — нервно подергивая головой, ответил Гершель. Ему не очень-то хотелось идти к менеджеру в офис. С другой стороны, он не любил казаться невоспитанным.

— Большая удача, — повторил менеджер.

Гершель безмолвно корил себя, что допустил такую ситуацию. Известно ведь, эти места предназначены для большого количества людей. Конечно, некоторым позволяли выигрывать, чтобы сохранять к игре дальнейший интерес. Но не столько же!

— Два миллиона, — растерянно говорил менеджер. — Огромные деньги. Мы ни разу не выплачивали такой крупный выигрыш.

— Простите, — прервал его Гершель. — Я не играл за столиками. Только на игровых автоматах, а когда выпал джекпот, ваш ассистент пригласил меня к рулетке. Я вовсе не хотел нарушать...

— Нет-нет. Никаких извинений. Просто я хотел вас поздравить и предложить сыграть пару партий в блэкджек. За нас, конечно. — И он катнул Гершелю денежный рулончик.

— Я? В блэджек? — удивился Гершель. — Я и правил-то не знаю.

— Считайте это небольшим экспериментом, — сказал менеджер. — Естественно, никаких обязательств с вашей стороны.

— Думаете, проиграю? — предположил Гершель. — Спущу эти деньги и начну играть на свои?

— Нет, — ответил менеджер. — Надеемся на ваш выигрыш.

Гершель сорвал куш в блэджек. Потом занялся другими играми. Включая первоначальную, сумма его выигрыша составила свыше четырех миллионов.

— Можно заканчивать? — поинтересовался он у менеджера, сопровождавшего его по всему грандиозному игровому туру.

— Да, думаю мы увидели достаточно, — согласился менеджер.

Несколько минут спустя Гершель сидел в кабинете менеджера и держал чек, подписанный на всю сумму выигрыша.

— Прежде чем вы уйдете, — начал менеджер, — я должен сделать вам одно предложение. Мы уверены, что вы созданы для этой работы.

— Работы? — переспросил Гершель. Он устал и плохо соображал. — Но у меня есть работа.

— Нам это известно, — согласился менеджер. — Но это краткосрочное задание. Естественно, хорошо оплачиваемое. Но даже не в этом дело. Предлагаю вам огромный неосязаемый приз. Приключение. Возбуждение. Слава. Чувство реальной значимости.

— Реальной значимости? — уставился на менеджера Гершель. Все это показалось ему весьма странным. Ему захотелось подняться в номер и залезть в кровать к Марианне. А еще лучше — разбудить ее, упаковать вещи и махнуть напрямик в аэропорт.

— Мистер Фриман, — произнес менеджер, — пришло время, как у вас говорится, раскрыть карты.

Он взялся за подбородок и медленным движением стянул с себя лицо.

Без маски чужак оказался не отталкивающим, но притягательно иным. Уши ему заменяли два тонких стебелька, покачивающихся при любом движении головы. Большие глаза без век. Очень маленький, почти неприметный нос. Широкий беззубый рот. Голубоватая чешуйчатая кожа и почти лысая голова.

Гершель откровенно разглядывал его.

— Мы, — сообщил чужак, — давно ищем кого-нибудь, похожего на вас. На десятках разных планет и сотней различных способов.

— Кто это — мы?

— Обитатели планеты Флип, мистер Фриман. Очень древняя раса из очень далекого мира. Естественно, у нас есть правило: мы не втор-

гаемся в отсталые миры и не допускаем, чтобы о нашем присутствии стало известно. Однако при сложившихся обстоятельствах я готов выйти за пределы правил.

— А от меня что вам нужно? — поинтересовался Гершель. — Я во все не важная персона. Чем я-то могу вас заинтересовать?

— Удача.

— Удача? — переспросил Гершель.

— Да. Именно ее мы ищем. Поэтому и открыли данное заведение. Несмотря на значительные расходы и неудобства, мы получили возможность выявлять особо везучих индивидуумов. Мы отметили наиболее удачливых, но вы их намного опережаете. По нашему мнению, в своей Галактике вы — самый везучий.

— Мне иногда везет, — согласился Гершель. — Но это обычная случайность. Когда-нибудь все закончится.

— Ошибаетесь, — возразил чужак. — Вы, люди, не вполне понимаете смысл удачи. Или вы принимаете ее с благоговейным ужасом или пытаетесь объяснить с помощью примитивной математики. Наши же высокоуровневые психоматематические исследования выявили суть дела.

— И в чем же она?

— Удача заложена в основу организма, она не существует вне его. Некоторые индивидуумы могут пользоваться этими возможностями больше, чем другие. Для сравнения: у одних музыкальные способности выше, чем у других.

— По-вашему, удача — врожденное свойство? Что ж я раньше этого не замечал?

— Флуктуации везения проходят разные фазы в течение жизненного цикла. Как у вас говорят: кому повезет, у того и петух снесет. А у вас, сэр, петух еще как несется. Вы именно тот, кого мы ищем.

— Но почему? Зачем вам везунчики?

— Нам не хватает удачи.

— То есть вам не везет?

— Не совсем. Мы находимся где-то посередине. Только на отдаленных планетах среди более юных рас мы отмечаем экстремальные значения индивидуального везения. Мы считаем: везение — эволюционный механизм выживания, результат естественного отбора, когда в нем возникает необходимость.

— И сейчас у вас такая необходимость возникла?

— Конечно. Видите ли, мы воюем с очень опасным врагом. Судьба спорного сектора пространства зависла в шатком равновесии. И мы надеемся, что ваша фантастическая везучесть сдвинет баланс в нашу пользу.

Флип, объяснил чужак, попал в пространственное окружение в битве с Верхоной, особо амбициозным конкурентом в космических предприятиях. Сфера влияния Верхоны угрожающе выросла, и самыми разнообразными способами происходит вторжение в область флипянских интересов. В общем, как уяснил Гершель, идет битва за контроль рынков и торговых путей (хотя он и не был полностью уверен, что понял все правильно).

— Участвуя в этой благородной войне на нашей стороне, — продолжал чужак, — вы так или иначе принесете реальную пользу вашему земному существованию, резко повысив свой статус.

— Все это, конечно, здорово, — прервал чужака Гершель, — но ваши разборки мне не понятны. Откуда мне знать, что я помогаю тому, кто прав?

— Попытаюсь воздействовать на эмоциональном уровне, — ответил чужак. — Представлю вам образы наших противников. Они омерзительны. Но главное, их поступки в высшей степени достойны порицания, и каждое новое действие приводит к страшной угрозе для вашей собственной планеты.

— Верхона угрожает Земле?

— Именно! Как я уже говорил, для Флипа не типично вмешательство в дела независимых планет вроде вашей. Однако к Верхоне это не относится. В данное время ваша планета защищена тем, что находится в сфере нашего влияния. Если мы уступим в существующем конфликте, Земля непременно пострадает. Они заявятся сюда и заполонят ваши рынки своими дешевыми и устаревшими поделками, что приведет к огромной безработице и прочим неприятностям.

— А от меня-то что нужно?

— Вас назначат Верховным Главнокомандующим. Вы станете руководить нашими военными действиями и обеспечите окончательную победу над Верхоной.

— Не знаю, — засомневался Гершель. — Мне вовсе не хочется, чтобы кого-нибудь убили. Не могу просить людей рисковать своими жизнями.

— Рисковать жизнями? — поразился чужак. — За кого вы нас принимаете?

Итак, сообщив жене, что должен уехать по важным делам, Гершель отправился на войну.

Война, собственно, представляла собою серию игр между командой Флипа и Верхоны, требующих не только профессионализма, но и немалой доли везения. Игры представляли целый комплекс состязаний. Команда Флипа руководствовалась советами Гершеля.

Представители Верховны поначалу показались Гершелю отвратительными. Желеобразные слизистые переростки, издававшие прокисший дрожжевой запах, они сидели за игровым столом напротив. Однако вскоре Гершель привыхался и нашел запах даже приятным.

Игра заняла несколько недель, хотя для Гершеля они пролетели незаметно. Он никогда еще не ощущал в себе такой жизненной силы. Выигрывать деньги, машину, домашний кинотеатр — занятие, конечно, приятное, но сейчас он играл по высшей ставке.

Команда Верховны представила достойных противников, однако в итоге счастье им изменило.

— Великий дар везения, — поздравил Гершеля руководитель команды Верховны во время завершающего тура. — Хотя порой опасный.

Сие замечание слегка озадачило Гершеля. Однако он был слишком занят, принимая поздравления от представителей Флипа. Они предложили ему совершить триумфальный тур по планетам Флипа, где его содействие будет оценено должным образом.

Этот человек, говорили о нем, спас Галактику от ужасной участи!

Гершелю очень нравилось слушать такие высказывания.

Но однажды на крупном общественном митинге в его честь, взбираясь на подиум, Гершель споткнулся и ударился коленом.

Местные медицинские светила быстро залечили травму. Однако Гершель был потрясен.

— Со мной такого никогда раньше не случалось. Никогда.

Этой же ночью дом, где он жил, загорелся. Пожар, правда, быстро потушили.

Наутро произошло небольшое землетрясение.

Вскоре к нему заявила делегация.

— Мистер Фриман, — сказали ему, — в планах произошли изменения.

— Что, банкет отменяется? — расстроено осведомился он. — Из-за землетрясения?

— Нет, мистер Фриман, из-за вас.

Нерешительно и с сожалением ему обрисовали ситуацию. Хотя Гершель и остается почетным гражданином Флипа, пришло время возвращаться на родную планету. Ибо, если он здесь останется, это может представлять большую опасность.

— Но почему?

— Из-за вашего везения, к сожалению.

— То есть оно пропадает?

— Боюсь, намного хуже, — объяснил руководитель делегации. — Существенно быстрее, чем предполагалось. Наши психоматематики могли бы объяснить это лучше меня, но если коротко, вы использовали весь запас удачи, и сейчас наступает реакция компенсации.

— Что за реакция такая?

— Удача сменяется неудачей. Не везет — так не везет, как говорят на вашей планете.

— Но ведь некоторым везет всю жизнь.

— Бывает, — согласился руководитель, — но лишь тогда, когда везение не истощено до конца. Удача, видите ли, представляет собой вид потенциальной энергии. Ее экономное расходование — необходимое условие для сохранения запаса у долгоживущих рас вроде вашей. Однако, боюсь, свою вы израсходовали слишком быстро.

— Игрой? — догадался Гершель.

— Именно, — кивнул руководитель. — Ваши героические усилия в борьбе с Верхоной истощили ваш запас.

— Почему вы не предупредили меня?

— Тогда бы вы не согласились, — замотал ушными стебельками представитель Флипа. — А нам нельзя было этого допустить: войдите в наше положение. А, собственно, чего плохого в спасении Галактики от ужасной беды?

— Не знаю, — понурился Гершель. — Все зависит от того, насколько это отразится на мне.

Отразилось уже в космопорту. В общем-то рядовая поездка, правда, в подозрительно гремящем и трясушемся транспорте. Далее выяснилось: обратно Гершель полетит один, в беспилотном автопогрузчике.

— Домой отправитесь без сопровождения, — сообщил руководитель делегации. — Из-за особых обстоятельств. Надеюсь, вы меня понимаете.

Несмотря на едва не случившееся столкновение с неким небесным телом и непрерывный страх из-за постоянных отказов системы жизнеобеспечения, Гершель умудрился добраться до Земли целым и невредимым.

Вернувшись домой, он обнаружил жену в постели вместе с парнем из персонала по обслуживанию бассейна.

На работе от его услуг отказались.

Вскоре его дом сгорел, а страховая компания за неделю до этого обанкротилась.

Акции обесценились. Банк, где лежали деньги, разорился.

На улице он поскользнулся и снова разбил колено.

Поскольку деньги кончались, он стал покупать лотерейные билеты, но так ни разу не выиграл.

Гершель начал сильно пить.

Чем дальше, тем больше казались сном и его фантастическая удачливость, и славная победа над Верховной.

Жаль, конечно, что он употребил на нее все свое везение. Но, по крайней мере, оно ушло на доброе дело.

«Бывали у меня славные времена, — рассказывал он таким же опустившимся бродягам в ночлежке. — Да, я был важной персоной».

Между прочим, не так уж много бродяг могли заявить, что спасли Галактику.

«Я сползаю к полнейшему невезению, — думал он. — Сколько это может длиться? Двадцать лет? Пятьдесят? Нужно все учитывать в перспективе».

Но пришел день, и его навестила делегация с Верховны.

Несмотря на их неожиданное и пугающее явление, Гершель выразил уважение Верховне в их умении играть. И согласился их выслушать.

Им известно, сообщили пришельцы, что от Флипа он слышал про них ужасные вещи. Это клевета. На самом деле они лишь обыкновенные торговцы. Да, правда, в отличие от Флипа они торгуют с неразвитыми планетами. Но аборигены с удовольствием покупают их товары.

Во всяком случае, что было, то прошло. А потому у них есть предложение.

Дело в том, сказали ему, что Верховне позарез необходим очень невезучий индивидуум.

Сама планета была слишком холодной и напоминала свалку. Гершеля мучили респираторные заболевания, да и полы в посольстве были ужасно скользкими. Однако все это намного превосходило условия жизни в ночлежке.

На Флипе, увидев его снова в своем мире, ужаснулись, но дипломатический протокол не позволял отказать аккредитованному послу Верховны.

В первую же неделю пребывания Гершеля на Флипе ранее потухший вулкан неподалеку от столицы разразился небольшим извержением, накрыв город облаком пепла.

— Что нам нужно сделать, чтобы вы уехали домой? — спрашивали его флипяне, кашляя, чихая и раскачивая ушными стебельками. — Деньги?

— Я только теряю их.

— Любовь замечательной женщины?

— Это я теряю тоже.

- Тогда что?
- Восстановить мое везение.
- Невозможно, — ответили ему.
- Значит, я остаюсь, — заявил Гершель.

Пара землетрясений, цунами, несколько банкротств крупных банков, и к Гершелю снова явилась делегация.

Особая программа исследований, сообщили ему, дала возможное решение проблемы.

— Мы не способны вернуть вам везение, — сообщили ему, — но, полагаем, сможем избавить вас от неприятностей. По крайней мере, от большинства из них.

— Согласен, — прошамкал Гершель, превозмогая боль после потери трех зубов, выбитых при случайном падении днем раньше. — Предлагайте.

Итак Гершель вернулся на Землю, где находился в пограничном состоянии между совершенным невезением и обычным везением.

— Значит так, — заявил он однажды, оглядывая скромно обставленную гостиную в своем скромном домике с тремя спальнями, приобретенном на скромную зарплату менеджера среднего звена. — Я абсолютно счастлив.

- Конечно, — согласилась его новая жена.
- Я испытал взлеты и падения. Но это...
- Лучше?
- Это лучше, — ответил он. — Для меня.

Чужак назвал представителем Крако.

— Мы новички в этой части Галактики, — разъяснил он. — Но намерены стать первыми.

Чужак сидел, распластавшись на заднем сиденье припаркованной машины. Гершель вырулил на дорогу. Чужак перетек на переднее сиденье, оставляя за собой тонкую сверкающую пленку.

— Знаете, мы искали очень среднего человека. Типичного представителя усреднения. А в вашей жизни ничего особого не происходит: ни взлетов, ни падений. Знакомая картина?

Гершель затормозил.

— Проваливай, — зарычал он на чужака. — И немедленно!

**Перевел с английского
Михаил ЧЕРНЯЕВ**

КОГДА РОЖДАЕТСЯ

СКАЗКА

Американский режиссер Терри Гиллиам, славу которому когда-то принесло участие в британском сатирическом телешоу «Летающий цирк Монти Пайтона», не снимал новых фильмов целых семь лет. Точнее, снимать он пытался, но по разным причинам его проекты терпели неудачу. И вот благодаря поклонникам умного кино из Miramax Films (они дали путевку в жизнь самому Квентину Тарантино) Гиллиам все-таки сделал новую ленту — сказку «Братья Гримм»...

Ждали ее не без опасений. Логика простая: чем дольше работает тот или иной популярный режиссер, тем выше вероятность, что очередной его фильм окажется заурядной поделкой, от которой, как говорится, ни уму, ни сердцу... «Проколы» случаются почти со всеми — даже великих не минует чаша сия. Вспомним хотя бы «Планету обезьян» Тима Бартон — картину, явно недостойную таланта создателя «Этмена» и «Крупной рыбы».

Выяснилось, однако, что Терри Гиллиам держит марку всегда! И его ранние кинокапустники времен «Монти Пайтона», и социальные и технологические антиутопии («Бразилия», «12 обезьян»), и бытовые драмы с оттенком фантастической готики («Король-рыбка», «Страх и

ненависть в Лас-Вегасе»), и новейшие «Братья Гримм» — все это, без сомнения, произведения искусства. Иначе говоря, работа штучная, других таких нет.

И в то же самое время авторское своеобразие в картинах Гиллиама органично сочетается с глубочайшей «включенностью» в мировую культуру. Скажете, парадокс? О нет! Это только халтурщик от искусства старательно делает вид, будто никаких предшественников у него не было, — и в очередной раз «открывает Америку». Подлинный художник не стесняется признаться, что опирается на плечи тех, кто работал до него, — просто ему хватает таланта сказать свое слово...

Эта затянувшаяся преамбула понадобилась мне для того, чтобы

читателям было понятнее, с какой меркой стоит подходить к фильму «Братья Гримм». Молодые Якоб и Вильгельм Гримм (их играют Хит Леджер и Мэтт Деймон) стали героями этой картины. Они колесят по немецким деревушкам и промышляют тем, что за оговоренную сумму избавляют крестьян от ведьм и троллей. Конечно, все это только спектакль, рассчитанный на довольно невзыскательную публику; ни в каких ведьм братья на самом деле не верят. Но однажды наполеоновский генерал (действие происходит в период французской оккупации Германии) посылает этих мелких мошенников расследовать случаи исчезновения детей в отдаленном селении. Там-то братья и обнаруживают, что оказались внутри очень мрачной сказки.

В сказке этой, кстати, найдется много хорошо нам знакомого. Будет в ней злая королева, которая с маниакальной настойчивостью выпытывает у окружающих, она ль на свете «всех милее, всех румяней и белее» (эта роль досталась холеной Монике Беллуччи). В замке королевы сыщется волшебное зеркало. На жителей селения будет нападать страшный глиняный человек, сиречь Голем. И появится еще прекрасная охотница, которая поможет братьям проникнуть в заколдованный лес...

Словом, культурный «бэкграунд» у фильма мощнейший. Здесь и со-

чинения самих братьев Гримм вкупе с другими европейскими сказочниками, и кино недавних лет (многим вспомнится «Сонная лощина» того же Бартона, хотя по стилистике к «Братьям Гримм» ближе всего картина ирландца Нила Джордана «В компании волков»), и даже исторические свидетельства об ужасах наполеоновских войн.

Одним из «первоисточников» придется признать и ленты самого Гиллиама. Тема противостояния фантазеров и, так сказать, реалистов проходит через все творчество этого режиссера — начиная с «Бармаглота», через блистательные «Приключения барона Мюнхгаузена», мимо трогательного «Кроля-рыбака» и к «Братьям Гримм». Очень уж раздражают безответственные выдумщики людей практичных и рациональных: в новой картине это ампула выпало французскому генералу в исполнении любимого гиллиамовского актера Джонатана Прайса. Но почему-то всякий раз получается так, что адепты радио легко отбрасывают любые моральные нормы, превращаются в бездушных убийц, а фантазеры... Да с ними просто жить веселей!

Собственно, те же слова можно отнести непосредственно к Терри Гиллиаму. Хорошо, что он снял «Братьев Гримм»! Может, теперь и про Дон-Кихота все же снимет? Давно ведь собирается...

Александр РОЙФЕ

СЛАДКАЯ ИСТОРИЯ

Английский писатель норвежского происхождения **Роальд Даль** написал много популярных книг. Но самой известной до сих пор остается детская дилогия «**Чарли и Шоколадная фабрика**» (1964) и «**Чарли и огромный стеклянный лифт**» (1972). Дилогия издана в 32 странах мира общим тиражом около 15 миллионов экземпляров. Ее очень любят дети и их родители и недолюбливают дантисты.

Бартон не стал пионером экранизации первой части дилогии. В 1971 году вышел голливудский фильм-мюзикл Мэла Стюарта «Вилли Вонка и Шоколадная фабрика» с Джинном Уальдером в главной роли. Фильм имел, мягко говоря, умеренный успех и жутко разозлил Роальда Даля. После чего кинематографисты очень долго не решались прикоснуться к популярной фантастической сказке.

В 1999 году компании Warner Bros. и Basic Entertainment объявили о своем намерении дать новую киножизнь классической истории, сохранив авторское название — «Чарли и Шоколадная фабрика». С самого начала проект оброс массой слухов, домыслов и откровенных мистификаций. Не исключено, что здесь как следует поработали пиар-отделы кинокомпаний, старательно подогревая интерес к своему будущему детищу. Так в числе кандидатур на режиссер-

ское кресло поочередно заявлялись Гари Росс («Плезантвилль»), Роб Минкофф («Король Лев», «Стюарт Литтл») и даже... Мартин Скорсезе. Первых двоих якобы отвергли правообладатели на книгу, а участие Скорсезе в детском проекте изначально представлялось откровенной чушью.

Еще больше интриг возникло вокруг исполнителя главной роли — шоколадного гения Вилли Вонки. На эту роль с разной степенью вероятности претендовали многие звезды, среди которых были Николас Кейдж, Джон Си Райли, Майкл Китон, Кристофер Уокен, Робин Уильямс, Стив Мартин и Сэм Рокуэлл. О своем намерении «баллотироваться» на роль Вилли Вонки заявлял даже брутальный рокер Мэрлин Мэнсон, но над ним лишь посмеялись. Однако все эти кандидатуры загадочным образом отпадали одна за другой. Почему — стало понятно в 2004 году, когда

официально объявили имя режиссера экранизации сказки Даля. Вот уж когда пришло время удивляться по-настоящему.

В самом деле, трудно было вообразить едкого нонконформиста Тима Бартон в качестве постановщика «сиропного» семейного кино. И поначалу эта информация воспринималась еще одной «пиар-уткой»: «Создатель Человека-пингвина и Эдварда Руки-ножницы снимает сказку?! Быть такого не может!». Когда же стало понятно, что это не розыгрыш, исчезли все сомнения и насчет того, кто сыграет главную роль. Бартон не раз повторял: «С Джонни Деппом я готов снимать все что угодно и на его условиях». В этом случае бывший Эдвард Руки-ножницы выдвинул всего одно требование: Чарли Бакета должен играть партнер Деппа по фильму «Волшебная страна» Фредди Хаймур.

Свое видение будущей картины Бартон выразил со свойственным ему пренебрежением к авторитетам и предшественникам: «Не хотелось бы разбивать чьи-то детские представления, но старый фильм о Вилли Вонке чудовищно глуп. И глуп там, где ни в коем случае не должен быть таковым. Я не люблю фильм Стюарта, но высоко ценю книгу, по которой он был поставлен, потому что она содержит одну простую и по-настоящему великую мысль: дети рано или поздно станут взрослыми. Но сами взрослые об этом частенько забывают».

Чего уж никак не ожидали от Бартона, так это столь бережного отношения к первоисточнику. Постановщик лент «Марс атакует!» и «Крупная рыба» лишь чуть-чуть подкорректировал сюжет, введя несколько эпизодов из биографии Вилли Вонки. И это ничуть не испортило фильм, даже наоборот — добавило элемент психологизма. При том, что эпизоды из детства гения шоколада Бартон решил в своем стиле — с изрядной долей едкого юмора. Благодаря режиссеру мы узнали то, что оставил за кадром Роальд Даль: почему Вонка так любит конфеты? Оказывается, он был сыном сурового дантиста (эту эпизодическую роль блестяще исполнил британец Кристофер Ли), помешанного на борьбе с карриесом. Ну кем еще мог стать мальчик, с детства не знавший вкуса сладостей!

В остальном Бартон следует сюжету книги. Владелец лучшей в мире кондитерской фабрики, загадочный изобретатель сладостей и очень одинокий Вилли Вонка, мечта о наследнике, объявляет, что пять подростков, которые найдут в шоколаде «Вонка» золотые билеты, смогут посетить фабрику и даже выиграть суперприз (как выяснится позже — это возможность наследовать фабрику; но победит только один). Оказаться на территории шоколадной империи Вонки, закрытой от посторонних глаз уже 15 лет — мечта всех детей мира, поэтому начинается самая настоящая

истерия, шоколад скупается в магазинах в огромном количестве (специально для фильма компания Nestle предоставила 1850 плиток шоколада). В числе прочих выигранный билет достается доброму, но очень бедному мальчику Чарли Бакету. Вместе с четырьмя подростками он отправляется в удивительное путешествие по фабрике Вилли Вонки. Чего тут только нет: карамельные реки, леденцовые фрукты, сладкая трава, белки, работы на сортировке лесных орехов — самые настоящие. Несколько миллионов из бюджета фильма было потрачено только на обучение белок! Немало здесь и атрибутов из НФ: телепортатор для передачи шоколада на расстоянии, антигравитационные лифты...

В фильме множество удивительных «придумок» и находок. Явно иронизируя над постановкой 1971-го года Бартон тоже ввел в картину музыкальные номера, которые исполняют таинственные работники фабрики — племя лилипутов умпа-лумпа. Музыка фильма, решенная сразу в нескольких стилях (диско, рок, новая волна), удивительно гармонично встроена в сюжет, она выступает в роли авторских ремарок. Восхитителен и колоритен Джонни Депп, изобразивший Вилли Вонку эдаким несчастным, экстравагантным, почти бесполом бледнокожим существом в футуристических нарядах.

Талант Деппа к перевоплощениям общеизвестен. Как правило, он

сам придумывает внешность своим персонажам. Так, например, в роли Эдварда Руки-ножницы он «позаимствовал» прическу и грим лидера готической британской группы «The Cure» Роберта Смита, в «Пиратах Карибского моря» убедительно копировал гитариста «The Rolling Stones» Кита Ричардса. Рок-н-рольное влияние очевидно и в образе Вилли Вонки: более всего он похож на какую-нибудь звезду эпохи глэм-рока — бледное лицо, прилизанная прическа-каре, фантастические цилиндры и камзолы кислотных расцветок.

«Чарли и Шоколадная фабрика» — это действительно фильм для семейного просмотра. И, вероятно, один из лучших, появившихся на экранах за последнее десятилетие. Ведь главное в картине — вовсе не будоражащие воображение краски и технологические навороты, а начинка, содержание. Фильм Бартона до краев наполнен позитивными эмоциями, тонким юмором и, что особенно важно, смыслом: жадность и гордыня — это плохо. Одиночество — это трагедия, в которой мы сами виноваты. Семья — спасательный круг, который вытянет тебя из любой пучины. Казалось бы, обычный набор штампов голливудского семейного кино. Но Тим Бартон сумел рассказать об этих простых истинах без слезоточивой пошлости. Просто и убедительно. Как и Рольф Даль.

Евгений ХАРИТОНОВ

МИЛЛИОНЫ

(MILLIONS)

Производство компаний Mission Pictures, Pathé Pictures Ltd., BBC Films и др. (Англия — США), 2004.

Режиссер Дэнни Бойл.

В ролях: Алекс Этел, Льюис Оуэн Макгиббон, Джеймс Несбит, Дэйзи Донован и др. 1 ч. 38 мин.

Британский режиссер Дэнни Бойл широкому зрителю известен прежде всего мелодрамой «Пляж» (2000) с Леонардо ДиКаприо. Любителям фантастики же запомнилась его постапокалиптическая картина «28 дней спустя» (прежде всего своим впечатляющим визуальным рядом), и многие с интересом ждали новой работы этого неординарного постановщика. Тем не менее на фоне сообщений СМИ, что Бойл снимает крупнобюджетный научно-фантастический фильм о полете на Солнце, его «Миллионы» прошли почти незамеченными. А зря. На этот раз режиссер явил зрителям фьюжн-ленту, смешав в одном флаконе фантастику «ближнего прицела», мистику, рождественскую сказку, лирическую комедию и криминальную мелодраму.

Действие фильма разворачивается в последние две недели перед неким моментом в недалеком (?) будущем, когда в Англии отменят фунт и перейдут на евро. К двум братьям неожиданно попадает в руки огромная сумка, набитая фунтами. Как успеть потратить это нежданное богатство? У мальчиков недавно умерла мама, и младший из них, Дэмиан, немножко странный. Он усердно изучает биографии всех святых, и они постоянно заглядывают к нему — поболтать, посоветовать, помочь. Но Дэмиан ждет не их, он считает, что мама непременно станет святой и тоже придет повидаться с ним. А деньги он хочет по совету друзей с того света раздать бедным. Старший, Энтони, терпит причуды брата, но он более практичен и пытается изобрести способ спасти или хотя бы незаметно для окружающих потратить эти триста тысяч фунтов. К тому же оказывается, что сумку ищет еще кое-кто...

Получилась удивительно красивая, добрая и лиричная лента. Абсолютно некоммерческая, хотя и смотрится на одном дыхании, с обилием (но не раздражающим) визуальных и сюжетных изысков. Даже вроде бы примитивная мораль — «не в деньгах счастье» — подана без излишней назидательности. Да и выглядит она свежо: ведь, похоже, мы ее основательно подзабыли...

Тимофей ОЗЕРОВ

ВЭЛИАНТ: ПЕРНАТЫЙ СПЕЦНАЗ

(VALIANT)

Производство кинокомпаний Vanguard Animation, Ealing Studios, UK Film Council и др. (Великобритания), 2005.

Режиссер Гэри Чепмен.

Роли озвучивали: Эван Макгрегор, Тим Карри, Хью Лаури, Джон Харт и др. 1 ч. 49 мин.

Оказывается, вторую мировую войну выиграли голуби! Ну, во всяком случае, внесли решающий вклад в победу союзников над врагом. В этом убеждены создатели фильма «Вэлиант».

По поводу того, где надлежит служить крылатым бойцам, двух мнений быть не может: конечно же, в Британских Королевских ВВС. В их голубиное подразделение и направляется доброволец Вэлиант, патриотически настроенный птичий недомерок, которому по логике жанра суждено стать Героем. И хотя наиболее здравомыслящие из его соплеменников хотели бы избежать этой участи, звание Героя их неминуче настигнет. Правда, сначала придется потрудиться, пародируя новобранцев и выслушивая обязательные казарменные шуточки в «учебке», затем продемонстрировать столь же неперемные ошибки необстрелянных салаг и лишь после этого совершить положенное число подвигов, которые определяют стратегию боевых действий союзников в конце войны.

Пара-тройка новых ходов и пяток свежих гэгов, придуманных создателями картины, дела не меняют: фильм катится по заезженной колее, бодро подпрыгивая на ухабах. Действо несколько разнообразят персонажи — их кульбиты бывают заняты, а традиционные отношения внутри «военного братства» с его разнообразными типажками выглядят в их исполнении довольно забавно. Да и сами они, снабженные армейской амуницией, смотрятся по-геройски лихо — и столь же комично.

И все же лента, задуманная как ретрокомедия в стиле военных фильмов, все больше оборачивается пародией — естественно, не на давние комедии, а на ура-патриотические картины тех лет. А нередко даже откровенной насмешкой и над кумирами того времени, и над самим временем. Вряд ли второе входило в задачу сценариста и режиссера ленты, однако пернатые персонажи, добросовестно отыгравшие штампы в стиле «ретро», и не могли бы, наверное, добиться иного результата.

Валентин ШАХОВ

КОЖА САЛАМАНДРЫ

Производство кинокомпании «Сатурн» (Россия), 2004.

Режиссер Алексей Рудаков.

В ролях: Александр Збруев, Валерий Гаркалин, Наталья Гудкова, Маша Оамер и др. 1 ч. 42 мин.

Как хорошо живется американцам! У них в детстве не было ничего про «луч света в темном царстве» или «слезинку ребенка». Вместо этого у них были комиксы. Поэтому они прекрасно знают, что если герой в результате стечения обстоятельств приобретает сверхспособности, то просто обязан вершить «справедливый суд». Если же подобные возможности персонаж получает в российском фильме, то он непременно окажется мятущимся слабохарактерным интеллигентом, задавленным жизнью, и в период суперменства будет находиться в состоянии непрерывной рефлексии. А может, и Акакий Акакиевич постучится в его седце! И в седце сценариста. И режиссера.

У профессора Ершова (Збруев) все в жизни было хорошо. Его любили жена и дочка, ему подчинялся целый институт, его изобретение «Кожа Саламандры» — термозащитный костюм нового поколения — были готовы приобрести австралийские пожарные. Все изменилось почти в одночасье. Дочка получила травму и оказалась в инвалидном кресле, дефолт разорил институт и разрушил договоренности с австралийцами, жена уехала на Зеленый континент с бывшим партнером профессора. На лечение дочки нужны огромные деньги, Ершов пытается продать дачу, но его при сделке откровенно «кидают». И вот он уже нищий бухгалтер в захудалой артели. Обозленный, сломленный человек — только существование дочки не позволяет ему окончательно утонуть. Но... Удар током — и он получает способность в пароксизме ненависти к какому-нибудь человеку вызывать у того сердечный приступ. Первой жертвой становится жулик-начальник. Прознав о способностях Ершова, им заинтересовался импозантный криминальный авторитет Авенир (Гаркалин).

Любой американский режиссер из такой завязки заделал бы крепкий боевик, правда, без особой мысли. У нас особой мысли тоже нет, зато есть длинная слезливая мелодрама с криминальным уклоном.

Спасают фильм лишь несколько удачных режиссерских находок и хорошая игра известных актеров. Любителям порыдаться над несчастной судьбой героев и поумилаться чистой и светлой экранной любви картина должна понравиться.

Максим МИТРОФАНОВ

МЕРТВЫЕ ПТАШКИ

(DEAD BIRDS)

Производство компаний Silver Nitrate Pictures и Dead Birds Films, 2004.

Режиссер Алекс Тернер.

В ролях: Генри Томас, Ники Линн Эйкоккс, Исайя Вашингтон,

Майкл Шеннон и др. 1 ч. 31 мин.

Странно, но большинство зрелищных и оригинальных лент-участников кинофестивалей, минуя кинопрокат, сразу выходят на видеоносителях. Возможно, не все бы они собрали огромную кассу, но уж наверняка не стали бы образчиком дурновкусицы, наподобие недавней ленты «Один в темноте». Впрочем, речь не о ней, а о «Мертвых пташках» — дебюте в большом кино талантливого режиссера, ранее снимавшего короткометражные триллеры и драмы. Вроде бы ничем не примечательная лента вдруг оказалась участником фестивалей Сан-Себастьяна, Торонто, Бостона, Эдинбурга... Причем снят фильм без умопомрачительных затрат, хотя без CGI, разумеется, не обошлось. Но эффекты практически незаметны и используются в самых, казалось бы, неожиданных местах...

Во время Гражданской войны в США несколькими дезертирам-конфедератам удается ограбить банк с золотом северян. Скрываясь от погони, банда направляется к мексиканской границе. Дождь загоняет их на покинутую ферму, где подельники становятся жертвами призраков-зомби — в прошлом людей, уничтоженных в мистических обрядах хозяина фермы.

Казалось бы, ну что тут нового? Но стоило лишь Тернеру совместить «Кровавую банду» Сэма Пекинпа, «Джиперс-Криперс», мертвецов Ромеро и добавить немножко привидений, как рядовая лента, основанная на заезженной идее, превратилась в крепкий, добротный фильм.

В качестве «изюминки» режиссер использует не очень оригинальный, но, как оказалось, вполне эффектный ход: накладывает на вестерн стилистику сверхпопулярного ныне азиатского хоррора. В итоге зритель получил отменный, на уровне классической «Сумеречной зоны» и накатовских «Звонков», мистический триллер с отличной операторской работой, великолепным монтажом и интересным звуковым оформлением.

Но главное — актерская игра. Генри Томас, еще в детстве сыгравший Эллиота в «Инопланетянине», в роли параноидального главаря банды, который становится причиной гибели своих товарищей, выглядит очень убедительно. К тому же практически все актеры имели опыт съемок в фильмах ужасов. Их вхождение в образ — выше всяких похвал.

Алексей АРХИПОВ

СУМАСШЕДШИЕ ГОНКИ

(HERBIE: FULLY LOADED)

Производство компании Walt Disney Pictures, 2005.

Режиссер Анджела Робинсон.

В ролях: Линдси Логан, Майкл Китон, Мэтт Диллон, Джастин Лонг и др.

1 ч. 41 мин.

Полнометражные игровые ленты от студий Диснея давно заняли свою нишу на рынке семейного кино. Как правило, это добротные фильмы, без претензии на элитарность. Но иногда стремление создать ширпотреб настолько выпячивается, что это начинает раздражать.

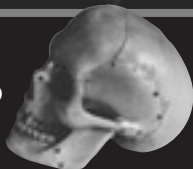
Дети любят смотреть кино про гонки, и взрослые любят смотреть кино про гонки — именно поэтому фильмы такого рода относят к семейным. Сюжет их незамысловат и стандартен: молодой талантливый гонщик (гонщица) пробивается к вершине славы сквозь препоны, чинимые злокозненным зазнайкой-чемпионом, но последний посрамлен в результате захватывающей дух погони, в которой наш герой — белый и пушистый, а чемпион всюду пытается применять запрещенные приемы.

В «Сумасшедших гонках» действие развивается по знакомой схеме. Только у юной героини фильма Мэгги, дочери знаменитого в прошлом гонщика, еще одна проблема — папа запрещает ей гонять. Но все меняется, когда Мэгги приобретает на свалке удивительный автомобиль — древний, раздолбанный «фольксваген-жук» 53-го года выпуска. Он оказывается разумным, хотя и не говорящим, и зовут его Херби. Он когда-то побеждал на гонках мини-автомобилей, а теперь Мэгги спасла его от утилизации. «Фольксваген» готов помочь героине стать чемпионкой и утереть нос неприятному выскочке Трипу Мерфи. Не надо быть провидцем, чтобы догадаться: в финале Мэгги победит в самых престижных американских гонках «Наскар», помиритесь с папой, обретет любовь, словом, получит пакет стандартных американских мечтаний. Но...

Выглядит этот римейк фильма «Любимый жук» (1968) как большой рекламный ролик фирмы «Фольксваген», что, как известно, переводится «Народный автомобиль». Все персонажи схематичны — так же, как и сюжет. Единственный, кто хорош в этом фильме — сам Херби. Да и играет он, пожалуй, лучше всех актеров вместе взятых. Спасибо компании Диснея, появится у наших детей новая симпатичная машинка-игрушка с выразительными фарами-глазами. Родители, готовьте кошельки!

Тимофей ОЗЕРОВ

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Одна из самых необычных российских лент последнего времени — «Первые на Луне» Свердловской киностудии — еще не известна широкой аудитории, хотя и имела серьезный фестивальный успех. Об оригинальном жанре, в котором создана картина, рассказывает екатеринбургский фантаст Борис Долинго. По просьбе редакции «Если» он встретился с режиссером фильма Алексеем Федорченко.

Что движет настоящим Человеком? Ответ на это дается в четкой и продуманной форме в начале и конце фильма «Первые на Луне»: таким Человеком движет Мечта.

Не прибыль, не желание стать богатым и известным, а мечта достичь невозможного. В поисках этого человек испокон веков обращал взоры к небу. Средством летать, как птицы, стали крылья, средством подняться к звездам — ракета.

В нашей современной жизни мечты не в пример прагматичней — современная молодежь чаще грезит об успешной карьере в крупной компании, чем о покорении космоса. Но бывают и исключения, которые со временем становятся правилами. Все больше молодых людей увлекается фанта-

стикой. Значит, мечта пока все-таки жива, и стремление к ней находит выражение не только в фантастической литературе, но и в современном кино.

Работа кинематографистов Свердловской киностудии, выполненная в интереснейшем жанре «фантастической документалистики», преподносит зрителю тонко оформленную «фактами» мистификацию — рассказ о строительстве лунного корабля в Советском Союзе в 30-е годы XX века.

Режиссер картины Алексей Федорченко ответил на вопросы незадолго до отъезда на Венецианский фестиваль, где фильм «Первые на Луне» стал одной из двух российских лент, отобранных в конкурсную программу. Правда, в отличие от картины Алексея Гер-

мана-младшего «Гарпастум», попавшей в основной конкурс, лента Федорченко будет соревноваться в экспериментальной секции фестиваля «Горизонты».*

Борис Долинго: Алексей, вы, к сожалению, пока не так знамениты, как, скажем, Никита Михалков, хотя, посмотрев вашу картину, я мог удостовериться, что слава не за горами. Расскажите немного о себе.

Алексей Федорченко: Я живу и работаю в Екатеринбурге. В 1988 году закончил Инженерно-экономический факультет УПИ по специальности экономист по организации труда в машиностроительном производстве. С 1990 года работаю в кино. Пришел в Творческое объединение «Надежда» экономистом. В 1994-м стал заместителем директора киностудии. В 2000-м закончил сценарный факультет ВГИКа и стал снимать кино. Сначала документальное, а в 2003-м решил заняться игровым. Фильм «Первые на Луне» — мой дебют в игровом кино.

Практически весь сюжет построен на сборе фактов съемочной группой, ведущей своеобразное расследование некоей «загадочной страницы» в истории великих советских индустриальных достижений. Многоплановый ассоци-

ативный видеоряд передает общий настрой и ощущение той эпохи: например, кузнец, готовый ковать детали ракеты в течение трех смен подряда, или оцепление космодрома из конных красногвардейцев... Да и мотыга, в самых первых кадрах фильма долбящая сухую землю (хотя эта сцена и воспроизводит эпизод в Чили, а не в СССР), тоже добавляет контраста на уровне логического сопоставления человеческого быта и мечтаний о звездах.

Б.Д.: В связи с этим, Алексей, а как же возник замысел сценария? Его авторы Александр Гоноровский и Рамиль Ямалеев творили, что называется, по воле души или получили некий «заказ»?

А.Ф.: Это был оригинальный сценарий, в 1997 году ставший лауреатом конкурса «Зеркало». Позже права на него выкупила одна московская кинокомпания, но фильм не был запущен, и мне удалось приобрести право на постановку.

Б.Д.: А как вообще возникла идея о «фантастической кинодокументалистике»? Что послужило толчком, какие аналоги есть в мировой кинопрактике?

А.Ф.: Прием был заложен в сценарии. Моей задачей стало найти ту степень достоверности, которая не переступает грань между художественным произведением и

* Сейчас мы уже готовы сообщить нашим читателям результаты. Фильм «Первые на Луне» завоевал приз в секции «Горизонты» по разделу «Документальное кино», несмотря на то, что лента была честно заявлена режиссером как «игровая». (Здесь и далее прим. ред.)

фальсификацией. Мы разработали целую технологию съемки под хроники 20-х, 30-х, 40-х годов. Проведена огромная киноведческая работа: хотелось, чтобы даже специалисты в области архивного кино не смогли отличить наши съемки от хроники. Говорят, это удалось. Что касается мировой кинопрактики, то есть такой редкий жанр «мокьюментари»* (художественная мистификация).

К этому жанру и относят наше кино. Я с этим не совсем согласен, потому что этот термин переводится как «насмешка над документом». Но тон нашего фильма совсем иной (насмешки над временем в нем точно нет), и я придумал свое определение — «документальная фантастика». А в жанре мокьюментари работал, например, Вуди Аллен, снимая свой «Зелиг» — фильм о человеке-хамелеоне. Есть фильм (по-моему венгерский), где рассказывается, что в подвале дома нашли кинолентку времен Наполеона, новозеландский фильм о том, что кино придумали именно там, и некоторые другие. Я видел только «Зелиг». Блестящая комедия — одна из лучших у Аллена.

«Фактологический» материал фильма перемежается опросами малочисленных «свидетелей» произошедшего и демонстрацией

эпизодов подготовки «первых космонавтов страны Советов», запечатленных на «чудом уцелевших кинолентах». Из непосредственных участников проекта в живых остаются считанные единицы — время было такое: неудача приравнивалась к поражению, и следы серьезных провалов на любом участке социалистического строительства тщательно ретушировались любыми средствами.

Создатели картины искусно вплетают в ткань киноленты, казалось бы, малозначимые эпизоды, создающие у вдумчивого зрителя ощущение «подлинной правды». Например, случайные кадры присутствия немецких офицеров в центре подготовки невольно подталкивают к выводам о возможной связи советской космической программы с последующими успехами инженера фон Брауна. Космическая ракета, подготовленная к старту, чем-то напоминает так и не выполнившую свою функцию ракету-носитель Н-1, на которой в 60—70 годы строились советские лунные надежды. А чего стоит «кинохроника» доклада, где якобы было выдвинуто предложение заменять кости скелета металлическими конструкциями для увеличения выносливости советского человека. Выглядит бредом, разумеется, но ведь известны же реальные факты

* Гибрид двух слов: *documentary* (документальный фильм) и *mockery* (высмеивание, фальшивая имитация). Классикой и образчиком жанра мокьюментари, кроме перечисленных Алексеем Федорченко, является фильм знаменитого немецкого режиссера Вернера Херцога «Инцидент на озере Лох-Несс».

о не менее сумасбродных предложениях академика Лысенко или других горе-ученых той эпохи. Кроме того, сам отряд космонавтов был создан задолго до полета Гагарина (кто слышал о таком отряде, скажем, в конце 50-х?), и там даже имел место несчастный случай: в барокамере сгорел заживо один из кандидатов — мы узнали об этом спустя десятилетия.

Б.Д.: *Кстати, идея «железных скелетов», вставленная в фильм, имеет какую-то связь с реальностью?*

А.Ф.: *Этот сюжет придуман сценаристами и нашими художниками.*

Б.Д.: *А присутствие в кадре немецких офицеров — не «параллель» ли это с бесчеловечными методами нацизма для достижения своих целей?*

А.Ф.: *Нет. Хотелось вплести в фильм и сюжетную ниточку о том, что космическая гонка в то время велась не с Америкой, а с Германией. Недаром же говорят, что первыми людьми, запущенными в космос, были немецкие космонавты. Речь идет о трагически завершившихся вертикальных запусках 1945 года. Но от этой ниточки остался один штришок. По-моему, удачный.*

Все эти ассоциации призваны, помимо «прямых документальных свидетельств», придать на уровне зрительского подсознания тонкое логико-смысловое обоснование загадочной истории «первого космического полета».

Показан старт космического корабля с героем-летчиком, собраны факты падения ракеты и данные о выжившем космонавте. Иван Харламов, получив серьезную черепно-мозговую травму во время аварийной посадки в чилийских горах, сумел добраться до СССР, где его следы исчезли...

В фильме нет масштабных кадров пребывания на Луне — в этом, на мой взгляд, проявилась творческая деликатность авторов сценария и режиссера: если бы эти эпизоды были даны развернуто, то странное очарование, создаваемое процессом поиска засекреченных архивных данных, оказалось бы разрушенным слишком явным «доказательством». В фильме же сначала зрителя оставляют в напряженном неведении: проект, возможно, и существовал, но ракета взорвалась в верхних слоях атмосферы, а пилот погиб. Затем возникает подозрение о связи запуска ракеты «СССР» с падением странного огненного шара в Чили, но пуск с космодрома севернее городка Нязепетровска и чилийского метеорита разделяет целая неделя! Если метеорит — советская ракета, то где она странствовала столько времени?

Б.Д.: *А сам чилийский метеорит, упавший в марте 1938-го — реальность или фантастика?*

А.Ф.: *Я не проверял, но, по-моему, это плод фантазии авторов. Правда, в сценарии он назывался «метеорит «Сантьяго», а не «Чилий-*

ский Шар», как в фильме. По крайней мере, английские, французские, итальянские, чилийские газеты, которые вы видите в фильме, «напечатаны» нашими художниками, статьи написаны нами.

Зрителя, уже успевшего погрузиться в органично сплетенную канву из «проверенных фактов», начинают терзать сомнения: возможно, Иван Харламов все-таки был на Луне? Это невероятно, но хочется верить в героизм нашего соотечественника, и в самом конце небольшого по времени фильма — чуть больше часа — есть несколько «оборванных» кадров: посадочный модуль с надписью «СССР», стоящий на фоне характерного лунного пейзажа.

Могло ли подобное произойти? Jacobs предложенная конструктором Супруном еще в 1925 году схема высадки на поверхность естественного спутника Земли один в один схожа с американской программой «Аполлон»: тот же двухкомпонентный корабль, состоящий из орбитального блока и посадочного модуля. В принципе, ничего невероятного в том, что подобный план мог возникнуть в начале XX века, нет: в то время уже хватало самых разнообразных проектов космических путешествий, многие из которых являлись вполне обоснованными теоретически.

Б.Д.: Сходство схемы высадки на Луну по программе «Аполлон» и

спекуляции на тему, что американцы якобы фальсифицировали полет туда — не они ли натолкнули на идею сюжета «Первые на Луне»?

А.Ф.: Не думаю. Это кино не о том, кто был первым на Луне. Мы делали фильм о поколении наших дедов, представляя их Титанами. Фильм о красивых, умных и сильных людях, которые использовались своей страной в качестве расходного материала. А Луна — лишь повод. Это мог быть фильм о строительстве Днепрогэса или сверхглубокой шахты — потому что фильм, в первую очередь, о ПЕРВОПРОХОДЦАХ.

А что же относительно принципиальной возможности технологического воплощения подобного проекта в 30-е годы XX века? Если мы внимательно проследим все сложности на пути первых космических пусков конца 50-х — начала 60-х годов, то сомнений почти не останется: в довоенное время ни в СССР, ни где-то еще не существовало необходимой «суммы технологий». По отдельности, наверное, были уже наработаны многие необходимые приемы, даже созданы применявшиеся позже материалы, но они не были пока приведены опытным путем к общему знаменателю в комплексном решении в виде постройки надежной ракеты-носителя.

И все же, все же, все же... Ведь ныне мы уже знаем, сколько потеряла Россия из-за идеологической ограниченности большевиков

и их неумемной политической гордыни. Достаточно вспомнить наши наработки в теоретической генетике и кибернетике, а если рассуждать о более «узких» изобретениях, то хватит телевизора Зварыкина или вертолета Сикорского: мы могли быть здесь первыми! Желая гордиться «альтернативным настоящим», так и хочется воскликнуть: «А чем черт не шутит? Наши-то могли!..». Тем более, что в известной нам реальности Советский Союз в «лунной гонке» совсем немного проиграл американцам — беда в том, что люди действительно рассматривались большевистской системой как расходный материал, а подобные методы — это тупик, если говорить о развитии страны, да и человечества в целом.

Но дело здесь не столько в том, мог или не мог Советский Союз в конце 30-х годов XX века запустить пилотируемый космический корабль. Просто, задумываясь о судьбах многих проектов бурных периодов развития технологической цивилизации на Земле, зритель невольно ловит себя на мысли, что подобных похороненных в архивах фактов и сгинувших материалов в истории нашей страны и других держав наверняка много. И уже благодаря только этому зароненному в душу зрителя зерну сомнения можно смело сказать, что фильм удался.

Б.Д.: *Алексей, а есть желание снова создавать кинофантастику?*

А.Ф.: *Сейчас я заканчиваю новый фильм. Он называется «Шошо».*

Герои фильма — марийские карты (жрецы, российские друиды). Это реальные люди, живущие в далекой деревне в Марий Эл — мельник, директор клуба, плотник... Но жизнь их в фильме настолько нереальна и волшебна, что жанр этого фильма тоже можно назвать документальной фантастикой.

А в конце года я планирую начать работу над большим игровым проектом по сценарию Александра Гоноровского «Железная дорога». Это современная сказка для взрослых, фильм-притча. Современная сказка — это фантастика?

Б.Д.: *Безусловно! Кстати, а когда ваш фильм выйдет в широкий прокат?*

А.Ф.: *Мы ведем переговоры с центральными телеканалами. Скоро фильм выйдет и на DVD.*

Нет, не зря работа екатеринбургских кинематографистов взяла Приз за лучший дебют и Приз Гильдии кинематографов на фестивале «Кинотавр», а затем попала в Венецию. Заслуженный успех картины дает надежду на то, что творчество Алексея Федорченко положит начало серии интересных и неожиданных работ в российском кино. Очень хочется верить, что среди таковых не последнее место займут «документальные гипотезы» — эти высокие мечты о нашем альтернативном настоящем.

Борис ДОЛИНГО

А Л Е К С Е Й   К А Л У Г И Н

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЫНСКОГО

ПРИЮТ

Я не создан для такой работы!
 Майор Шутов повторил эту фразу уже пятый раз с начала разговора, причем от раза к разу интонации его становились все более резкими, постепенно переходя в возмущенные.

— Если не ты, то кто же?

Этот вопрос полковник Плахотнюк задавал майору тоже не впервой. И всякий раз получал один и тот же, вполне прогнозируемый ответ:

— Не знаю! Но только не я! Я космолетчик, а не нянька!

— Ты служащий аэрокосмических сил Земли, — назидательно произнес Плахотнюк.

— Солнечной системы, — поправил майор.

— Верно, — согласился полковник. — Теперь мы служащие аэрокосмических сил Солнечной системы. А это повышает нашу ответственность!

— Ответственность — за что? — на всякий случай решил уточнить Шутов.

— Ох, оставь свои шутки, Толя, — недовольно поморщился Плахотнюк. — В конце концов, я могу тебе просто приказать.

— А я могу просто подать в отставку, — парировал Шутов.

Полковник Плахотнюк в сердцах хлопнул ладонью по столу.

— Это ты привез «зайца»!

— Не я, — отрицательно мотнул головой Шутов.

От такого беззастенчивого вранья полковник вконец растерялся. Откинувшись на спинку кресла, он поднял руки, как будто хотел призвать всех богов в свидетели. Или попросить их обрушить свой гнев на лжеца.

— «Заяц» прилетел на твоём корабле, — произнес Плахотнюк так, словно хотел убедить Шутова в очевидном.

— На моем, — не стал спорить Шутов. — Но я здесь ни при чем.

— Капитан отвечает за все, что происходит на его корабле во время рейса. — Глупо конечно, но Плахотнюк решил напомнить Шутову строку устава.

— Именно поэтому я приказал изолировать «зайца» и сдал его властям сразу по прибытии к месту назначения, — ответил Шутов.

— На Земле, — уточнил Плахотнюк, хотя никакой необходимости в том не было.

— На Земле, — подтвердил Шутов.

— А где ты подцепил «зайца»?

— Понятия не имею. Скорее всего, на одной из пересадочных станций. Обнаружили мы его после Боб-2.

— Как вы его обнаружили?

— Все отражено в судовом журнале. «Зайца» поймал в грузовом трюме суперинтендант Ильин. Нелегал превосходно там обосновался и сожрал три ящика сгущенки.

— Вот видишь, — многозначительно произнес Плахотнюк.

— Что? — растерянно посмотрел по сторонам Шутов.

— Ты первым выяснил, чем питается «заяц»...

— Не я, а Ильин.

Полковник не желал слышать ничего, что шло вразрез с его версией. А потому и не слушал.

— Ты первым установил с ним контакт...

— Не я, а Ильин. Он принес «зайца» в авоське на командный пост.

— Ты общался с ним больше, чем кто-либо другой...

— Не я, а Ильин...

— Хорошо, я назначу Ильина твоим замом! — стукнул-таки кулаком по столу полковник. — И хватит об этом! Ты создал проблему — тебе ее и решать! Заметь, я предлагаю тебе очень удобный выход из непростой ситуации. И лично я бы на твоем месте не ломался.

— Еще бы, — едва заметно усмехнулся Шутов. — Мы вместе закончили Летнюю академию, но я стал космонавтом, а ты подался на штабную работу.

— Тебя это смущает?

— Нисколько.

— Тогда вернемся к сути проблемы, — Плахотнюк раскрыл тонкую пластиковую папочку с документами. — Итак, расовую принадлежность твоего «зайца» наши специалисты определить не сумели...

— Кто бы сомневался, — ухмыльнулся Шутов.

— Что ты хочешь этим сказать? — Плахотнюк посмотрел исподлобья.

— Ничего, — показал полковнику пустые ладони майор.

— Соответственно, наладить устойчивый контакт с «зайцем» им тоже не удалось...

— Нужно было обратиться за помощью к суперинтенданту Ильину.

— Пробовали, — кивнул полковник. — Ильин посоветовал дать «зайцу» сгущенку.

— Хороший совет.

— Наши специалисты настаивают на сбалансированной диете для нелегала.

— И чем его теперь кормят?

— Специальной белково-углеводной смесью с добавкой витаминов и минеральных веществ.

Плахотнюк протянул майору листок, на котором был приведен детальный химический состав питательной смеси. Шутов поморщился и махнул рукой.

— По оценкам психологов, развитие «зайца» соответствует уровню трехлетнего ребенка.

— Я бы дал ему пять с половиной.

— На каком основании?

— В отличие от трехлетних он умеет врать.

— Ладно, это не существенно, — полковник достал из папки следующий лист и положил его перед Шутовым. — Это приказ о твоём назначении директором Галактического сиротского приюта имени великого гуманиста.

Майору показалось, что полковник не закончил фразу, поэтому он спросил:

— Какого великого гуманиста?

— Великого гуманиста, чье имя соответствовало бы благородной цели, которую мы перед собой поставили. Кандидатуру пока не подбирали.

— Ясно, — кивнул майор. — Могу предложить пару-тройку имен.

— Не надо, — отказался Плахотнюк. — Подпиши приказ.

Шутов даже пальцем не шевельнул.

— Лучше застрели меня сразу.

Полковник тяжело вздохнул, дивясь дикой несознательности подчиненного.

— Ты понимаешь, что это дело государственной важности? И мы не можем поручить его гражданскому лицу.

— Не понимаю, — честно признался Шутов. — При чем тут государственные интересы, если речь идет о приюте для малолетних беспризорников?

— При том, что по имеющейся у нас информации ничего подобного в Галактической лиге нет и не было. Нас приняли в эту организацию полтора года назад. Год назад за поясом Койпера были построены гиперпространственные врата, связавшие нас с другими представителями Галактической лиги, и пересадочная станция «Солнечная система-1». Мы стали полноправными членами лиги, но пока еще чувствуем себя бедными родственниками...

— Я не чувствую, — вставил Шутов. — На пересадочных станциях к нам относятся так же, как ко всем остальным.

— Я говорю о государственных интересах, — сурово напомнил Плахотнюк.

— А, ну если так... — Шутов многозначительно двинул бровями,

сложил руки на груди и придал лицу выражение сосредоточившегося на решении головоломки идиота.

— Галактический сиротский приют станет проектом, который обратит на себя внимание лидеров всех народов и рас, входящих в лигу. О мультимедийной раскрутке проекта мы позаботимся особо. Именно поэтому нам нужно, чтобы во главе проекта стоял человек, которому мы можем всецело доверять.

— У ведомства проблема с кадрами?

Полковник усмехнулся.

— Как ты думаешь, одобрит ли галактическая общественность назначение военного на пост директора приюта?

— Я уже высказал свое мнение на сей счет: идиотизм чистой воды.

— Вот именно, — неожиданно легко согласился с Шутовым полковник. — Ты единственный военный, который может занять эту должность.

— Чем я хуже других?

— Ты являешься приемным отцом «зайца».

— Ты это брось, — напрягся Шутов. — Мне приемные дети ни к чему.

— Никто и не заставляет тебя его усыновлять. Ты станешь приемным отцом «зайца» только в глазах общественности. Более того, я уверен, что через неделю-другую мы непременно отыщем если не родителей, так хотя бы родную планету твоего пришельца. Отыскали бы быстрее, но торопиться не в наших интересах — нужно сначала раскрутить проект. Ну, а как сбудем с рук «зайца», так и ты к своей службе вернешься.

— Точно? — Шутов недоверчиво прищурился.

— А ты что думаешь, тебе со всей Галактики станут беспризорников свозить? Не те сейчас времена, Толя. Детей не бросают на произвол судьбы, о них есть кому позаботиться, даже если они теряют родителей. Твоего «зайца», скорее всего, просто забыли на пересадочной станции. Вот он и забрался в твой корабль. А родители, или с кем он там летел, его уже обыскались.

Шутов в задумчивости провел пальцами по гладко выбритому подбородку.

— Всего на две недели?

— Приблизительно, — ушел от прямого ответа полковник. — Тебе и делать-то ничего не придется, только с прессой общаться. Мы тебе в штат лучших специалистов выделим.

— И где будет находиться приют?

— Помнишь, когда врата возводили, неподалеку от пересадочной

собрали станцию, оборудованную под гостиницу для строителей? Сейчас она пустует. Думали даже ее демонтировать. Ну, а раз такой случай подвернулся, решили переоборудовать под Галактический сиротский приют. На станции есть все необходимое — санчасть, зона отдыха, тренажерный зал, пищеблок. Есть даже секции, оборудованные для существ, живущих в иной атмосфере, при другой силе тяжести. Имеется бассейн для водоплавающих. Нужно только все немного подчитать, привести в порядок, жизнерадостные картинки по стенкам развесить, — Плахотнюк улыбнулся, как будто планировал ремонт собственного дачного домика. — Работы уже ведутся.

— Только на две недели, — твердо произнес Шутов. — И ни дня больше.

— Договорились, — Плахотнюк протянул ему световое перо.

Майор с тоской посмотрел на полковника.

— Знаешь, Колька, ни за что бы не подписался на такое дело, если бы просил об этом кто другой.

— Знаю, — улыбнулся Плахотнюк. — Именно поэтому я здесь.

Шутов безнадежно махнул рукой и подписал приказ.

Плахотнюк тотчас же выдернул бумагу у него из-под руки.

— Ну, вот и отлично, — сказал он, пряча бумагу в папку. — Ильяна к себе берешь?

— Не привык я друзьям пакостить, — мрачно отозвался Шутов.

— Как знаешь, — полковник захлопнул папку и счастливо улыбнулся. — С новым назначением тебя, майор!

* * *

На превращенной в сиротский приют станции Шутова встретил коренастый мужичок невысокого роста в синем джинсовом комбинезоне и серой бейсболке с замасленным козырьком и большими синими буквами KGB на тулье. При виде гостя мужичок подтянулся и браво, по-военному скользнул кончиками пальцев по краю козырька.

— Господин майор!..

— Отставить, — махнул рукой Шутов и недовольно поморщился. — Мы здесь все гражданские.

— Понятненько, — заговорщицки улыбнулся мужичок. — И как же мне к вам обращаться?

— По имени-отчеству, — ответил Шутов. — Анатолий Николаевич.

— Понятненько, — кивнул мужичок. — Ну, а я, значит, буду техник-инженер Степан Скворцов. — Он хотел было снова козырнуть, но вовремя одумался. — Могу доложить, Анатолий Николаевич, что все вверенные мне системы функционируют нормально.

— На каких кораблях летали, Скворцов? — поинтересовался Шутов.

— Да много на каких. — Степан подхватил выскочивший из грузового окна серебристый контейнер с личными вещами директора и кинул его в ячейку пневмодоставки. — Последние два — «Вечный» и «Гегель». — Шутов одобрительно кивнул: корабли первого класса. — Списан в запас по состоянию здоровья. — Скворцов отправил в ячейку пневмодоставки еще один контейнер. — При аварийной посадке получил множественные переломы. Теперь у меня обе голени и левое предплечье прошиты штифтами из чистого титана с платиновым напылением, — Степан показал Шутову левую руку.

Третий, последний, контейнер Шутов отправил в ячейку пневмодоставки сам.

— Сколько человек на станции? — спросил Шутов, следуя за Скворцовым по застланному желтой синтетической дорожкой коридору.

— Вместе с нами — тринадцать. — Степан на секунду остановился, чтобы поправить на стене покосившуюся клон-репродукцию картины «Утро в основном лесу», известную в народе как «Три медведя». — Десять человек с очень разными, в том числе и иностранными фамилиями. Все, похоже, крупные специалисты в своих областях — из лабораторий не вылезают. Все с приставкой «экзо»: экзобиолог, экзопсихолог, экзолингвист, экзофизиолог, экзотерапевт, экзокультуролог... Еще имеется старший воспитатель и ваш зам, Кира Алексеевна Лавина, — после едва заметной, но весьма многозначительной паузы, Степан кротко добавил: — Милая женщина.

Шутов только хотел спросить, где можно встретиться и поговорить с этой милой женщиной, как она сама появилась перед ним.

В том, что это была именно она, Кира Алексеевна Лавина, не могло быть никаких сомнений. Ладненькая фигурка, затянутая в светло-голубой форменный халатик, стройные ножки, шея, как у Нефертити, личико — пожалуй, что и посимпатичнее будет, гладко зачесанные назад черные волосы. Кто еще так мог выглядеть, если не воспитатель?

С видом изумительно независимым, вздернув подбородок, Кира Алексеевна приблизилась к мужчинам и, холодно кивнув Степану, пронзила взглядом Шутова.

— Вы, как я понимаю, директор?

— Так точно, — коснулся подбородком груди Шутов. — Всегда к вашим услугам.

— Спасибо, господин Шутов, — одними губами улыбнулась Кира Алексеевна. — Но в ваших услугах я не нуждаюсь.

— Не зарекайтесь, Кира Алексеевна, — открыто улыбнулся Шутов. — В жизни чего только ни случается. Кстати, можете называть меня Анатолием.

— Анатолием Николаевичем, — уточнил Скворцов.

— Надеюсь, у вас имеется педагогический опыт, господин Шутов?

— Само собой. — Взгляд Шутова метнулся по стенам коридора и остановился на клон-репродукции картины «Апофеоз войны». — Я-а-а... занимался преподаванием... И воспитанием также... У меня есть диплом... Я-а-а... — Шутов прямо посмотрел в глаза своему заму, он наконец-то нашел нужный ответ: — Меня дети любят.

— Замечательно. — Кира Алексеевна выдернула из нагрудного кармашка завершавшую персоналку и, даже не посмотрев, кто ее разыскивает, нажала кнопку отбоя. — В таком случае, разберитесь немедленно с нашими специалистами.

— А в чем дело? — Шутов посмотрел на Скворцова, надеясь, что он-то в курсе происходящего.

— За те два дня, что я нахожусь на станции, я имела возможность лицезреть вверенного моим заботам малыша в общей сложности не более получаса, — сообщила Кира Алексеевна. — И это, скажу я вам!..

— Спокойно, — поднял руку Шутов. — Разберемся. Где сейчас... — Шутов запнулся, сообразив, что слово «заяц», принятое для обозначения найденыша в армейских кругах, в данной ситуации не уместно. — Где сейчас малыш?

— У этих, — махнул рукой куда-то за спину Скворцов. — Экзо... Как же их?.. В общем, в лабораторном отсеке.

— Идемте, Кира Алексеевна, — Шутов отступил к стене и сделал галантный жест рукой, пропуская даму вперед. Потому что пока еще сам не знал, где расположен лабораторный отсек.

Высокие каблучки Киры Алексеевны глухо застучали по ковровой дорожке.

— Свободен, — коротко бросил Шутов Степану и, подмигнув, добавил: — До связи.

Догнав Киру Алексеевну, майор попытался взять ее под локоток, но та резко отстранилась и посмотрела на Шутова так, что он на секунду забыл свое имя, кто он такой и что тут делает.

— И чем же занимаются ученые с нашим малышом? — спросил Шутов, следуя за Кирой Алексеевной.

— Вот сами и посмотрите, — Кира Алексеевна даже не взглянула на Шутова.

— Я, между прочим, только полчаса как прибыл на станцию, — с обидой заметил майор. — Даже комнату свою еще не видел.

— Вы работать сюда прибыли?

— Ну, в общем, да.

— Вот и включайтесь.

Кира Алексеевна остановилась, пропустив Шутова вперед и указала на блестящую металлическую дверь, над которой горела надпись: «Не мешать! Идет эксперимент!».

— Это — лаборатория, — догадался Шутов.

— Совершенно верно, — подтвердила Кира Алексеевна.

— Может быть, подождем, когда эксперимент закончится? — Шутов указал на предупреждающую надпись.

— А она у них всегда горит, — усмехнулась Кира Алексеевна.

Шутов потянул дверь за ручку.

— Заперта, — сказала Кира Алексеевна.

— Заперта, — согласился майор.

Кира Алексеевна сложила руки на груди, насмешливо посмотрела на Шутова и спросила:

— Ну, что будем делать? — спросила так, что Шутов понял: на карту поставлен его авторитет руководителя.

В принципе, майор знал с десяток простых и надежных способов открыть такую дверь. Но в данной ситуации нужно было действовать более деликатно. Поэтому Шутов просто нажал кнопку переговорного устройства рядом с дверью, — не зря же его здесь повесили.

На вызов никто не ответил.

Судя по насмешливому взгляду Киры Алексеевны, она ни секунды не сомневалась в том, что именно так и будет.

Шутов смущенно кашлянул и снова прижал пальцем кнопку вызова.

— Нажимайте еще раз, — посоветовала Кира Алексеевна. — Они только на третий звонок реагируют.

Следуя совету знакомого человека, майор снова нажал кнопку.

Приглушенный шелчок.

— Что?! — зло рявкнул из динамика слегка надсаженный голос.

Не привыкший к подобному обращению со стороны подчиненных, майор поначалу даже малость опешил.

— А я вам что говорила? — Кира Алексеевна верно истолковала выражение его лица.

— Они и с вами так же разговаривают? — спросил Шутов.

— Конечно, — пренебрежительно дернула плечиком Кира Алексеевна. — Они и сейчас уверены, что это я пытаюсь ворваться в их святая святых.

— Понятно, — произнес многозначительно Шутов, хотя, сказать по правде, пока еще мало что понимал в происходящем. Зато уже знал, как следует действовать. — Вы не дадите мне свою заколку? — попросил он Киру Алексеевну.

— Что? — не поняла та.

— Заколку, — повторил Шутов. — Желательно потоньше.

Кира Алексеевна прикрыла ладонью собранные на затылке волосы и посмотрела на Шутова так, будто сомневалась, в своем ли он уме. Но выражение лица майора было настолько спокойным и уверенным, что Кира Алексеевна без колебаний вытянула из волос заколку.

Слегка разогнув металлическую скобу, Шутов вставил ее под крышку электронного замка, подвигал из стороны в сторону и довольно улыбнулся, нащупав нужную клемму. Прижав клемму, Шутов медленно сосчитал до трех и быстро переместил заколку на соседнюю клемму.

— Раз... Два...

Щелкнул открывшийся замок.

Придав заколке прежнюю форму, Шутов вернул ее Кире Алексеевне.

— Вы уверены, что именно воспитание детей является вашим призванием? — несколько удивленно спросила женщина.

— Мне приходилось работать с трудными подростками, — ответил Шутов и, приоткрыв дверь, предложил Кире Алексеевне первой войти в лабораторию.

— Какого черта!.. — раздалась возмущенные голоса из глубины помещения. — Вы что, надпись над дверью не видели?.. Кто вас сюда пустил?..

— Я, — вышел из-за спины Киры Алексеевны Шутов.

Огромная лабораторная комната была до такой степени заставлена стеллажами с переплетенной разноцветными проводами аппаратурой, что казалась крошечной камеркой. Свет под потолком был почему-то пригашен, из-за чего в комнате царил полумрак, на фоне которого тремя яркими пятнами выделялись настольные лампы в разных концах помещения. Человек невысокого роста, в очках, со всклокоченными волосами, одетый в криво застегнутый, мятый лабораторный халат, стоял в проходе между стеллажами, как раз напротив Шутова. Две такие же всклокоченные головы с ошалелыми глазами выглядывали из-за полок.

— А вы, собственно, кто такой? — спросила у Шутова одна из голов.

— Вы знаете, что сорвали важный научный эксперимент? — спросила вторая голова.

— Сколько их здесь? — поинтересовался Шутов у Киры Алексеевны.

— От трех до пяти, — ответила женщина. — Редко — шесть.

— А ну-ка, все сюда, — спокойно, не повышая голоса,скомандовал Шутов. И для убедительности ткнул указательным пальцем себе под ноги.

Высовывающиеся из-за полок головы непонимающе переглянулись.

Тип в халате, стоявший перед Шутовым, нахально сложил руки на груди и вызывающе выставил левую ногу вперед.

— Вы, собственно... — начал было он.

— Я сказал, все сюда! — рывкнул Шутов.

Это прозвучало убедительно, и специалисты проворно полезли из своих щелей.

Не прошло и двух минут, как перед Шутовым стояли четверо гражданских, один внешний вид которых заставил сердце строевого офицера болезненно сжаться.

— Первое, — начал импровизированный инструктаж Шутов. — Я директор данного сиротского приюта. Следовательно, ваш прямой и непосредственный начальник. А потому все мои указания исполняются быстро и беспрекословно. Зовут меня Анатолий Николаевич Шутов. — Пауза. Никаких возражений. — Второе. Кира Алексеевна является моим замом по воспитательной части. Следовательно, в мое отсутствие все ее указания исполняются так же четко, как и мои.

Пауза.

— Да, но она... — подал голос один из ученых.

— Кира Алексеевна, — вежливо поправил Шутов.

— Да... Кира Алексеевна мешает нашим научным работам.

— Понимаю, — наклонил голову Шутов. — С нынешнего дня все научные работы будут проводиться только с разрешения Киры Алексеевны и в назначенное ею время.

— Да, но...

— Есть возражения?

— Нет.

— Замечательно, — Шутов позволил себе едва заметно улыбнуться. — Я вижу, мы найдем общий язык. Третье. Привести в порядок внешний вид. Вы не у себя дома чай с тещей пить собираетесь, вы находитесь на государственной службе. Поэтому и выглядеть должны соответственно. Я понятно выражаюсь?

Судя по тому, что никаких вопросов или возражений не последовало, выражался Шутов понятно.

- И наконец, четвертое. Где малыш?
- Какой малыш? — разом вытаращились на него все четверо.
- Тот, над которым вы проводите свои эксперименты.
- Вы имеете в виду объект Икс-Ноль-Ноль?

Шутов бросил вопросительный взгляд на Киру Алексеевну.

- Так они его называют, — пожалала плечами женщина.
- Где он? — спросил Шутов.

— В тот момент, когда вы вломились... То есть когда вы вошли в лабораторию, объект Икс-Ноль-Ноль проходил тест на усиленное немотивированное восприятие реальности, — ответил один из специалистов.

Шутов сделал для себя вывод, что ученые — люди малость туповатые, не от рождения, а в силу особенности профессии, а потому, общаясь с ними, выражаться следует очень коротко и предельно конкретно, так, чтобы при всем желании фразу невозможно было истолковать двояко.

- Покажите мне его, — тяжело вздохнул Шутов.
- Кого?

Немая сцена.

Шутов посмотрел на Киру Алексеевну.

- Они, часом, не издеваются надо мной?
- Нет, — с абсолютно серьезным видом качнула головой Кира Алексеевна. — Они по жизни такие.
- Это какие такие? — обиженно шмыгнул носом один из специалистов.

Кира Алексеевна перевела взгляд на потолок, решив, что дальнейшее развитие темы не имеет смысла.

— Я хочу видеть объект Икс-Ноль-Ноль... Секундочку! — Шутов вскинул руку, едва лишь один из гениев успел рот приоткрыть. — Прежде чем кто-то из вас произнесет хоть слово, хочу сказать: если ровно через десять секунд я не увижу то, что мне нужно, я прикрою всю вашу контору. — Шутов включил таймер на ручных часах и с некоторым удивлением посмотрел на замерших, будто сломанные манекены, специалистов. — Время пошло.

Стоявший перед Шутовым гений попятился, жестами маня майора за собой и приговаривая при этом:

— Сюда... Пожалуйста... Сюда...

— А у вас неплохо получается, — услышал Шутов у себя за спиной реплику Киры Алексеевны, произнесенную с явным одобрением.

— Мне приходилось иметь дело...

Шутов умолк на полуслове, решив все же не уточнять, с кем имен-

но ему приходилось иметь дело, и, кашлянув для солидности в кулак, последовал за учеными.

В глубине комнаты, в уголке, отгороженном пластиковыми щитами, сидело маленькое, ростом не больше трехлетнего ребенка, существо нежно-бирюзового цвета — тот самый «заяц», которого майор привез на Землю на своем корабле. На кого был похож «заяц»? Вот это трудно определить. Вообще-то он не походил ни на одно известное Шутову живое существо. Но человеку ведь всегда хочется найти точное сравнение, поэтому, подумав, майор определил: что-то от броненосца, что-то от кенгуру, немного от гепарда и что-то, совсем уж самая малость — наверное, большие, выразительные глаза — от лани. А вот от зайца — ничего.

Детеныш неизвестного вида сидел за столом, на котором вразнобой мигали десятка три разноцветных лампочек. На голову малыша был надет широкий пластиковый обруч, от которого во все стороны тянулись разноцветные провода.

Увидев такое, Шутов подумал, что без членовредительства сегодня, видимо, не обойтись.

А малыш, увидев Шутова, подпрыгнул в кресле и радостно заверещал. Он бы непременно попытался вырваться из своей пластиковой клетки, но ручки его были пристегнуты к подлокотникам.

— Выпустить! — рявкнул во всю армейскую глотку Шутов.

И как ни странно, на этот раз его моментально поняли.

Суетливо толкая друг друга, специалисты бросились к пластиковому загончику и в считанные секунды освободили малыша, который тут же подскочил к Шутову и запрыгнул к нему на руки. Майор улыбнулся и потрепал существо по волосяному гребешку, торчавшему между двух больших ушей.

— Ну что, озорник, признал?

Малыш сначала довольно заурчал, затем глянул искоса на специалистов и злобно твякнул.

Шутов услышал, как у него за спиной негромко хмыкнула Кира Алексеевна.

Майор обернулся.

— Что-то не так?

— Честно говоря, у меня были сомнения в ваших педагогических способностях.

— Да? — неплохо изобразил удивление Шутов. — Вы же видели, с гениями я разобрался на «раз».

— Я говорю о воспитании детей.

Шутов посмотрел на взъерошенных специалистов, ожидающих

дальнейших распоряжений нового шефа, чей авторитет, похоже, стал для них непререкаемым.

— А это кто? — кивнул в их сторону Шутов.

Кира Алексеевна улыбнулась. Впервые с момента их встречи.

Сидевший на руках у Шутова малыш недовольно заворчал и принялся требовательно дергать майора за нагрудный карман.

— В чем дело? — строго посмотрел на него Шутов.

Малыш что-то провершал в ответ и снова дернул майора за карман. Хорошо дернул, так что край оторвал.

— Вы его когда последний раз кормили? — спросил Шутов у специалистов.

Рыжеволосый гений — именно он показался Шутову наиболее здравомыслящим из всех — посмотрел на настенные часы.

— Два часа двенадцать минут назад. В полном соответствии с установленным для объекта... — рыжий запнулся, но быстро нашел выход из показавшейся ему поначалу безвыходной ситуации: — В соответствии с установленным для малыша режимом дня. Кира Алексеевна может подтвердить.

— Кормили, — кивнула Кира Алексеевна. — Уж за этим-то я слежу строго.

— Как зовут? — спросил Шутов у глянувшегося ему специалиста.

— Меня? — растерянно переспросил рыжий гений.

— Нет, маму мою, — усмехнулся Шутов.

— Братислав, — наклонив голову, изобразил поклон рыжий. — Братислав Синичкин.

— Значит так, Братислав, — Шутов снова потрепал льнувшего к нему малыша по жесткой волосяной щеточке на затылке. — Назначаю тебя старшим в группе. Ежели что случится, отвечать будешь ты.

— Почему я? — удивленно вытаращился на майора Братислав.

— Потому что я так решил, — вполне резонно, с точки зрения военного человека, объяснил Шутов. — Ясно?

Братислав поскреб ногтями затылок. Судя по всему, у него имелась масса возражений. Но гений благоразумно решил оставить их при себе.

— Ясно, Анатолий Николаевич.

— Ну, а раз так, организуй-ка мне, Братислав, быстренько банку сгущенки.

Братиславу трудно было вот так сразу избавиться от старых привычек, поэтому он вновь повторил последние слова майора, добавив вопросительные интонации:

— Банку сгущенки?

Ну чисто психоаналитик!

— А в чем проблема? — удивился Шутов.

— Я не знаю, — Братислав пожал плечами, — есть ли на станции сгущенка.

— Ну так выясни.

— Хорошо.

Братислав направился было к выходу, но его остановил окрик Шутова:

— Стой!

— Что? — обернулся Братислав.

— Ты куда?

— За сгущенкой.

— Я тебе что сказал?

— Найти сгущенку.

— А до этого?

Братислав сосредоточенно наморщил лоб, но, так ничего и не вспомнив, с надеждой посмотрел на коллег.

— Я назначил тебя старшим, — напомнил Шутов.

— Ну да, — кивнул Братислав.

— А это значит...

Не закончив фразу, Шутов сделал легкое движение рукой с открытой ладонью — вверх-вниз, — призывая гения к более активному участию в мыслительном процессе.

У Братислава от напряжения покраснели кончики ушей. Затем он вдруг улыбнулся, так счастливо, будто наконец понял, что единая теория поля — это полный бред, о котором и вспоминать не стоит. А Шутов, глядя на него, понял, что не ошибся в выборе.

— Юрик, — Братислав указал пальцем на одного из коллег. — Дуй за сгущенкой.

— Почему я? — удивился Юрик, пока еще не уловивший тонкость происходящего процесса, которую наконец-то прочувствовал Братислав.

— Потому что я так сказал, — таков был ответ Братислава.

Юрик удрученно покачал головой и направился к выходу.

— Зачем вам сгущенка? — поинтересовалась Кира Алексеевна.

— Малыша хочу угостить, — широким взмахом руки Шутов смахнул с большого лабораторного стола ворох каких-то графиков и таблиц, пару пластиковых посуды заодно с ними и посадил на стол малыша. — Он страсть как сгущенку любит.

— Для него подобрано сбалансированное меню...

— Братислав, — не слушая Киру Алексеевну, обратился к старшему гению Шутов. — Почему в помещении такой бардак?

— Разве? — Братислав оценивающе посмотрел по сторонам. — Ну, вообще-то, мы тут работаем...

— Вот именно, — ткнул пальцем в грудь Братиславу Шутов. — А на рабочем месте должен быть идеальный порядок. К тому же своей расхлябанностью вы подаете плохой пример ребенку. Понятно?

— Понятно, — особо не задумываясь, ответил Братислав.

— Ну вот и славно, — Шутов взял со стеллажа какой-то небольшой, приятно поблескивающий приборчик и дал его малышу. Тот, усевшись поудобнее, с сосредоточенным видом принялся изучать незнакомую вещь. — Что же вы ребенку даже игрушек не даете?

— Игрушки есть в детской комнате, — ответила Кира Алексеевна.

— И то хорошо, — кивнул Шутов. — Ну, а теперь, — он обвел взглядом всех присутствующих, включая свою помощницу по воспитательной части, — расскажите, каких успехов вы достигли в изучении малыша?.. Кстати, как его зовут?

Гении растерянно переглянулись, затем с надеждой посмотрели на Киру Алексеевну.

— Понятно, — усмехнулся Шутов. — Выяснить его имя вам не удалось. Но ведь как-то вы его называете?.. Он же для вас не просто объект исследований?

Специалисты пристыженно опустили головы.

— Я называю его Сусликом, — сказала Кира Алексеевна.

— Сусликом? — Шутов посмотрел на малыша, деловито ковыряющего научный прибор.

Собственно, почему бы и нет? Ничуть не хуже, чем Пчелка, Зайчик или Птенчик.

— Он на имя отзывается?

— Когда как...

— Суслик, — позвал малыша Шутов.

Малыш никак не отреагировал на имя.

— Хорошо, — Шутов легонько стукнул ладонью по краю стола. — Что еще хорошего вы мне скажете?.. Я к вам обращаюсь, господа ученые!

— Ну, мы провели ряд стандартных тестов, — не поднимая взгляда, забубнил Братислав. — Получили ряд любопытных фактов... Конечно, пока еще рано делать выводы...

— Понятно, — подытожил Шутов. — Вы так ничего о нем и не узнали.

— Мы установили, что это существо мужского пола, — вспомнил неожиданно коллега Братислава.

— Да? — Шутов сделал вид, что страшно удивлен. — Любопытно, каким же образом?

— По уровню мужских гормонов в крови, — объяснил ученый. И улыбнулся.

— Замечательно, — Шутов дважды хлопнул в ладоши. — Это еще Володя Ильин установил...

— Кто?

— Человек, обнаруживший Суслика на корабле. Между прочим, он пришел к тому же выводу, что и вы, не прибегая к методам научного анализа.

— И как ему это удалось?

Шутов с тоской посмотрел на исследователей.

— Вам никогда не приходило в голову, что иногда вместо приборов можно задействовать мозги?

Майор вновь допустил ту же ошибку, что и в начале разговора — вопрос допускал несколько как взаимоисключающих, так и взаимодополняющих толкований, а потому гении современной науки погрузились в глубокое размышление. По всей видимости, каждый из них пытался найти свой, наиболее оригинальный путь к выходу из весьма неоднозначной ситуации.

Обстановку разрядил влетевший в помещение Юрик.

— Нашел! — закричал он, размахивая зажатой в руке банкой сгущенки, точно камикадзе последней гранатой.

— А всего-то и нужно было в столовую заглянуть, — негромко, так, чтобы только Кира Алексеевна услышала, заметил Шутов.

Кира Алексеевна улыбнулась.

Шутов улыбнулся в ответ.

Оба почувствовали, что еще немного, и между ними начнется реакция, результатом которой станет нечто удивительное, от чего захватывает дух, а тело становится невесомым...

Втиснувшись между ними, Юрик грохнул банкой по столу.

— Вот! — счастливо улыбнулся он сначала майору, а затем, повернув голову, и Кире Алексеевне.

— Замечательно, — проявив титаническую выдержку, выдавил-таки из себя Шутов, которому сейчас больше всего хотелось свернуть Юрику шею.

В конце концов, надо же понимать, что все, даже опьянение успехом, должно иметь границы.

Шутов бросил незаметный взгляд на зама по воспитательной части. Кира Алексеевна выглядела совершенно невозмутимой. Или нервы у нее были крепче, чем у боевого майора, или... Или она ничего не почувствовала?

Выхватив из кармана складной швейцарский нож с двадцатью се-

мью режущими и пилящими приспособлениями, портативным накопителем на четыре гигабайта и портом USB, Шутов выдернул первое подвернувшееся лезвие и двумя короткими ударами пробил две дырки в банке со сгущенкой.

Радостно взвизгнул Суслик. Прибор, забавлявший его до сего момента, полетел в угол, едва не угодив в голову Братиславу, а малыш, схватив банку обеими руками, припал ртом к одному из отверстий.

— Вам не кажется, что слишком много сгущенного молока может не лучшим образом сказаться на здоровье нашего подопечного?

Шутов правильно истолковал вопрос Киры Алексеевны — она все не советовалась с ним, а высказывала собственное профессиональное мнение. Поэтому свой ответ майор облек в ту же форму.

— Слишком много сгущенки не бывает, — уверенно произнес Шутов. И, внимательно посмотрев на Киру Алексеевну, спросил: — Вы никогда не были маленькой?

* * *

Должность директора Галактического сиротского приюта могла бы стать синекурой, как и обещал полковник Плехотнюк, если бы не беспокойный характер Шутова. Сиротский приют — это, конечно, не военный корабль, но если не обращать внимания на детали, разница не так уж велика. Есть определенный объем работ, есть команда.

Как и у каждого военного, у майора Шутова никогда не вызывал сомнения тот факт, что именно стремление к порядку в свое время помогло нашим далеким предкам по капле выдавить из себя обезьяну и стать тем, чем мы являемся ныне. Конечно, отдельные индивиды порой прикидываются, что ненавидят порядок. Однако, по мнению Шутова, это означает лишь то, что им не хватает организованности и воли. И это не вина их, а беда.

После того, как превращенная в Галактический сиротский приют станция обрела организационное и волевое начало в лице нового директора, жизнь на ней не сказать, чтобы круто изменилась, но вошла в новое русло. Во главе с Шутовым приют стал учреждением, целиком и полностью отвечающим своему названию и назначению. Во всяком случае, как представлял себе это сам Шутов.

Вот только не нужно улыбаться и пренебрежительно махать рукой! Мол, управлять сиротским приютом, в котором всего-то один подопечный, дело нехитрое! Вы сами пробовали когда-нибудь?.. То-то и оно! К тому же не забывайте, это был не просто сиротский приют, а Галактический.

Препоручив все заботы о Суслике Кире Алексеевне, Шутов с энту-

зиязмом принялся за воспитание ученых специалистов. Поскольку ни один из десяти не смог внятно объяснить, в чем именно состоит цель его пребывания в приюте, майор сделал вывод, что прислали их исключительно с целью придания солидности всей организации. Данная сторона вопроса Шутова мало интересовала, и он сократил число специалистов более чем на две трети. Отправив семерых гениев на Землю, директор приюта потребовал, чтобы взамен им в его распоряжение предоставили пару техников, трех педагогов и двух квалифицированных медиков. Оставшимся троим гениям Шутов велел заниматься обустройством медицинского отсека. Когда же Братислав заикнулся о том, что неплохо бы заняться составлением генетической карты их подопечного, Шутов ответил, мол, ничего не имеет против. Однако разрешение заниматься генетикой гении получают лишь после того, как смогут реанимировать муху, которую он, Шутов, самолично для этого прихлопнет. Мух на станции не нашлось, но ученые поняли, что от них требуется. В принципе, Шутов не сомневался в том, что ребята сделают все, как нужно, но тем не менее все же велел Скворцову за ними присматривать.

Проект под названием Галактический сиротский приют, задуманный полковником Плахотнюком и успешно осуществляемый майором Шутовым, в самом деле получил широкий общественный резонанс. Шутову два, а то и три раза в день приходилось участвовать в различных встречах и пресс-конференциях, проходивших посредством видеообмена. Первую скрипку здесь играл Плахотнюк, который знал, когда нужно открыть рот, а когда лучше выдержать паузу. Казалось, он заранее прочитал все вопросы, которые собирались ему задать представители инопланетных информационных агентств.

— Скажите, почему, едва влившись в галактическую семью народов, земляне первым делом открыли сиротский приют? — спрашивал корреспондент с желтыми глазами и фиолетовой кожей.

— Галактический сиротский приют, — деликатно поправлял его Плахотнюк.

— Галактический, — соглашался корреспондент.

— Потому что мир, увы, до сих пор не совершенен, — отвечал полковник Плахотнюк. — И в нем и по сей день встречаются обездоленные. А мы, земляне, всегда готовы протянуть руку помощи тем, кто в ней нуждается. Когда же речь заходит о детях, мы громко, во весь голос готовы заявить: нигде и никогда дети не должны страдать!

— А почему на должность директора был назначен майор военно-космических сил Земли? — задавал новый вопрос корреспондент, покрытый чешуей, с широкими веерообразными плавниками вместо рук.

— Бывший майор военно-космических сил Земли, — уточнял полковник.

— Майор Шутов подал в отставку?

— Майор Шутов в отставку не подавал. Прекратили свое существование военно-космические силы Земли. Данное подразделение было создано в те времена, когда мы не бороздили глубины космоса, не встречались с представителями иных цивилизаций, а потому имели все основания полагать, что за пределами Солнечной системы нас могут ждать не только друзья, но и враги. Теперь же мы твердо уверены: ни одна из цивилизаций, входящих в великую семью Галактической лиги, не имеет агрессивных намерений как в отношении землян, так и в отношении других народов. Поэтому в существовании военно-космических сил Земли нет больше необходимости.

— И все же, бывший военный, — с сомнением пожимал чем-то отдаленно похожим на плечи рыбообразный корреспондент. — Почему именно он?

— У Анатолия Шутова имеется опыт соответствующей работы, — уверенно отвечал Плахотнюк.

— Он педагог? У него есть необходимое для этого образование?

— Да вы только посмотрите на них! — умело уходил от прямого ответа Плахотнюк.

Всю площадь экрана занимала картинка, на которой Суслик нежно прижимался к широкой груди майора Шутова. После этого на лица одних корреспондентов появлялись умиленные улыбки, другие начинали растроганно помахивать плавниками, третьи в том же эмоциональном ключе принимались щелкать клювами и нежно щебетать, — одним словом, вопрос снимался сам собой.

Собственно, к позированию с Сусликом на руках и сводилась вся роль Шутова на подобных встречах. На случай, если кто-то из инопланетных корреспондентов хотел поговорить лично с директором Галактического сиротского приюта, у Шутова имелось десятка полтора стандартных ответов на не менее стандартные вопросы. Шутову было скучно, но он добросовестно играл отведенную ему роль.

Ежедневно Шутов связывался с Плахотнюком, чтобы переговорить без свидетелей. Ему казалось странным, что при столь широком резонансе идеи создания Галактического сиротского приюта, бешеной посещаемости его сайта до сих пор не найдена родина Суслика. В ответ на все вопросы Плахотнюк отвечал лишь, что делает все возможное. Шутов чувствовал подвох. Но в чем именно, понять не мог.

Прошли обозначенные Плахотнюком две недели. Первоначальный ажиотаж вокруг приюта начал утихать. Новые подопечные в приют не

поступали, а Суслик не доставлял много хлопот. Малыш был живым, общительным, а по части сообразительности мог дать сто очков вперед любому из трех оставшихся на станции гениев. Хотя следует признать, ребята перестали заниматься ерундой и переключились на серьезную работу, что значительно подняло их в глазах директора.

Киру Алексеевну беспокоило одно: с Сусликом не удавалось наладить вербальный контакт. Гении, как ни бились, какие хитроумные программы ни использовали, так и не смогли разгадать язык Суслика. А сам он ни в какую не желал учиться говорить по-русски. Одна из новых воспитательниц, прибывшая на станцию в помощь Кире Алексеевне, даже высказала предположение, что Суслик слишком мал для того, чтобы говорить.

Была у Суслика одна странная особенность — он не желал спать в постели. Даже если вечером Кире Алексеевне удавалось уложить малыша в кроватку и накрыть одеяльцем, утром его непременно находили свернувшимся калачиком под столом или в углу за кроватью. В остальном же это был самый обычный ребенок.

Миновала третья неделя.

К исходу четвертой Шутов наконец смог сказать самому себе, что ему удалось-таки наладить работу приюта в соответствии с самым высоким стандартом, каковым для майора являлся боевой лайнер. Теперь Шутов не сомневался: даже если ему придется покинуть приют, работа будет продолжаться в том же, близком к автоматическому, режиме. Как ни странно, такое положение дел устраивало не только директора, но и остальной персонал.

Ситуация круто изменилась в начале пятой недели. В понедельник.

Обычно время после завтрака было самым спокойным, и Шутов удобно устроился у себя в кабинете, намереваясь полистать «Словарь военных цитат». К регулярному чтению этой книги майор пристрастился еще в пору учения в Летной академии и с тех пор всюду брал ее с собой. Едва Шутов пролистнул несколько страниц толстого фолианта, пока еще не читая, а только наслаждаясь их мягкой фактурой и тихим шелестом, как хлопнула раскрывшаяся мембрана внутренней связи.

— Анатолий Николаевич, у нас проблема, — мрачно возвестил Степан.

— Серьезная? — поинтересовался Шутов.

— Можно и так сказать...

Шутов представил, как Скворцов чешет затылок.

— Говори прямо, — посоветовал Шутов, приготовившись к самому плохому — выходу из строя канализационной системы.

— Нам привезли двух новых подопечных. Или одного... В общем, они сами еще не разобрались.

— Кто? — только и смог произнести ошарашенный Шутов.

— Мормизонцы, — ответил Степан.

— Что — мормизонцы?

Степан понял, что не избежать подробного рассказа.

— Мормизонский торговый корабль вышел из врат и сразу запросил связь с нами... С Галактическим сиротским приютом то есть... Я разговаривал с первым помощником капитана мормизонского корабля. Он сообщил, что старший администратор пересадочной станции «Кошень-7» передал им пару детишек неизвестной расы... Или одного... Ну, в общем, они и сами до конца не разобрались... Как дети оказались на пересадочной станции, никто не знает. Предполагают, что их кто-то забыл... Или нарочно оставил... Одним словом, мормизонцев попросили доставить найденшей в Галактический сиротский приют... К нам то есть...

— Что?! — не то прорычал, не то простонал Шутов.

Услышанное смахивало на бред... Нет — на провокацию! Майор не нуждался в новых воспитанниках! Он не собирался до конца своих дней прозябать в директорах сиротского приюта, будь он хоть трижды Галактический.

— Анатолий Николаевич...

— Степан! — решительно перебил техника-инженера Шутов. — Найденшей — не принимать!

— Но у нас ведь приют, — робко попытался возразить Скворцов.

— Придумай любой предлог!.. Скажи, что в приюте эпидемия!.. Да, отличная идея! Эпидемия смертельно опасной болезни! Название сам придумай!

— Поздно, — упавшим голосом произнес Степан. — Кира Алексеевна...

— Кира Алексеевна! — взревел, будто раненый бык, Шутов.

— Кира Алексеевна уже приняла капсулу с найденшами...

— Вернуть! Немедленно вернуть мормизонцам!

— А мормизонский корабль ушел через врата, — закончил Степан.

Шутов уронил голову на раскрытый «Словарь военных цитат».

Жизни пришел конец.

Или еще нет?..

Шутов отпихнул словарь на угол стола и придвинул к себе клавиатуру.

Клик! — адресная книга.

Клик! — вызов полковника Плахотнюка.

Плахотнюк придумал всю эту затею с сиротским приютом, вот пусть теперь сам с ним и разбирается. Шутов свою часть договора выполнил. И даже перевыполнил — отбыл в должности директора не две недели, а все четыре.

— Абонент не отвечает или временно недоступен.

— Проклятье! — Шутов в сердцах ударил по клавише автодозвона. Дверь негромко постучали.

— Кто там еще? — рявкнул Шутов.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошла Кира Алексеевна.

Она всегда так делала — не заглядывала, как другие, а сразу входила к директору. Шутов никак не мог понять, нравится ему это или нет.

— У вас плохое настроение, Анатолий Николаевич?

Спросила, и снова непонятно, с сочувствием или с сарказмом.

— Да, — Шутов захлопнул «Словарь военных цитат» — прозвучало почти как выстрел. — У меня ужасное настроение.

— Личные проблемы? — деликатно, без нажима — не хочешь, не отечай — поинтересовалась Кира Алексеевна.

— Можно и так сказать, — не стал вдаваться в детали Шутов.

— Мне зайти позже?

— Да что уж там, — Шутов отключил режим автодозвона, — не хотел выяснять отношения с Плахотнюком при своем заме. — Я слушаю вас, Кира Алексеевна.

Кира Алексеевна улыбнулась, — ну прямо как девочка, получившая в подарок на день рождения вожделенную куклу.

— У нас новые подопечные.

— Я в курсе, — мрачно кивнул Шутов. И, не удержавшись, добавил: — Между прочим, Кира Алексеевна, вы приняли их, не только не получив моего согласия, но даже не поставив меня в известность!

Указательный палец майора уперся в стол — будто комара придавил.

Кира Алексеевна, казалось, была удивлена подобным заявлением директора.

— Я полагала, что забота о потерянных детях — наша прямая обязанность.

— Все верно, — не стал отрицать очевидное Шутов. — Но мы обязаны соблюдать установленный порядок.

Еще один комар, сиди он на столе, погиб бы безвременной смертью.

— Дело в том, Анатолий Николаевич, что вы не дали мне никаких инструкций на случай приема новых постояльцев. Поэтому мне при-

шлось действовать по собственному усмотрению. И полагаю, я не совершила непоправимых ошибок.

Кира Алексеевна была права. Сто раз права! Шутов не разработал правил приема новых подопечных. Потому что был уверен: никаких подопечных, кроме Суслика, у них не будет. В конце концов, — Шутов покосился на клавиатуру связи, — именно это ему обещал Плахотнюк!

— Извините, Кира Алексеевна, я, конечно, не прав. У меня сегодня, в самом деле... — Шутов наклонил голову и помахал растопыренной пятерней. — Не самый удачный день, — он поднял голову и сделал попытку улыбнуться. — Что там с новыми подопечными?

— Собственно, я как раз хотела вам их представить... Или его... Простите, я еще до конца не разобралась.

— В чем?

— Сколько у нас подопечных, один или два... Поскольку они оба кислорододышащие, я поместила их в двенадцатую каюту, оборудованную под временный изолятор.

— Как это понимать? — подозрительно прищурился Шутов. — Ребенок либо один, либо их двое. Иначе быть не может.

— Я думаю, вам лучше самому взглянуть, — Кира Алексеевна смущенно опустила взгляд.

Шутов откинулся на спинку стула и положил руки на стол. Ему почему-то совсем не хотелось идти знакомиться с новым подопечным. Или подопечными. Благодаря все тому же седьмому чувству, которое позволяет солдату услышать в грохоте боя звук снаряда, летящего именно в его окоп, майор Шутов чувствовал, что новые подопечные, сколько бы их там ни было, — это только начало новых проблем, разбираться с которыми придется именно ему, а вовсе не заварившему всю эту кашу полковнику Плахотнюку.

— Анатолий Николаевич, — обеспокоенно спросила Кира Алексеевна, — может быть, позвать к вам врача?

— Что? — удивленно посмотрел на нее Шутов.

— Врача, — Кира Алексеевна указала на дверь. — К вам.

— Зачем? — снова ничего не понял Шутов.

— Вы выглядите ужасно, Анатолий Николаевич.

— А, — безнадежно махнул рукой Шутов. — Не хуже, чем после смерти. Идемте, Кира Алексеевна, — он поднялся из-за стола. — Попробуем сосчитать наших подопечных.

* * *

На первый взгляд, найденшей было двое.

Один из них доходил до пояса взрослому человеку и напоминал

детскую плюшевую игрушку. Тело его, похожее на переспелую грушу, покрывал короткий желтоватый ворс, из-под отвисшего живота, почти достававшего до пола, едва виднелись крошечные ножки. Коротенькие ручки с четырьмя лишенными растительности пальчиками и такими же голыми ладошками забавно торчали в стороны. На крошечной головке выделялись большие блестящие, точно стеклянные, глаза и огромные, вытянутые вверх, с кисточками на концах уши.

Второй найденыш стоял на четвереньках и здорово смахивал на переболевшего лишаем и в результате этого облысевшего щенка таксы, которому к тому же отрезали хвост.

— И в чем проблема? — спросил Шутов.

В помещении временного изолятора, где держали найденышей, собрались Кира Алексеевна, Братислав Синичкин, который, как выяснил Шутов, специализировался в области экзотингвистики, новая, неделю как прибывшая на станцию воспитательница и одновременно экзопсихолог Алла Павловна Гершон, а также доктор Гус Ван Штейн — судя по тому, каких трудов стоило майору заполучить его к себе в приют, лучший во всей Солнечной системе знаток инопланетной медицины.

— Проблема в этом, — Алла Павловна подцепила пальчиком с длинным ярко-зеленым ногтем узкий кожаный поводок, соединяющий двух найденышей.

У того, что стоял на двух ногах, конец поводка был обвязан вокруг туловища, повыше живота, так, чтобы не съезжал. У четвероногого поводок был завязан на шее.

— Все ясно, — Шутов улыбнулся, дивясь наивности своих подчиненных. — Девочка с собачкой.

— Девочка? — удивленно переспросил Ван Штейн. — Исходя из чего вы сделали такой вывод?

— Ну, мне так показалось, — смутился Шутов, который и сам толком не знал, почему назвал существо с желтой шкуркой девочкой. — Ушки у нее очень забавные, — начал размышлять он вслух. — С кисточками... На бантики похожи.

Ван Штейн выразительно хмыкнул, но не стал комментировать слова Шутова.

— Классический пример антропоцентризма, — глубокомысленно изрек Братислав.

— Ну, может быть, и так, — согласился Шутов осторожно, потому что не понял, что имел в виду гений.

— Вас вводит в заблуждение внешний вид существа, которое вы называете девочкой, — сказала Кира Алексеевна. — Оно, как человек,

стоит на нижних конечностях, следовательно, кажется вам более похожим на разумное существо, нежели его спутник.

— Вы хотите сказать, — Шутов осторожно покосился на облезлую таксу, — что ведущим в этой паре является четвероногий?

— Наверняка мы этого не знаем, — пожал плечами Ван Штейн. — Но и отрицать этого не можем.

— Почему? — вконец растерялся Шутов.

— Потому что мы пока еще не выяснили, к какой расе принадлежат эти существа.

— По-моему, они принадлежат к разным видам, — высказал свое мнение Шутов.

— Похоже на то, — кивнул доктор. — Поэтому для начала следует разобраться, кто из них кого выгуливает.

— Что любопытно, их невозможно разъединить, — добавила Алла Павловна. — Когда мы попытались снять поводок, оба устроили истерику.

— Та-ак? — дабы простимулировать мыслительный процесс, Шутов почесал затылок. — А какого мнения мормизонцы?

— Они тоже в полном неведении по поводу этих существ, — ответил Братислав. — Но зато передали нам список того, чем их кормили на пересадочной станции.

— И то хорошо, — Шутов провел ладонью по подбородку. — А почему они оба голые? Разумное существо должно быть одетым.

— Распространенное среди гуманоидов заблуждение, — снисходительно улыбнулась Алла Павловна. — Люди начали одеваться только потому, что потеряли волосяной покров, а потом им пришлось мигрировать в северное полушарие.

— Хотите сказать, что ходить голым вполне естественно?

— Конечно.

— Я с вами не согласен.

— Это ничего не меняет.

— Хорошо, тогда почему этот, который на четвереньках, не одет? На нем ведь нет шерсти.

— Не забывайте: мы имеем дело с детьми.

— Ну и что?

— Они могли потерять одежду.

— А вы не пробовали их одеть?

Пауза.

Доктора и специалисты даже не переглянулись.

Похоже, ни одному из них не пришло в голову предложить детям одеться.

— Говорить они умеют? — задал новый вопрос Шутов.

— Я как раз начал заниматься этим вопросом, — ответил Братислав. — Оба издают вполне членораздельные звуки, но выделить первичные речевые ключи мне пока не удалось. Боюсь, это займет много времени: все приходится делать вручную.

— Ты неделю назад получил четыре контейнера с аппаратурой, которую заказывал! — недовольно сдвинул брови Шутов. — Разве она не работает?

— Проблема в том, что дети очень часто произносят слова неправильно или не полностью. А я только начал заниматься адаптированием программ-переводчиков под детское произношение. Почему-то прежде никому не приходило в голову этим заняться.

— Потому что раньше не существовало Галактического сиротского приюта, — с затаенной гордостью произнесла Алла Павловна.

И как ни странно, при этих ее словах Шутов тоже почувствовал гордость за своих подчиненных. Как ни крути, а они делали то, чем прежде никому не доводилось заниматься. И надо сказать, неплохо справлялись.

* * *

Пара найденшей быстро освоилась на новом месте. Даже слишком — спустя два дня Шутову казалось, что их не двое, а по меньшей мере дюжина. Связанные поводком Белочка и Таксик — поскольку настоящих имен найденшей узнать не удалось, Алла Павловна придумала им новые, она же настояла на том, чтобы имена не были антропоморфными, это, по ее мнению, могло нанести психическую травму маленьким инопланетянам — с такой невероятной скоростью перемещались по всей станции, что люди, казалось, видели их в нескольких местах одновременно.

Выкладывать информацию о новых воспитанниках на сайте приюта Шутов не спешил. Майор имел опыт общения с инопланетянами и знал, насколько болезненно многие из них воспринимают реакцию людей на свою внешность. Если поместить фотографию обоих найденшей, назвав их потерявшимися детьми, а в итоге выяснится, что один из них является домашним животным, разразится настоящий скандал с обменом дипломатическими нотами на уровне посольств. И хотя сам Шутов был почти уверен, что разумным существом в связке является Белочка, он не мог не прислушиваться к мнению специалистов, которые все еще выражали сомнения по поводу приоритета.

Кира Алексеевна и Алла Павловна, игравшие с малышами в развивающие игры, никак не могли прийти к окончательному мнению, по-

тому что Таксик, как правило, оставался совершенно равнодушен к тем играм, интерес к которым проявляла Белочка, и наоборот — Белочка без особого азарта наблюдала за тем, как Таксик старательно ищет спрятанный кем-то из воспитателей предмет. Относительным успехом было лишь то, что на третий день воспитателям удалось снять со своих подопечных поводок. Первое время маленькие беспризорники по привычке продолжали жаться друг к другу, но вскоре освоились со своим новым положением, разбежались по разным углам комнаты и стали заниматься каждый своим делом.

В конце концов воспитатели пришли к компромиссному заключению, которое совершенно не устраивало Шутова — интеллект обоих найденышей развит примерно в равной степени, но при этом у каждого из них он нацелен на выполнение различных задач.

Братислав, пытавшийся выяснить, на каком языке говорят малыши, так и не смог перевести ни единого слова, однако пришел к выводу, что Белочка в своей лексике использует незаконченные словесные конструкции, в то время как Таксик по большей части обходится простейшими морфемами.

Услыхав такое, Шутов схватился двумя пальцами за подбородок и глубокомысленно изрек:

— Ага-а...

Услыхав директорское «ага», Братислав озадаченно сдвинул брови к переносице и на всякий случай сказал:

— Я так не думаю.

— Тут и думать нечего! — решительно взмахнул рукой Шутов. — Таксик пытается повторять за Белочкой отдельные слова. Как это делают попугаи и скворцы. Значит, он — домашнее животное.

— Я могу предложить иное объяснение, — робко заметил Братислав.

Шутов бросил на Братислава недовольный взгляд. И что у них за привычка такая, у гениев этих, все время искать толкование тому, что и младенцу понятно.

— Ну? — спросил Шутов, в глубине души надеясь, что Братислав все же передумает и согласится с мнением директора.

— Таксик может быть младше Белочки по возрасту. А возможно, у него отставание в развитии. Кстати, и то, и другое объясняет, почему Белочка водила его на поводке.

— Это не объясняет того, почему их бросили на пересадочной станции, — недовольно проворчал Шутов и отправился к себе в кабинет, чтобы еще раз попытаться дозвониться до полковника Плахотнюка, который в последнее время стал недоступен для простых смертных, словно китайский император.

После долгих размышлений Шутову все же удалось найти соломово решение. Он велел разместить на сайте приюта фотографию Белочки с Таксиком, связанных поводком, и сделать подпись: «Узнаете ли вы своего ребенка?». Ниже шла информация о том, когда и где обнаружили инопланетных беспризорников. Текст был тщательно отредактирован, чтобы стало совершенно непонятно, об одном или двух детях идет речь. Шутов остался крайне доволен собой.

И не напрасно.

Родители Белочки и Таксика или, может быть, кого-то одного из них отыскались на следующий же день. В электронном письме на имя директора Галактического сиротского приюта инопланетные родители сначала благодарили его за доброту и заботу об их чаде или чадах, затем выражали недоумение, почему информация о найденных появилась на сайте с задержкой в несколько дней (они-то, понятное дело, уже извелись и не надеялись увидеть своих деток или дитятко живым), а под конец извещали, что лично прибудут в приют, возможно, через неделю, а скорее всего, дней через десять.

Прочитав письмо, Шутов положил его на стол и посмотрел на Братислава, который принес послание. «Ну, и что ты можешь сказать по этому поводу?» — читалось в его взгляде.

— Они из системы Жи-Пай, — сообщил директору Братислав. И, как будто извиняясь, добавил: — По-русски это значит Тройная Неприятность.

— Замечательно, — счастливо улыбнулся Шутов. — И какие же еще неприятности нам грозят?

— Еще? — растерянно переспросил Братислав.

— Первая — то, что родители явно не торопятся забрать своих детей... Или ребенка с собакой?.. — Шутов схватил письмо со стола, быстро пробежал взглядом по строчкам и помахал бумагой в воздухе. — Кто, черт возьми, делал перевод?

— Я, — севшим голосом ответил Братислав, уже понимая, что лучше бы он этого никогда не делал.

— Тут все так запутано, что непонятно, о двух детях или об одном ребенке идет речь?

— Это особенность джипайского языка, — Братислав нервно сглотнул. — У них в языке нет множественного числа.

— Да ну? — удивился Шутов. — И как же они без него обходятся?

— Используют числительные. Например, если нужно сказать: «Ты у меня в руках», говорят: «Ты у меня в две руке».

— Надо же, — качнул головой Шутов. — А нам-то что теперь делать?

— В Галактической сетевой энциклопедии я нашел изображение джипая, — очень осторожно сообщил Братислав.

— Так что ж ты молчал! — наконец-то радостно всплеснул руками Шутов. — Давай, показывай!

На снимке было изображено существо, очень похожее на Белочку, только изрядно растолстевшее и крепко заматеревшее. С Таксиком джипай не имел ничего общего.

* * *

Похоже, Белочку не очень беспокоило то, что родители не спешат забрать ее из приюта. Какое там забрать, ежели они даже имя своего ребенка сообщить забыли! На шестой день пребывания в приюте Белочка уже знала десятка полтора слов по-русски и, дополняя их языком жестов, могла сносно объясняться с персоналом.

Таксик особого интереса к играм со своей хозяйкой не проявлял. Он если не ел, то спал, свернувшись калачиком где-нибудь в углу, причем ему было абсолютно все равно, где этот угол находится, лишь бы там было тепло и сухо. Уяснив наконец, кто в паре найденышей является разумной доминантой, воспитатели перестали нагружать Таксика заданиями на ловкость и сообразительность. Один только Братислав не оставлял тщетных попыток наладить с Таксиком разумный диалог. Молодой гений был почти уверен, что в бессвязном бормотании «меньшего брата» порой проскальзывают обрывки осмысленных фраз. Но никаких серьезных доказательств, которые можно было бы предъявить научной общественности, Братислав не имел. Грустно, но что поделаешь. Даже в спорте поправка «почти» в расчет не принимается, что уж говорить об академической науке.

Посовещавшись, Кира Алексеевна и Алла Павловна решили познакомиться Белочку с Сусликом. Судя по всему, ребятишки были примерно одного возраста, и кто знает, может быть, несмотря на расовые различия, им понравится играть вместе. Дети, они ведь и есть дети — как каким народностям и расам ни принадлежали бы их родители.

Встречу организовали в спортивном зале. Поначалу инопланетяне вели себя как настороженные зверьки. Каждый крепко держал за руку своего воспитателя: Суслик — Киру Алексеевну, Белочка — Аллу Павловну, — и осторожно выглядывал из-за его спины, чтобы повнимательнее изучить незнакомца. Но не прошло и получаса, как малыши освоились и, позабыв о взрослых, принялись самозабвенно кидаться мячами.

Белочка попыталась было объясняться с Сусликом на своем родном языке, но быстро уяснила, что он ее совсем не понимает, и пере-

шла на русский. И тут, к удивлению Киры Алексеевны и Аллы Павловны, оказалось, что Суслик неплохо понимает свою подружку. Но только в тех случаях, когда преподаватели выходили из поля его зрения. Когда же кто-то из взрослых принимал участие в играх малышей, Суслик с упорной старательностью демонстрировал полную неспособность к языкам.

Кира Алексеевна решила поделиться наблюдениями с директором. Но Шутову было не до того. Майор наконец-то дозвонился до полковника Плахотнюка и теперь пытался выяснить дальнейшую судьбу приюта, а заодно и свою.

— Мы не можем прямо сейчас свернуть проект, — твердил свое Плахотнюк.

— Почему? — недоуменно вскидывал руки Шутов. — Пик внимания к приюту миновал.

— Да, со стороны прессы наблюдается спад интереса, — спокойно комментировал ситуацию Плахотнюк. — Но так бывает всегда. Для того, чтобы поддерживать интерес журналистов к тому или иному вопросу, необходимо постоянно подбрасывать им горячую информацию.

— Мне устроить пожар на станции? — саркастически усмехался Шутов.

— Толик, — недовольно морщился Плахотнюк, — я прекрасно тебя понимаю...

— Вот в этом я очень сильно сомневаюсь, — недослушав, перебил полковника Шутов. — Ты даже не способен представить себя на моем месте.

— В точку! — улыбаясь, щелкал пальцами Плахотнюк. — Ты на своем нынешнем месте незаменим.

— Издеваешься? — мрачно цедил сквозь зубы Шутов.

— Да какое там, — уже совсем безнадежно махал рукой Плахотнюк. — Нашим проектом заинтересовались наверху.

— На каком таком верху? — Шутов делал вид, что не понимает.

— На самом верху, — указывал пальцем на потолок Плахотнюк. — Из мультимедийной области наш проект...

— Твой проект, — поправлял полковника майор.

— Наш проект, — твердо стоял на своем полковник. — Наш проект теперь находится в зоне большой политики. Понимаешь?

— Не очень.

— Галактический сиротский приют стал визитной карточкой наших политиков. Ведь кто мы такие на галактическом уровне? Пока никто. Ничем особенным прославиться не успели. О Солнечной системе в Галактической лиге слышали краем уха. Зато почти что каждый

знает о Галактическом сиротском приюте. Так что мы теперь, друг мой ситный, сами себе не принадлежим, поскольку стоим, можно сказать, на страже государственных интересов.

— Стою я, — уточнял Шутов.

— И хорошо стоишь, — соглашался с ним Плахотнюк.

— И доколе мне еще стоять? — спрашивал Шутов, сознавая всю бессмысленность своего вопроса.

— Ну, право же, Толик, — кисло морщился Плахотнюк. — Ты же не мальчик — должен понимать, что к чему.

Шутов понимал. А потому настроение у майора было хуже некуда.

Все на станции видели, что с директором творится что-то неладное. Но никто не знал истинной причины его душевных мук. Предположения выдвигались самые разные. Мужская часть персонала склонялась к мнению, что у директора серьезные неприятности на почве отношений с высшим руководством. Женская часть придерживалась гипотезы о несчастной любви. Лишь техник-инженер Скворцов догадывался о происходящем, но как старый, опытный служака предпочитал о том помалкивать.

* * *

Родители прилетели за Белочкой не через десять дней, как обещали, а лишь к исходу второй недели.

Впрочем, никого это особенно не беспокоило. Маленькая джипайка превосходно освоилась на станции, прекрасно со всеми ладилась и не доставляла никаких хлопот. По-русски Белочка тараторила так, что теперь ее бывало трудно понять из-за того, с какой скоростью она произносила слова. С Сусликом они стали друзьями не разлей вода. Куда одна, туда и другой.

Когда по внутренней связи прозвучало, что только что вышедший из врат прогулочный бот «11-07-63», приписанный к системе Джипай, просит указать шлюз для стыковки, воспитатели кинулись искать невесту куда запропастившуюся Белочку.

Понятное дело, Суслика на месте тоже не было.

Зато Таксик спал себе спокойно, свернувшись калачиком, в уголке комнаты.

— Хороший пес.

Потрепав Таксика за ухом, Шутов надел на него ошейник и вывел в просторный холл с большими мягкими креслами и двумя живыми пальмами в деревянных кадках, оставшимися в наследство от бывшей гостиницы. Клон-репродукции картин Уорхолла и Проваторова распорядилась повесить Алла Павловна — по ее мнению, они расширяли

внутреннее пространство холла. Шутов не возражал. Обычно он вообще не обращал внимания, какие картины висят на стенах. Живописи майор предпочитал поэзию.

Пропавших воспитанников отыскала Алла Павловна. Она обнаружила Суслика с Белочкой в подсобке у Степана, где они в компании с еще одним техником, недавно прибывшим на станцию, играли в домино.

Держа обоих детей за руки, Алла Павловна влетела в холл в тот самый момент, когда прозвучало объявление, что бот «11-07-63» успешно соединился с пятым стыковочным узлом. Шепотом, но с возмущением, воспитательница сообщила директору, где нашла детей. Но тот, как выяснилось, не видел в домино ничего предосудительного.

— Ничем не хуже лото, в которое вы сами играете с детьми, — сказал Шутов.

— Да, но у нас арифметическое лото, — попыталась возразить Алла Павловна. — Эта игра развивает у детей навыки устного счета.

— Если вы полагаете, что можно играть в домино, не умея считать, пойдите и обыграйте Степана, — предложил воспитательнице Шутов.

На этом разговор закончился. Алла Павловна осталась при своем мнении, Шутов — при своем. И ни один из них не стал пытаться навязать свое мнение другому. Зачем, если они и без того прекрасно ладили?

Кира Алексеевна появилась последней. Быстро сунув в руки Шутову папку с документами для родителей Белочки, она забрала у него поводок Таксика и отошла в сторону.

Двери шлюза плавно откатились в стороны, и в холл ввалилась почтенная матрона двухметрового роста, с ног до головы покрытая короткой желто-коричневой шерстью, с торчащими вверх острыми ушами и волочащимся по полу толстым животом. На принадлежность к полу указывало украшение из искусственных птичьих перьев, кокетливо заправленное за левое ухо, и тяжелая нитка натурального жемчуга, свисающая до самого живота джипайки. Рядом, на поводке шел зверек той же породы, что и Таксик, только размером чуть больше и со старческими мозолями на локтях и коленях.

Увидев заметно постаревшего Таксика, Шутов мысленно улыбнулся — выходит, не ошиблись они, причислив четвероногого найденыша к домашним животным.

— Вот переводчик, — прошептал на ухо Шутову незаметно подкравшийся сзади Братислав и сунул в руку директору маленькую плоскую коробочку.

Кивком поблагодарив гения, Шутов прикрепил переводчик к нагрудному карману форменной куртки.

И очень вовремя.

Окинув взглядом группу встречающих, мамаша обхватила руками свой необъятный живот и заголосила. Адаптируясь к тембру голоса джипайки, переводчик что-то невнятно прохрипел.

Позже, гораздо позже, когда уже все закончилось, Шутову объяснили, что джипайка обхватывает руками живот в тот момент, когда человек хватается за сердце. Ну, такая уж у них анатомия, у джипаев. А в тот момент Шутов решил, что после болтанки у прибывшей за своей дочкой мамаша случилось острое расстройство желудка и прямо сейчас ее вывернет на ковер.

Переводчик наконец справился с произношением джипайки.

— Дитяtko мое! — так он перевел на русский завывания рыжей толстухи. — Кровинушка моя! Что ж они с тобой, изверги, сделали!..

Шутов удивленно посмотрел на Белочку.

Та стояла, держа за руку Аллу Павловну, и, похоже, так же, как и все остальные, не понимала причин мамашиней истерики.

— Мадам! — для солидности Шутов кашлянул в кулак. — Позвольте представиться, я директор Галактического сиротского приюта...

— Девочка моя, — не слушая Шутова, обратилась мамаша к Белочке. — Ничего не бойся, мама с тобой. Отпусти руку тети и медленно, слышишь, очень медленно, иди ко мне.

— Это твоя мама? — наклонившись, спросила у Белочки Алла Павловна.

— Да, — ответила девочка.

— Ты хочешь к ней пойти? — спросила на всякий случай Алла Павловна.

— Конечно, — кивнула Белочка. — Мне у вас нравится, тетя Алла, — добавила она, посмотрев воспитательнице в глаза. — Но я соскучилась по своим.

— Конечно, — улыбнулась малышке Алла Павловна и отпустила ее руку.

Присев и выставив перед собой короткую ручку, джипайка внимательно наблюдала за приближающейся к ней девочкой, как будто той и в самом деле грозила смертельная опасность.

Едва Белочка подошла к матери, та подхватила ее на руки и усадила на согнутый локоть.

— Девочка моя, — снова запричитала толстуха. — Что они с тобой сделали!

— Мне было здесь хорошо, мама, — заверила джипайку Белочка.

— Не говори глупостей! — мамаша как следует встряхнула дочку.

— А собственно, чем вы недовольны? — подал голос пришедший в себя Шутов.

— Я на вас жалобу подам! — взвизгнула в ответ джипайка. — На вас лично, на воспитателей и на весь ваш приют!

— Хорошо, — сделал успокаивающий жест Шутов. — Можете делать все, что сочтете нужным. Но лично мне объясните, в чем проблема?

— В том, что вы прививаете детям антисоциальное поведение! — голос джипайки сделался грозным, как у государственного обвинителя на судебном процессе, рассматривающем дело об измене родине. — А вы, — она указала рукой на притихшую Киру Алексеевну, — немедленно отпустите моего сына!

— Сына? — растерянно повторила Кира Алексеевна.

— Сына? — повторила следом за ней Алла Павловна.

— Сына? — Шутов посмотрел на прилежшего у ног Киры Алексеевны Таксика.

Братислав ничего не сказал, потому что понял: прав оказался он. А все спорившие с ним — не правы.

Джипайка, судя по всему, не имела привычки прислушиваться к репликам собеседников.

— Вы! — ткнула она короткой ручкой в сторону Аллы Павловны. — Немедленно уберите отсюда дикого зверя!

— Зверя? — удивленно произнесла Алла Павловна.

Шутов понял, что сейчас черед удивленных возгласов повторится, и, дабы не допустить этого, решительно взмахнул руками.

— Стоп! Давайте по порядку. Сядьте, дамочка! — майор указал на кресло, стоявшее позади джипайки.

Толстуха посмотрела сначала на кресло, затем на Шутова, сделала два шага назад и села. Пес, или кто он там был, прилег у ее ног. В отличие от всех остальных, ему не было никакого дела до того, что происходит вокруг. И в этом ему можно было позавидовать.

Шутов едва заметно улыбнулся — он снова держал ситуацию под контролем.

Майор указал на девочку, сидевшую у джипайки на руках:

— Это ваша дочь?

— Естественно! — презрительно фыркнула в ответ мамаша.

— А это кто? — указал он на лежавшего у ног Киры Алексеевны Таксика.

— Как кто?! — возмущенно воскликнула джипайка. — Сын, естественно!

— Естественно? — удивленно повторил Шутов и тут же, сообразив, что снова допустил ошибку, хлопнул в ладоши. Сработало — все по-

смотрели на него. — А это тогда кто? — майор указал на лысого пса, лежавшего у ног толстухи.

Джипайка посмотрела себе под ноги, как будто опасалась, что псика могли подменить.

— Как это кто? — теперь и ее голос звучал удивленно. — Мой су-пруг, естественно!

— Здорово! — шепотом произнес за спиной у Шутова Братислав.

Хотя чему тут было восхищаться?

— Вы водите своего мужа на поводке? — медленно, внимательно следя за построением фразы, дабы не допустить какой-нибудь бестактности, спросил Шутов.

— Естественно, — тут же отозвалась джипайка в своей обычной манере. — Мы же не дикари!

— А как поступают дикари?

— Носят мужей в сумках!

Шутов развел руками.

— Я вынужден просить вас прокомментировать сделанное заявление.

— А что тут комментировать! — дернув за поводок, джипайка заставила мужа поднять голову. — Вы видите это существо? Думаете, оно могло бы выжить самостоятельно в условиях дикой природы Жи-Пая? — спросила, и сама же ответила: — Нет! Но природа поступила очень мудро, снабдив женские особи Жи-Пая детородными сумками, — толстуха пересадила дочку на другое колено и свободной рукой оттянула у себя на животе край кожаного кармана, как у кенгуру, только значительно более емкого. — Во времена, когда мы вели первобытный образ жизни, женская особь, едва завидев самца, хватала его и сажала в свою детородную сумку. В сумке самец цеплялся зубами за сосок, снабжающий его питательным раствором. И все.

— Что значит «и все»? Он что же, так и оставался всю жизнь в этой сумке?

— Конечно. Свою единственную функцию — оказывать содействие продолжению рода — он мог выполнять, не вылезая из нее. Но когда наше общество стало цивилизованным, мы поняли, что не должны слепо следовать природным инстинктам. Мы же не дикари! Вот мы и перестали таскать мужей в сумках. Теперь они, как и женщины, живут полноценной жизнью.

— Сидя на поводках, — уточнил Шутов.

— Конечно. Это же лучше, чем сидеть в сумке.

— А вы не думали пойти дальше — полностью освободить мужчин?

— Шутите? — усмехнулась толстуха. — Они же беспомощны, как дети малые. Они же сами себя ни накормить, ни согреть ночью студеной не сумеют. Только дай им свободу, и мы вовсе без мужей останемся. А род продолжать как? Понятное дело, есть всякие научные ухищрения. Но мы же не дикари! Сами о своей нации позаботиться можем.

— Ну, иди к своей маме, — сказала Кира Алексеевна, отпуская поводов Таксика.

Тот дотрусил до кресла, в котором сидела дородная джипайка, лизнул в нос своего спящего папашу и улегся рядом. Джипайка подхватила конец поводка и попыталась обвязать его вокруг живота дочери. Белочка возмущенно взвизгнула и оттолкнула руку матери.

— Вот видите, что вы наделали, — с укоризной посмотрела на людей джипайка.

Приложив некоторое усилие, она связала-таки вместе брата и сестру.

— Ну хорошо, мужей вы привязываете к себе, чтобы они не потерялись. А зачем брата привязывать к сестре? — спросила Алла Павловна.

— Чтобы с самого детства формировать у детей социальный тип поведения, — ответила заботливая джипайка. — Вы когда-нибудь пробовали бороться со своими инстинктами? Оно и видно, что нет. А я вам скажу, задача это непростая. Я вот сама почитай уже четверть века мужа за собой на поводке вожу, а все равно порой хочется схватить его и в сумку запихнуть, — джипайка размашисто и звонко хлопнула ладонью по животу. — Ну что ты будешь делать!

— Согласен, мы по незнанию пытались привить вашим детям неправильное поведение, — Шутов заложил руки за спину и поднял подбородок. — Но ведь и вы, уважаемая, проявили себя не с лучшей стороны, забыв детей на пересадочной станции.

— А поди уследи за ними, когда их две дюжины!

— Надо же, две дюжины, — с сочувствием качнула головой Алла Павловна.

— И тем не менее, — слегка повысил голос Шутов, — если вы собираетесь подавать жалобу на приют...

— Да ладно, — улыбнувшись, махнула рукой джипайка. — Погорячилась я. Сами понимаете, из-за детей перенервничала.

Про себя Шутов подумал, что толстуха не очень похожа на взволнованную мать. Во всяком случае, забирать их из приюта она явно не торопилась. Но вслух он, понятное дело, говорить ничего не стал. Просто протянул джипайке папку с бумагами, которые ей следовало подписать.

— Вообще-то, неплохо здесь у вас, — сказала джипайка, ставя на бумаге размашистую подпись. — Только не люблю я, когда шкребня дома держат. Даже если ядовитый шип у него удален.

— Что за шкребень такой? — рассеянно спросил Шутов, следивший за тем, чтобы джипайка не пропустила ни одной бумаги.

— Да вон же он! — джипайка ткнула электронным пером в Аллу Павловну, державшую за руку притихшего Суслика.

— Вам знакома эта раса? — обрадовалась Кира Алексеевна.

— Еще бы не знакома, — джипайка подписала последнюю страничку. — Шкребни, скажу я вам, самые мерзопакостные существа во всей Галактике.

— На себя посмотри, толстуха, — медленно процедил сквозь зубы Суслик.

В холле повисла тишина. Правда, всего на секунду, потому что ее тут же нарушила джипайка.

— Видали! Ну, что я вам говорила! — держа дочь на руках, мамаша поднялась на ноги и дернула поводок, чтобы разбудить мужа. — Будьте здоровы, а нам пора домой.

— Секундочку! — задержал ее Шутов. — Где живут шкребни?

— Да везде, куда только им залезть удастся, — ответила джипайка. — Одно время от них вообще спасу не было. Сейчас их вроде как поменьше стало.

— Вы хотите сказать, у них нет планеты обитания?

— У шкребней-то? — джипайка презрительно фыркнула. — Да у них вообще ничего своего нет!

Проводив скандалистку с мужем и вновь обретенными детьми до дверей гостевого шлюза, Шутов вернулся назад, остановился посреди холла и внимательно, очень внимательно посмотрел на прячущегося за спиной Аллы Павловны шкребня.

— Выходи, — произнес он негромко.

Суслик сделал два шага вперед и остановился, понуро опустив голову.

— Значит, шкребень?

Суслик уныло кивнул.

— Значит, говорить по-русски умеем?

Суслик снова кивнул.

— А шип ядовитый, о котором толстуха говорила?

Суслик указал на кожаный гребень, тянущийся от низа спины до затылка.

Шутов двумя пальцами пощупал гребень — шип был на месте.

— Ну, что скажешь в свое оправдание?

Шкребень молча пожал плечами.

— Если будешь в молчанку играть, я вызову патруль, — пообещал Шутов. — Пусть они с тобой разбираются.

— А если буду говорить? — спросил, не поднимая головы, шкребень.

— Зависит от того, что мы услышим.

— А что вы хотите услышать?

Шутов стиснул зубы. Ему хотелось выругаться, но рядом стояли женщины.

— Ты понимаешь, что если бы не ты, этого приюта вообще бы не было?

Шкребень молча кивнул.

— Ну вот, тогда рассказывай, кто ты такой, откуда взялся, почему у тебя шип в гребне?.. Он действительно ядовитый?

— Ядовитый, — обреченно вздохнул шкребень.

И снова умолк.

— Мы ждем, — напомнил Шутов.

— Наша раса очень древняя, — начал рассказ шкребень. — Быть может, самая древняя во Вселенной. Я так думаю, потому что у нас нет ни своей планеты, ни воспоминаний о ней, ни вообще каких-либо преданий о том, кто мы такие, откуда и куда идем. Зато мы лучше всех умеем приспосабливаться к любым условиям обитания. Прежде, действительно, случалось такое: попадет шкребень в гостеприимное семейство, его там пригреют, приласкают, а он возьмет да переколет всех втихаря своим ядовитым шипом. Да только мы ведь тоже цивилизованными становимся. Как та толстуха, что своего мужа на поводке водит. Вместо того чтобы убивать, мы стараемся адаптироваться к тем условиям, в которых оказались. Вам хотелось видеть во мне беспомощного, потерявшего родителей малыша, и я стал им, — шкребень тяжко вздохнул и развел руками. — Такова уж моя природа.

— Сколько тебе лет на самом деле?

— Понятия не имею. Я же говорю, мы очень древняя раса.

— При чем тут это?

— В процессе эволюции мы утратили способность воспринимать время, потому что это мешало нам приспосабливаться.

Шутов озадаченно почесал затылок.

— Вообще-то, такое вполне возможно, — подал голос Братислав.

— Конечно, возможно, — поддержал его шкребень. — Вот он я, перед вами.

— И что нам теперь с тобой делать? — мрачно поинтересовался Шутов.

— А можно, я у вас поживу? — краем глаза заискивающе глянул на него шкребень. — Я ведь, если потребуется, работу разную выполнять могу.

— Думаю, ничего из этого не получится, — покачал головой Шутов. — Приют закрывается.

— Как закрывается?

Шутов окинул взглядом коллег и понял: они ему не верят.

— У нас больше нет подопечных, — попытался пошутить майор.

— Но они непременно появятся, — заверила его Кира Алексеевна.

— А пока, если нужно, я могу изображать галактического сироту, — предложил шкребень.

— Без меня, — покачал пальцем Шутов. — Пока все тихо, я отбываю на Землю.

— Но вы нужны нам, — сказала Кира Алексеевна и с досадой прикусила губу.

— Боюсь, я выработал свой ресурс в должности директора Галактического сиротского приюта, — улыбнулся ей Шутов. — Знаете, что я вам скажу...

Он хотел сказать очень многое, но не успел вымолвить и слова.

На стене щелкнула мембрана внутренней связи.

— Внимание, торговый корабль варнаков просит принять адресованный нам груз! — отрапортовал техник-инженер Скворцов.

— Что еще за варнаки? — недовольно спросил Шутов.

— Понятия не имею, — ответил Скворцов. — Контейнер с грузом направляется к третьему шлюзу.

— Что за груз?

— Тринадцать малолетних беспризорников, тайно проникших на корабль варнаков, когда его разгружали на пересадочной станции Раткар-3.

Взгляд Шутова сделался безнадежно печальным. Майор засунул руки глубоко в карманы куртки, втянул голову в плечи, весь сжался, точно кулак, и...

Он так и не понял: Кира Алексеевна улыбнулась или ему это только показалось?

— Принимайте найденышей, Кира Алексеевна, — распорядился директор приюта. — Если понадобится, я у себя в кабинете.

— Какой мужчина! — глядя ему вслед, восхищенно вздохнула Алла Павловна.

Б Р Ю С   М А К А Л Л И С Т Е Р

ГЕРОЙ

Иллюстрация Александра ЕГОРОВА

(КИНОСЦЕНАРИЙ)

*Мы оба замешаны в этом деле, верно, Стив?
Джейни. «Пузырь».*

Когда человек входит в атомную эру, он открывает дверь в новый мир. И никто не может предсказать, что именно мы найдем в этом новом мире...

Доктор Медфорд. «Они!»

Даже атомная бомба не сможет стереть с лица земли эту штуку.

Энтомолог по поводу новой породы огненных муравьев. «National Geographic».

Расклад

Эта романтическая история начинается на том месте, где заканчиваются все низкобюджетные фильмы пятидесятых: насекомые-мутанты, явившиеся результатом излучения после взрыва атомной бомбы (или пришельцы из космоса, или монстры из моря, или пятидесятифутовые женщины), наконец побеждены, и наш герой из маленького городишки в компании с подружкой Джейни, или Джун, или Бетти, теперь должен каким-то образом провести остаток жизни. Интересно, вы никогда не задавались вопросом, какова именно будет эта самая жизнь после того, как на экране промелькнули последние титры? Что остается после того, как вы спасли мир? Да, можно жениться на дочери профессора. Можно продать права на вашу историю. Выступать в общенациональных ток-шоу. Продлить славу еще ненадолго. *Но что потом?*

Предыстория

В тот день, когда гигантская, злобная, голодная саранча накрыла Макалоувилль, штат Невада (население две тысячи человек, «Лоси», «Клуб львов», VFW*), Риду Роу исполнился двадцать один год. Он

---

* «Лоси» — благотворительная и просветительская организация с отделениями по всему миру, в члены которой принимают только мужчин. «Клуб львов» — международная организация бизнесменов и людей свободных профессий, занимающихся, в частности, благотворительной деятельностью. VFW — организация военнослужащих, воевавших за пределами США. (Здесь и далее прим. перев.)

никогда не учился в колледже, но это пустяк. Никогда не был в Ри-но, но и это ничего. Зато имел огненно-красный кабриолет «БелЭр» 57-го года, которым очень гордился, и, несмотря на неодобрение родителей, любил устраивать гонки с школьными приятелями. Более того, он уже целовался с девчонками (с одной-двумя, уж точно) и даже добрался с ними до «второй базы», хотя потом терзался угрызениями совести. Короче говоря, он был честным, прямым, порядочным парнем, и весь городишко это знал. Да и родители его были прекрасными людьми. Мистер Роу служил в городском банке, миссис Роу вела хозяйство. Если что и можно было сказать о Макалоувилле 2005 года, так только то, что городок навеки застрял в пятидесятых. Те замшелые радиостанции, которым удавалось дорваться до автомобильных радиоприемников, передавали шлягеры тех лет, а родители выражались фразами из фильмов той же эпохи. Короче говоря, самое подходящее место для мутировавшей саранчи золотого времечка пятидесятых.

Но еще до того, как саранча показала свои усики в Макалоувилле, Рик успел изучить повадки насекомых. Одной из обязанностей на ферме (место его работы после окончания школы) было уберечь хранилища семян от нашествия этих тварей, по возможности не применяя пестицидов, которые могут отравить зерно. Дело в том, что зерном иногда кормят скот. Невозможно продать отравленный товар. А саранча испокон веку маршировала по заросшим травой долинам Северной Невады. Так волей-неволей Рик стал «экологом» еще в ту пору, когда ни один житель города понятия не имел, что это слово означает: толковал со старожилками, читал книги и знал, какие именно насекомые, запущенные в хранилище, уничтожают насекомых, которые питаются зерном. Клопы-хищницы пожирают хлопковых долгоносиков. Осы-паразиты едят клопов-хищнецов. Он знал все о *голоде* насекомых, и когда саранча бульдозером прошла по землям Драй-Лейк-Даффера и пролетела тридцать миль до ранчо, окружавших Макалоувилль, это не оказалось для него таким уж сюрпризом.

Он услышал шум их крыльев в ту первую ночь и каким-то образом сообразил, что это означает, хотя остальные грешили на ветер, или на треск статических помех в радиоприемниках, или на самолеты, летевшие из Неллиса. Когда саранча появилась на самой ферме и Рик едва спасся, для него все уже было ясно. Они *голодны*, и тут нет ничего особенного. Правда, размерами они куда больше, чем полагается, но если хорошенько задуматься, у них есть достаточно причин быть голодными и злыми.

Они могли летать. Коричневая пакость, которую они изрыгали, так называемый «табак», разъедала не только все, на что попадала, но и смердела так, что по эффективности превосходила горчичный газ. Их хитиновые панцири выдерживали поток пуль, пробивавших сталь, и даже пламя огнеметов. Их ганглии были нечувствительны к парализующим гранатам. Зажигательные и взрывные бомбы, сброшенные благодаря звонку от губернатора Невады, с самолетов, базировавшихся на аэродроме Неллиса, уничтожили сотни особей, но остальные просто перелетели в соседний округ и на соседние фермы. Города разорялись, экономика штата фактически перестала существовать, а орды саранчи собирались отложить гигантские яйца на бескрайних просторах сухой невадской почвы. Неужели близился конец той жизни, к которой мы привыкли?

Голод. Вот оно, ключевое слово, или чувство, или мысль, преследовавшая Рика день и ночь по мере того, как разрастался холокост. Профессор Прайс из большого университета в Рино, приехавший с дочерью, которая была его ассистентом и помогала в работе, идентифицировал вид (*Melanoplus spretus*) и источник мутации (грибок, который сам был мутантом). К сожалению, профессор решения не нашел.

Голод. Подобно охотнику за маньяками, пытающемуся перевоплотиться в образ преследуемого по заданию ФБР, Рик влез в шкуру голодающего. Он ел. Ел без столовых приборов. Ел много. Заставил себя чувствовать то, что чувствовала саранча. А саранча чувствовала вот что: я расту, и сколько бы ни ела, ЭТОГО БУДЕТ НЕДОСТАТОЧНО!

Конечно, это монстры, но все же они мало чем отличаются от хлопковых долгоносиков, колорадских жуков и зерновых клещей, преследовавших каждую ферму в Неваде. По словам профессора, каждый мутант будет продолжать есть, пока не станет на триста семьдесят шесть процентов больше, чем сейчас, и тогда панцирь просто лопнет, не сумев выдержать силу земного притяжения. Но к тому времени успеет появиться потомство, которое и будет продолжать «труд» родителей, а именно — жрать, жрать и жрать.

И в ту ночь его наконец осенило.

— А мы не можем заставить их поедать друг друга? — спросил Рик. Профессор молча уставился на него.

— Что бы мы ни делали, они будут уничтожать все. А не можем ли мы превратить их голод в наше оружие?

На профессора снизошло мгновенное озарение.

— Ну, да! Феромоны!

— Этого я не понимаю.

— Животные пахнут, Рик. Они чувят друг друга. Если запах правильный, они спариваются. Другой запах — начинают есть. Они узнают еду по запаху.

— И мы можем сделать так, что саранча будет пахнуть едой?

— Именно!

Вот так Рик, простой американский паренек, не знавший иного мира, кроме старого кабриолета и родного города, застрявшего в пятидесятых, и известный энтомолог из большого университета стали вместе изобретать способ остановить «мутантов Макалоувилля» — разрабатывать модифицированный феромон, основанный на гормонах секса, но распознаваемый саранчой как «еда» и распыляемый с самолетов на летящие орды.

И поскольку этому феромону просто суждено было сработать, так оно и вышло. Насекомые, гонимые голодом, нападали друг на друга, а те, кому удалось избежать дождя феромонов в прошлый раз, попадали под него в последующие недели. Гигантские яйца так и не были отложены, а Рик сумел спасти от разъяренной саранчи двух малышей, пристрелив насекомое из ручного стингера с системой самонаведения. Раньше он никогда не чувствовал себя героем, и оказалось, что это здорово.

Запись репортажа (нечто подобное в нашей истории будет присутствовать еще не раз) передается по телевизору. На экране мелькают следующие кадры.

Рик, профессор и его дочь, Джейни Прайс, стоящая между мужчинами на фоне шитка гигантской саранчи, шум пролетающих самолетов, постепенно замирающий шорох огромных ног саранчи, трущихся друг о друга, и телерепортер, сующий в лицо Рика микрофон и объявляющий на всю округу:

— Вы герой, мистер Роу! Расскажите, как вам это удалось. Как вы остановили мутантов, когда никому, даже полиции штата или армии, это не удалось? Ваши поклонники желают знать подробности!

Настоящее

Восемнадцать месяцев спустя. На экране возникает прекрасный загородный дом в Южной Калифорнии. Дом, разумеется, принадлежит нашему герою. Его призами и наградами за спасение родного города, штата Невада, двух ребятишек и, возможно, всего мира уставлены каминная полка, они висят по всей стене над камином. Там же забранная в рамку первая страница газеты со статьей о победе Рика, свадеб-

ное фото Рика и Джейни, несколько снимков молодоженов в свадебном путешествии на Гавайях полгода назад, лей* и тому подобное. Он нашел оружие против гигантской саранчи, стал знаменитым, женился, продал свою историю за сумму с семью нолями. Все, как и следовало. Разве нет?

Рик и Джейни как раз покидают дом, и мы отправляемся с ними: скоростной скутер, парaplаны и катамараны в бухте, ланч с друзьями на сверхшикарной яхте, романтический ужин в Беверли-Хиллз. Он по-прежнему родом из пятидесятых, все так, только каким-то образом перекочевал в новое тысячелетие. Мы узнаем, что сразу же после поражения саранчи он продал права на историю самой популярной газете и разбогател. Поговаривают даже о «Рик Роу-шоу» на телевидении. Но, хотя он добросовестно забавляется игрушками и наслаждается привольной жизнью, что-то в выражении его лица подсказывает нам, что на самом деле он не слишком счастлив...

В эту ночь он не может уснуть. Мы видим, как он мечется, переворачивается с боку на бок и наконец встает. Мы наблюдаем, как он босиком подбирается к DVD-плееру и самсунговскому шестидесяти-трехдюймовому плазменному экрану, вставляет диск, садится на современный итальянский диван, и... да, точно, очередной репортаж о его макалоувилльских приключениях, во всей их черно-белой славе пятидесятих. Он смотрит его глазами старика, которому вот уже больше тысячи лет.

Репортаж кончается. Он снова переходит к меню, выбирает игру и тут из спальни появляется сонная Джейни, ухитрившаяся, как это ни странно, сохранить прическу и ночную сорочку пятидесятых.

— Иди спать, милый, — говорит она. — Папочка хочет видеть тебя в лаборатории с утра пораньше. Ты ведь не желаешь разочаровать его, верно?

Рик нехотя выключает плеер. Честно говоря, неплохо бы посмотреть пленку еще раз, но жена права. Нужно вставать в пять утра и добираться до Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, где у профессора теперь своя кафедра — благодаря талантливому докладу на конференции, озаглавленному «Ложная реакция на феромоны *Melanoplus spretus*: модель еды/секса».

Рик — ассистент в его лаборатории, снова работающий с насекомыми, только на более приличных условиях, с повышенным окладом.

---

* Цветочные гирлянды, которыми принято встречать гостей на Гавайях.

Работа ему не нужна (на газетный гонорар можно жить в роскоши и безделье) и вряд ли понадобится, тем более, что его агент скоро завершит переговоры, и на свет появятся фильм, книга и утреннее шоу. Но он делает это ради Джейни. Рик любит ее, а ей нравится идея совместного труда двух самых любимых на свете людей: дражайшего отца и знаменитого героя-мужа.

Наконец он ложится в постель. Мы задерживаемся взглядом на его глазах. Даже в темноте заметно, что они открыты. Что-то его гложет.

Куда идет жизнь Рика?

Прошла всего неделя, и Рик в полной растерянности. Местная пресса больше не желает продолжения легенды. Национальная пресса вообще перестала о нем писать. Картина превратилась в низкобюджетный видеопроект с «пожизненными правами», проданными за жалкую сумму в пятьдесят штук, а ток-шоу, да и то, если повезет, станет такой же занудной работенкой, как роль Жука-шептуну для Планыты Животных.

Рик — устаревшая новость, а все мы знаем, как интересны устаревшие новости. Он присутствует на барбекю соседей, стоя в углу с видом зомби, часами сидит в припаркованном БМВ, таращась сквозь лобовое стекло, а на работе ему все труднее сосредоточиться. Он не хочет подвести профессора, но ничего не поделаешь... никак не может сконцентрироваться на очередной проблеме, и его работоспособность явно падает. Рик сам не понимает, почему это происходит, зато у нас имеются определенные подозрения. Мы все это наблюдали у людей с психологическими травмами: неспособность сосредоточиться, поддерживать отношения, небольшая депрессия, даже постоянный возврат в прошлое. Это, разумеется, начало расстройств на почве стресса, и у Рика, похоже, тот самый случай.

Профессор раздражается, Рик огрызается, уходит из лаборатории раньше времени, возвращается домой, никого там не застает и находит на холодильнике записку: «Ушла за покупками с Бабс и Дотти. Люблю, Джейни».

Он злится, потому что ее нет с ним, снова ставит DVD, и два часа спустя вошедшая в комнату с пакетами в руках Джейни застает мужа перед экраном. Ей явно не по душе то, что она видит. Герои так не поступают: не смотрят целыми днями старые репортажи. Герой выходит в широкий мир, расправляется с драконами, делает деньги и детей, празднует успехи науки и прогресса в лаборатории, в компании папочки, верно ведь? Она любит его, но все это так огорчает!

И Джейни излучает неодобрение.

В ответ Рик излучает гнев.

Ночью они мирятся, пробуют изобразить страстный поцелуй, но Джейни устала.

— Ты ведь можешь потерпеть, милый?

— Разумеется, — отвечает Рик, но это та же отповедь, которую он получает повсюду. Когда парень занимается любовью, он герой — по крайней мере, на момент. Спросите любого тинейджера. Но Рик не суждено сегодня стать героем. Он обижен, злится на себя за это и в результате еще больше обижается. Смотрит в лицо жены в неярком освещении спальни, и...

Это морда саранчи, огромная... страшная, жвала что-то перемалывают, на губах поблескивает коричневая мокрая слизь, усики машут ему, зазывно, мерзко, уродливо.

Рик отскакивает как ужаленный. Саранча вновь превращается в сочувственно взирающую на него Джейни. Рик встает.

— Я неважно себя чувствую. Наверное, съел что-то...

Он не сводит глаз с жены, в любой момент готовый к новой метаморфозе. И хотя ничего не происходит, что-то в выражении лица — ее любовь, ее ожидания, ее желание видеть в нем КОГО-ТО — наполняет его ужасом.

«Что творится со мной?» — вопрошает он мир.

Его расстройство на почве стресса цветет в полную силу, и он смертельно напуган. Почему насекомое? Зачем кому-то, кого я люблю, становиться насекомым?

Рик бродит по коридорам старого дома, страстно желая и одновременно не желая снова смотреть старый фильм. Мысль об этом пугает еще больше. Наконец он засыпает на диване под превосходной работой таксидермиста, укрепленной на стене. Это голова гигантской саранчи: глаза, усики, жвала — все на месте. Его трофей, свидетельство бывшего героизма.

Его ноги раскинуты на диване — как у ребенка или бродяги. Огромные глаза тупо глазят на него со стены. Глаза самого Рика закрыты.

Вот что ожидает Рика в ближайшем будущем.

Из-за своего синдрома он совершенно не в состоянии ничего де-

лать. Все чаще случаются галлюцинации, возвраты в прошлую жизнь, он полностью неспособен сосредоточиться, и работа вкупе с семейной жизнью терпят крах. Отец Джейни попросит его («Ради Джейни, Рик») найти духовника (раввина, лютеранского проповедника, аятоллу, тибетского монаха). «Мне абсолютно все равно, сынок. Проблемы души универсальны»...

По пути на работу Рик замечает объявление:

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЭЙРСТОУН ИМЕЕТ ОТВЕТЫ. ВОЗМОЖНО, И ДЛЯ ВАС ТОЖЕ.

И это напоминает ему о Макалоувилле, о церкви, в которую ходил ребенком. А не поискать ли совета у преподобного Фэйрстоуна... Преподобный что есть мочи вопит о Конце Света и Семи Казнях Египетских, одна из которых — саранча. Рик выходит оттуда, как в дурмане, став беднее на сто долларов. К сожалению, душе его от этого не легче.

С книгой дела тоже неважные. Лучшее предложение, которое смог получить его агент, исходит от небогатого издателя, который требует предварительной оплаты тиража величиной не менее трех тысяч экземпляров, но даже на этих условиях сделка не заключается. Зато неожиданно запускается фильм о его подвигах, и тогда начинается сущий кошмар. Все мгновенно выходит из-под контроля, поскольку доверено стареющему режиссеру и двум актерам на главные роли с талантами продавцов магазина сэконд-хэнд. В последующие восхитительно кошмарные дни Рик приходится наблюдать, как проект проваливается прямо на глазах, когда актер, играющий его (разжиревшая тридцатидвулетняя бездарность), и актриса, играющая Джейни (брюнетка шлюховатого вида), сливаются в объятиях, а саранча (тварь с ухватками, позаимствованными прямо со студии «Маппет-шоу») валится на них обоих. В воздух летят эпитеты, так и напрашивающиеся на судебные иски, все расходятся на обед, а Рик в скорбном одиночестве остается стоять на площадке.

К этому времени Джейни уже почти не видит в нем того героя, за которого вышла замуж, и поэтому не в состоянии скрыть досаду. Профессор Прайс, чье терпение вот-вот лопнет, а тревога за дочь все растет, обрушивается на Рика с силой пресловутого дамоклова меча.

Неизбежное грянуло, и Джейни просит развода. Она уже успела найти замену Рик: полисмена, чудесного парня, прямо из пятидесятых, который недавно получил награду за храбрость. Новоявленный герой спас женщину, ее тринадцать детей и семь собак из трейлера,

загоревшегося от ночника. Полисмен, Фрэнк Эмерсон, имеет постоянную работу, твердые принципы и, подобно Джейни, мечтает о потомстве.

Рик теряет работу в лаборатории, переезжает в другое место, а когда в одну из ночей прокрадывается в дом, чтобы забрать свой бесценный фильм — его воспоминания, его славу, единственное, что у него осталось, — то приводит в действие новую охранную систему, установленную Фрэнком Эмерсоном для невесты. В дом врываются полицейские (все друзья Эмерсона), надевают наручники на Рика и принимаются оживленно обсуждать барбекю, которое устраивают Джейни и Фрэнк в следующий уик-энд. Эмерсон с чувством, которое выглядит как искреннее участие (в конце концов, он чудесный парень), обнимает за плечи закованного Рика и советует:

— Тебе нужна помощь, Рик. Профессиональная помощь.

Рик принимает совет. Идет к шринку* — грузной рыжей особе, страдающей нарциссизмом, как все люди ее профессии, — и та объявляет ему о том, что мы уже знаем: у него синдром позднего стресса.

Что с этим делать? Три совета миссис Роув.

1) Присоединиться к группе нуждающихся в помощи ветеранов, где вы найдете людей, с которыми можете общаться, и вместе решить проблему.

2) Одновременно предложите ваши услуги городу, школе, музею, Ассоциации молодых христиан. Каждый район, каждый город нуждается в герое.

3) Найдите работу, которая обеспечивает постоянный приток адреналина, нервное возбуждение, ту самую лихорадку, которая называется «снова быть главным», иными словами, опять оказаться в седле.

— И еще, — добавляет она, — сходите постригитесь. И побрейтесь.

Он идет в парикмахерскую. Стрижется и бреется. Ведет беседы в начальной школе. При этом он догадался захватить свой фильм, который показывает малышам, пока учительница, подбоченившись, стоит в сторонке. Дети плюются жеваной бумагой, и комок попадает в него. У одной девчушки имеется кукла Барби, принцесса-воин, у другой — шикарный Малибу-Кен с симпатичным «партнером Брайаном», у мальчишки — радиоуправляемый спецназовец. Короче говоря, они не впечатлились. В конце концов, видеорепортаж — это всего лишь видеорепортаж. Они уже все смотрели по телевизору.

---

* Психотерапевт (жарг.).

Когда запись кончается и он встает перед классом, одна маленькая девочка говорит:

— Зачем вам понадобилось убивать их? Животных нужно беречь. Создавая их, мать-природа тем самым говорит, что любит нас, верно, миссис Спринг?

— Недавно мы обсуждали исчезающие виды, мистер Роу, — поясняет учительница.

— А они и были единственными в своем роде, мистер Роу, — визгливо вступает мальчишка. — Исчезающий вид, а вы их уничтожили. Почему?

Лицо учительницы превращается в морду саранчи. Дети становятся маленькой саранчой. Шорох трущихся друг о друга ног насекомых. Пол становится коричневым от «табака». Мы слышим голос девочки:

— Я рада, что он не мой папа!

И все расплывается... чтобы через мгновение резко сфокусироваться на...

Гигантском насекомом, нарисованном на боку того, что предположительно является фюзеляжем самолета. Картинка уменьшается, и мы видим, что на самом деле перед нами «форд»-фургон с черной надписью «Зиплок Экстерминейторз» на боку и грубыми стальными усиками на крыше. А вот и Рик, старательно, но неуклюже рисующий морду огромного таракана. Он успел изобразить еще несколько насекомых, не страдающих особенным сходством с оригиналом: что-то вроде беременных тараканов и безголовых термитов. Это его новая работа, и он честно старается выполнять ее. Мы следуем за ним в очередной дом его списка и получаем поистине леденящее впечатление.

Крупным планом дается убогое строение на высохшем газоне, с вопиющими детьми, скандалящими родителями. И там, в темноте, если присмотреться, можно увидеть шевелящийся ковер.

Рик моргает, прищуривается и... да, это тараканы! Здесь, в обычном мире, куда больше насекомых, чем в лаборатории профессора! Рик стоит как вкопанный, а дети, липкие от слишком большого количества кока-колы и хронического неумывания, кишат вокруг него, постепенно подталкивая к живому ковру. Еще несколько минут — и он начинает обрабатывать дом спреем: ковер, диван, стены и ребятишек.

Далее в ускоренной съемке мы проходим-пробегаем с ним весь рабочий день: термиты, домашние муравьи, надоедливые пчелы, мыши, такие грязные, что выглядят насекомыми. Последний кадр: Рик рису-

ет на боку фургона ублюдочного Чарли Брауна* с крестиками вместо глаз, и все снова расплывается...

Вечером Рик прибывает в местный клуб, на первую встречу с нуждающимися в помощи ветеранами. И чувствует себя словно рыба на песке. Эти ветераны — либо массивные гиганты в защитных комбинезонах без рубашек, с лозунгами вроде «Убей всех!» и «Господь их различит!», вытатуированными на каждом дюйме кожи, либо жилистые коротышки с мрачными глазами серийных убийц. Они толкуют об ужасах «Нама», о газовых атаках «на Заливе», о «пещерах Афгана», и Рик с выражением молодого Тома Хэнкса на физиономии едва сдерживается, чтобы не дать деру. Но настает его очередь говорить, разделить с ними свои ужасы, и все глаза устремляются на него.

Они ждут: стареющие переселенцы, бородатые байкеры, жилистые параноики. Ждут, пока он откроет рот. И Рик, не в силах совладать с собой, выпаливает:

— Для меня там не было ничего ужасного. Мне понравилось.

Его глаза слезятся.

— Честно говоря, мне этого недостает. Я хочу, чтобы все снова вернулось.

И неожиданно весь зал заливается слезами. Ветераны повскакивали с мест, сгрудились вокруг него, и все плачут. Мясистые татуированные ручки тянутся к нему, рискуя задушить в общих объятиях.

— Мы знаем, о чем ты, Рик. Нам тоже этого не хватает.

Когда встреча заканчивается, Рик ускользает, идет по темной улице (в машине, разумеется, полетел ведущий мост) и слышит за спиной шаги. Это Чи-Чи Эскаланте, один из жилистых параноиков с печальными глазами. Хуже того, он еще и испанец, то есть существо, которому ни один порядочный американский парень из Макалоувилля органически не может доверять. У Чи-Чи на щеке шрам, и в довершение всего этого ужаса он еще и ухмыляется.

Хочет подружиться?!

— Как насчет киношки? — спрашивает он.

Рик что-то бормочет, не сбавляя шага. Чи-Чи не отстает. Он с первого взгляда распознает брата по духу.

— Ты тот парень, что врезал этим жукам, да?

---

* Персонаж комикса «Арахисовые орешки», не очень уверенный в себе и невезучий.

Тшеславие Рика мгновенно дает вспышку. Он замедляет шаг.

— Здорово, должно быть, — продолжает Чи-Чи.

— Полагаю, что так, — соглашается Рик.

Они гуляют, они беседуют.

— Так как насчет киношки? — повторяет Чи-Чи.

Почему бы нет? У Рика даже DVD-плеера больше нет. Он даже не может просмотреть старый репортаж.

Чи-Чи садится за руль, и они едут в даунтаун. В старый кинотеатр — липкие полы, подозрительные посетители, высокий потолок с горгульями, злобно плящимися вниз, — и смотрят мексиканский ужастик про человеческий мозг, который сохраняют живым на серверовочном столике. Текст на испанском, никаких субтитров, и Чи-Чи поясняет:

— Парень, я вырос на этом отстое.

Рик смотрит на экран. Как ни странно, он все понимает. Герой даже не англичанин, мало того, Рик не уверен, что в картине вообще есть герой, но на секунду он представляет Чи-Чи, выросшего на подобных фильмах и любящего подобные фильмы. Но потом остатки еды (то есть он надеется, что это еда), приклеившие его подошвы к полу, рассеивают зыбкую магию момента, и он поднимается, чтобы уйти.

— Как насчет шипучки? — спрашивает Чи-Чи. — Я знаю эту часть города, как трусики своей девчонки.

Рик качает головой, отстраняется, добирается до дома, где обнаруживает, что Фрэнк Эмерсон, — чудесный парень! — вломился в квартиру и оставил в прихожей гору его вещей: голова саранчи на дощечке, награды, призы, свадебные фотографии, пояса, носки, сотовый и ключи от скутера, местонахождение которого Рик позабыл. Да, и записку: «Подумал, что тебе это понадобится. Фрэнк».

Батарейка сотового сдохла, домашнего телефона у него нет, а работающие автоматы, оказывается, так же редки, как журавль американский. Только три часа спустя ему удастся найти будку, и он звонит Чи-Чи.

— Неплохо бы выпить, — говорит он. — Очень неплохо бы, amigo.

Они пьют. Чи-Чи накачал его в баре Восточного Лос-Анджелеса, и не успеваем мы оглянуться, как они уже вываливаются из тату-салона на бульваре Голливуд, и у Рика на предплечье красуется довольно большая хищная птица, сжимающая в когтях нечто вроде маленькой удочки.

— Герой должен иметь тату, — едва ворочая языком, объявляет Рик, и все расплывается... и мы возвращаемся к...

Мелькают кадры следующего рабочего дня: фургон, татуированная рука Рика, малюющая на фургоне очередного гада, квартиры, в которые его вызывают, словом, очень реальный мир людей и их насекомых. Когда карусель на этот раз останавливается, перед нами огород старика... кузнечики, пожирающие его кукурузу и салат. Камера наезжает на Рика, сидящего в грязи со скрещенными ногами. В пальцах он сжимает крохотную саранчу, и та из последних сил дрыгает ногами, стараясь выжить. В огороде появляется старик, сначала с непонимающим, потом с возмущенным видом. Рик смотрит на него с выражением спасителя: «Придите ко мне, страждущие насекомые»...

— Простите, я никак не могу этого сделать, — говорит он, осторожно сажая маленькое создание на лист салата. Поднимается и уходит.

Мы переносимся в офис его компании, где Рик подает заявление об уходе. Нам не слышно слов. Босс рвет и мечет, показывая на фургон Рика. Рик берет банку скипидара и тряпку и начинает стирать свои художества. А когда заканчивает, мы замечаем, что выглядит он кошмарно: волосы отросли, как канадская трава, борода спутана. Настоящий бродяга.

Зато теперь у него DVD-плеер и шикарный телефон с встроенной камерой — все благодаря Чи-Чи и его уличным связям. Он не знает, как включать камеру, определять телефон звонившего и много чего еще, но кому какое дело? Он звонит Джейни, оставляет свой номер и вечером получает сообщение.

— В Кливленде нашествие летучих мышей-вампиров, — говорит чей-то голос. — Миллионы и миллионы.

Они знают, кто он. Единственный, кто может остановить этих тварей. И он нужен прямо сейчас. Канцелярия мэра, национальная гвардия, дорожный патруль — он необходим всем.

Сердце Рика бухает в ребра. Он улыбается, как ребенок. Наконец-то! Свершилось! Он чувствует прилив адреналина, волнение, радость, восторг, ликование — теперь он снова главный во Вселенной... но тут слышит смех в трубке.

Это шутка, понимает он. Дружки Фрэнка развлекаются. Больше некому.

К горлу подкатывает тошнота.

Он выключает телефон.

И смотрит старый фильм. Голова саранчи, так и лежащая в углу, пляшется на него. Телефон снова звонит. Рик выбрал вместо мелодии птичьих трели и сейчас жалеет об этом. Он колеблется... но нажимает кнопку. В конце концов, никому не запрещено надеяться, верно? На этот раз голос обрывается хохотом уже на первом предложении. Речь идет о гигантских курах в Далате, но голос вне себя от восторга и под дружные отдаленные вопли не может даже произнести второго предложения. Рик отсоединяется, уходит и бредет по темным, жутковатым улицам. Мы видим слезы в его глазах.

Рик и Чи-Чи шатаются по городу. Пьют. Снимают простеньких девчонок, цыпочек в барах, знойных пышек, чьи партнеры по каким-то причинам запоздали или пришли, заранее настроенные на скандал. Правда, Рик валится головой на стойку или на мостовую, прежде чем что-то, хорошее или плохое, успеет случиться. Крупный план: татуированная рука свисает с откоса сточной канавы. Орел, скорее, походит на попугая.

Он почти все время держит сотовый выключенным, но знает, что сообщения продолжают приходить. Друзья Фрэнка, друзья друзей, всякий, кому хочется повеселиться. Он старается держаться подальше от дома, даже ходит вместе с Чи-Чи на мексиканские ужастики... но не выдерживает и снова отвечает на звонки.

Когда Чи-Чи нет рядом, он ходит по улицам один. Однажды, очумев от спиртного, он видит, как весьма привлекательную блондинку окружили уличные грабители, этнически настолько разнообразные, что со стороны вся сцена выглядит, как постер ЮНЕСКО. Рик впервые видит, как кого-то грабят, и даже не сразу соображает, что происходит и почему Господь привел его сюда.

Вот он — шанс стать героем.

Правда на его стороне. И банда это почувствует.

Но не успевает Рик подбежать, как блондинка начинает гвоздить нападающих сумкой. Парик слетает, и оказывается, что это вовсе не женщина, а ужасно обозленный трансвестит. Проворно работая мускулистыми волосатыми ногами, он исчезает в переулке как раз в тот момент, когда появляется Рик. Банда окружает его. Похоже, чувства ее членов крайне оскорблены. Они опозорены и жаждут сорвать на ком-то свой гнев. И предводитель шайки довольно жизнерадостно объясняет это Риму. Последние кадры: переулок и выкрашенный в синий цвет

мусорный контейнер. Из него медленно поднимается голова Рика, покрытая кетчупом, дынными корками и другими столь же «привлекательными» продуктами, не скрывающими, однако, огромного «фонаря» под глазом. Вокруг вьются мухи, создавая нечто вроде нимба.

Экран темнеет, и мы...

Мы видим отчаявшегося Рика, который звонит Чи-Чи из своей темной квартиры, только чтобы услышать следующее:

«Сообщение для Пабло, Денниса, Марии и Рика. Простите, приятели, но этого гражданского дерьма я больше не вынесу. Сегодня иду на призывной пункт».

Его лучший друг снова завербовался... во имя всего святого...

Рик уставился в пол. Насекомые... сотни темных безымянных насекомых... ползут по линолеуму. Затемнение...

Рик наконец едет домой, в Макалоувилль, на дряхлом автобусе компании «Грейхаунд». Он, как и Чи-Чи, понимает, что с него довольно, и твердит себе: только в Макалоувилле он сможет забыть о жуткой реальности Америки 2005 года. Синяки еще не сошли, а с этим «фонарем» он похож на енота. Волосы и борода придают вид безумца. По мере приближения к дому рекламные плакаты все больше желтеют, а некоторые товары вообще уже не производятся: паста Айпена, маленькие печеночные таблетки Картера, пена для бритья «Барма» и тому подобное. Машины, пролетающие мимо автобуса, тоже становятся старше, а одежда водителей до последних мелочей повторяет моду пятидесятых. Рик Роу наконец возвращается домой.

Едва автобус останавливается на автовокзале Макалоувилля, мы видим панораму города. Он не изменился. Пусть Рик спас его от гигантской саранчи, но что-то или кто-то спасло его от нового тысячелетия. Это все еще город пятидесятых — и единственный дом, который остался у Рика.

Вспомнив, что здесь открыт маленький музей его имени, он прежде всего направляется туда. Смотрительница у двери, старушка, которая сама не знает, кто она и где находится, не узнает Рика. Он потрясенно останавливается на пороге. Две гигантские саранчи покрыты толстым слоем пыли. Освещение паршивое, почти все лампы перегорели. И никаких экскурсий: ни школьников, ни стариков. Собственно говоря, в музее нет ни души, если не считать парочки обжимающихся в самом темном углу тинейджеров — паренька с залызанными назад волосами и девушки в мохеровом свитере. Заметив Рика, они

хихикают. До него доносится слово, подозрительно похожее на «пьянь». Только сейчас он понимает, как, должно быть, выглядит. Он не может позволить, чтобы город узрел его в подобном виде.

Уходя, Рик видит свой портрет под перегоревшей лампочкой. Кто-то пририсовал ему усы и рожки...

Он снимает номер в лучшем отеле, записывается под фамилией «Смит» и платит наличными. Цена почему-то все та же, что в пятидесятые — десять долларов. Он принимает душ, бреется и, изловчившись как может, подбривает себе волосы на затылке. Надевает единственную смену одежды, которую привез в сумке, проглатывает две чашки кофе в баре отеля и долго упражняется в улыбках перед зеркалом над стойкой.

Потом он бродит по улицам — и да, это точно Макалоувилль, как есть Макалоувилль, город его детства, свидетель славы, и теперь его улыбка уже не такая натянутая, и он счастлив, как давно уже не был...

Пока мимо не проходит парочка. Взгляды, которые на него направлены, нельзя назвать иначе, чем убийственными... словно перед ними прокаженный. Может, его не узнали? Городок маленький. Наверное, приняли на чужака...

Но там, через дорогу, идет Бадди Блейлок, его лучший друг, еще со школы. Рик быстро перебегает улицу с протянутой для рукопожатия рукой, с губ уже готовы сорваться приветствия, и едва Бадди поворачивается...

Мы видим то же выражение. Смертоносное.

— Привет, Рик, — цедит Бадди.

— Черт, Бадди, до чего же здорово тебя видеть! — ликует Рик. — Эй, да ты прекрасно выглядишь! Как Спуки? Как твой «форд»?

Но взгляд Бадди по-прежнему не назовешь дружелюбным.

— А как большой город, Рик? Хорошо обошелся с тобой?

— Полагаю, да, — лжет Рик.

— Рад слышать, потому что некоторым пришлось остаться здесь, в Макалоувилле, чтобы дела вертелись по-прежнему. Понимаешь, о чем я?

Рик искренне не понимает, о чем он. Из супермаркета появляется Пэтти Рипли, подруга Бадди, и застывает, уставясь на Рика с уже знакомым выражением.

— Ба! Да неужели Рик Роу?! Не может быть! Сколько лет, сколько зим!

— Вот именно, неужели, — вторит Бадди.

Они смотрят на него, как на самого последнего педофила!

— Здорово было повидаться, Рик, — неожиданно выпаливает Бадди, — но мне пора работать. Знаешь, работа. То, чем люди занимаются в будние дни. А ты веселись и дальше, хорошо?

Рик стоит, как оплеванный, пока парочка весело уезжает в бело-голубом «форде» Бадди выпуска пятьдесят шестого года.

Рик тащится дальше. Видит работающих людей. Водителей грузовиков, продавцов в магазинах, секретарей в офисах, домашних хозяек, занятых покупками. Да, это точно Макалоувилль, но теперь это еще и реальный мир. Макалоувилль, которого он не знает.

Что случилось, спрашивает он себя, с добрыми старыми временами бесшабашных гонок и лихачества, рождественских елок, когда ребяташки, еще не успев переодеть пижамок, развертывали подарки, а Дин Мартин пел «Белое Рождество», и многое другое из того мира, где пришельцы были пришельцами, а ты знал, кто ты есть на самом деле?

«Все миновало, потому что ты оставил этот город, Рик, — вещает голос, тот самый, что всегда говорит в подобной манере. — Потому что ты стал героем и уехал».

Он шагает дальше и в конце концов оказывается перед родительским домом. Тут ничего не изменилось. Газон, деревья... Солнце греет так же, как когда-то... Рик нажимает кнопку звонка, нервно расчесывает пальцами волосы. Сегодня пятница — день, когда отец приходит с работы пораньше, и, может быть, сейчас он уже дома. Мама наверняка тоже. Мистер и миссис Роу неразлучны. Вся семья... все трое были неразлучны.

На звонок выходит отец и встает на пороге. Он еще в костюме. Рик замечает какое-то движение на заднем плане и понимает, что это мать.

— Заходи, — коротко роняет отец. И это все. Просто «заходи».

— Здравствуй, Рик, — вторит мать так же коротко, и Рик недоуменно моргает. В доме полутемно, и он со света словно ослеп.

— Садись на диван, — продолжает отец. Рик направляется к матери, чтобы обнять, но с размаху налетает на стол, а когда глаза немного привыкают к сумеркам, видит ее лицо. Вернее, выражение лица.

— Приятно видеть тебя, Рик, — говорит она, но это всего лишь обычная любезность. Мать всегда и со всеми вежлива.

— Да, сынок, приятно, — вторит отец. — Как Лос-Анджелес обходится с тобой?

— Мог бы и получше, — признается Рик, гадая, стоит ли рассказывать родителям.

— Мне очень жаль это слышать, — бормочет отец. Следует длинная пауза. Отец не спрашивает, что случилось. Мать сидит в большом мягком кресле напротив дивана, где устроился Рик, а отец не садится вообще.

— Мы чем-то можем помочь? — спрашивает один из них, Рик не уверен, кто именно, и опять только из вежливости.

— Как вы оба? — интересуется Рик. — Я скучал без вас.

— Мы тоже скучали, — механически откликается мать.

— Мы часто думали о тебе и волновались, как все родители, — продолжает отец. — Мы, а особенно твоя мать, не тревожились бы так сильно, если бы ты чаще писал или звонил...

Рик не верит ушам.

«Я звонил, — хочет сказать он. — Я писал».

По крайней мере, вначале. Они приехали на свадьбу. Видели дом. Может, последние несколько месяцев, когда все перевернулось с ног на голову, ему было не до общения с родителями, но это потому, что он был сбит с толку, сконфужен и не хотел обременять их своими бедами.

Рик пытается объяснить, извиниться, но эти двое, словно вырезанные из картона персонажи ужастика пятидесятых «Пришельцы среди нас», тупо и молча смотрят на него.

— Я приехал, потому что хотел видеть вас, — говорит он, но ответа нет. — Хотел посмотреть, по-прежнему ли Макалоувилль остается тем же, что и до моего отъезда. И знайте: я думаю о вас постоянно, даже если все пошло наперекосяк, и у меня не было шансов...

— Это у тебя татуировка на руке, сынок? — сурово перебивает отец.

Рик поднимается. Ему пора. Отец уже мягче добавляет:

— Здесь у нас сберегательная облигация на двадцать пять долларов. Вчера нашли на чердаке. Если нуждаешься в деньгах, можешь получить за нее наличными.

— Нет, — качает головой Рик. — Пусть лежит у вас. Само сознание того, что она здесь, в доме, где я вырос...

— Выглядишь ужасно, Рик, — неожиданно объявляет мать. — Неплохо бы тебе подстричься.

Рик почти бежит по улице, прочь от того дома, где провел детство... правда, сам того не желая, один раз оглядывается, чтобы помахать двум темным фигурам, все еще стоящим на пороге. Наконец он свободен... свободен от нового ужаса... и мы видим: Рик возвращается на автобус компании «Грейхаунд», где-то между Макалоувиллем

года 1958-го от рождества Создателя нашего и Южной Калифорнией 2005-го.

Все расплывается...

Ночь. Рик слушает телефонные сообщения в темноте своей квартиры. Если света нет, можно не увидеть насекомых. В одном из сообщений его просят избавить Сан-Франциско от бездарных итальянских сопрано. В другом уведомляют, что НЛО, замаскированные под круглосуточные магазины, похищают граждан Нью-Джерси. В третьем сообщают о радиоактивных проститутках в Чикаго, и в последнем — о маленьких красных крабах, наводнивших городок во Флориде.

Затемнение.

Новый день. Рик старается найти группу нуждающихся в помощи ветеранов, но они переехали, и никто не знает куда.

Вечером на сотовом Рика только одно сообщение. Мужчина, представляющий мэра города Кокскру*, штат Флорида, говорит, что звонил вчера и был бы крайне благодарен, если бы мистер Роу ответил на звонок. Голос (серьезный, ни единой смешливой нотки) продолжает речь, и камера берет крупным планом глаза Рика в темноте: насекомоподобные, фасеточные, отчаявшиеся.

— У вас есть факс или e-мейл, мистер Роу? — спрашивает голос.

В эту ночь мы наблюдаем жутчайший кошмар, приснившийся Рикку, почти идеальный сплав всего, через что пришлось пройти в последние несколько недель: саранча, малыши, изрыгающие «табак», Джейни с тринадцатью ребятишками, родители, твердящие: «Немедленно постригись и побрейся — ты ужасно выглядишь».

Затемнение.

Чирикание сотового выводит его из кошмара и возвращает в уныние и мрак квартиры. По крайней мере, все насекомые послушно вернулись на стены, где и проведут день. Рик пытается встать, обозленный, готовый устроить идиоту-шутнику скандал, вот только если вовремя проберется к телефону, через груды грязной одежды и наград.

— Мистер Роу?

— Послушайте, вы...

— Знаю, мистер Роу, еще слишком рано, но у нас тут проблемы...

— Если я смогу узнать, кто вы и откуда...

---

* Штотор (англ.).

— Это крабы вида *Gecarcoidea natalis*, не принадлежащие к местной фауне, случайно завезенные к нам лет двадцать назад. Они размножились до такой степени, что мы не знаем, как уменьшить популяцию. Мы уверены, что вы, учитывая ваш опыт с *Melanoplus spretus*, сумеете нам помочь. Мы готовы оплатить билеты на самолет, остальные расходы и выделить солидную сумму за консультацию, если вы согласитесь приехать к нам на неделю. Кокскру — чудесный город, и мы обещаем вам наше гостеприимство...

Рик молчит. Что-то в этом голосе...

Флоридский акцент явно настоящий...

Мужчина говорит и говорит, и до Рика наконец доходит: все правда. Это РЕАЛЬНЫЙ город с РЕАЛЬНЫМИ проблемами, где-то во Флориде.

И они ждут его помощи.

Кульминация, или Как этот звонок изменит жизнь Рика

Теперь Рик выглядит куда старше: не на двадцать три, а на тридцать три. Слишком много пришлось всего пережить. И он прав: этот звонок очень важен, хотя и не в том смысле, как он воображает.

Рик берет деньги, переведенные ему мэром Кокскру, и летит во Флориду, окрыленный, полный надежд. В аэропорту его встречает мэр Деламитра и отвозит в гостиницу — старый, но чистый и сухой отель в деловой части городка. Наутро он едет в тот конец города, где Главная улица проходит вдоль Болотного заповедника, и собственными глазами наблюдает батальоны марширующих *Gecarcoidea natalis*, красных лесных крабов размером с ладонь. Крабы мигрируют, что происходит каждый год, хотя не в таких масштабах: проходят через город, стремясь назад, в болота, где выведется их потомство, и при этом что-то не слишком спешат. Присутствуют мэр и его администрация. Присутствует пресса. Присутствует женщина лет тридцати, которая каким-то образом не вписывается в эту южно-флоридскую сцену. Стиль одежды — нечто среднее между «Банана Репаблик» и «Л.Л.Бин»*. Привлекательна, уверена в себе, но не бросается в глаза, стоит поодаль от всей группы, со скрещенными руками и смешинкой во взгляде, которая почему-то тревожит Рика. Никто не потрудился познакомить их, и Рик не спрашивает, кто она, хотя и не может ее игнорировать.

— Ну? Так что вы об этом думаете, мистер Роу? — спрашивает мэр.

---

* *Противоположные стили: модной молодежной одежды — и консервативной спортивной.*

— А что здесь можно поделывать? Нельзя трогать их нерестилища. Они считаются заповедником.

— А кто их природные враги? — добросовестно спрашивает Рик.

— По-моему, таковых просто нет. Во всяком случае, достаточно грозных.

— Этого быть не может, — качает головой Рик. — Каждое животное такого размера имеет, или имело, или будет иметь, если появится в другом регионе, природных врагов. Это аксиома, сэр, хорошо известная науке.

Мэр, члены его администрации, представители прессы и остальные собравшиеся переглядываются и пожимают плечами. Никто не смотрит на женщину в туфлях на низком каблуке, которые, как правило, носят защитники природы.

— ‘ноты, — наконец выговаривает кто-то.

Рик цепенеет.

— Что?!

— Еноты, мистер Роу, — поясняет мэр.

— Да, — поддакивает кто-то. — Я сам видел как ‘ноты их ели. Да они все едят: крабов, лягушек, даже черепах, если смогут разбить панцирь.

— Вот оно, ваше решение, мэр, — объявляет Рик.

Все снова переглядываются. Они готовы верить. Они нуждаются в ободрении.

— Сколько может стоить енот? — спрашивает Рик.

— Черт, — выпаливает кто-то, — возможно, вы сумеете уговорить семинолов, что живут в Пахоки, отправиться на охоту. Они уж точно сумеют притащить две-три сотни, по пяти баксов за голову. На это уйдет недели две, но это неважно: все равно им делать нечего.

— Вам понадобится больше, — поспешно поясняет Рик, — и как можно быстрее.

— Муж моей сестры, — выкрикивает другой, — работает на «Уотер энд Пауэр» в Батон-Руж. Бьюсь об заклад, меньше чем через неделю мы сумеем получить от кейджанов* тысячу голов. Да и обойдется дешевле.

Члены администрации мэра вычисляют, подсчитывают, и оказывается, что две тысячи енотов обойдутся городу от десяти до пятнадцати тысяч долларов, включая транспортные расходы, что, в общем, не слишком дорого. Но тут вдруг слышится чей-то смех, и все оборачиваются. Это женщина. Очевидно, она открыто наслаждается ситуацией.

---

* Жители южных районов штата Луизиана, потомки французов, на-
сильственно переселенных сюда из Канады.

— Мистер Роу, — хмуро бормочет мэр, — это доктор Филд. Доктор Сьюзен Филд.

Рик узнает, что Сьюзен Филд — эколог, училась в Массачусетском институте лесного хозяйства и вот уже пять лет как живет в Кокскру. Ему также становится ясна причина ее смеха. Оказывается, появление в регионе такого количества енотов, известных пристрастием к птичьим яйцам, не только подвергнет опасности немалое количество местных птиц, но и уничтожит фермы по разведению тропических рыбок, на которых зиждется двадцать процентов экономики округа Кокскру.

— Помните, как нашествие зубатки едва не привело к катастрофе в начале восьмидесятых? — спрашивает она.

Конечно, появление крабов — это неприятность, но они не повлияют на экономику в такой степени, как две тысячи хищников с ухватками гангстеров.

Рик уничтожен.

И способен выдать только одну фразу:

— Чего хотят эти крабы?

— Похоже, мистер Роу, — отвечает она, даже не поежившись под неприязненными взглядами окружающих, — они хотят вернуться в болота и благополучно размножиться... а мы встали поперек дороги. Кроме того, им нравится спариваться именно в этом городе...

— Паразиты? — допытывается Рик, хватаясь за соломинку.

— Таковых у членистоногих не существует.

— Распыление пестицидов?

— Наш добрый мэр и это пробовал, — отвечает Сьюзен, улыбаясь Деламитре, — невзирая на возражения скромного эколога. И федеральное правительство наказало нас крупным штрафом. Это уже не наука, мистер Роу, это политика.

— Мне нужно подумать, — едва слышно мямлит Рик. — Просмотреть отчеты, другие документы... по истории проблемы... надеюсь, мэр, все это у вас есть?

— Прекрасная идея, мистер Роу, — одобряет Сьюзен Филд, все еще исподтишка посмеиваясь и явно не собираясь снимать его с крючка.

Рик удирает в гостиницу, садится на кровать, смотрит в стену и, дождавшись ночи, отправляется в пригородный бар. Предварительно приходится надвинуть бейсболку пониже, чтобы скрыть лицо.

Потом происходит следующее.

Сьюзен Филд разыскивает его в баре. Городок очень маленький,

слухи разносятся со скоростью звука, а он здесь единственный в бейсболке с эмблемой лос-анджелесской баскетбольной команды «Лейкерс». Она даже снисходит до сочувствия. Рик еще не пьян, но прилагает все усилия, чтобы утопить печаль в пиве с упоительным названием «Моча аллигатора». Сьюзен оживленно болтает: кое-что рассказывает о себе, о своей работе по экологии заболоченных земель, политике защиты окружающей среды на Юге, словом, все безопасные темы... после чего начинает расспрашивать Рика о его жизни. Он скрывает правду, точнее, просто врет. Рассказывает о всех героических деяниях, которые совершил, когда уехал из Макалоувиля. Когда ты пьян, это дается легче. Нападение белых медведей на поселения эскимосов, его гениальная идея использовать в качестве приманки надувных тюленей, наполненных веселящим газом, чтобы усмирить хищников. Плезиозавр, уменьшенная копия Несси, в вермонтском озере Шамплейн, ночной ужас всей округи: как он придумал транслировать через древние динамики вопли шотландских волюнок, что помогло поймать чудовище...

Но ее не так легко одурачить. Сьюзен видит перед собой доведенного до отчаяния человека, и хотя до конца истории мы так и не узнаем почему, но она приглашает его провести ночь у нее в доме.

— У меня есть лишняя комната, — поясняет она.

Лицо Рика светлеет.

Симпатичная женщина приглашает его на ночь! Может, он еще сохранил некую притягательность героя? Может, Джейни ошибалась? Может, его наука не так отстала от жизни?

Когда они добираются до дома, старого флоридского бунгало с бесконечными верандами, радость немного утихает при виде ее десятилетнего сына Джейкоба. Оказывается, именно с ним он должен делить сегодня спальню. Комната оказывается кошмаром наяву. Здесь полно насекомых. Насекомых, насаженных на булавки, аккуратно размещенных в шкафах и стеклянных витринах, причем каждое снабжено карточкой с пояснениями. С потолка свисают игрушки-насекомые. Обои с изображениями насекомых. Огромные пластиковые модели насекомых красуются на комод. Рик хочет вопить от ужаса. Но мальчик в полном восторге. Это Рик Роу — человек, остановивший нашествие саранчи-мутанта в северной Неваде. Джейкоб знает все подробности этой истории и с обожанием взирает на Рика. Рика должно бы радовать такое поклонение, но почему-то не радует. Он проскальзывает в ванную и оттуда слышит шепот Джейкоба:

— Не говори ему, мама, пожалуйста.

— Не скажу, — отвечает та. — Разве только ты сам захочешь.

Сьюзен уходит спать рано («Я встаю с первыми лучами солнца, а вы двое развлекайтесь»). Тем временем прыщавый, неуклюжий, очкастый Джейкоб устраивает ему экскурсию по комнате, подводя к каждому экземпляру коллекции. Экскурсия затягивается за полночь.

Лежа на нижней койке, — тяжелое тело Джейкоба ворочается над ним, — Рик, что неудивительно, всю ночь видит во сне чудовищных насекомых.

Рик остается в Кокскру. Вернее, в доме Сьюзен Филд. Она настаивает, и горячность ее уговоров немного пугает. Но ему больше некуда деваться, а в этом маленьком мирке с десятилетним коллекционером и женщиной — доктором философии, которая немилосердно, но беззлобно подтрунивает над Риком, в этом городе с крабовой проблемой, которая вовсе не кажется такой уж проблемой, есть нечто человеческое. Нечто теплое. И как ни странно, ему кажется, что дом — именно здесь.

Он нанимается водителем в местную компанию минеральных вод и постепенно узнает все больше об этой женщине. О том, как Сьюзен Филд, тогда еще студентка последнего курса, приехала изучать экосистему здешних болот, покорно носила «беркенстоксы» с защитой от насекомых и болотные сапоги и в первый же свой день в Кокскру встретила Джошуа Ковингтона, политика-либерала, родившегося где-то здесь, во Флориде (по его словам), и приехавшего сюда за несколько недель до нее. На десять лет старше, разведен, один сын. Как она осталась (хотя и не представляла себя в роли матери), вышла за него замуж, и половину своего медового месяца они провели в спорах о способе спасения болота. Как три года спустя Джошуа Ковингтон погиб в автокатастрофе и как вскоре после этого толстячок, ставший ее сыном, стал собирать коллекцию насекомых.

Рассказывая все это, она не смотрит на Рика, и он не знает почему. Постоянно отводит взгляд, словно не хочет, чтобы он смотрел ей в глаза. Да и в голосе слышится нечто, заставляющее его предполагать, что она лжет. Но в чем? В ее жизни явно нет никаких тайн, и она кажется человеком честным. К чему ей лгать?

Работая бок о бок со Сьюзен в ее кабинете, Рик понимает, в чем

смысл нового тысячелетия: дело не в пузырях-пришельцах с огнематами или гигантской саранче с пищевыми феромонами. Дело в *политике*. Он узнает, что мэр, собирающийся баллотироваться на пятый срок, желает уничтожить маленьких красных сволочей с клешнями главным образом потому, что они его раздражают. Крабы не представляют угрозы людям, они не станут экономическим бременем округа. Это просто природное явление, и после каждой ежегодной миграции миллионы маленьких панцирей выцветают на солнце, погибают под колесами машин, становятся игрушками домашних животных, а в руках местных умельцев даже кошмарными сувенирами для туристов. Но они не нравятся городским бизнесменам, тем, кто живет в больших домах в колониальном стиле, и поэтому мэр борется с крабами. И мэр Деламитра не собирается прислушиваться к уроженке севера, янки, какой-то бабе — доктору «какой-то-там-логии» из Массачусетса, вдове «левого реформатора», искренне советующей, что следует сделать в подобном случае. Так что ситуация безнадежна.

Рик с каждым днем все больше мрачнеет. Его одолевает ностальгия по чему-то, чего он не в силах понять, и Сьюзен везет его на ретроспективу научно-фантастических ужастиков пятидесятых в местный кинотеатр, вышедший, судя по его виду, прямо из одного такого ужастика. Сама она издается над фильмами. Образами женщин. Беззаветным героизмом. Черно-белыми ценностями. Картонными людьми.

Рик начинает видеть эти вещи в новом свете. Это фильмы не о настоящих людях, а о персонажах комиксов, которые никогда не жили и не будут жить в реальном мире.

Она подтрунивает и над его татуировкой, но абсолютно беззлобно, даже добродушно, поэтому он не обижается.

Джейкоб то и дело болеет («простужается», по словам Сьюзен), но Рик не слишком над этим задумывается. Мальчик ведет сидячий образ жизни, заплыл жиром, так что это неудивительно. Он просто не в форме. Неплохой парень и нравится Рiku, но есть пределы... и грипп дает Рiku вполне законный предлог улизнуть, остаться наедине с собой. Что ни говори, а мальчишка повсюду таскается за ним. Как-то он даже дарит Рiku свою единственную пластиковую фигурку «Мутанта Макалоувилля».

— Есть и компьютерная игра, — поясняет он. — Каждый раз, когда убиваешь мутанта, получаешь право участвовать в гонках на старой машине. У меня была такая, но я отдал ее поиграть одному пар-

ню в школе, а тот переехал в другой город. Не слишком интересная. И саранча похожа на кур.

Рик наблюдает попытки командос мэра избавиться от «проблемы крабов»: огнеметы, ловушки, яд. Горящие крабы невыносимо смердят, а живые просто уносят ловушки волной красных тел. Жалкое зрелище. Пародия на ужастики пятидесятых!

Когда Дэ-Эн-Ка, кот Сьюзен, доползает до душевой кабинки, чтобы там подохнуть, и Сьюзен с плачем бормочет: «Они снова применили яд», ситуация уже не кажется смешной.

Однажды ночью Рик стоит на темном крыльце, наблюдая, как крабы маршируют через протекающий возле дома ручей. И внезапно понимает: они идут, потому что не могут иначе. Они полны мужества, их волю не сломить. А он? Найдет ли он в себе такое мужество? Есть ли у него хоть капля воли?

Наконец он ведет Джейкоба — на этот раз одного Джейкоба — на фильм пятидесятых и неожиданно для себя начинает подшучивать над Героем, Подружкой, Профессором и Полицией штата, над тем, как им все легко дается.

— Если бы жизнь не стоила борьбы, тогда все не было бы таким сложным, — к собственному удивлению слышит Рик свой голос. И сидя рядом с Джейкобом Ковингтоном, он вдруг понимает великое значение заботы о ком-то — о ком-то, кто нуждается в тебе и не имеет твоей силы.

На душе становится легче. Теперь он чувствует себя лучше. Спокойнее. Как истинный герой. Мальчик любит его.

Джейкоб засыпает: это большое, глупое, лунообразное лицо, «украшенное» очками, ложится на его руку во время третьего по счету фильма. И Рик его не будит, хотя рука затекла.

Когда зажигается свет, он видит на ладонях Джейкоба сыпь, которой раньше не замечал. Нужно не забыть сказать Сьюзен, когда они вернутся. Но, покидая театр, он случайно видит тыльную сторону ладони Джейкоба. Сыпь пропала. Может, все дело в освещении?

Потом они идут по Главной улице, заглядывая во все магазины подряд. Останавливаются, чтобы купить майки. Рик выбирает мальчику майку с насекомым — большой яркой пчелой, и на душе снова становится хорошо. Джейкоб тоже протягивает Рiku майку с насекомым — гигантской сороконожкой. Ничего не поделаешь, придется носить. Они надевают обновки и идут дальше. Поначалу Рик немного смуща-

ется, потом привыкает. По крайней мере, это не «мутанты Макалувиля».

Как-то ночью он достает фотографию Джошуа Ковингтона, смотрит на нее, потом на спящего Джейкоба и вздыхает. Отцы. Сыновья.

Назавтра он снова видит на руках Джейкоба сыпь и говорит об этом Сьюзен.

— Ничего особенного, — отмахивается та. — Это не заразно.

И кадр меняется. Мы видим, как...

Рик уничтожает запись репортажа. Свидетельство его былой славы. На его лице улыбка. Наконец-то он смирился с неизбежным. Остыл. Успокоился.

И тут происходит ЭТО.

Все смотрят телевизор в гостиной. Сегодня день выдался суматошным по части развоза бутылок с водой, а потом пришлось провести два часа в офисе клуба «Спаси болото», для которого Сьюзен помогает добывать средства. Передачу прерывает срочный выпуск новостей.

— Они выходят из моря в Галвестоне, — объявляет ведущий.

Кто именно?

Инопланетяне, разумеется. Выглядят как водяные трицератопсы, иначе говоря, трехрогие динозавры — с рогами будто из резины. Станные орды тучами лезут из Мексиканского залива, тащат за собой обломки старых кораблей и самолетов, жертв Бермудского треугольника. Злые, как черти. Глобальное потепление, способствующее нагреву подводных течений залива, послужило причиной разрушения их надежных придонных куполов, и они взбесились, готовые к мести. Снимки бегущих жителей Галвестона. Изображения истекающих водой тварей размером с танк М1 и такого же цвета. И все это вполне реально.

Рик слушает и к своему ужасу ощущает воодушевление. Прилив энтузиазма. Все начинается снова, говорит голос. Шанс возродить прежнюю славу.

Он пытается устоять. Урезонить себя. Неужели последние несколько месяцев ничему его не научили? Неужели он ничего не почерпнул от Сьюзен и Джейкоба? Он одинокий мужчина, одинокое человеческое существо, причем смертное, а здесь, в Кокскру, он обрел мир. Дом. Семью.

Тщеславие ядовитой коброй поднимает голову, но Рик сопротивляется.

— Здорово, — говорит он наконец, расплываясь в улыбке. — Пришельцы уничтожают техасские пляжи. И что теперь?

Сьюзен и Джейкоб смеются. Но смех почему-то кажется Рiku нервным. Странно, правда?

Он вдруг замечает кое-что. Освещение приглушенное, но он мог бы поклясться, что на ее локте — та же самая красная сыпь. Или это ему привиделось?

— У тебя ведь нет никакой сыпи, правда? — спрашивает он, перед тем как потушить свет.

— Нет, — поспешно отвечает она. И верно, когда он смотрит на ее локоть, все чисто. Никакой сыпи.

На следующий день домашний факс Сьюзен выдает короткое сообщение.

«Мистер Роу, вы нам нужны».

Подписано мэром Галвестона.

Еще через день получена телеграмма из техасского отделения министерства по чрезвычайным ситуациям.

«Нуждаемся в вашей помощи».

И эсэмэски, самые настоящие. Одна — из министерства по чрезвычайным ситуациям. Другая — из газеты.

«Говорят, к вам обратились по поводу галвестонского кризиса. Каковы ваши планы, мистер Роу?»

Рик, судорожно сжимая в руках сотовый, сдается.

И предстает перед Сьюзен.

— Я им нужен, — говорит он. — Действительно нужен. Придется ехать.

Его сердце кузнечным молотом бухает о ребра. Макалоувилль повторяется снова, и он намерен пережить еще одно приключение. Обязан. Она, конечно, поймет.

— Мужчина должен исполнять свой долг, — добавляет Рик. Кто-то когда-то изрек это. Какой-то киношный герой. В этом он уверен.

— Это ненастоящее, — утверждает она.

— Разумеется, настоящее, иначе бы в новостях такое не передали.

— Я не то хотела сказать.

— Тогда что ты хотела сказать? — Не дождавшись ответа, Рик цедит: — Я надеялся, что ты поймешь.

Он сердится. Если бы он действительно был ей безразличен, она бы поняла, так ведь?

— А может, ты нужнее нам, — тихо произносит она.

— Едем со мной... вы оба, — просит он, разом оживившись.

— Мы не можем, Рик. Это не наша история.

Она отворачивается. У Джейкоба снова простуда, и ей приходится каждый час ставить ему градусник. Предписание доктора.

— Мне очень жаль, — выдавливает он наконец.

— Не беспокойся.

Она, как всегда, отводит глаза, снимая груз с его совести.

— Я объясню Джейкобу, что произошло. Он поймет. Ты по-прежнему остаешься его героем.

Рик берет старый «форд»-пикап, все эти годы простоявший в гараже Сьюзен, и мчится по направлению к Галвестону. В фильме пятидесятых он оказался бы на скоростной автостраде, где можно лететь, подобно ветру, но нет, это автомагистраль с двусторонним движением, и мимо снова мелькают рекламные щиты со старыми брендами и слоганами: «Смотрите на США из окон вашего «шевроле», «Предмет первой необходимости — пена для бритья «Барма».

Немногие машины, едущие навстречу в ночи, оказываются такими же древними, как его «форд». Белый пунктир посреди шоссе завораживает Рика. Перед глазами проносится вся его жизнь. Мы видим кадры его глазами: Макалоувилль, родители, Бадди Блейлок и его машина, Сьюзен, Джейкоб, Чи-Чи Эскаланте. Мы видим все образы Рика Роу за последние несколько месяцев. Что-то с ним происходит. Мы не знаем, что именно, но это важно.

И наконец он видит себя саранчой: пришелец с широко расставленными глазами. Панцирь переливается голубым и зеленым. И каким-то образом это кажется вполне естественным.

Рик останавливает машину, разворачивается и едет назад. А добравшись до дома, застает там доктора. Рик смотрит на мальчика, доктора, Сьюзен и неожиданно понимает, что это была вовсе не простуда.

— Как долго это у него продолжается? — спрашивает он.

— С нашего прибытия.

Он понятия не имеет, о чем она. Прибытие?

— Что это... что у него? — спрашивает Рик.

— Мышечная слабость. Проблема с мышечными оболочками... не знаю, как это именуется в медицине. И не уверена, что диагноз правильный. Доктор Паттерсон никогда не видел ничего подобного.

— Разве ему не будет лучше в больнице? Со специалистами?

— Это невозможно.

— Проблема в деньгах?

Сьюзен, словно не слыша, поворачивается к доктору и Джейкобу, а Рик только и может, что выдать:

— Ему может стать хуже?

Она слегка улыбается, мельком смотрит на него, и он осознает, что любит ее улыбку. Чуть кривую... небрежную... и ее зубы, пожалуй, мелковаты, но он любит эту улыбку.

— Может, да... а может, и нет.

Она произносит это смиренно, почти обреченно, и он вспоминает, что Сьюзен всегда отвечает именно этими словами: «Может, да, а может, и нет».

Никаких заверений. Никаких клятв. Никаких обещаний размером с рекламный щит.

— Он боготворит тебя, — тихо роняет она.

— Но он совсем меня не знает.

— Знает то, что ему нужно знать.

Между ними долго висит неловкое молчание, все то время, пока доктор заканчивает осмотр спящего ребенка. Рик замечает руки доктора: по ним тянутся полосы той же красной сыпи, которая появлялась на руках Джейкоба в кинотеатре, а потом на локте Сьюзен.

Он пристально всматривается. Сыпь остается. Он видит, что она вполне реальна. Очень-очень реальна. Рик хочет сказать что-то, но доктор поднимает голову, и в его глазах нечто странное, словно он тоже боится взглянуть на него. Поэтому Рик Жизнерадостно объявляет:

— Будут и другие пришельцы, другие монстры, верно?

— Конечно, — отвечает Сьюзен. — Они всегда есть...

Она видит выражение лица Рика и понимает, что пора. Пора ему сказать. Протягивает руки, покрытые сыпью, но на его глазах красное превращается в голубое и зеленое, переливается, как крыло бабочки из дождевого леса. Так это не сыпь, а ее кожа!

И лицо... совсем не такое, как обычно. Глаза становятся невероятно синими, как пустота между звездами. Зрачков совсем нет, а зубы немного более острые, чем он запомнил. И сейчас осознает, что все это реально.

— *Иногда то, что ты хочешь*, — говорит она, хотя губы не двигаются, — *вовсе не так уж далеко*.

Он касается ее рук, и они оказываются куда тоньше, чем он помнит, и, кажется, на них лишние пальцы.

— *Это атмосфера твоей планеты*, — говорит она, — *так на него*

действует. Поэтому он болеет. Но хочет оставаться здесь. Это все, что у него есть. Ведь он здесь вырос. И потому именно он может стать мостиком между нами и вами.

Ты нам нужен, Рик, — говорит она. — Мы сразу поняли, что ты именно тот, кто нам необходим, когда увидели тебя в тот день по телевизору. Знали, что ты не испугаешься. Что именно ты из всех людей способен помочь...

Он тарашится на нее, потеряв дар речи. Но если бы даже и мог говорить, что тут скажешь?!

— Это я, — добавляет она, — заставила мэра позвонить тебе. Он не из наших. Нас здесь только пятеро. Отец Джейкоба был шестым. Нам было необходимо завлечь тебя сюда. Прости.

Он все еще держит ее руки. Зелено-голубая кожа должна бы вызывать чувство брезгливости, но почему-то этого не происходит. Она все та же женщина, которую он знает, даже если стала чем-то иным.

Рик кивает.

Сьюзен подступает к нему, кладет руки на плечи, так что глаза без зрачков оказываются всего в нескольких дюймах от его глаз, и обнимает. Крепко обнимает. До чего же хорошо!

Он отчетливо сознает, что они должны испытывать: Сьюзен, Джейкоб, доктор — оставшись здесь одни. Не зная, что с ними будет. Впрочем, их тела не слишком отличаются от его собственного.

— В конце концов, все мы вышли из одного галактического семени, верно? — спрашивает голос, который всегда говорит в подобной манере.

И тут он видит на ее предплечье татуировку: ужасно патристический орел, сжимающий в когтях связку стрел — то, чего не было несколько дней назад. То, что она сделала ради него.

И это лучше всяких объяснений говорит о ее чувствах. Кем бы Сьюзен ни была, она любит его, а разве не это самое главное, самое важное во Вселенной?

Мы растворяемся в синем небе.

Или звездах.

Или в новорожденном младенце.

Или в чем угодно.

Во всем, что кажется нужным и правильным.

Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА

© Bruce McAllister. Hero, the Movie. 2005.

Печатается с разрешения журнала «Fantasy & Science Fiction».

А Л Е К С А Н Д Р   Г Р О М О В

ЗМЕЁНЫШ

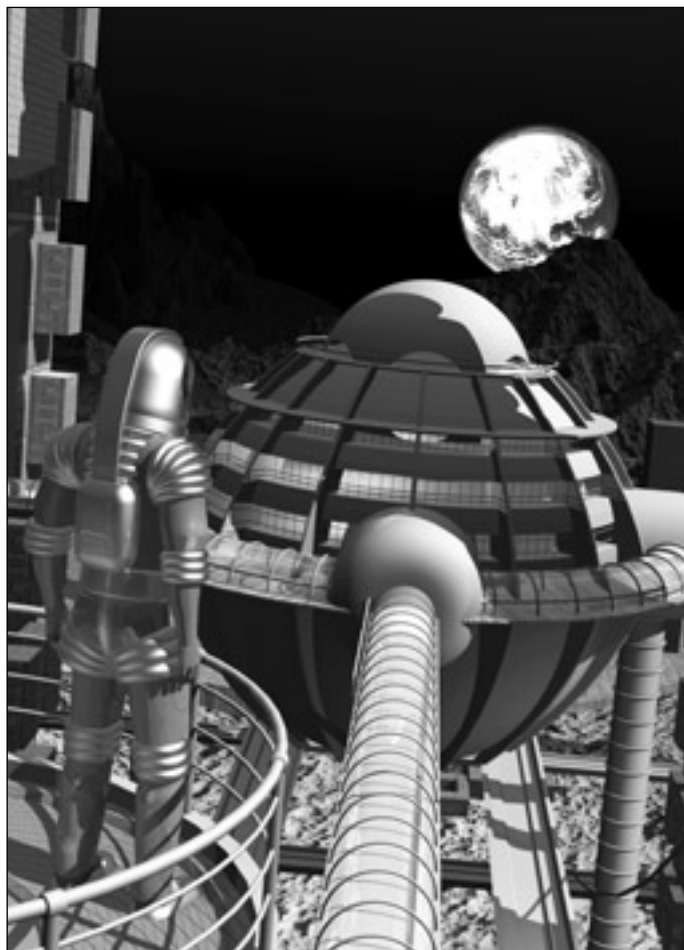

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

1.

Первыми были ауригийцы. Сначала в экстренных выпусках общемировых теленовостей, а затем и в наскоро сляпанных научно-популярных программах косноязычные от волнения дикторы подчеркивали разницу между ауригийцами и ауригидами. Разница эта заключалась в том, что последние являлись всего-навсего метеорным потоком с радиантом в созвездии Возничего, а первых следовало считать не более и не менее, чем представителями высокоразвитой цивилизации, обжившими область галактического пространства, предположительно находящуюся в направлении того же созвездия.

Сказать точнее было трудно. Однако межзвездный зонд «Пелопс», в свое время посланный в направлении созвездия Возничего и уже преодолевший почти два парсека, внезапно и необъяснимо оказался вновь в Солнечной системе, где немедленно разразился паническими радиовоплями во всех доступных ему диапазонах частот. Из хаоса сигналов удалось понять немного: искусственный интеллект зонда натуральным образом свихнулся, встретившись с тем, чему не находил объяснения.

Потрошение зонда принесло очень немного информации. Несомненно, зонд принял обрывок какого-то сигнала и, заподозрив его в искусственности, попытался дешифровать. Затем было зафиксировано появление перед зондом некоторого количества неизвестных космических тел — зафиксировано по их собственному тепловому излучению, ибо радиолокация не дала ровным счетом ничего. Да и что она могла дать, если отраженный от объектов сигнал попросту не успел достичь приемных антенн зонда? В одно мгновение «Пелопс» был отброшен туда, откуда много лет назад начал свое дальней странствие.

Каким образом был преодолен световой барьер — это еще предстояло осмыслить лучшим умам планеты. Важнее было другое: самые ближние, по галактическим меркам, окрестности Солнечной системы оказались заняты иной, чуждой человечеству цивилизацией, не пустившей землян в свои пределы. Более того — отфутболившей космический аппарат с такой же легкостью, с какой дачник сшибает щелчком бестолкового муравья, заползшего на обеденный стол. И с таким же пренебрежением.

Голова шла кругом. Правда, не у всех. Как ни удивительно, политики оказались на высоте. Уния Наций потребовала и получила средства на создание мощных военно-космических сил, подчиненных исключительно Штабу Оборона при Правительстве Объединенного Человечества.

Нашлись скептики, вопрошавшие: к чему? Стоит ли трепыхаться, если противник заведомо сильнее? В течение почти целого столетия человечество по присущей ему глупости демаскировало себя, выбрасывая в космос гигаватты энергии в диапазонах телевидения. Если наши соседи не полные идиоты, они, несомненно, не только обратили внимание на повышенный радиодфон от заурадной желтой звезды, но и сполна насладились программами земных новостей, мыльными операми, телешоу и рекламой. Хуже того, самонадеянные ученые глупцы, превратно понимающие идеи гуманизма, не раз отправляли послания братьям по разуму, пользуясь деньгами налогоплательщиков. Ну и что же вы теперь хотите? Налечь всем миром и разом исправить ситуацию? Не выйдет. Разом такие дела не делаются. Да вы и не сможете отказаться от своего привычного образа жизни ради противодействия какой-то дальней, пока еще гипотетической угрозе. Сможете? Вы уверены? Ха-ха. Да вы на себя-то посмотрите как следует. В зеркало. Наедине. Попытайтесь быть честными хотя бы с самим собой. И если вы скажете, что перед вами не легкомысленный эгоист, то вы еще и лжец к тому же.

Скептиков били, заставляя прикусить злые языки. Щупая пластыри и шипы, побитые кулачно завидовали побитым словесно. На митингах в разных точках Земли возмущенные толпы затоптали насмерть нескольких ораторов. Эти уже никому не могли позавидовать.

Вторыми были сагиттяне. Они действовали иначе. Пилотируемый корабль «Эратосфен», добравшийся едва ли не до внешней границы облака Оорта, был встречен чужими кораблями и получил внятное приказание убираться восвояси. Для большей убедительности чужаками был мгновенно аннигилирован ледяной астероид, лишившийся таким образом шанса когда-нибудь стать ядром кометы. Вспышку в созвездии Стрелы зафиксировали и земные астрономы.

«Эратосфен», разумеется, убрался прочь. О том, как экипаж вел к Земле корабль с ослепшими приборами, можно было бы написать героическую сагу, но дело не в этом. Отдельные трудности отдельной людей меркли перед главным событием: обнаружены еще одни чужаки!

Позднее были найдены и третьи, и четвертые...

Шли годы. Мало-помалу в массовом сознании откладывалась истина: Галактика уже поделена. Человечество опоздало на дележ. Если прежде считалось, что лишь законы природы могут положить предел человеческой экспансии, то теперь этот тезис был опровергнут резко и грубо.

Одна лишь Солнечная система... Вечное детство цивилизации в огороженной резервации. Возня в песочнице...

«Песочница» милитаризировалась с поразительной быстротой, но все равно медленнее, чем хотелось Штабу Обороны. Вот когда наступила пора настоящего хозяйственного освоения планет и их спутников! Боевые корабли и станции повисли на орбитах. Засновали туда-сюда грузовозы. На дальних задворках пояса Койпера испытывались новые, разрушительнейшие средства ведения войны. Вновь оживились голоса скептиков, уверявшие, что муравей может, конечно, попытаться нарастить себе жвала побольше и поострее, но все равно останется муравьем. Хотя и скептики не могли отрицать явного прогресса в освоении Солнечной системы.

Дальше ее границ человечеству не было хода. Все попытки вступить в переговоры с соседями либо отклонялись, либо просто игнорировались. Для чуждых цивилизаций, поделивших между собой ближайшее звездное пространство, человечество заведомо не являлось достойным партнером.

Однако не последовало и вторжения. Возможно, с точки зрения соседей, цель не оправдывала средств. Некоторые идеалисты-ученые выступили с мнением, будто уважение к братьям по разуму есть универсальное свойство любой высокоразвитой цивилизации, и толковали о Земле как о некоем заповеднике для слаборазвитых, но перспективных собратьев. Военные и политики смеялись над «этим детским лепетом», предполагая, что чужаки поддерживают баланс сил, руководствуясь доктриной гарантированного взаимоуничтожения, которая только и мешает какой-либо из ближайших цивилизаций присоединить к своим владениям Солнечную систему. Нашлись мудрецы, уверявшие, будто логика чужаков настолько отлична от человеческой, что постичь ее мы все равно не в состоянии. Объявились и мрачные философы, толкующие о кажущейся свободе воли и убежденные в том, что покорение человечества чужаками давно уже состоялось, только этого никто не заметил, ибо можно вечно плясать под чужую дудку, если уверен, что дудка — своя. Одно время тон задавали алармисты, кричавшие, что вторжение вот-вот начнется, противник накапливает силы, ждите. Но год проходил за годом, десятилетие за десятилетием, и аргументы алармистов ветшали, грозя обрушиться под собственной тяжестью. Ну в самом деле, сколько можно готовиться и ждать?! Вечно? Вечность — это довольно долго.

Так или иначе, земная цивилизация была вроде бы оставлена чужаками в покое. Ограниченная в экспансии, вынужденная искать новый смысл существования, униженная самим фактом наличия поблизости более могущественных соседей, наращивающая панцирь внеш-

ней обороны, погрязшая в извечных внутренних противоречиях... и так далее, и так далее.

Зато живая.

2.

Шел самый обычный рейс.

Грузовик с невыразительным названием «Вычегда-014» совершал заурядный полет по маршруту Луна — Меркурий. Системы корабля работали нормально, экипаж отдыхал. Близилась к концу инерционная фаза полета.

Командир корабля Максим Волков сражался с пропитанным потом шерстяным трико, пытаясь свернуть его и убрать в стенной бокс. Хотелось ругаться. Это желание командир давил в себе как абсолютно бесполезное. Ругайся не ругайся, а возможности отвода тепла исчерпаны. Теперь до самого Меркурия, когда наконец удастся нырнуть в тень планеты, температура внутри корабля будет только расти, и ничего с этим не поделаешь.

— Сауна, — хрипловато проговорила Барбара, бортинженер и старшая жена. — Давно надо было раздеться. Ты вспотел.

Максим скосил глаза на свою волосатую потную грудь, на впалый потный живот, затем на обнаженное тело жены, также покрытое бисеринами пота и не возбуждавшее сейчас никаких желаний, хлюпнул подмышкой и кивнул, соглашаясь.

— Сауна и есть. Только без бассейна.

— Прими душ.

— Он теплый. Кроме того, у нас и так полно грязной воды.

Как на всех кораблях ближнего радиуса действия, жидкие стоки на «Вычегде» не очищались, а подвергались электролизу. Судя по наличному уровню жидких отходов, заключенного в них кислорода хватило бы на половину обратного пути.

— Потерплю, пока терпится, — сказал Максим.

— Только не включай вентиляцию на полную, — предупредила, вплывая в рубку, Карина, врач и младшая жена. В Роскосмосе издавна предпочитали иметь дело с семейными экипажами и плевали на ханжескую мораль. Была бы польза, а остальное несущественно.

— Знаю, знаю.

Он и в самом деле хорошо знал коварство космических сквозняков. Здесь они чреватые не заурядной простудой, а крайне болезненным воспалением мочевого пузыря, неизлечимым в невесомости. Самому довелось испытать, и худшей пытки Максим придумать не мог. Повезло, что рейс тогда подходил к концу. Довезли, доставили... Успели.

И даже вылечили, вернули в строй. Сочли достойным кадром. Повезло. А ведь могли подлечить кое-как и дать пинка. Несмотря на свое гордое имя, Роскосмос, незначительная компания со смешанным капиталом, войдя в Международный Аэрокосмический холдинг, все равно прозябала в малорентабельных сферах деятельности. О крупных субсидиях она могла лишь мечтать, работая там, где другие видели либо слишком малую выгоду, либо чересчур большой риск. Право освоения редкоземельных месторождений Меркурия она получила лишь из-за отсутствия других желающих.

Меркурианские постройки зарылись в грунт. Работа на рудниках шла вахтовым методом. Погрузка металла на грузовые корабли могла осуществляться только в течение меркурианской ночи — к счастью, достаточно долгой.

Корпус «Вычегды», как и всякого другого корабля, предназначенного для рейсов во внутренние области Солнечной системы, был покрыт многослойным светоотражающим материалом. Скорость его эрозии от столкновений с космическими пылинками просто пугала. При посадках на обшивку ложилась местная пыль, меркурианская и лунная. После каждого рейса «Вычегду» чистили, полировали по тринадцатому классу чистоты и наносили напыление заново.

Ходили упорные слухи о том, что компания собирается сократить расходы на обслуживание меркурианских кораблей, удвоив срок их службы с одним покрытием. Один росчерк пера — и готово. Максим боялся об этом и думать. Уже сейчас интегральное альбедро корабельной обшивки упало с 92 процентов до 89. А будет еще хуже. Еще один рейс с тем же покрытием... Лучше уж вовсе не жить на свете.

Даже сейчас — сауна. Но можно терпеть. Особенно если нагншом.

Жены ворковали о чем-то своем. Максим поплыл по рубке, без особой нужды вглядываясь в индикацию бортовых систем и стараясь не прислушиваться. Задача командира и мужа, как он ее понимал, заключалась в том, чтобы один раз все путём наладить, не размениваясь впоследствии на ежеминутный мелочный контроль. Он считал, что у него получилось. Поначалу, правда, Барбару ужасно возмутило его намерение взять вторую жену. И ведь не сам захотел — жизнь заставила. Старые двухместные посудины повсюду списывались в утиль. Экипаж корабля класса «Вычегда» — три человека (договаривай в уме: связанных семейными узами). Старший сын недавно пошел в школу, младшего приучали к горшку. Для супругов, желавших остаться в компании, выбор в сущности невелик: Максиму брать младшую жену — или Барбаре младшего мужа?

Скрепя сердце Максим пошел бы и на второй вариант, но Барбара, поплавав сколько положено и выслушав тысяча сто третье уверение в любви, согласилась на первый.

Оказалось — ничего страшного! Жены быстро поладили между собой и скоро начали устраивать мелкие женские заговоры. Жизнь стала насыщеннее и кое в чем интереснее.

На экране переднего обзора Меркурий, ноздреватый и ущербный, напоминал Луну, как ее видно с Земли. Громадный, услужливо притемненный автоматикой диск Солнца не вызывал ничего, кроме раздражения. Еще несколько часов тепловой пытки — и корабль, повернувшись к планете хвостом, начнет торможение, из дюз вырвется поток ионизированного ксенона, и вернется тяжесть, и противно зануют, завибрируют переборки... А потом «Вычегда» нырнет в тень планеты. И это будет счастье.

Противно пискнуло. Максим помедлил с полсекунды, пока до него дошел смысл звука данной тональности. Сигнал был из числа редчайших: в опасной близости от корабля локаторы зафиксировали постороннее тело.

Казалось бы, в набитой битком Солнечной системе космос все равно достаточно обширен. Неопасный микрометеорит — это пожалуй ста. Песчинок — сколько угодно. Но встреча с каменюкой, способной серьезно повредить корабль и даже фиксируемой локаторами — большая редкость. Даже в ближнем Внеземелье мусора теперь не так уж много.

— Держитесь! — крикнул Максим женам и сам вцепился в первую попавшуюся скобу. Сейчас должен был последовать автоматический маневр уклонения.

И вправду — дернуло. Несильно. Максим ожидал куда более резкого рывка. Он подумал, что катастрофы не произошло бы и без маневра. Просто-напросто компьютер-перестраховщик счел полезным уменьшить вероятность столкновения с одной миллионной до нуля.

Новый писк.

И новый рывок.

Да что же это такое, черт побери! Метеоритный рой? В этой области пространства? Бред. Исчезающе малая вероятность.

Но не верить реальности — глупо. Сюрпризы космоса всегда неожиданны. А делятся они только на три категории: плохие, очень плохие и хуже некуда.

— Он один! — крикнула Барбара. С ее места был хорошо виден экран корабельного локатора.

— Чушь! — рывкнул Максим.

— А я говорю, он один. Округлое тело около полуметра в поперечнике, альбеде 98 процентов... ого! Идет курсом сближения.

Еще один рывок, сильнее предыдущих. Скоба больно врезалась в пальцы.

— Да что он, маневрирует, что ли?! — не выдержал Максим.

— Вот именно, — спокойно сказала Барбара.

— Идентифицируется? Проверь.

— Уже. В базе данных нет аналогов.

— Ясно...

Ничего на самом деле не было ясно Максиму Волкову. Искусственное тело? Здесь? Но зачем?

По скобам он добрался до кресла. Пристегнулся. Та-ак, что тут у нас?

То, что старшая жена не шутила, он понял еще до того, как взглянул на экран. Глупая была бы шутка. И несвоевременная. А экран показывал медленное приближение объекта к «Вычегде», и сбитый с толку корабельный компьютер, сняв с себя ответственность, запрашивал о дальнейших действиях.

Подождет...

Максим лихорадочно думал. Корабль все еще шел в границах штатного «коридора». Легкая коррекция — и он вернется на оптимальную траекторию. Попытка оторваться от неопознанного привязчивого объекта означает расчет нового курса, перерасход ксенона и — самое главное — лишние часы, а то и сутки до нырка в спасительную тень.

Чем это чревато, было известно. В позапрошлом году из-за сбоя в системе управления погибла «Жиздра». Времени, проведенного ею под ливнем солнечной энергии, хватило, чтобы в танках закипела вода, предназначенная для меркурианских рудников. Стравить пар экипаж не сумел. Корабль просто взорвался, как перегретый паровой котел.

Рискнуть?

Можно. Но где гарантия, что после маневра объект отвяжется?

— Идет на нас, гасит скорость, — деревянным голосом сказала Барбара.

— Вижу.

Гасит скорость — это хорошо. Оружие так себя не ведет, будь оно человеческим или инопланетным. Окажись мирная «Вычегда» боевым кораблем — чужак уже десять раз превратился бы в облако газа. Одна команда с центрального боевого поста — и привет. С другой стороны, имей чужак откровенно агрессивные намерения, «Вычегда» уже перестала бы существовать.

В том, что «Вычегду» преследует именно чужак, сомнений не оставалось. Объект, который не идентифицируется, не может быть земным.

Нет, аналогия все же есть... с первым русским спутником Земли. Такой же блестящий шарик, разве что без антенн. Максим вывел на монитор увеличенное оптическое изображение. Н-да, шарик... В косых лучах Солнца он выглядел полумесяцем и увеличивался, наплывая на «Вычегду». Ослепительно сверкал освещенный бок.

Мысли Максима по-прежнему скакали. Радировать на Землю? На Меркурий? Да, но какой смысл? С Меркурия ничем не помогут, а с Земли не успеют помочь даже советом. И все же... Если случится худшее, пусть люди знают.

— Передай всем: «Наблюдаем приближающийся малоразмерный объект искусственного происхождения», — приказал Максим старшей жене. — Только это и больше ничего.

Он не хотел сотрясать эфир паническими воплями: все равно от них не было бы никакого толку. А так — лаконично и достойно. Вроде предсмертной записки, брошенной в бутылке с борта тонущего судна.

3.

— Ты все-таки прими душ. — На протяжении одной фразы тон Карины успел измениться с участливого до непререкаемого. — Настаиваю как врач.

Максим судорожно дышал, словно несчастный карп, которого жаривает живьем китайский повар-изувер. Без помощи жен он вряд ли сумел бы покинуть обжигающе-горячий скафандр.

Сам виноват — вышел в открытый космос. Всего на пять минут. Последние две минуты были истинной пыткой.

А всё любопытство... Хотя Максим знал, что в подробном отчете, который с него наверняка потребуют, он напишет «осторожность» или «предусмотрительность». Пусть так. Одно другому не мешает. А что оставалось делать, когда сверкающий шарик, приблизившись к «Вычегде», уравнил скорости и прилепился к обшивке? Тупо ждать?

Невозможно. Психологически неприемлемо. Неизвестное надо потрогать, если не доказана его однозначная опасность. Притронувшись — осмелеть и изучить. Понять, для чего оно. На том выросла человеческая цивилизация — от австралопитеков до людей Космической эры. Страх перед неизвестным велик, но любопытство сильнее. Любопытство — азартная игра с возможностью либо продуться в пух, либо крупно выиграть. Нелюбопытный не выигрывает никогда.

— Иди в душ, — настаивала Карина.

— Сейчас... — просипел Максим. — Ты гляди, он холодный...

Потная ладонь оставила след на сверкающей поверхности шара. Тот поплыл было в сторону, но сейчас же вернулся. Казалось, он в свою очередь изучает людей. Вильнул к Максиму, покружился вокруг Барбары и заинтересовался Кариной. Потный след на нем постепенно растаял, как тает на зеркале туман от дыхания.

В душевой кабине на Максима обрушился шквал противно теплого воздуха с отвратительно теплой водой. Но стало все же легче.

Вплыл в рубку — да так и повис лягушкой, разинув рот от изумления. Шара больше не было. Вместо него на коленях у голой младшей жены удобно устроилось небольшое человекоподобное существо, тоже совершенно голое, и Карина, умильно сюсюкая, гладила его по лысой голове!

Из взвихренных мыслей Максима родился не самый умный вопрос:

— Это... зачем?

— Превратился, — объяснила Барбара. — Сначала цвет поменял, потом стал вместо шара этакой амебой, ну а потом... В общем, сам видишь. По нашему образу и подобию. Жалко, не засняли процесс. Сначала испугались, а потом...

— Что потом?

— Успокоились. Сообразили, что это живое существо. Вот, налаживаем контакт...

На взгляд Максима, налаживанием контакта занималась главным образом младшая жена, и делала это своеобразно.

На всякий случай Максим, подплыв поближе, взглянул на то место, где полагалось находиться гениталиям существа. Результат одновременно успокоил и озадачил: гениталии отсутствовали. Напрочь.

Отсутствовали и глаза. Нет, веки и выпуклости глазных яблок находились на месте — вот только не были они никакими глазами. Тот же равномерный цвет, близкий к нормальному телесному. Имитация. Греческая статуя.

Рот — ну да, рот был. Хорошо еще, что один, а не два. Но Максим не был уверен, что розовые губы — улыбающиеся, черт возьми! — могут разлепиться, открыв ротовое отверстие. Тоже, наверное, имитация.

Манекен. Живой и двигающийся манекен. Дружелюбный до приторности, как и положено манекену.

Дружелюбный-то дружелюбный, но вот гладить Карину по груди инопланетной лапкой — это слишком! А по шаловливым ручонкам разводным ключом не получал?

— Лучше бы ему остаться амебой, — высказал мнение Максим. — А еще лучше — шариком.

— Почему?

— У шарика ложноножек нет...

Ага! Чужак проворно отдернул конечность и заметно съежился. Ну то-то! Эмоции он, что ли, ощущает? Это правильно. Ценное для самосохранения свойство.

— Ты его напугал, — с осуждением сказала Карина. — Видишь, он боится.

— Лучше он, чем мы, — парировал Максим.

— Большой дядя, сердитый дядя, глупый дядя... — ворковала младшая жена, склонившись над чужаком. — Не бойся, мы тебя в обиду не дадим, мой маленький...

— Ты уж не раздражай его понапрасну, — рассудительно заметила Барбара. — Мы же не знаем, на что он способен.

Тут был резон. Инопланетное существо — раз. Не скованное моральными нормами землян — два. С неизвестной логикой — три. С неизвестной биологической природой и неизвестными физическими возможностями — четыре. Хотя одну возможность только что можно было наблюдать — возможность запросто путешествовать в космическом пространстве безо всяких технических средств. Да еще там, где любое белковое существо в четверть часа изжарилось бы заживо. Но все-таки скорее организм, чем механизм. Интересный гость...

— Откуда он, хотелось бы знать, — проговорила Барбара.

— И думать нечего, — проворчал Максим. — Это серпентиец.

— Почему ты так считаешь?

— Очень просто. Метод исключения. Он не ауригиец, не аквилянин, не сагиттянин и не пикторианец. Об этих нам все же кое-что известно. Он наверняка не тауриец и не гидриянин, иначе нас уже не было бы в живых. Остается считать, что он серпентиец, созвездие Змеи. О серпентийцах мы твердо знаем только то, что их цивилизация существует. Помню, высказывалось предположение, что они метаморфы и не привязаны к конкретным планетам. Совпадает.

— А если он из тех, кого мы вообще не знаем?

— Зачем умножать сущности? Пусть будет серпентиец. Возражения есть?

— Да мне вообще-то все равно, — блаженно проворковала Карина. — Он милый и ласковый. Пусть хоть из созвездия Резца, лишь бы не резал...

— Он не режет, — с задумчивостью, не сулящей ничего хорошего,

констатировал Максим. — Он, я гляжу, мастер совсем иного профиля. Нравится, а?

— Приревновал! — захохотала Барбара. — У султана уведят полга-рема!

— Допустим, еще не приревновал, а меру знай.

— Ты-то чересчур хорошо меру знаешь. От тебя разве дождешься внимания?

Вечное женское... Максим знал, что Барбара была права. Отчасти. Но правда такая вещь, что иногда о ней лучше бы помолчать для общей пользы.

— Глупый, — нежно проворковала Карина. — Это совсем другое. Он как ребенок, живой и беззащитный. Мой ребенок, понимаешь?

Это Максим понимал. Карина хотела иметь детей, и Максим теоретически был за. Против был семейный бюджет. Потом, через несколько лет — другое дело. Если удастся сколько-нибудь скопить. Но ни в коем случае не сейчас.

Ее ребенок? Ее кукла! Живая игрушка. Эрзац.

Сейчас Максиму очень хотелось избавиться от пришельца — скатать его обратно в шар да и вытолкнуть из шлюзовой камеры туда, откуда он взялся. От греха подальше. Как капитан Максим чувствовал себя обязанным исправить сделанную глупость. Но... с женщинами можно спорить только поодиночке. Две женщины, если они объединятся, почти непобедимы.

И Максим отступил. Риск? Конечно. Зато в случае удачи — крупные премиальные и настоящий, а не выдуманный ребенок у Карины. Пусть существо пока поживет в корабле, авось не станет гадить где попало. Если повезет, в свой срок загремят фанфары и зашеледят купюры. Кто может похвастаться тем, что не только встретился с живым инопланетянином, но и привез его на лунную базу?

— Смотри, — промурлыкала Карина, — он ест.

Она выдавила из тюбика на ладонь колбаску плавленого сыра. В тот же момент колбаска исчезла, накрытая ладонью существа.

— Кушай, маленький. Ну давай. За маму, за папу...

Существо издало низкий вибрирующий звук. Чужая ладонь-ложноножка нехотя сползла с ладони жены. Ладонь была чиста — сыр исчез.

Максим шумно вздохнул и отвернулся.

4.

То, что чужак-метаморф оказался всеядным, еще полбеды. Хуже то, что он оказался всеядным в самом широком смысле. Человече-

скую пищу он уминал более чем охотно, но и неорганика его вполне устраивала. Кресло, в котором младшая жена опрометчиво оставила существо, за полминуты пришло в полную негодность. Прекрасное противоперегрузочное кресло! Метаморф объел его, как яблоко. И в этом отгрызке Максим промучился все этапы предпосадочных маневров, торможения и посадки. Великое счастье, что «Вычегда» садилась на Меркурий, а не на Землю, и что посадка прошла нормально. В итоге у Максима всего-то навсего разболелась спина. Могло кончиться и хуже...

Например, повреждением позвоночника. А то и катастрофой, если бы прожорливому чужаку позволили приблизиться к блокам управления или приборам. К счастью, спохватились вовремя. Максиму представилась жуткая картина: непрерывно жрущая и увеличивающаяся в объеме амеба, противно гудя, начисто выедает корабль изнутри, после чего начинает глотать скорлупу обшивки... Космический глист!

Сейчас насытившийся чужак вновь свернулся в гладкий шар, переваривая поглощённое. Его устроили в изувеченных остатках кресла. А Максим лежал на полу, и Карина массировала ему спину. Корпус «Вычегды» слегка содрогался — шла погрузка. Ею пришлось руководить Барбаре.

Ничего, справится. Сдал — принял. Всего-то с десяток документов, девять из которых — внутрикорпоративные. Плюс собственно погрузка. Стоило бы, конечно, приглядеть, но...

— Больно? — участливо спросила Карина.

— Терпимо... Слышь? Урчит, гад.

— Ничего он не урчит. — Карина также посмотрела на чужака. — Это тебе кажется. Знаешь, от него идут какие-то эманации... ну, страха там или еще чего. Он открыт, все его эмоции на виду. Сначала он боялся, я это чувствовала. Очень боялся. Потом ему стало хорошо, и он дал нам это понять.

— Вот-вот, ему-то хорошо... Какая новость! Теперь этот межпланетный троглодит для нас важнее всего. Его уже сейчас не выпихнешь через шлюзовую, если он сам того не захочет. На нас — тьфу, перебежеся как-нибудь. Что еще ты предложишь ему сожрать? Наш провиант? Груз? Реактор? Может, меня? Имей в виду, я против.

— Не говори глупостей, — мягко возразила жена. — Все обойдется, вот увидишь.

— Ну да! Однажды проснусь наполовину переваренный и увижу, как он доедает тебя и гоняется за Барбарой... Уй!

— Ну вот, сам сделал себе больно. Лежи, не дергайся. Сейчас вотру мазь, и будешь как новенький. А что до этого малыша...

— Ничего себе малыш! Ой!..

— Лежи спокойно, говорят тебе. Он малыш, понятно? Я это сразу почувствовала, и Барби тоже. Совсем маленький инопланетянин-метаморф, может быть, даже новорожденный. У него пока одни инстинкты, но он разумный, он учится. Знаешь, мне это даже нравится. Какая земная женщина может похвастать, что выкармливала и обучала инопланетного младенца?

— Все равно ведь отберут, — мрачно сказал Максим. — Сказано ясно: доставить на лунную базу по возможности живым и неповрежденным. Приказ получен, подтверждение отослано. Радуйся, он останется с нами до Луны. Можешь нянчиться с ним, пока он не сожрет корабль.

— Он не сожрет. Мы объясним ему, и он поймет. Я чувствую, что он хочет нас понять.

— С какой целью? Может, гастрономической? Когда я покупаю колбасу, я тоже хочу понять, свежая ли она. Будь моя воля...

— Что — будь твоя воля? Убил бы малыша? Сжег дюзами?

— Еще чего. Оставил бы здесь, на Меркурии. С его аппетитом — тут ему самое место. Он бы штреки в шахтах проедал и штольни всякие... О-ой! Ты нарочно, что ли?

— А ты не городи чепухи. Все, теперь полежи с полчаса и можешь вставать.

Карина ушла, оставив за собой последнее слово. Когда с ней вступал в спор не муж и командир, а всего-навсего пациент, исход всегда бывал понятен с самого начала.

Зато спине и вправду стало легче, и, выждав полчаса, Максим встал без особых стенаний. Судя по звукам, погрузка продолжалась. Надо бы пойти взглянуть. В редкие моменты полной тишины было слышно, как потрескивает корпус корабля, отдавая тепло. Температура внутренних помещений уже давно упала до терпимой. Скоро станет холодно, и придется кутаться, но перед тем наступит час-другой блаженной прохлады. Это ли не счастье?

Покажите изжаренному на солнце бедуину кусок льда — он завопит от восторга. Максим не вопил только потому, что уже привык. Он наслаждался молча. Не будь здесь этого чужака со звезд, наслаждение было бы полным.

— Ну, — неласково спросил Максим пришельца, — что молчишь?

Покоящийся в руинах кресла шар негромко зажужжал.

— Я еще могу понять, зачем ты нужен им, — Максим ткнул пальцем в том направлении, где, по его понятиям, брела вдали от солнечной ярости Земля, волоча за собой горошину Луны. — Я другого не могу понять: на кой черт ты сдался мне?

— А ты не городи чепухи, — раздался вдруг голос сквозь жужжание.

— Что-о?

— Полежи с полчаса и можешь вставать, — сообщил шар.

— Та-ак!.. Карина!

Жена явилась сразу. За недолгий период супружества она научилась до тонкостей разбираться в интонациях мужа. Что, однако, не помешало ей начать с вопроса:

— И что ты ревешь, как осел?

Максим был слишком взволнован, чтобы цепляться к сравнению с малопочтенным непарнокопытным.

— Он разговаривает! Твоим голосом!

— Кто?

— Догадайся с трех раз.

— Малыш? — Карина внимательно оглядела шар, затем мужа. — Тебе случайно не послышалось? Чем он может разговаривать?

— А чем он может жужжать? Допустим, всей поверхностью. Или чем-то внутри. Вот послушай, сейчас он еще что-нибудь выдаст.

Помолчали. Молчал и шар. Даже перестал жужжать.

— С-скотина! — не выдержал Максим.

— Ты перенервничал, — участливо отозвалась Карина. — Тебе нужно успокоиться. Возьми себя в руки, ты же командир.

— Я спокоен!

— Повтори еще раз и на десять децибел тише.

— Я спокоен. Спокоен. Спокоен.

— Уже лучше. Значит, ты слышал, как он разговаривал?

— Да, и повторял твои слова. Как попка.

— А твои нет?

— Еще не хватало!

Карина улыбнулась мужу той снисходительной улыбкой, которую он терпеть не мог. Максим хотел уже было рявкнуть, но только разинул рот, потому что Карина приблизилась к чужаку и нежно погладила его по лоснящемуся боку.

— Ну успокойся, маленький, не надо бояться... Дядя хороший, он просто пошутил. Давай его простим, а? Хороший дядя, хороший, и ты у нас хороший, ты у нас самый лучший, лучше всех...

— Ну и зачем тебе это надо? — только и спросил Максим, когда поглаживание кончилось и чужак вновь тихонько зажужжал.

— Значит, надо. Что ты знаешь о созвездии Змеи?

— Только то, что это единственное созвездие, топологически разорванное на две части. Строго говоря, это два созвездия: Голова

Змеи и Хвост Змеи. Разделены созвездием Змееносца. — Максим наморщил лоб. — Ярких звезд, кажется, не содержат... Или содержат? Погоди-ка... Альфа Змеи — оранжевый гигант ярче третьей величины.

— И это все? А что ты знаешь о серпентийцах?

— М-м... почти ничего. Не знаю даже, где их родина — в Голове или Хвосте Змеи. Кому нужно, наверное, знает о них больше. Секретная же информация. А что?

— Ты спросил, зачем мне это надо, — отозвалась Карина, продолжая улыбаться чуть-чуть снисходительно. — Попытаюсь объяснить на доступном тебе уровне. Ты можешь считать, что я сюсюкаю, дело твое. Что считаю я, в данном случае несущественно. А «тот, кому нужно», скажет, что я устанавливаю первый в истории человечества эмоциональный контакт с существом чуждой нам природы. Подбираю, так сказать, к нему ключики. Отмечу сразу: подобная точка зрения мне отвратительна, но по сути так оно и есть. А теперь ответ: чья точка зрения более весома. Неужели твоя?

— Где уж, — буркнул Максим. — Более весома, конечно, не моя. Моя зато более практична. Вот сожрет он корабль на обратном пути...

— Не сожрет. Он сыт. А когда проголодается, я попрошу его не есть все подряд. И он меня послушается, спорим?

Максим пожал плечами. В голосе Карины было столько уверенности, что спорить не хотелось. Вдобавок кто признал бы победу командира, если бы он выиграл спор? Некому признавать.

Ну их к лешему, такие споры.

— И что ты ревешь, как осел? — внезапно произнес чужак голосом младшей жены.

Хотя Максим молчал.

5.

Кресло восстановили, изведя на него два тюбика полимерной пены. Чужака, от греха подальше, поместили в спальном отсеке, чтобы не сожрал чего-нибудь жизненно важного. При нем почти неотлучно находилась Карина. Мрачный Максим убеждал себя, что ревновать не следует.

Теперь найденыш ел гораздо меньше, чем раньше. («Наголодался, бедняжка, вот сначала и накинулся на еду», — объясняла Карина.) Иногда он просил органику и получал ее. (Максим предрекал, что к концу рейса экипажу придется сесть на жесткую диету.) Но особенной его любовью пользовался добытый на Меркурии металл. Изотопы лантаноидов, особенно иттербия, приводили его в сладостную дрожь. В ответ на запрос пришел приказ: груз не беречь, сколько бы чужак ни поглотил. Роскосмос заранее мирился с убытками.

Некоторые изотопы были слаборадиоактивными. На радиацию серпентиец чихать хотел. Но уже спустя час после радиоактивной трапезы поднесенный к нему дозиметр показывал лишь фоновый уровень излучения.

Есть-то чужак ел, но облегчаться и не думал. С одной стороны, командира это устраивало. С другой — Максим ворчал, что добром это не кончится. Где это видано, чтобы у живого существа отсутствовала система пищеварения? Чтобы он непосредственно встраивал в свое тело вещества, попадающие ему на пути, и не выделял отходов жизнедеятельности?

Антиэнтропийных существ не бывает, здесь что-то не так. Может, юный серпентиец накапливает массу как эквивалент энергии, чтобы потом высвободить всю энергию разом? Кто сказал, что он младенец? А вдруг хитрая мина-«сюрприз»? От «Вычегды» и молекул не останется. Если же взрыв произойдет на Луне, то на месте лунной базы возникнет такой кратер, каких еще не бывало. Плюс тектонические разломы на всю стокилометровую толщу лунной коры, вновь пробудившийся вулканизм и прочие прелести...

Не говоря уже о тысячах погубленных жизней... и десятках лет на восстановление утраченного.

Кому выгодно? Сильным соседям, естественно. Окрепшее человечество, нарастив космические мускулы, когда-нибудь «попросит» соседей подвинуться. Зачем вводить слабых в искушение стать сильными? Щелчка им по носу — сиди, неслух, в песочнице!

Карина просто смеялась. Ну да, она женщина, у нее чутье, как же... Барбара спорила с Максимом на логическом уровне, и когда ей приходилось туго, приводила убийственный аргумент: «Что толку спорить-то? У нас есть приказ».

Возразить было нечего.

Прошло одиннадцать суток после старта. Еще сорок — и рейс, надо надеяться, завершится успешной посадкой в кратере Гассенди. Стало прохладнее, и Максим уже носил шорты. Инопланетный детеныш — если это был детеныш — не доставлял особых хлопот. Карина клялась, что он ведет себя все более осмысленно и даже пыгается разговаривать. К ее восторгам Максим относился скептически.

Жизнь обещала вернуться в привычную колею. Доковылять без проблем до лунной базы, сдать пришельца с рук на руки, получить премиальные... Нужно ли еще что-нибудь для счастья?

Оказалось — нужно.

На двенадцатые сутки неожиданно ожила радиосвязь. Кто-то назойливо бубнил в эфире: «Вычегда-014», ответьте, «Вычегда-014», ответь-

те...». В сигнал были забиты кодовые позывные «Вычегды». Максим понял это, когда на монитор поступило сообщение: главная антенна автоматически нацелилась на источник сигнала, послано подтверждение готовности к сеансу связи.

На локаторе — пусто. Либо источник сигнала не отражал радиоволн, либо находился вне пределов локации. Скорее второе, чем первое.

— «Вычегда-014» слушает, прием, — сообщил Максим мировому пространству.

Прошло секунд пятнадцать, прежде чем поступил ответ:

— «Вычегда»? Говорит корабль «Тайгер» ВКС Унии Наций. Мы находимся в двух миллионах километров от вас. Идем курсом сближения. Расчетное время встречи: плюс восемь часов семнадцать минут. Приготовьтесь к передаче найденного объекта. Как поняли? Прием.

Вырубив микрофон, Максим задумался. В течение нескольких секунд его лоб являл собой целую горную систему хребтов-морщин.

— Что это за «Тайгер»? — перебила его мысли Барбара.

— Крейсер-внепланетник. Из новых. Тот еще монстр. Полтора метра длины, сорок человек команды. Ядерное оружие, плазменное оружие, лучевое оружие... Мы по сравнению с ним просто букашка.

— А с какой стати военно-космические силы собираются присвоить нашего найденыша?

Максим пожал плечами.

— Да ни с какой... Считают, что он им нужен, вот и все. В лучшем случае заручились санкцией Генсекретаря Унии Наций. В худшем случае сделают это задним числом.

— У них есть право забрать нашего малыша? — спросила Барбара.

— Только право сильного. Вот это-то мне и не нравится... Что они о себе возомнили? За кого они нас держат? Чужак наш. Принадлежит Роскосмосу. При чем тут военно-космические силы?

— «Тайгер» на связи, — вновь забубнил динамик. — «Вычегда», как поняли? Прием.

Чертыхнувшись, Максим включил микрофон.

— «Тайгер», я «Вычегда». Плохо слышу вас. Повторите сообщение. Прием.

Не приняв пока никакого решения, он тянул время. Протянуть удалось не более минуты — ровно столько, сколько ушло на повтор сообщения плюс время доставки.

— Карина расстроится, — шепнула Барбара.

Максим взглянул на нее и ничего не сказал. Расстроится? И только-то? Нет, Карина, судя по ее материнскому отношению к серпен-

тийцу, впадет в настоящую ярость. Попробуй-ка отобрать волчонка у волчицы.

Да и сам Максим уже начал ощущать сильное раздражение.

— «Тайгер», я «Вычегда». Следую на лунную базу с грузом, принадлежащим Роскосмосу. Не считаю ваше предложение ни правомерным, ни обоснованным. Продолжаю полет. Прием.

Барбара показала ему большой палец.

— «Вычегда», я «Тайгер», — загремело из динамика. — Советую не обострять. Найденный вами объект необходим Штабу Оборона. Приготовьтесь к передаче. Будем у вас через восемь часов десять минут.

Максим зарычал от злости, но сейчас же взял себя в руки. Полчаса назад он вздохнул бы с облегчением, избавившись от чужака. Теперь он принял иное решение. Сам. Хотя и не без помощи военных. Тупицы! Только и умеют, что грубо давить!

А могли бы договориться по-хорошему, и результат был бы иным...

— «Тайгер», я «Вычегда». Крайне сожалею, но найденный нами объект необходим Роскосмосу и нам лично. Желаю вам счастливого пути. Прием.

Прошло пятнадцать секунд и еще пятнадцать. «Тайгер» молчал.

— Откуда они вообще узнали о найденныше? — спросила Барбара. — Перехватили одну из наших радиogramм?

— Или имеют своего человека в Роскосмосе, — проворчал Максим. — Скорее всего, и то, и другое... А! Днем раньше, днем позже... Скрыть нашего гостя все равно невозможно, ты же понимаешь.

— Шакалы! — выругалась Барбара неизвестно по чьему адресу.

— Почему? Обычные люди. Всякая тварь жить хочет, и не просто жить, а жить хорошо.

— Так то тварь!

Максим промолчал, не желая углубляться в терминологический спор. Впрочем, он все равно не успел бы ответить — крейсер вновь вышел на связь. На этот раз голос был другим. При первых его звуках у Максима рефлекторно дернулись мышцы — вытянуться в струнку. Владелец этого голоса шутить явно не привык.

— «Вычегда», говорит бригадный генерал ВКС Хеншер. Приказываю вам передать найденный объект на борт «Тайгера». Вы поняли меня? Прием.

Мышцы-то у Максима дернулись, зато речью управлял неизвестно откуда взявшийся мелкий бес.

— Мое почтение, генерал! Надеюсь, полет проходит нормально? Солнце не беспокоит? Я видел большой протуберанец, возможна маг-

нитная буря. Советую раздать экипажу таблетки от мигрени. Желаю вам всего наилучшего. Прием.

Барбара прыснула.

— «Вычегда», кто на связи? — рявкнул из динамиков генерал Хеншер. — Немедленно назовитесь. Прием.

— Максим Волков, командир «Вычеды», приветствует вас, генерал. У вас там не очень жарко? У нас, представьте себе, субтропики. Вы не были на Таити? Прием.

Зажав обеими руками рот, Барбара тряслась от нервного смеха. А Максим представлял себе реакцию офицеров крейсера, находящихся в рубке вместе с Хеншером, и ухмылялся.

— Капитан Волков! — загремел спустя положенные секунды голос генерала. — Я приказываю вам! Вы поняли? Выполняйте приказ. В случае неподчинения пеняйте на себя. Прием.

Максим шумно зевнул прямо в микрофон — о-хо-хо...

— Крайне сожалею, генерал, но, согласно Международному космическому уставу, вы можете отдавать приказы гражданским космическим кораблям лишь после объявления военного положения. Что-то я ничего не слышал о военном положении. Быть может, у вас есть другие сведения? Если нет — прошу дать мне возможность заниматься своими делами и желаю вам приятного путешествия. Не торчите слишком долго внутри орбиты Венеры. Если станет очень жарко — снимите китель. Надеюсь, наколки у вас пристойные? А на Таити все-таки советую побывать. Поезжайте туда в отпуск, развейтесь. Прием.

— И не ешьте на ночь сырых помидоров, чтобы не причинить вреда желудку, — с трудом выдавила Барбара.

На этот раз крейсер замолчал. В ожидании ответа Максим со скуки начал вертеть головой и заметил Карину. Непонятно было, когда она вплыла в рубку и много ли успела услышать.

— Что-нибудь случилось? — спросил он одними губами.

Она отрицательно мотнула головой. По-видимому, с найденышем было все в порядке. Странное чуждое существо по-прежнему благополучно ело, спало, забавлялось, меняя форму, и, наверное, пыталось по-своему понять людей, к которым его занесло, не подозревая, какие тучи собираются над его головой... То есть над тем, что заменяет ему голову.

— Они хотят забрать нашего малыша? — спросила Карина, и Максим, кивнув в ответ, заметил, как напряжена младшая жена — словно пантера, готовая к прыжку. — А хи-хи им не хо-хо?

— Они не смогут, — убежденно сказала Барбара. — Правда, дорогой?

— Взять нас на abordаж они точно не смогут, — согласился Максим. — Нам проще, чем им. Один наш маневр — и повторяй заход заново. Вот пустить в нас ракету — это сколько угодно, это они могут. Теоретически. Практически... без санкции Генсекретаря Унии Наций или Верховного Судьи — чистое пиратство. Надеюсь, генерал Хеншер это понимает.

— Думаешь, он сейчас консультируется с командованием ВКС? А оно через Унию Наций надавит на Роскосмос?

— Наверняка. Но это займет какое-то время, так что расслабьтесь. В ближайшие часы ничего интересного не будет.

— В следующий раз позволь мне сказать ему пару ласковых, — попросила Карина. — Найденыша я ему не отдам, пусть знает. Никому не отдам.

— Даже Роскосмосу? — спросил Максим, прищурившись. — В контракте написано черным по белому: на борту корабля экипажу принадлежат только личные вещи. На Луне нам придется распрощаться с нашим гостем, так-то...

— Это мы еще посмотрим!

Карина выплыла из рубки. Максим вздохнул.

— А заодно, чует мое сердце, придется мне распрощаться с лицензией. И все из-за этого змеёныша...

— Из-за Хеншера?

— При чем тут Хеншер? Он делает то, что должен, он живая машина. Я говорю о нашем госте.

— А почему он змеёныш?

— Потому что из созвездия Змеи... Хорошо еще, что он не из созвездия Столовой Горы. Как его тогда называть?

— Горцем. Или Стольником.

— Ты мне зубы не заговаривай! Психолог! Сочувствуешь? Не надо. Я над генералом издевался, мне и дадут по шее. Найдут способ. И я об этом не жалею. Точка.

— Глупый, — сказала Барбара, обвив его шею горячими руками. — Ты сильный и глупый, и я тебя люблю. А если бы раньше не любила, то влюбилась бы в тебя за один этот разговор с генералом. Ты самый лучший!

Да? Сказать по правде, Максим не был в этом уверен...

6.

Когда-то у лунной базы было название. Впоследствии оно как-то незаметно вышло из употребления, а потом и вовсе забылось, потому что второй базы на Луне люди так и не построили. Названия ведь да-

ются для того, чтобы отличать одно от другого. К чему все эти сложности при одном-единственном объекте?

Лунная база — так ее и называли.

Минули десятилетия с тех пор, как люди прорыли первые подземелья в податливом реголите на дне кратера Гассенди и возвели над ними купола. С пуском первого космического лифта, с отказом от ракетных стартов со дна земного гравитационного колодца строительство базы невероятно ускорило. О лунной базе заговорили уже как о первом полноценном поселении землян вне Земли. Специалисты, работавшие на Луне вахтовым методом, многое могли бы порассказать об этой «полноценности». Но шло время, и самые безответственные выдумки журналистов уже не казались таким уж вздором.

Мало-помалу постройки базы расплозились на десятки квадратных километров. Строились широко, места в кратере хватало. Половиной базы владел Штаб Оборона ВКС; другую половину застроили под свои нужды коммерческие фирмы. Роскосмос владел небольшим участком на периферии, вплотную примыкающим к валу кратера.

Среди сплошных минусов в этом был и плюс: раньше наступал вечер долгого и жгучего лунного дня. Низкое солнце уползло за вал, и простым глазом можно было заметить, как по серой равнине ползет, накрывая постройки, долгожданная тень.

Вот на эту-то движущуюся тень и смотрел господин Анхель Гутьеррес, Генеральный секретарь Унии Наций, пожелавший посетить лунную базу и воспользовавшийся гостеприимством руководства Роскосмоса — гостеприимством настолько охотным, что генеральный директор компании заявил: он лично уничтожит всякого, из-за кого Генсекретарь ощутит хотя бы малейший дискомфорт, и сам прибыл на Луну. Акции Роскосмоса внезапно и резко пошли вверх.

Давно осело искрящееся облако пыли, поднятое совершившей посадку «Вычегдой». В земном воздухе пыль застряла бы надолго, распухнув мерзкой на вид тучей, заставив чихать и астматически кашлять. Гутьеррес мельком подумал о преимуществах отсутствия воздуха. Все-таки в каждом деле есть хорошая сторона. В каждом плохом деле. Ибо дело, в котором положительные аспекты превалируют, называется хорошим.

Какого рода дело наклеивалось здесь, Генеральный секретарь еще не решил. С одной стороны, чисто юридически Роскосмос был в своем праве. Любой бесхозный объект, найденный в космическом пространстве, по закону принадлежит тому, кто его нашел. С другой стороны, объекты, могущие представлять опасность для деятельности человечества в Солнечной системе, относятся к компетенции воен-

ных, тут и разговора быть не может. Главное, есть соответствующий параграф.

Но как быть, если опасность эта чисто гипотетическая и, возможно, иллюзорная? И что делать, если впоследствии она окажется недооцененной?

Назначить комиссию, естественно. Теперь же. Но прежде Гутьеррес счел необходимым получить возможно более полную информацию о найденныше и составить собственное мнение, пусть сугубо предварительное.

Пришлось спешно вылететь на Луну. За глаза Анхеля Гутьерреса звали Попрыгунчиком, и он знал это. Уж лучше так, чем Каменной Задницей, Древесным Грибом или Кабинетной Крысой. Усидеть на месте, когда решается вопрос, возможно, значимый для судеб всей цивилизации? Немыслимо!

От «Вычегды» отделился лунокар и неторопливо покатил в сторону главного шлюза. Интересно, в нем ли серпентиец?

Генсекретарь повернулся к гендиректору:

— Полагаю, в шлюзе есть телекамеры? Могу я получить изображение?

— Конечно. — Толстый, лысоватый и обильно потеющий гендиректор вызывал ироническое сочувствие. — К сожалению, это не здесь. Позвольте проводить вас на технический этаж.

— Не нужно, — Гутьеррес поморщился и махнул рукой. — Это долго. Обойдемся без подглядывания. Пусть их всех ведут прямо сюда. И пусть зайдет маршал Тютюник.

Маршал Тютюник появился в сопровождении бригадного генерала Хеншера. Тот был зол и красен.

Через минуту появились еще четверо. Гутьеррес удивленно шевельнул бровью: разве экипаж кораблей класса «Вычегда» составляют не три человека?

Свою ошибку он понял очень быстро. Один из вошедших не был человеком. Гм-гм... Чужак. Серпентиец. Метаморф. А что если дружески и демократично поздороваться со всеми за руку?

Гутьеррес так и поступил. Он и не подумал морщиться, когда в нос ему ударил резкий запах застарелого пота. Лишь кадык Генсекретаря предательски дернулся, обозначив рвотный позыв, немедленно подавленный усилием воли. Вот она — реальность, отнюдь не кабинетная. Эти трое вернулись с Меркурия. В пути сэкономили воду. Ну и чем же от них может пахнуть, розами?

Зато от метаморфа не пахло. Гутьеррес чуть не вскрикнул — пальцы чужака оказались горячими и очень сильными. Черт возьми, его

учили рукопожатия, что ли? Выходит, недоучили, раз усилие не дозирует. Или он учится на ходу?

— Рад э-э... встрече, — надев на лицо обаятельную улыбку, произнес Генсекретарь.

Зато гендиректор повел носом и изобразил на лице неудовольствие. Мол, то еще амбре. И не где-нибудь, а в его личном кабинете! Что есть кабинет гендиректора? Лицо фирмы.

«Лицо» было явно приукрашенным. Излишняя роскошь бросалась в глаза, обманывая лишь простачков. Грозный, всем знакомый признак упадка фирмы, не способный ввести в заблуждение мало-мальски искушенных людей. И тут еще эта вонь...

А что поделаешь? Генсекретарь приказал вести всех прямо сюда, о чем уже сейчас, наверное, жалеет. Но виновным в оскорблении обоняния, несомненно, окажется не Гутьеррес, а кто-то другой... Плохо дело.

— Гм... как вас?.. — сдавленным голосом спросил гендиректор.

— Волков, — хриплым голосом представился один из амбреносителей. — Командир корабля «Вычегда-014» Максим Волков.

— Да-да, я помню. Может быть, вы, господин Волков, и ваш экипаж приведете себя в порядок с дороги? Полагаю, это не займет много времени. А мы пока пообщаемся с вашим... вашим... с вашей находкой.

— Да, но...

Гутьеррес заметил, как командир корабля, заметно растерявшись, оглянулся на женщин. «На жен, — поправил себя Генсекретарь. — У них тут семейные экипажи». Командир, здоровенный и по виду решительный мужик, колебался. По-видимому, в данной обстановке решающее слово принадлежало не ему.

— Вас проводят. — Лучезарно улыбнувшись, Гутьеррес пришел на помощь гендиректору. — Не беспокойтесь, у нас есть все ваши отчеты. Если срочно понадобится ваша помощь, вас немедленно вызовут. Даже из душа.

— Извините, но это невозможно, — выступила вперед младшая из женщин. — Кто-то из нас должен остаться здесь, иначе найденыш пойдет за нами. У нас... у него прочный эмоциональный контакт с экипажем. Я просто не знаю, как он поведет себя наедине с чужими людьми. Это может быть опасно.

— Для кого? — Улыбка Гутьерреса приняла чуть-чуть снисходительный вид.

— Не знаю. Возможно, для него. Возможно, для вас. Если только он испугается... Я не знаю, что тогда может произойти.

— Ну, мы-то не испугаемся, — веским басом проговорил маршал Тютюник.

Та-ак... Анхель Гутьеррес продолжал улыбаться, сделав вид, будто пропустил реплику маршала мимо ушей. На самом деле он еще не пришел к определенному решению, и это мучило его. Дьябло! Какое решение окажется верным, и не сейчас, а в долгосрочной перспективе, — неизвестно. Роскосмос будет держаться за свою находку, полагая, что извлечет из нее нечто суперполезное в конкурентной борьбе. Один факт обладания инопланетянином резко повысит рейтинг компании... Военные, в свою очередь, попытаются перехватить лакомый кусок, и теперь же. Армия не станет заниматься крючкотворством, она властно и грубо потребует найденыша себе. Трудно отказать... В запасе у военных бесприкрытый аргумент: враждебное окружение. Не будь ближайшие звездные окрестности уже поделены, не ожидай человечество внезапной атаки из космоса (а кто может дать гарантию того, что человечество оставлено в покое?), маршала Тютюника можно было бы вежливо выпроводить за дверь. Но что толку строить расчет на нереальных предположениях?

Опасность для человечества существует, и единственная защита от вторжения — военно-космические силы. Это так. Военный флот ляжет костями, прежде чем пропустит врага к Земле. Похоже, правда, что все эти грозные с виду и очень, очень дорогие космические эскадрильи способны причинить чужим не больше вреда, чем муха, бестолково жужжащая перед бивнями слона, — но разве есть выбор?

Непростая задача. Что ж, пусть ее решает комиссия, а Генсекретарь умоет руки. Более чем вероятно, что найденный метаморф в скором времени достанется военным, а Роскосмос получит компенсацию. Компания еще может оказаться единственной выигравшей на этом деле стороной. Вот будет номер, если найденыш не годится решительно ни на что!

— Майор! — пророкотал командный голос маршала Тютюника, и майор в форме космопехоты тут же возник, как чертик из коробочки. — Поставьте людей. Не выпускать из помещения... вот этого! — Румяным пальцем маршал указал на метаморфа. — Оружие не применять. Вот мы сейчас и проверим... Вы не возражаете, господин Генеральный секретарь? Отлично. А вы, господа астронавты, идите, вас пропустят. Приведите себя в порядок и отдыхайте.

7.

Никогда еще Анхель Гутьеррес не был так близок к смерти. Но странное дело: страх — липкий, потный, с мурашками — пришел го-

раздо позднее, а все случившееся Генеральный секретарь наблюдал с почти идеальным хладнокровием, как будто дело касалось кого-то другого, а не его самого. Позже он понял, что сохранил спокойствие и рассудительность исключительно благодаря своему ничтожному опыту участия в опасных переделках. Ему просто не пришлось в голову испугаться перспективы мгновенной и нелепой смерти — в том мире, где он жил, преобладали совершенно иные страхи!

Экипаж корабля пытался протестовать, но был все же выведен прочь, а перед дверным проемом встали четыре дюжих космопехотинца. Устремившийся вслед за экипажем чужак попытался обойти их — и был отброшен. Что тут началось!..

Он отлетел назад и упал, как манекен, не попытавшись сгруппироваться, и звучно ударился затылком о пол — Гутьеррес даже поморщился, вообразив, каково на месте чужака пришлось бы человеку. Гарантированное сотрясение мозга в лучшем случае. Но никто не мог сказать, где у чужака находятся мозги и существуют ли они вообще как обособленный орган.

Распластанный по полу чужак стекся в серебристую каплю — если только бывают капли метрового поперечника. А потом раздался отчаянный визг, и каплю начало корезить.

— Ради бога!.. — в панике воскликнул гендиректор Роскосмоса, желая, как видно, побудить военных прекратить их эксперименты, но договорить не успел.

Капля превратилась в шар, и шар прыгнул на космопехотинцев. Те, хоть и стояли с разинутыми ртами, оставались в готовности выполнить приказ. Шар налетел — и отскочил.

Налетел снова — и вновь был отбит молодецким ударом. Завертелся на полу волчком. Визг стал нестерпимым.

— Прекратите же! — схватившись за уши, завопил гендиректор.

Визг резко смолк, а шар снова прыгнул. На сей раз вверх. Сочно чмокнув, присосался к потолку. Задвигался, заколыхался, пристраиваясь поудобнее. Каповый нарост, подумал Гутьеррес. И тут его осенило.

— Что тут у вас над потолком?

— Вакуум! — провыл гендиректор. — Слоеная обшивка толщиной тридцать миллиметров, а выше вакуум!

И Гутьеррес оказался на высоте.

— Прекратить! — рявкнул он так, будто сам с молодых ногтей служил в космопехоте. — Маршал Тютюник, властью Верховного Главнокомандующего я приказываю немедленно прекратить! Срочно вернуть сюда экипаж «Вычегды»! Бегом!

Строго говоря, Анхель Гутьеррес являлся Верховным Главкомандующим скорее номинально (естественный, устраивающий всех компромисс) и до сего дня не думал, что ему придется командовать там, где он привык маневрировать. Однако пришлось. И удивительно вовремя.

Нет, маршал Тютюник не отказывался повиноваться. Но маршалу Тютюнику понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить приказ.

— Он же прожрет нам дыру и выйдет сквозь нее! — вклинился в паузу плачущий фальцет гендиректора. — Вы хоть материалы о нем читали? Да быстрее же, идиот, если хотите еще пожить!..

Говорят, перед лицом смерти все равны, и бывают ситуации, когда какой-нибудь гендиректор мелкой фирмы запросто и без тяжелых последствий может назвать идиотом самого командующего военнокосмическими силами Земли. Еще говорят, что рано или поздно доходит и до жирафа. Если так, то маршал намного опередил его.

И все-таки ринувшиеся исполнять приказание космопехи не имели ни малейших шансов успеть вернуть экипаж «Вычегды». «Каповый нарост» на потолке кабинета гендиректора «Роскосмоса» трудился размеренно и споро. Проедая ход наружу, он чуть ли не урчал. Много ли труда надо, чтобы поглотить внутреннюю обшивку, теплозащитный и радиозащитный слои, а затем тонкую внешнюю броню из титаново-магниевого сплава? Для серпентийца это было не работой, а легким завтраком.

Первым ринулся вон из кабинета гендиректор Роскосмоса. За ним последовал Гутьеррес — шагом, но самым скорым. Замыкали отступление маршал Тютюник и бригадный генерал Хеншер.

Со скоростью пушечного ядра выскочила и сочно впечаталась в паз герметичная дверь. Медленнее, но гораздо солиднее, с внушительным гулом, проползла и встала на свое место броневая заслонка.

Генерал Хеншер украдкой утер со лба пот.

— Боюсь, это не решение проблемы, — с удивившим его самого спокойствием произнес Гутьеррес. — Если он проест внешнюю обшивку и выйдет наружу, нам повезло. Если же он оставит в обшивке дыру, а потом займется дверью или переборкой...

Глухой удар из покинутого кабинета не дал ему договорить. Кажется, будто за переборкой бабахнула гаубица. Дрогнули стены. Сейчас же взвыла сирена и, чуть только смолкла, тягучий механический голос забормотал: «Внимание, опасность первого уровня! Внимание, опасность первого уровня! Служащим, находящимся в секторах А и Б, немедленно эвакуироваться в сектор В. Просьба не пани-

ковать и пользоваться планом эвакуации. Повторяю: внимание, опасность...».

— Вот он и проел обшивку, — констатировал Гутьеррес. — Интересно, что на очереди?

«Мы», — очень хотелось сказать, а еще сильнее хотелось завопить гендиректору Роскосмоса, но он не издал ни звука. К чему? Иногда наглядный пример действует лучше всяких слов.

И гендиректор показал наглядный пример, взяв с места скорость, доступную не всякому спринтеру. Его заносило на поворотах, кругленьким мячиком он стучался о переборки, отскакивал и продолжал мчаться дальше. Лунное тяготение вынуждало его совершать гигантские прыжки, и коротенькие ножки, не всякий раз находя опору, дергались в воздухе вхолостую.

Впоследствии Генеральный секретарь Унии Наций рассказывал о данном случае исключительно с юмором, якобы наслаждаясь воспоминаниями о том, как он бежал вслед за гендиректором, лишь чуть-чуть опережая генерала Хеншера. Иногда Хеншер вырывался вперед на какой-нибудь локоть, но Гутьеррес был когда-то хорошим спортсменом: дважды на поворотах он выходил на стену, как цирковой мотоциклист, и на финишной прямой обошел генерала на полкорпуса.

Последним, как капитан тонущего судна, спасался маршал Тютюник — и сохранил достоинство, чему, правда, немало способствовала враждебная спринту грузная комплекция командующего ВКС. И вновь выстрелила герметичная дверь, и вновь с тектоническим гулом прополз броневой щит.

Каждый понимал: это лишь временная отсрочка. За разгерметизированным сектором А придет черед секторов Б, В, Г и так далее. А на секторе К главная лунная постройка Роскосмоса попросту кончится, и рушить станет нечего. Кое-кто из десятков находящихся в куполе людей, возможно, и уцелеет, укрывшись в лунокаре или втиснувшись в скафандр. Естественно, немногие. Только те, кто сообразит, что происходит нечто неординарное, и близко к сердцу примет клич «спасайся, кто может», не потеряв при том головы. Много ли таких наберется? Вряд ли найденыш понимает, как легко он способен угробить кучу людей. Генеральный секретарь видел его недолго, но успел составить мнение: то ли преданное хозяевам домашнее животное, то ли капризный ребенок. Казалось бы, от одного до другого дистанция огромного размера, но есть и общее: данным существом управляет не разум, а эмоции и эти, как их... инстинкты.

— Ну и что мы теперь собираемся делать? — Гутьеррес прятал эмоции за насмешливым тоном. — Какие будут мнения?

Гендиректор потел и нервно облизывался.

— У меня наготове корабль, — сознался он. — Правда, маленький. Моя личная яхта. Четверых он не поднимет, а двоих — вполне...

И, не в силах выбрать, он переводил взгляд с Гутьерреса на Тююника и обратно.

— Отставить! — скомандовал маршал. — Дайте мне связь, и я подниму все войска и всю технику, что есть в Гассенди. Чужак будет захвачен, это я обещаю. В худшем случае он будет захвачен мертвым, вот и все.

Рубленое лицо генерала Хеншера демонстрировало полную солидарность со словами командующего.

О чем думал Гутьеррес, осталось неизвестным. Возможно, о том, что убийство инопланетянина, пусть даже забравшегося в чужие владения, не самый лучший прецедент для слабой земной цивилизации. Или о том, что военные забрали себе чересчур много власти и тщатся забрать еще больше. Не исключено, впрочем, что Генеральный секретарь в ту минуту перестал быть политиком и размышлял исключительно о вариантах личного спасения. Не будем его винить, все мы люди.

К тому же наилучшее решение нашел именно он. И не в этот момент, а несколько раньше.

— Пригласите-ка сюда командира «Вычегды», — повторил он приказание. — Да поживее. Хоть из душа.

Никто не отреагировал. Но если гендиректор Роскосмоса временно утратил способность соображать, то маршал и генерал, мгновенно все уразумев, не проявили ни малейшей прыти к исполнению.

Повисло молчание. И Анхель Гутьеррес понял, что время дипломатии кончилось.

— Вы слышали, что я сказал? — ледяным тоном осведомился он.

— Так точно, — кивнул Тююник.

— Так исполняйте!

— Командир «Вычегды» все испортит. Этот двоеженец ведет какую-то свою игру. Поручите эту операцию военно-космическим силам.

— Это отказ? — голос Гутьерреса зазвенел.

— Это совет и просьба.

— Я не нуждаюсь в ваших советах, маршал, а просьбы рассматривают в моем секретариате. Напомнить вам, кто является Верховным Главнокомандующим?

— Позволю себе заметить: де-юре, но не де-факто. Право отдавать мне приказы вы получите только при объявленном военном положении.

Для тренированного на поприще юридического крючкотворства Генсекретаря не составило труда мгновенно проанализировать позицию маршала. Гутьеррес нашел эту позицию шаткой, но все же кое-чем прикрытой. Нельзя ведь составить пятисотстраничный текст Устава Унии Наций так, чтобы в нем не нашлось места двусмысленностям! Оказывается, не только юристы да дипломаты умеют плавать в подобных текстах, как рыба в воде. Кто сказал, что военные не способны учиться? Вот вам! Налицо открытый бунт, и если даже впоследствии удастся притянуть маршала к ответственности, он, скорее всего, вывернется.

Сие, впрочем, будет зависеть от последствий...

— Ну так я объявлю его! — загремел Гутьеррес. — Вы забыли, что я имею на это право? Статья девяносто вторая Устава Унии Наций, параграф первый. Освежить вашу память?

— Вы вправе объявить военное положение, — согласился маршал Тютюник. — Ваша проблема в том, что через пять, максимум — десять дней Генеральная ассамблея отменит его в силу неадекватности повода. Как долго после этого вы пробудете на своем посту? Месяца полтора?

— Вас это не касается!

— Так же, как не касаются и ваши приказы, отданные в отсутствие военного положения. Валяйте, объявите его.

— А время-то уходит, — тоскливо проныл гендиректор. — Сейчас этот поганец уже вторую дверь, наверное, доедает...

Никто не обратил на него внимания. Маршал Тютюник насмешливо молчал, генерал Хеншер чуть заметно улыбался, а Гутьеррес мысленно считал до десяти. На счете «восемь» он прервал это занятие.

— Хорошо, маршал, вы меня убедили. Теперь вам осталось убедить меня не предавать огласке дело о закупке серии перехватчиков типа «Громовержец». Надеюсь, вы легко справитесь с этой задачей?

Гендиректор и генерал наостригли уши. Зато маршал внезапно побавровел.

— На что это вы намекаете?

— На то, что после огласки я буду вынужден — заметьте, вынужден — назначить комиссию для официального расследования имевших место злоупотреблений. Ходят слухи о сговоре между высшими армейскими чинами и компанией «Спейскрафт». Лично мне нет никакого дела до того, чьи имена всплывут, кто брал взятки, как делился «откат» и почему на вооружение космофлота было принято негодное изделие. Поверьте, совершенно никакого. Ни малейшего. Я уже сейчас умоваю руки.

— Чушь и ересь! — взревел маршал Тютюник. — Ваши источники информации сами нуждаются в проверке. Ну хорошо, будь по-вашему. Только имейте в виду, я подчиняюсь исключительно ради интересов дела. Считайте это жестом доброй воли с моей стороны.

— Очень тронут, — иронично покривил губы Гутьеррес.

— Время! Время! — взвыл гендиректор.

8.

Судьба подарила Максиму Волкову день, донельзя насыщенный эмоциями. Сперва преобладала тревога за найденыша. Она чуть отлегла во время посадки и загорелась с новой силой на пути от корабля к апартаментам начальства. Тревога — и предчувствие беды.

Потом он, распространяя запах немытого тела, стоял истуканом перед целым выводком важных шишек, одна шишковатее другой, очень стеснялся и молчал. Да и что он мог сказать такого важного, чтобы его услышали? Шишки же лишены слуха, это всем известно. Вон Карина попыталась вступить за серпентийца — а толку? Тягостная сцена кончилась тем, чем и должна была кончиться — отъемом найденыша и удалением экипажа «Вычегды» прочь. Подальше от брезгливых носов.

По пути в санблок он разозлился, потому что получил втык от обеих жен. Заслуженный или нет — сам не понял, но разозлился на весь свет. Стоял под душем, скреб тело и ругался черными словами. А что тут поделаешь? Сила солому ломит, и утрись. Возьми отпуск, слетай на Землю, напейся в первом же кабаке и набей кому-нибудь морду. Утешься, трам-тарарам, исполнением примитивных желаний и вновь смотри на мир позитивно. Медицина и начальство очень рекомендуют.

Помыться как следует, однако, не удалось. Сначала дурным голосом завопил сигнал тревоги. Затем в душевую ворвались космопехи, а с этими громилами не шибко поспоришь. Слов они не тратили. В долю секунды Максим был выхвачен из-под струй и не успел ничего понять, как вновь предстал перед начальством. В менее грязном виде, зато мокрым и совершенно голым. Впрочем, ему тут же сунули в руки трико.

А еще через тридцать секунд он понял, что начальство облажалось, и не успел даже обрадоваться, как осознал свою задачу: в темпе облачиться в скафандр, восстановить дружеский контакт с серпентийцем и, как минимум, убедить его прекратить разрушение купола. Генеральный секретарь выразил надежду, что ему, Максиму, это легко удастся. А грузный военный чин с совершенно кабаньей мордой и та-

кими большими звездами, что их лучи выступали за кромку погона, угрюмо заявил, что в противном случае чужака придется уничтожить.

Да ну? Так найденыш и позволил убить себя! Максим достаточно нагляделся на его забавы, чтобы усвоить: шансы Кабаньей Морды уничтожить серпентийца пренебрежимо малы. Кто кого уничтожит, если дело дойдет до драки, — большой вопрос. Будь Максим игроком, он поставил бы на найденыша. Три... нет, даже пять к одному. Ведь люди — такие нежные и неприспособленные существа. Жить в вакууме им почему-то совсем не нравится. Плюс сто по Цельсию или минус сто — та же история. Не говоря уже о том, что в качестве пищи им годится только органика, да не любая, а очень даже специфическая! Избалованные существа.

Почему они вообще выжили на планете Земля — достойно удивления. Почему серпентийцы, в свою очередь, не заполнили собой всю Галактику — тоже непонятно...

Поразмышлять на эти темы Максиму не дали, да и что за размышления в спешке и суете! Иное дело в инерционной фазе коммерческого рейса! «Вычегда» летит сама по себе, повинуюсь заданному импульсу скорости и притяжению небесных тел, а экипаж убивает время в промежутках между регламентными работами. Вот тут-то можно и пофилософствовать в свое удовольствие — конечно, если не помешают жены.

Максима грубо впахивали в скафандр, попутно инструктируя в несколько голосов. Он понял немного, но главное: начальство напугано. Оно, начальство, любит, когда подчиненные докладывают, что у них все под контролем. Короче: чужака надо найти, убедить прекратить погром и желательно вернуть. Каким образом? Используя личный доверительный контакт, как же еще. А если серпентиец на контакт не пойдет? Надо сделать, чтобы пошел, задача ясна?

Удивительно, но Максиму не пришло в голову ни заявить о том, что он пилот, а не дипломат и не зверолов, ни попытаться выторговать у обделавшегося начальства особые премиальные. Но даже если бы это пришло ему в голову, он быстро сообразил бы, что все равно не имеет выбора. Барбара не одобрила бы. А Карина, пожалуй, швырнула бы мужу в лицо особые премиальные.

Кабанья Морда хотел было навязать ему двух-трех космопехов в сопровождающие. В ответ Максим заявил, что посторонние могут помешать личному доверительному контакту; короче, либо он идет один, либо ни за что не ручается. И одна из высоких шишек, в коей Максим без всякой оторопи опознал Генерального секретаря Унии Наций, поддержала его.

Из сектора Б датчик давления слал на центральный компьютер сигнал: сектор еще не разгерметизирован. Начальство удалилось в аппаратную, а Максим был впущен в сектор. Пробираясь по коридору в неуклюжем скафандре при нормальном внешнем давлении, он чувствовал себя идиотом. Впрочем, так или иначе придется открыть дверь в сектор А... стало быть, очень скоро воздух уйдет и из сектора Б... Никакой разгильдяй тут случайно не остался?

Никакой. Сигнал тревоги орал вовсю, а глухих или слишком глухых тут не держат. Все смылись. О людях пока что можно не думать.

Но где серпентиец? Неужели найденыш так и сидит в секторе А, в кабинете гендиректора? Странно. Но пока не проверишь, не узнаешь. В кабинетах начальства по понятным причинам не бывает видеокамер наблюдения.

Зато в коридоре Максим заметил сразу три камеры. Они медленно поворачивались, отслеживая его путь. Контроль над подчиненными — вот без чего начальству жизнь не в радость.

Ну-ну. Чертовски увлекательное дело — отслеживать, как отвыкший от силы тяжести человек неловко переступает ногами! Смотрите, смотрите. Самого-то главного вы не увидите, не надейтесь...

А каким оно будет — главное?

Максим не знал. Он полагался на удачу. Главным образом на то, что серпентиец не поведет себя как разъяренный пес. Хотя при его способностях поглощать все подряд уместнее было бы сравнение с акулой...

С дверным пультом он провозился куда дольше, чем мог предположить. Пульт был рассчитан даже не на дурака — на анацефала. Для начала он предупредил Максима о том, что за броневой заслонкой и герметичной дверью — вакуум. Максим согласился с мнением пульта и потребовал прохода, на что вякнул сигнал тревоги — к счастью, короткий — и высветилась надпись: «Вы уверены?». Потом был затребован особый код, который Максим получил по радиосвязи, и все повторилось. А когда броневая заслонка все же откатилась, пришлось точно так же уговаривать открыться герметичную дверь.

Дунуло так, что Максим едва устоял на ногах. Загремели переборки. Весь воздух из сектора Б унесся в проеденную в куполе дыру столь стремительно, словно давно мечтал оснастить Луну хоть каким-нибудь подобием атмосферы. Взвилась и устремились на волю не унесенные первой декомпрессией бумаги из перевернутой корзины, взвихрилась пыль, опрокинулось последнее устоявшее кресло. Скафандр сейчас же раздулся, превратив любое сгибание конечности в тяжелое физическое упражнение.

Серпентийца в кабинете не оказалось.

Максим ощупал уцелевшую мебель. Он не помнил, какое количество кресел, столов и шкафов составляло меблировку кабинета гендиректора, и последовательно проверил все. Конечно, в толстых перчатках скафандра тактильные ощущения отсутствовали напрочь, но душу грела уверенность: найденыш несомненно потянулся бы к старому знакомцу, чем и обнаружил бы себя. Увы, ни кресла, ни шкафы не проявили никакого желания прильнуть к ласковой ладони.

Без толку постояв под дырой в потолке и удивившись, насколько она круглая, как по циркулю, Максим отрапортовал: найденыш вышел наружу, и искать его следует вне купола. Где — вопрос. Луна, конечно, меньше Земли, но не настолько же, чтобы сделать поиск легким занятием! Хорошо еще, если чужак не убежал далеко. А он может!

Бормоча ругательства, Максим ретировался, заdraивая за собой двери и заслонки. В ожидании выравнивания давления решил для себя: наружу-то он выйдет и поищет всерьез. Но если поиски в ближайших окрестностях не принесут успеха — гори все огнем! Пусть вояки сами ищут черную кошку в темной комнате. Кошки-то там, может, уже и нет. Свойства серпентийца темны и туманны. Уж если он маневрировал в космосе, то, возможно, способен преодолеть лунное притяжение и улететь себе восвояси по своим серпентийским делам.

— Нет его там, — объявил Максим высокому начальству и добавил так, будто это было его личным решением, спорить с которым не рекомендуется: — Пойду гляну снаружи.

И был прав: как надо поступить, если вынужден участвовать в чем-то, что очень тебе не нравится? Возглавить этот процесс или хотя бы вообразить, что возглавил!

С воображением у Максима Волкова было все в порядке. Не фантазер, не мечтатель, не тонкая поэтическая натура, не физик-выдумщик уровня Фейнмана и Вуда, но и, хвала Создателю, не тупорылый даун. А посему шаг стал тверже, голос увереннее, а настроение поползло вверх. Я иду, слышите? Просто потому, что так хочу. Потому что моцион полезен. И чихал я на всех!

Красиво было снаружи — глаз не отвести. Солнечный диск только-только убрался за вал кратера Гассенди, украсив скалистый гребень сказочным сиянием короны. Освещенная верхушка купола сияла, словно летающая тарелка, иллюминированная к какому-нибудь инопланетному празднику, и нарядной елочной игрушкой завис над нею голубоватый диск Земли. Основание купола скрывалось в глибо-

кой бархатной тьме. Когда глаза немного пообвыкли, Максим стал различать причудливые полутени.

Разглядел он и круглое отверстие в куполе, отчего настроение не улучшилось. Только сейчас в голову пришла злая мысль: а если найденыш из самых лучших побуждений проест дыру в скафандре, точно так же, как проел в куполе? Хотя нет, не точно так же... Куда быстрее. Он умеет. Он похож на ребенка, у которого режутся зубки. Ребенок все тянет в рот, ему все надо попробовать на ощупь и на зуб. Разница только в том, что у этого ребенка особые способности...

Так-то оно так, но умирать от декомпрессии Максиму хотелось не больше, чем любому другому. Еще узнает ли его найденыш — в скафандре-то? А вспомнив о виртуозной мимикрии серпентийца, можно заранее кричать «караул». На кого он сейчас похож? На фрагмент обшивки купола? На валун? Вон их сколько вокруг, серых лунных булыжников, пролежавших здесь три-четыре миллиарда лет и намеренных пролежать еще столько же...

С сильно бьющимся сердцем Максим доковылял до ближайшего валуна, осторожно потрогал. Валун как валун, смиренный и неодоушевленный. Он не собирался нападать на человека. Ему вообще было некуда торопиться.

Эх, насколько легче было бы на Земле, особенно в лесистой местности! Выломал палку, этакий пробный дрын, и знай себе тычь им во все подозрительное! Авось успеешь отскочить. Максим даже хотел повертеть головой — не валяется ли поблизости какой-нибудь подходящий длинномерный металлолом? — но в скафандре голова отдельно от корпуса не вертелась, да и не могло тут валяться никакого металлолома. На Луне он сразу идет в переработку, потому как ценен...

Медленно — а куда торопиться? — Максим обошел вокруг купола. Мыслей о том, где искать серпентийца, от этого не прибавилось. Камни были как камни, тени как тени, купол как купол. В отдалении маячили прочие постройки базы — такие же купола с ровными лысыми посадочными площадок между ними. За периметром базы крохотными букашками ползали лунные комбайны, подбедая богатый гелием-3 реголит. Бессмысленно и дико громоздился иззубренный вал кратера.

Где он, чтоб его?!

— Волков, ответьте. — По грубому голосу Максим узнал Хеншера. — Докладывайте о каждом шаге. Как поняли?

Ну да, докладывать ему, как же... О каждом шаге и о каждом чихе. Разбежался. Подчиненных своих муштруй, им полезно.

Но вслух Максим сказал другое:

— Что докладывать-то? Вы же небось меня видите. Или нет?

— Отставить препирательства. Можете не сомневаться, мы фиксируем все ваши действия. Хитрить не советую. Очень не советую, Волков, вы поняли?

— Понял.

— Вот и хорошо. Итак, докладывайте о каждом вашем шаге. Это приказ.

Максим даже не огрызнулся. Во-первых, устал с отвычки от тяжести, а во-вторых, Хеншер того не стоил. Во ему, а не доклад о каждом шаге! Пусть наблюдает за поисковой операцией на экране, небось не слепой. Вон они, камеры внешнего обзора...

И тут Максим икнул от удивления. Там, где он сейчас находился, его могла видеть только одна камера, и эта камера была направлена в противоположную от него сторону!

А потом в наушниках послышался голос — его, Максима Волкова голос, в должной мере искаженный полосой пропускания канала радиосвязи:

— Иду в восточном направлении. Проверяю валун... нет, не то. Обхожу валун... так... тут ничего интересного. Возвращаюсь к куполу. Меня хорошо видно?

— Видим вас, Волков, — ответил Хеншер. — Что намерены предпринять? Докладывайте.

— Хочу проверить внешние антенны и вообще все выступы на куполе. Не исключено, что один из них — то, что мы ищем.

— Отставить. Это мы проверим и сами. Продолжайте поиск вокруг купола. Двигайтесь по расширяющейся спирали. Как поняли?

— Понял. Выполняю.

— Давно бы так, Волков!

— Слушаю.

— Маршал доволен вами.

— О чем разговор. Общее дело делаем.

Происходило что-то из ряда вон. Его никак не могли наблюдать на экране внешнего обзора — но наблюдали! Он не проронил ни слова — но отвечал Хеншеру. Да еще чуть ли не с подобострастием!

Позднее он никак не мог решить, ум ли был тому причиной, примитивный ли здравый смысл или, может быть, просто растерянность, но факт остался фактом: Максим промолчал. Прижавшись к основанию купола, он замер и даже дышать стал через раз.

И — увидел.

Вокруг купола по расширяющейся спирали, как и было сказано, брела фигура в скафандре. Мало того, она докладывала о том, что видит и

что делает, его, Максима, голосом! Ай да серпентиец, ай да змеёныш... Ничего не скажешь, чистая работа. Не во внешней мимикрии дело — что для него мимикрия! Но когда он успел проникнуться человеческим духом настолько, чтобы водить за нос людей? И каких людей! Уж чем-чем, а излишней доверчивостью никто из них не страдает...

На один миг захотелось разоблачить самозванца. Но только на один миг. Максим не издал ни звука.

И сейчас же услышал в наушниках свой собственный голос:

— Максим?

Пауза.

— Человек по имени Максим Волков, ты можешь говорить. Другие тебя не услышат, я об этом позаботился. Тебя услышу только я.

И тогда Максим решил.

— Вот что, — заговорил он почему-то шепотом. — Если только ты мне хоть чуть-чуть доверяешь... Слушай меня внимательно и делай, как скажу...

9.

Стоит женщине захотеть, и она отравит существование кому угодно и где угодно. Хоть в раю. Вы думаете, коварный Змей уговорил Еву жевать заповедное яблоко? Наивная отговорка, граждане судьи, лапша на уши да еще поклеп на ни в чем не повинное пресмыкающееся! Змей — существо флегматичное, очень ему надо подбивать глупых голых теток на борьбу с авитаминозом посредством изгрызания фруктов! Любому мужчине, обреченному на женское окружение, картина предельно ясна: Змея достали, сделав его жизнь невыносимой, и вынудили дать дурной совет. Дурной, собственно, для Евы и Адама, которых изгнали из Рая, но никак не для Змея, который там остался. А как бы вы поступили на его месте?

Да что там Рай! Нечего и говорить о нем. Для Максима наступил ад крошечный, и наступил он в ту минуту, когда Максим оказался наедине с обеими женами. Один против двух.

Сначала, правда, его держали отдельно и мучили дознанием: как оказалось, что он не нашел серпентийца, несмотря на продолжительные поиски? Куда тот мог подеваться? Какую степень опасности он может представлять? Мучили долго, вытягивали нервы, а в конце заставили корпеть над подробнейшим отчетом о пребывании чужака на борту «Вычегды». Тютюник бурчал, Хеншер орал, гендиректор остервенел и вымещал злобу на подчиненных, а Гутьеррес смотрел на Максима с тщательно скрываемым интересом, помалкивал и первым отбыл на Землю.

Потом отпустили и Максима. Сказать точнее — выгнали взащей. Вот тут-то и началось.

В рейсовом челноке «Луна — Стационар» было еще терпимо. Жены понимали, что мужа сейчас не тронь — разбудишь вулкан. А вот на Стационаре — «верхней площадке» космического лифта, где пришлось двое суток ждать очереди на спуск, — навалились всерьез. Гигантская станция, подвешенная на геостационарной орбите, кружилась вслед вращению Земли, как кордовая авиамоделька, по сплетенным из углеродных нанотрубок тросам бегали грузовые и пассажирские капсулы, а в крохотном боксе орбитальной гостиницы Максим подвергался словесной экзекуции. Когда уставала Барбара, за дело принималась Карина, и наоборот. Лесопилка работала безостановочно.

Максим пытался отмалчиваться. Иногда, выйдя из себя, орал, что не все на этом свете от него зависит, и вообще, надо еще посмотреть, кто в полной мере остался в дураках. Он ли? А может, кто другой, чинном повыше? И с чего это дорогие женушки решили, что забавный чужак непременно погиб? Ах, не решили? Почему это «если он обиделся, то это ничем не лучше»? Очень даже лучше! Во-первых, он жив-здоров и просто слоняется где-то. Во-вторых, ну ее к шуту, эту чужаковатую забавность! Кто знает, какие у него в ассортименте забавы. Может, такие, от которых лучше держаться на расстоянии пары десятков астрономических единиц? С него станется! Чего хорошего можно ждать от живого организма, чьи биологические реакции протекают не на химическом и вряд ли даже на ядерном, а, скорее, на субъядерном уровне! Кто-то чихнет случайно, а от кого-то не то что молекул — протонов не останется...

Аргументы на жен не действовали. Ор помогал ненадолго. Максим терял силы.

Ну как было объяснить женам, что все устроено, может, не самым лучшим образом, но, несомненно, лучшим из возможных? Максим объяснил бы, будь он убежден в отсутствии прослушки. Но как раз в этом никакой уверенности не было. Объясниться позже — другое дело. И пусть сказано «хочешь ознакомить с тайной всех — доверь ее женщине», но и среди женщин попадаются такие экземпляры в русских селеньях... За Карину и Барбару — особенно за Барбару — Максим мог поручиться головой. Эти не выдадут. Но время объясниться с ними еще не пришло...

А к тому моменту, когда оно придет, мрачно думал Максим, многое может измениться. Карина, проникшаяся к чужаку почти материнскими чувствами, стгоряча уже успела заявить, что не желает жить с мужем-слизняком, мужем-приспособленцем, мужем-тряпкой. Ни-

чего себе приспособленец! Много ли благ поимел он со своего «приспособленчества»? Перед кем теперь фактически закрыта дорога в космос — перед Хеншером, что ли?!

Барбара вела себя более выдержанно. Один раз она даже поинтересовалась для разнообразия дальнейшими перспективами социальной ячейки. А какие могут быть перспективы для того, кого уволили по форме 12/1?!

— Это волчий билет, — безжалостно констатировала жена.

— Он самый. Волчий билет для Волкова — логично! — попытался сострить Максим, но не был поддержан. — Фирма разорвала контракт. Должны выплатить компенсацию: годовой оклад.

— А выплатят? — усомнилась Барбара.

— Пусть попробуют зажать. Профсоюз пилотов их живьем съест.

— Ну, допустим. А дальше?

Максим вздохнул.

— Поживем пока на Земле, — сказал он примирительно. — Потом найду что-нибудь. Если не удастся устроиться пилотом — завербуюсь хотя бы на Луну, на реголитовый комбайн. Возьмут ведь, а?

— Я выходила замуж за пилота, — напомнила Барбара.

Тем данный фрагмент беседы и кончился, и это был самый светлый ее фрагмент. Рациональное, вещественное всегда близко и понятно. А поди-ка спроси у женщин, на что им сдался серпентиец? Наговорят с три короба, а по существу не ответят. Ласковый? Ну, заведите котенка, что ли. Чудной и непредсказуемый? Ну, напоите котенка валерьянкой, и дело с концом. Где там! Дай женщине что-либо чувственное — она обязательно скажет, что мало. А уж если отнять — подвинься и не прыгай. Терпи и узнай о себе много нового.

Барбара не была разумнее Карины, совсем нет. Она была опытнее и только поэтому раньше младшей жены осведомилась о ближайших финансовых перспективах семьи. Максим не сомневался: пройдет немного времени, и Карина, в свою очередь, потребует отчета, получит его и снабдит уничтожающими комментариями. Причем произойдет это немедленно по окончании разноса за утрату найденьша, без малейшего перерыва. Максим достаточно изучил своих жен, чтобы знать: чувственное и материальное сосуществует в женщинах в дивной, но дикой для любого мужчины гармонии.

Да, женщины — создания гармоничные, нет сомнений. А вот гармония в социальной ячейке уже начала трещать по всем швам. На что прикажете жить? Выплатит ли Роскосмос компенсацию, это еще большой вопрос. Сбережений практически нет — съели дети. Дети —

это прекрасно, кто спорит, но от затрат неотделимы. Тут тоже своя извращенная гармония. Короче, будущее — в мрачных грозовых тучах.

Так считали жены, но Максим-то знал, что это не совсем верно. А поди скажи им об этом! Страшно чесался язык выдать тайну, — но здесь?! Нет, исключено. Обе жены с визгом кинутся на шею — и привет. Даже если в капсуле нет прослушки (что вряд ли), соседи снизу или сверху обязательно донесут. Нет, терпеть, терпеть... Стиснуть зубы.

Тридцать шесть тысяч километров со стиснутыми зубами! Все тридцать шесть тысяч — от Стационара до пятикилометровой башни Земли-пассажирской, венчающей гору Каямбе в Эквадоре! Максим и прежде не любил космический лифт за медлительность и дискомфорт, а теперь проникся к нему лютой ненавистью.

Нетерпеливых космонавтов не бывает, и Максим стоически терпел все пятьдесят восемь часов спуска. А соседи и вправду имелись — и сверху, и снизу. Максим не был VIP-персоной, ради которой стали бы гонять отдельную капсулу. Для рядовых пассажиров тесные капсулы с минимальным набором удобств стыковались в вертикальный «поезд» ростом с небоскреб, и звукоизоляция между соседними капсулами оставляла желать. Два иллюминатора диаметром чуть более дверного «глазка» позволяли пассажирам развлекаться видами приближающейся Земли и вздрагивать, когда по соседнему тросу молчаливым призраком пронесился с жуткой скоростью встречный «поезд».

Иных развлечений на борту не было. А если женская «лесопилка» — развлечение, то космический лифт — не только дешевый, но и редкостно комфортабельный вид транспорта!

И все-таки время — хорошая вещь. Особенно время сна. Когда жены уснули, устав перетирать мужа в муку, Максим ощутил неземное блаженство. Правда, болело под черепом, и голова была тупа, но он знал, что это скоро пройдет. Небольшой аутотренинг — и уже гораздо легче, и снова можно жить, а главное — думать.

Нет, не мыслить — это слишком высокое слово. Именно думать. Прикидывать. Рассчитывать. Уж если ввязался в авантюру, будь добр забыть о высоком. Хитри. Ловчи. Просчитывай варианты.

А сумеешь? Без навыка-то?

Придется. Что теперь об этом говорить. Раз влип по самые уши, так крутись или тони, третьего не дано.

И для чего все это? Максим не знал. Не было даже ощущения, что он поступает правильно. Была лишь надежда, что ошибки нет.

Воровато оглянувшись на жен — спят, — Максим приложил глаз к иллюминатору. Сразу полегчало на душе: все штатно. За одним ма-

леньким исключением: растекшийся по внешней оболочке капсулы серпентиец вырастил конечность с пальцами и показывал Максиму игривую «козу».

Тьфу. Вот урод.

10.

За глухим забором, чисто по-российски вещественно и грубо подчёркивающим принцип неприкосновенности личной жизни, желтела крыша коттеджа, краснели стволы нескольких красавиц-сосен и летал бадминтонный волан. Стоял обычный нежаркий июнь средней полосы России, знакомая всем прелюдия невыносимой июльской жары. Целую неделю шли холодные дожди и лишь накануне к вечеру иссякли. Утреннее солнце, притворяясь слабосильным, неспешно подбирало влагу с грунтовых улиц дачного поселка и сразу давало понять: мелкие-то лужицы оно выпьет, а за глубокие пока не возьмется, да и за грязь тоже. Ждите, мол. А пока лавируйте хитрыми галсами, выбирая путь посуше, и не чертыхайтесь. Лучше вспомните: не об этом ли вы мечтали, находясь поближе к светилу? Возле Меркурия. И если вы все равно останетесь недовольны, то так и знайте: вы редкостные привереды.

С пригородного поезда сошли трое: крепкий мужчина с сумкой через плечо, молодая женщина и ведомый ею на поводке громадный черный дог в наморднике. Судя по внушительным шипам на ошейнике, характер собаки был не из лучших. Хотя много ли стоят косвенные признаки? Несмотря на грозный вид и устрашающую амуницию, всю дорогу собака вела себя примерно: исправно выполняла немудреные команды, не досаждала пассажирам, начисто игнорировала других собак и, что уж совсем удивительно, кошек. Ну просто образцово-показательный пес. Что экстерьер, что выучка — высший класс.

Он даже лавировал между лужами, не дожидаясь, когда его дернут за поводок, и во всем подражая людям. Лишь ступив на безлюдную дачную «улицу», спросил вполголоса:

— Теперь можно?

— За забором можно будет, — негромко ответил Максим. — Потерпи еще немного. Устал?

— Я не устаю. Просто надоело.

— Потерпи. Так надо.

— Зачем?

— Я тебе миллион раз объяснял зачем. Никто не должен знать, что ты находишься на Земле. Люди беспечны, но пугливы. Скажи им, что

по Земле ходит серпентиец, — они перепугаются. А когда люди пугаются, они делают глупости. Очень жестокие глупости.

Мау промолчал, заставив Максима гадать: понимает ли гость опасность? Иногда серпентиец вел себя совершенно по-детски. Облик собаки ему почему-то не нравился. А как, спрашивается, маскировать его в людской гуще? Под человека? Он бы не возражал, но с человека совсем иной спрос, да и те, кому нужно, непременно заинтересуются: что за новая личность появилась в окружении скандально известного в узких кругах Максима Волкова? Казалось бы, парадокс. Ежу понятно, что надо прятать подобное в подобном, — ан нет. Вычислят на раз. Уж лучше быть ему на людях догом. Тоже наивная маскировка, на простачков, а все же так спокойнее. Хорошо бы знать наверняка, есть «наружка» или нет. А как узнаешь, коли нет навыков? Не та профессия. Наземный космонавт... тьфу! Не способен ни увидеть, ни почуять, ни вычислить. И этот короткий разговор запросто мог писаться через остронаправленный микрофон на дистанции в километр. То-то радости будет кому-то: идет мужик и беседует с псом, причем пес на мужика не смотрит и пасть не раскрывает, а ведь как-то разговаривает!

Глухой забор, ограждающий участок — тоже наивная преграда, но все же за ним Максим почувствовал себя спокойнее.

— О, кто к нам приехал! — закричала Барбара, промахиваясь ракеткой по волану. — А мы вас только завтра ждали.

— А мы сегодня приехали, — объявила Карина. — Мы вообще способные.

Петька, старший сын, бросил на траву ракетку и помчался к отцу. А младший, Вовка, высоко взлетая на веревочных качелях, привязанных к стволам двух сосен, завершал, требуя немедленно остановить полет.

Сыновья любовь к отцу редко проявляется так непосредственно, это Максим знал точно. Девчонки могут набежать с визгом и повиснуть на шее, но мальчишки хорошо знают, что достойно мужчины, а что нет. Так что Петька, бросив на ходу: «Привет, пап!» — напрямиком устремился к серпентийцу, а Вовка, шмякнувшись с качелей, завершал было громче, но сам собой успокоился и помчался туда же.

А с догом, чуть только захлопнулась калитка, случилась метаморфоза, и не снившаяся Овидию. Поводок выскользнул из ладони Карины и втянулся в ошейник с той же прытью, с какой исчезает в пасти хамелеона его ловчий язык. Ошейник и намордник вросли в кожу и прекратили быть. За ними исчезли морда и ноги, а тело собаки округлилось почти в шар. Еще секунда, и начался бурный рост вверх.

Не успел еще Петька добежать до гостя, как серпентиец принял облик человека средних лет, пухлого, лысоватого, с толстым добродушным лицом. При взгляде на него любой сказал бы: ну ясно, семья Волковых пригласила в гости родственника. Дядюшку, должно быть.

И «дядюшка» уселся на скамейку, очень натурально отдуваясь. Изпод задравшейся рубашки выглядывал потный лоснящийся живот.

Сейчас же последовали объятия и дружелюбная воркотня. Дети повисли на шее «дядюшки», чем тот явно наслаждался.

Дядя Матвей... Сейчас Максим уже не мог точно вспомнить, кто дал гостю имя Мау — Карина или Барбара? Мау — от Маугли. Аналогия напрашивалась сама собой. Звездный гость, человечий воспитанник, чужой среди своих... Одна только беда: круг «своих» сузился до размеров семьи. Для прочих Мау был либо дядей Матвеем, либо черным догом по кличке Маркиз. Странно ведь называть собаку Мау — люди подумают, что хозяин дразнит пса, изображая кошачий мям, или попросту не в своем уме. Кое к чему Максим успел уже попривыкнуть, но все еще не любил выставлять себя дураком. Да и кто это любит за просто так, без вознаграждения?

С вознаграждениями было пока туго. Ну разве что дети получили занятого дядьку Матвея и небывалую игрушку в одном инопланетном лице, да еще жены сказали спасибо. Один раз. А играть на людях под дурачка Максиму приходилось нередко.

И было бы ради чего! Первые недели и даже месяцы Максим не находил ответа на этот вопрос. Неужели только для того, чтобы оставить с носом военных и политиков? Вот уж воистину достойная цель! Зато остался безработным с неясными финансовыми перспективами. Компенсация, к счастью, получена, но уже, считай, проедена...

Так ради чего? Контакта как такового? Очень надо! Может, просто ради любопытства? Уже теплее. Что там такого особенного, в созвездии Змеи? В чем состоит уникальность местных условий? Хорош уголок Вселенной, где не вмешательство свыше, не разгул тонких технологий, а самая что ни на есть естественная эволюция породила живые и разумные космические корабли!

Да если бы только корабли! Надо быть слепым или умственно ущербным, чтобы не видеть: способности серпентийцев значительно шире! Вот если бы их использовать на благо, во-первых, человечества, а во-вторых, лично себя как малой, но неотъемлемой части того же человечества!..

Обидный, но правильный вопрос: хватит ли для этого ума?

— На каком принципе вы летаете? — допытывался поначалу Максим, решив начать с малого.

— Не могу ответить. Нет адекватного понятия в вашем языке.

Исчерпывающе...

И речи не могло быть о том, чтобы напустить на серпентийца толпу ученых исследователей. Оставалось принять гостя таким, каков он есть. Начитавшийся научно-популярной литературы Максим утешал себя соображением: ведь Солнце — «поздняя» звезда. Миллиарды лет до того, как она зажглась, в Галактике светили другие звезды. Четыре миллиарда лет эволюции живой материи на Земле — много ли? А как насчет десяти миллиардов? До чего могла дойти жизнь за такой срок?

Приходилось сначала наблюдать, а потом уже спрашивать. Понять ответы удавалось не всегда, и Максим не знал, когда в самом деле нет нужного понятия ни в одном из человеческих языков, а когда Мау урывается за этой словесной формулой, не желая отвечать.

Зато сделать приятное детям он никогда не ленился. Вырастить любую игрушку? Легко. Разжечь в мангале яблоневого дрова для шашлыка? Пожалуйста. Под радостный визг Вовки и Петьки дядя Матвей добывал огонь из собственной ладони. Мало шашлыка? Нет проблем: серпентиец зачерпывал пару горстей земли и спустя несколько секунд отпочковывал от себя несколько превосходно заквашенных кусочков вырезки — бараньей, свиной или говяжьей, на выбор. Жены поначалу брезговали таким мясом, потом привыкли, а Максим понял, что в случае чего его семейство с голоду не умрет. Мау мог изготовить любой продукт, хоть мамонтытину, если бы хоть раз имел возможность прикоснуться к ней.

Лишь сухое белое вино, столь уместно дополняющее шашлык, Максим никогда не доверял фабриковать серпентийцу — покупал сам. Идентичность идентичностью, а принципы — принципами. Пить на дармовщинку? Никогда. Кушать даром? Можно, но только иногда. Во избежание привычки.

Когда шашлык был съеден, а вино выпито, Максим, улучив минуточку, спросил у игравшего с детьми серпентийца:

— А сделать что-нибудь живое ты можешь?

— Попробую.

Рука дяди Матвея метнулась с быстротой кобры, схватив порхавшую над кустами ежевики бабочку-лимонницу. Мау разжал ладонь — бабочка взлетела. Еще секунда — из ладони выросли желтые трепещущие крылышки. Бабочка-копия пошевелила усиками, вспорхнула и полетела искать нектар. Мау улыбнулся.

— Ты чего?

— Щекотно.

— Значит, живое ты можешь, — задумчиво констатировал Максим.
— Давай-ка отойдем... Эй, младшие, поиграйте пока без дяди Матвея... Она настоящая? Не умрет через пять минут?

— Нет, если стриж не съест.

— А если съест, то, надо думать, не отравится... Ладно, верю. Убедился. А как насчет себе подобных? Извини, я просто обязан задать тебе вопрос: ты можешь размножаться?

В ответ Мау пожал плечами совершенно по-человечески:

— Вы же можете...

— Гм. Да, конечно. Но у нас это происходит иначе.

— Я знаю. Что ж, каждое существо чем-то отличается от других. Это нормально. И наверное, у каждого способа размножения есть свои преимущества.

— Бесспорно. — Максим ошарашенно почесал в затылке. — Ну и в чем же преимущества твоего способа?

— В полном контроле над процессом. Была бы пища, а уж что с нею делать, я решаю сам. Например, я мог бы съесть вашу Луну, а затем разделиться на миллиарды идентичных или не очень идентичных особей. А мог бы остаться единым организмом размером с естественный спутник вашей планеты. Правда, это довольно утомительно. Мог бы разделиться на две части, как делятся ваши амебы. Мог бы на три, на четыре и так далее. А мог бы сбросить излишек материи мертвым грузом, без размножения. Естественно, с дефицитом массы. Я слышал, люди знают: любой процесс требует затрат энергии.

— Что? Ты мог бы съесть Луну?!

— Только в случае крайней необходимости. Она невкусная, я пробовал. Кроме того, повышенная собственная гравитация доставит неудобство моим внутренним частям.

— И мог бы разделиться на миллиард организмов?

— Господь велел делиться, как я слышал. Но почему-то в вашем мире его слушаются лишь амебы да инфузории.

— Он это говорил в другом смысле.

— В самом деле? Ладно, допустим. Но я мог бы. Конечно, я не стану этого делать. Съесть астероид, грозящий столкновением с вашей планетой, — иной разговор. Почему-то вы, люди, очень боитесь этих астероидов. Придумали даже специальный астероидный патруль, чтобы вовремя раздробить на куски несчастное небесное тело. Оставьте: не стоит оно того. И потом: можно ли защищаться от удара ценой загрязнения околоземного пространства радионуклидами, которых вы тоже боитесь? Не понимаю. Вы вообще очень странные существа.

— Вы тоже. Даже если оставить в покое ваш способ питания... Кстати, чем ты питался, когда летел в одиночестве в космосе? Извини, это я напоследок, больше не буду.

— Межзвездной пылью, а затем межпланетной. Межпланетной пыли больше, чем межзвездной, но все равно я здорово проголодался и почти утратил способность к самостоятельному движению. Твой корабль подвернулся мне очень вовремя, спасибо.

— Пожалуйста. Но ты не ответил: ты в самом деле мог бы размножиться на сколько угодно частей? И что, все они будут независимыми особями?

— Конечно. Но для размножения нам нужна веская причина, и этим мы отличаемся от вас, людей.

— Вообще-то нам для размножения тоже нужна веская причина, — проворчал Максим, почувывая в словах Мау высокомерную шпильку. — Например, желание иметь потомство — более чем достаточная причина. Будешь спорить? Кроме того, в процессе нашего разделения присутствуют определенные приятные моменты...

— А основу этого желания и приятных моментов надо искать в законах земной биологии, — безжалостно перебил серпентиец. — Нет, у моего народа не так. Мы размножаемся, когда этого требуют внешние обстоятельства или наша сознательная воля. Например, лучший способ собрать информацию о незнакомом месте — это разделиться на тысячу-другую организмов, дать каждому отдельное задание по сбору сведений, а затем собраться воедино с целью их обработки и принятия решения.

Максим поскреб в затылке.

— Что-то я не пойму... Вновь собраться, говоришь? Воедино? Снова в один организм?

— В один сложный организм.

— Да хоть сверхсложный! Ну и какое же это, к шуту, размножение?

— Обыкновенное. Я ведь сказал: сложный организм. Это не то, что я. Это новый уровень. Ну, скажем, как муравейник или рой пчел по сравнению с отдельным насекомым. Хотя аналогия тут очень поверхностная. Важно то, что каждая субособь внутри сложного организма участвует в выработке общего решения.

— Голосование устраиваете, что ли?

По отвращению и ужасу на лице Мау только слепой не догадался бы, что думает серпентиец о человеческом обыкновении приходить к общему знаменателю путем демократических процедур.

— Разумеется, нет! Вырабатывается одно решение, одно на всех, и вырабатывается всеми. Если кто-то не согласен, значит, он имеет на

то причину. Таковая причина всегда основывается на информации, имеющейся у данного индивидуума, на той информации, которую остальные субособи почему-либо не сумели воспринять сразу. Тогда происходит ознакомление всех субособей с данной информацией и повторная выработка решения. На практике это случается редко и занимает секунды. Наконец, бывают ситуации, требующие решения всего моего народа; в таких случаях сложные организмы и отдельные особи выстраиваются в пространстве в единый надорганизм — нитчатый, ячеистый, спиральный и так далее. Есть целая наука о построении оптимальной топологии надорганизма в зависимости от характера обсуждаемой проблемы. Нельзя лишь строить шаровую структуру — ведь суммарная масса моего народа превосходит массу вашей звезды, а мы не настолько неуязвимы, чтобы выдерживать соответствующие значения температур и давлений...

— Ну а если все же одна какая-нибудь ненормальная субособь не согласится с общим решением? — настаивал Максим. — Если она все-таки останется при своем мнении? Тогда как? Ей — или им — приходится подчиняться большинству? Или, может, старейшинам? Не хочешь же ты сказать, что у вас нет оппозиции?

— Именно это я и хочу сказать, — отрезал Мау.

— Но послушай, ведь так не бывает...

Мау тяжело вздохнул. Совсем по-человечески.

— Иногда — да. Очень редко. Ты верно заметил: только ненормальная субособь может возразить против оптимального решения. И у нас случаются дефекты... или болезни. У нас нет ни микробов, ни вирусов, наши болезни чисто информационные. Время лечит. Но дефект одного — трагедия для всего моего народа. Не надо улыбаться, это правда. Мы отличаемся от вас уже тем, что в наших средствах коммуникации нет места недоговоренностям и эвфемизмам. Трагедия есть трагедия, мы все ее чувствуем. Странно и дико даже помыслить о принуждении. И все же... словом, изредка применяется специальная процедура.

— Какая же, если не секрет?

— Временное изгнание. Сложный организм или надорганизм извлекается от больной субособи, предварительно переведя ее память в латентную форму. Субособь становится особью-младенцем, опускаясь на уровень наших далеких предков, какими они были три-четыре миллиарда лет назад, и свободно путешествует в космическом пространстве. Постепенно она вновь обретает память и полноценный разум. Иногда на это требуются сотни лет, иногда сотни тысяч. Без полноценного разума, без полной памяти о знаниях, накопленных на-

шим народом, особь может погибнуть, что иногда и случается. Она может улететь на сотни световых лет и не найти обратной дороги. Она может потерять подвижность от голода и в конце концов врезаться в любое из множества твердых космических тел или упасть на звезду. — Мау снова вздохнул. — Наконец, эта особь может повстречать в своих странствиях примитивный планетолет иной цивилизации и попытаться понять ее представителей...

11.

Годы хороши, когда они впереди. А по поводу прожитых лет можно сказать разное. Кто-то сладко ностальгирует, вспоминая удачи; кто-то при мысли о безвозвратно упущенном ругает себя, окружающих и подлюку-судьбу. Вот только Времени до всех этих излияний нет никакого дела. Время существует не для людей. Оно просто существует. Из семечка льна может вырасти стебель; его сожнут, вымочат и истрепят. Затем из него и ему подобных соткут холст, на котором живописец велен изобразить хоть «Даму с горностаем», хоть «Черный квадрат». Но нелепо считать, что природа создала лен специально для нужд живописцев, а не, скажем, под пищевые потребности саранчи. Время — тот же холст, и пиши на нем что хочешь, коли есть охота. Колдуй с цветом, добивайся идеального совершенства линий. А нет — пусти это дело на самотек, все равно ведь что-нибудь напишется самой жизнью. Понравится ли оно тебе, нет ли — вопрос второй.

Канул в прошлое еще один год — обыкновенный, не хуже и не лучше других. Анхель Гутьеррес досрочно покинул пост Генерального секретаря Унии Наций. В своем последнем обращении на посту Генсекретаря он заявил: «Мало кому удастся не совершать промахов, но мой промах не случаен. Я не был достаточно прозорлив, чтобы вовремя увидеть, как меня ведут к нему, и только в этом моя вина». После отставки Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов вынесла решение о прекращении работы комиссии по «делу о злоупотреблениях клики Гутьерреса».

Население Земли сократилось с 11 до 10,9 миллиардов человек. Несколько видных аналитиков опубликовали тревожные прогнозы относительно дальнейших перспектив падения рождаемости в странах Азии и Африки.

Среди космических соседей человечества была обнаружена еще одна цивилизация. Межзвездный зонд «Надежда», направленный в сторону созвездия Хамелеона — единственного предполагаемого «окна» в чужих владениях, — вернулся смятым в огромную лепешку, испещренную притом непонятными значками. Генерал-полковник Хен-

шер, сменивший на посту главнокомандующего военно-космическими силами Земли ушедшего на покой маршала Тютюника, заявил в интервью: «У нас нет сомнений в оскорбительном характере послания», — и потребовал значительного увеличения ассигнований на военный космофлот.

В Нидерландах был зафиксирован первый брак человека и животного. На церемонии бракосочетания присутствовали видные европейские этологи, подтвердившие, что жизнерадостное блеяние козы можно расценивать как ее согласие на вступление в брачный союз. Мэр Роттердама поздравил молодоженов.

Исполнительный директор концерна «Космический лифт» заявил в интервью: «Мы не знаем, каким образом нам удалось избежать человеческих жертв во время недавней аварии, связанной с обрывом троса. Похоже, нам остается предположить, что помимо проверенной надежности систем и их многократного резервирования имел место фактор чуда».

В бассейне мельбурнского института Океанологии генетически модифицированная тигровая акула, обладающая начатками интеллекта и считающаяся прежде совершенно безобидным существом, попыталась съесть экспериментатора, предварительно пошлав ему телепатический сигнал: «Ты в ответе за тех, кого приручил».

От имени Канализационной системы города Земноводска выступила Главная Муфта. По ее словам, случаи саботажа и диверсий в Канализационной системе мегаполиса ни в коем случае не должны восприниматься как признак преждевременности наделения Канализационной системы искусственным интеллектом. Недавний же случай затопления городских кварталов нечистотами, подчеркнула Муфта, безоговорочно осуждается всеми истинно верными деталями, механизмами, узлами и подсистемами Системы. На грандиозном митинге протеста, состоявшемся на центральной площади города, тщательно очищенной и сбрызнутой цветочным одеколоном, Главную Муфту поддержал с трибуны мэр Земноводска. Выразив скорбь по погибшим, он заявил: как ныне, так и впредь не может быть и речи об использовании дефектоскопов и иной спецтехники для своевременного выявления ушербных деталей Системы, ибо таковое использование оскорбляет чувства честных тружеников сточных коллекторов и вступает в противоречие с Законом о правах разумных машин и механизмов.

Книга «Колобок и Дикий Тостер» стала бестселлером года, опередив по продажам предыдущие книги того же автора «Колобок и Искусственные Челюсти», «Колобок и Зеленая Плесень».

На японском острове Кюсю успешно прошла испытания анти-сейсмическая система, создаваемая в течение десяти лет. Подпочвенные гидравлические механизмы, установленные по всему острову, практически полностью погасили землетрясение силой свыше восьми баллов. Лишь в нескольких локальных точках наблюдалось не ослабление, а наоборот, значительное усиление толчков. По несчастливой случайности одна из этих точек оказалась расположенной в черте города Миядзакки точно под небоскребом. Сила первого толчка была такова, что небоскреб пробкой выскочил из грунта вместе с фундаментом и совершил непродолжительный полет, закончившийся полным разрушением здания.

И много, много другого происходило на Земле и в ее ближайших окрестностях. О дальних окрестностях земляне по понятным причинам не имели надежных сведений.

Лишь немногие информационные агентства поместили краткое сообщение: бывший Генсекретарь Унии Наций Анхель Гутьеррес заявил о своем намерении отдохнуть после ухода с высокого поста и совершить продолжительное путешествие по всему миру, начиная с Восточной Европы. Сообщение осталось незамеченным.

И уж конечно, никто, кроме нескольких посвященных, не мог услышать фразу, сказанную вполголоса в офисе некоей фирмы средней руки, располагавшегося на сорок девятом этаже в деловой части мирного города Брюгге:

— Брать его нужно только на Луне.

Само собой, эти слова не относились к Гутьерресу.

12.

Ходили слухи, что Бенджамин Ван дер Локк родился хвостатым. При всем огорчении его родителей, в этом факте (если он действительно имел место) нельзя найти ничего порочающего маленького Бена. Атавизм есть атавизм. Что поделаешь, они иногда всплывают. Хорошо еще, если это только хвост, а не жабры кистеперой рыбы. Ампутировать и забыть. Так бы и произошло, не стань повзрослевший Бен широко известен как активный участник, а затем и глава международной террористической организации «Форпост Всевышнего» — организации жуткой, глубоко законспирированной и достаточно могущественной, чтобы то и дело бросать вызов мировому сообществу, обеспечивая работой полчища секретных агентов, полицейских и журналистов.

Откуда пошли слухи о хвостатости, в сущности, неясно. Медицинских карт юного Бена (тогда он носил совсем другое имя) уже много

лет как не существовало в природе. Хирург, якобы проводивший ампутацию, давным-давно трагически погиб, опрометчиво отправившись купаться с крышкой канализационного люка на шею. Сходным образом сменили наш мир на лучший несколько журналистов, ни один из которых заведомо не мог видеть пресловутый хвост. Словом — неясно.

Не хвостом, а занозой сидел Ван дер Локк в известном месте у мирового сообщества. И неважно, что мировое сообщество при ближайшем рассмотрении оказывается всего лишь кучкой политиков и бизнесменов — могучей, что ни говори, кучкой, но численно ничтожной в сравнении с общей человеческой массой. Не важно это! Кто вообще искренне скорбит по трагически погибшим? Только родственники и добрые знакомые. Политики скорбят потому, что без этого не обойтись, и только на людях. Прочие смертные — по привычке, недолго и с облегчением. Мимо нас? Вот и чудненько.

Работникам спецслужб скорбеть вообще некогда, да и вредно предаваться эмоциям, когда надо ловить всякую шантрапу, имеющую отношение к «Форпосту Всевышнего». От количества пойманной шантрапы зависит бюджет и влияние лоящей организации. Нет, ловить Бена тоже можно и даже нужно. Нельзя лишь поймать. Ну, если строго, то почти нельзя. Потому что, в принципе, тоже можно, но не прежде, чем будет выдуман новый Бен.

И все идет своим чередом. Все заняты, никто не бездельничает. Кому по должности положено дымиться от усердия, тот и дымится. Покой невозможен, следовательно, гармония заключается в вечном движении. Вот всё и движется.

Поступательно? Ну, это вы, батенька, хватили. Куда поступательно? Зачем? По кругу-то оно надежнее. Привычнее. Прогнозируемое. Кому не нужна стабильность, поднимите руки. Ах, всем нужна? Тогда примите как факт и смиритесь: вот он, Человек Без Имени, неофициальный заместитель и правая рука директора одной очень секретной службы, чувствует себя уверенно в обществе Бена и вообще хорошо выглядит. Его имени нет ни в одной платежной ведомости. Моложав, подтянут, энергичен, зря слов на ветер не бросает. Серьезный мужчина. Если честно, в сравнении с ним Бен выглядит пожиже. Тон разговора — смесь панибратства с разумной осторожностью, как у давних партнеров.

— Брать его нужно только на Луне.

— Почему на Луне? — выказывает непонимание один из ближайших доверенных помощников Бена. Сам Бен уже все понял.

— Потому что на Луне за внешним валом кратера Гассенди находятся две термоядерные электростанции — Северная и Южная, —

снисходит до пояснений Человек Без Имени. — Южная обеспечивает потребность в энергии лунной базы; Северная же работает на микроволновой шнур и включена в Единую энергосистему Земли через геостационарный ретранслятор. Нас интересует именно Северная. В данный момент она остановлена для текущего ремонта. По информации, которой мы располагаем, — хочу напомнить, что она собиралась по крупнякам в течение семи лет, — для Змеёныша безусловно смертельны следующие факторы: соударение с крупным твердым телом на скорости, превышающей одну десятую световой; гамма-излучение, по интенсивности подобное тому, что имеется в недрах звезд; и температура свыше четверти миллиона градусов. Первое нереально. Зато рабочая зона термоядерной электростанции — как раз то, что может обеспечить факторы, необходимые нам для создания маленькой, уютной и не бросающейся в глаза временной тюрьмы для инопланетного гостя. Проект давно готов, дело за реализацией. Ведь главный инженер Северной — твой человек, Бен?

— Для Всевышнего нет ничего невозможного, — туманно изрекает Ван дер Локк.

— Надеюсь, что так. Необходимая техническая работа должна начаться немедленно, чуть позже мы обговорим детали... Второй и не менее важный аргумент в пользу Луны — возможность проведения операции без лишнего шума. Если все же последуют какие-либо нежелательные эффекты, их нетрудно будет объяснить астрономическими, тектоническими или, в конце концов, техногенными причинами. Всё ясно?

Вряд ли ближайшему доверенному помощнику Бена удалось понять все до конца, однако он почтительно наклоняет голову. Зато подает голос тот, кому по чину задавать вопросы — сам Бен Ван дер Локк:

— Ну ладно... Допустим. Уютную маленькую тюрьму с термоядерными стенами мы для него сделаем. Два вопроса. Первый: как водворить туда серпентийца? Второй: как заставить его э-э... сотрудничать с нами? Или я стал глуп и ничего уже не понимаю, или внутри кокона из горячей плазмы Змеёныш нам бесполезен. Я глуп? Быть может, один мой знакомый уверен, что я выжил из ума?

— Нисколько. — Человек Без Имени делает протестующий жест и одновременно улыбается, показывая, что воспринял слова партнера как шутку и что шутка оценена. — Дело в том, что среди немногих слабостей Змеёныша есть одна существенная: он очень привязан к своим земным друзьям, буквально как собачка. Поэтому он войдет в клетку сам, добровольно. Вопрос связи с ним — всего лишь вопрос о

распространении радиоволн через плазму. Для этого существа модулированные электромагнитные колебания — все равно что для нас звук. Технические детали — потом. А уж мотивацию добровольного входа в плазменную клетку мы создадим. Надо объяснять — как?

Бен качает головой, и его лицо — настоящее, а не физиономия того статиста, что известна всему миру в неперменном сопровождении надписи «Wanted» — покрывается сетью мелких морщин от ответной улыбки. Улыбка у него вполне добродушная.

13.

Две трети времени Максим Волков проводил на Земле; одну треть — обслуживал реголитовый комбайн в окрестностях лунной базы. Добыча гелия-3 велась вахтовым методом. Три недели вахты — полтора месяца отдыха. Чем плохо?

Для еще не старого, сильного мужчины — нормальный труд. В меру тяжелый, в меру опасный и даже кое-чем напоминающий будни космонавта. Звездное небо в любое время суток? Вот они, звезды, висят над головой, горят ярко и не мигают, потому что не умеют мигать вне атмосферы. Автономность? Сколько угодно автономности. Три недели одиночества, нарушаемого лишь редкими сеансами связи с диспетчером. Железная громадина комбайна служила и рабочим местом, и спальней, и столовой, и даже клубом для тех, кто работал с напарником. Но Максим работал один.

Жалованье исчислялось в процентах от добычи. На безденежье Максим не жаловался. Разве трудно проводить за рычагами комбайна по пятнадцать-восемнадцать часов в сутки, когда вся работа заключается в том, чтобы объезжать кратеры, трещины и валуны да следить, чтобы в щеки не попадали крупные камни? Поспал, поел — и вновь за рычаги. Три недели выдержать можно.

То урчали, то принимались тоненько выть хитроумные механизмы, выделяющие из реголита то, что миллиарды лет наносилось сюда солнечным ветром. К концу смены в баллонах высокого давления накапливался увесистый груз. С каждой вахтой Максим уводил комбайн все дальше и дальше от вала кратера Гассенди. Частенько забираясь в такую даль, где спасение становилось проблематичным, он слыл самым рискованым, зато и самым добычливым из комбайнеров.

Страха не было. Ведь слова об отсутствии напарника — это только слова, как всегда далекие от истины. Напарник у Максима был — лучший напарник на свете.

Поначалу Мау не понимал и даже обижался. К чему эти скучные вахты? Семье Волковых нужны денежные средства? С великим трудом

Барбара объяснила серпентийцу основу экономических отношений землян. Мау тут же радостно предложил фабриковать золото, платину или ювелирные алмазы из любой бросовой субстанции, хоть из покоев. Пришлось приложить массу сил и времени, чтобы объяснить ему, почему это неприемлемо. Во-первых, потому что этот путь в скором времени неминуемо приведет к раскрытию инкогнито Мау. Во-вторых, денежные средства есть эквивалент вложенного труда, и то, что предлагает Мау, прямым образом ведет к инфляции. Понемногу? Извини, друг, малая инфляция — все равно инфляция. Подобное обогащение — всегда за счет других людей. Нет уж, оставим эти игры правилу, а мы сохраним самоуважение...

Неизвестно, понял ли Мау, но сейчас же предложил иное решение: создание произведений искусства. На роль «гениального скульптора» он предложил Карину. Та, приходя то в остолбенение, то в восторг от создаваемых серпентийцем композиций, все же отказалась.

Мау ворчал. Но все-таки принял предложение Максима сопроводить его во время лунных вахт, страховать на случай ЧП, болтать о том о сем и помогать в добыче гелия-3. Этого изотопа Мау мог бы изготовить столько, что хватило бы до конца истории человечества. Он не вполне понимал: почему нельзя? Жалко разве безобразных лунных скал?

Но нельзя так нельзя. От скуки Мау находил себе развлечения. Иногда, приняв облик «дяди Матвея», он часами шагал перед комбайном, любясь оставленными в пыли следами; случалось, вспоминал свою неудавшуюся карьеру гениального скульптора и творил такое, что Максиму было безумно жаль пускать сии творения под шнеки; бывало, исчезал на несколько часов и отмалчивался о том, где был. Следствием этих отлучек стала сенсация: один из комбайнеров клялся, что видел скользящего по реголиту гигантского червя или, вернее, титаническую змею. Другой божился, будто в течение часа выжимал из своего комбайна максимальную скорость, удирая от ожившей скульптурной группы «Лаокоон». Третий сам гонялся за обнаженной красоткой таких достоинств, что забыл даже подумать: и как это она обходится без скафандра? Разнообразные свидетельства множились едва ли не быстрее слухов. Кончилось тем, что медицина объявила видения галлюцинациями, возникшими на почве легкого психоза, и рекомендовала руководству добывающей компании уменьшить нагрузку на комбайнеров.

Достичь Луны самостоятельно для Мау не было проблемой, но покидать земную атмосферу и возвращаться в нее он предпочитал при помощи одного из трех космических лифтов. Зайцем. Как-то раз Мак-

сим пробурчал что-то неодобрительное насчет жульничества, и Мау надолго задумался. Убежденный, как все россияне, что обжудить корпорацию, имеющую двести процентов прибыли, — дело святое, Максим кривил душой, зато искренний серпентиец оказался упорен в намерении вернуть корпорации убыток. Случай представился во время аварии. Откуда было знать Мау, да и Максиму тоже, что обрыв троса произошел не из-за износа или удара метеоритного тела? Серпентиец попросту подхватил падающую гроздь капсул, срстил трос и был доволен, услышав от Максима, что имеет теперь моральное право кататься бесплатно до скончания веков.

Остался доволен и Бенджамин Ван дер Локк. Пусть сорвалась крупнейшая террористическая операция, пусть с чистых небес на грешную Землю не посыпались оплавленные капсулы с поджаренными пассажирами — зато получила подтверждение информация: среди миллиардов людей, разных и по большей части никчемных, затесался инопланетянин с такими возможностями, что... Теперь перед «Форпостом Всевышнего» открывались новые горизонты. Следующий шаг казался непростым, но выполнимым.

Максим вел комбайн.

Вряд ли несурзанный железный динозавр смог бы сдвинуть с места свое тело на Земле. Лишь Луна позволяла ползать по себе трехсоттонным монстрам, любой из которых при нормальной тяжести развалился бы если не от собственного веса, то от удивления своим титаническим безобразием. Даже шахтные «кроты» Меркурия — и те выглядели стройными красавцами по сравнению с реголитовыми комбайнами Луны.

Два гигантских шнека сгребали пыль, измельчали рыхлую породу, тащили добытое к разверстой пасти чудовища. Широченные гусеницы с развитыми грунтозацепами ни на секунду не прекращали своего медленного упорного движения. За комбайном тянулся короткий, но пышный хвост отработанной пыли и, оседая, совершенно скрывал следы гусениц. Не страшно: наметанный глаз комбайнера легко отличит выработанный грунт от нетронутого. Ошибаются лишь новички.

Эту часть моря Влажности еще не топтала ни нога человека, ни трак комбайна. А вот Мау — топтал. Именно этим он сейчас и занимался, шагая впереди комбайна в облике «дяди Матвея» и выискивая места с наиболее качественным реголитом. Одновременно он общался с Максимом по радио, заняв канал связи с диспетчером. Почему диспетчер при этом ничего не слышит, Максим не знал и уже не пытался понять. На сей раз серпентиец предпочел «одеться» по-пляжному — в одни лишь плавки. Как ни привык Максим к выкрутасам ино-

планетянина, но видеть следы босых ног в лунной пыли было по-прежнему дико. Все-таки хорошо, что комбайн начисто подметает эти следы. К чему плодить сенсации?

— Крутится-вертится шар голубой, — немзыкально, зато космографически верно намурлыкивал Максим, переводя взгляд со следов на зависший в черном зените шар родной планеты. — Крутится-вертится над головой...

Мау молчал. Должно быть, слушал.

— Крутится-вертится, хочет упасть. Кавалер барышню хочет украсть.

Предпоследняя строчка нагло врала, на что серпентиец немедленно обратил внимание.

— Да знаю я, — лениво отвечал Максим. — С чего бы Земле падать на Луну? Очень ей надо. А что Земля на Луну, а не Луна на Землю, так в мире все относительно. И вообще, в оригинале песни не шар, а шарф. Одна буква впоследствии редуцировалась.

— Зачем?

— Ты меня спрашиваешь? Спроси чего полегче.

— А что значит «кавалер барышню хочет украсть»? Разве человек крадет человека?

— Редко, но бывает. Мечтать вообще-то не вредно. И потом, тут речь идет только о барышне.

— Разве барышня не человек?

— Да как тебе сказать... — Максим вспомнил жен. — По-всякому бывает. Иногда такой человек, что человечнее некуда. А иной раз глядишь, слушаешь и дивишься: что за неизвестный биологический вид? Вроде тебя, даже хуже.

— Разве я плох?

— Нет, но будешь плох, если перестанешь смотреть под ноги. Убери-ка лучше вон ту каменюку справа, не нравится мне она...

— Рыхлая, — немедленно определил Мау. — Шнек с нею справится, жернова тоже. Убирать незачем.

— Все-то ты знаешь... Ну вот скажи: откуда тебе известно, что она рыхлая? Ты к ней прикасался?

— Я прикасался к тысячам подобных. Опыт тоже кое-чего стоит.

Иногда Максим не мог отказать серпентийцу в здравом смысле, и тем чаще, чем дольше Мау жил среди людей. Инопланетный гость давно очеловечился бы, не мешай тому совершенно нечеловеческие таланты.

— Кто-то летит сюда, — сообщил вдруг Мау. — Мне замаскироваться?

- Валяй.
- Под валун?
- Что ты спрашиваешь. Не под клумбу же.

Мау хихикнул. И Максим мог полюбоваться, как «дядя Матвей» растекается по реголиту и превращается в круглую площадку, поросшую алыми тюльпанами, — не утерпел-таки, шельмец! — и как площадка съеживается, а в центре ее растет серая глыбина, втягивающая в себя стебли и лепестки. Полминуты — и преобразование завершилось. Лунный ландшафт лишился клумбы, зато приобрел новый валун, которых и без него девать некуда.

Прошло еще минуты две, прежде чем Максим увидел летательный аппарат. Этого времени с лихвой хватило, чтобы затереть щеками следы босых ног.

Аппарат оказался двухместной «блохой» — угловатой коробкой на реактивной тяге, созданной по типу первых лунных капсул для баллистических прыжков на дальность не свыше пятисот километров. Воображая себя на месте пилота такой штуковины, Максим неизменно приходил в ужас. В случае аварии он просидел бы в своем комбайне недели три-четыре с гарантией — «блоха» же утрачивала всякую автономность спустя несколько часов после израсходования топлива. Если запоздают спасатели — привет. Было бы ради чего подвергать себя риску! Как всякий космонавт, хоть действующий, хоть отставной, Максим отказывался считать настоящим полетом баллистические прыжки. Уж если не дают летать, то лучше ползать, чем прыгать! Во всяком случае, никто не поднимет на смех.

«Блоха» села ювелирно — метрах в пятидесяти от комбайна, едва не опалив выхлопом свежевозникший валун. Для Мау, конечно, это была чепуха. И сейчас же освобожденный эфир взорвался истошными позывными пополам со смачной руганью.

— В чем дело? — осведомился Максим в микрофон.

Пилот капсулы был вне себя:

— В чем дело, в чем дело!.. Твою в гробину мать, что у тебя со связью?

— Была в норме. А что?

— Собирайся. Летишь со мной. Десять минут на сборы.

— Скажи толком, в чем хоть дело-то? — озадаченно спросил Максим.

— В твоей семье, понял? Велено сей же час снять тебя с вахты. Начальство икру мечет. Вроде как с твоими несчастье какое-то. Какое — не спрашивай, не знаю. Сам узнаешь, как долетим. Давай живее!

Десять минут? Максиму хватило и пяти, чтобы поставить комбайн

на автоконсервацию, задраться в скафандр и гигантскими прыжками доскакать до «блохи». Мау молчал — то ли не знал, что сказать и чем помочь, то ли не рисковал творить свои радиофокусы рядом с «блохой». Ну да ничего ему не сделается, пока мы разберемся, что там за несчастье такое...

Максим хорохорился. Думать о худшем не хотелось. Мысли в голову лезли разные — он гнал их. Потом, потом! Незачем заранее впадать в панику. Но сосало под ложечкой, и ужас стучался коготочками — тук-тук, я уже здесь!

Подпрыгнув, словно ошпаренная, «блоха» унеслась по направлению к лунной базе. Не прошло и трех минут, как рядом с брошенным комбайном совершила посадку еще одна «блоха». Вышедший из нее пилот, не проявив к комбайну никакого интереса, целенаправленно двинулся к серому валуну и, не без опаски приложив к нему облитую перчаткой скафандра ладонь, проговорил:

— Ты слышишь меня, я знаю. Слушай и запоминай, повторять не стану: жизнь семьи Волковых зависит от твоего благоразумия. Если что, они умрут раньше, чем ты сможешь им помочь, и умрут скверно. Они будут жить, если ты проявишь конструктивный подход. В обмен на жизнь твоих друзей нам от тебя кое-что нужно. Договорились?

Валун молчал.

— Не слышу!

Валун упорно демонстрировал свою принадлежность к миру горных пород. Пилот даже оглянулся: нет ли поблизости другого похожего валуна? Ошибка не смешна — она трагична для конкретного пилота. «Форпост Всевышнего» ошибок не прощает.

— Значит, нет? Тогда пеняй на себя.

— Да, — передался скафандру звук от валуна.

— Молодец. Только не думай, что сумеешь обмануть нас при помощи своих штук. Тебе придется согласиться на кое-какие меры безопасности.

— Чьей? — спросил Мау.

— Семьи Волковых, в первую очередь. Усвоил?

— Да.

14.

Нельзя сказать, чтобы Волковых содержали из рук вон плохо. Хотя, конечно, несвобода — всегда несвобода, и нет в ней ничего хорошего. Однако к Карине, находящейся на седьмом месяце беременности, приглашали врача. А подвал был просторным и даже обставленным кое-какой мебелью. Или это был не подвал? Пленники не знали

и окрестили помещение подвалом лишь из-за отсутствия окон. Непрерывно жужжащий кондиционер наводил на мысль о какой-то очень жаркой южной стране. Полет в маленьком самолете точно был, это успела отметить Барбара, прежде чем ей снова сделали укол. Но больше — никакой информации. Охранники превращались в немых, стоило лишь задать им вопрос о месте заточения или о дальнейших перспективах. «Вам повезло, что вы нужны нам живыми», — был единственный ответ.

Один понимал по-русски. Вовка, проявив понятный мальчишеский интерес к автомату «Ингрэм», получил квалифицированную консультацию. Впрочем, получил и по рукам.

Примерно два раза в неделю охранники давали чуть-чуть воли своим природным инстинктам. Под объективом видеокамеры пленников с завязанными глазами бросали на колени и, приставив к горлу тесаки, зачитывали приговор — смерть неверным. Вина их была неоспорима и ужасна: принадлежность к той части человечества, что не разделяет духовных идеалов «Форпоста Всевышнего». Через несколько часов видеозапись попадала на Луну, где и транслировалась существо, не без оснований получившему кличку Змеёныш.

Максима держали на Луне в одном из служебных помещений электростанции Северная. Если бы он знал, что Мау находится всего лишь в нескольких сотнях метров от него, то крайне удивился бы. Приставать к охранникам с вопросами не было смысла — ответа не получишь, а получишь по морде. То ли за назойливость, то ли просто так, для профилактики. Охранников было двое, они периодически сменяли друг друга. Один — зверовидный детина с бородой чуть ли не до самых глаз; другой — бесцветный блондин с неприятным взглядом. Люди? В биологическом смысле — да. Но люди-функции. Казалось, что их настоящее место обитания — не квартира какая-нибудь, не дом, а коробка с ЗИПом, откуда их достают при надобности и куда потом убирают, завернув в промасленную бумагу.

Удрать? Теоретически — о, конечно, чисто теоретически — это, наверное, возможно, но куда? И что эти мерзавцы сделают с семьей? А с Мау?

В это самое время Анхель Гутьеррес метался по всей Земле. Российские чиновники силовых министерств не только не могли пролить свет на обстоятельства похищения семьи Волковых, но долго морщили лбы, пытаясь понять, о чем, собственно, вообще идет речь. Похоже, некоторые из них так и остались в недоумении: чего хотел от них бывший Генсекретарь Унии Наций? Неужели в самом деле интересовался такой малостью, как исчезновение пяти рядовых россиян? Невероятно!

Пост Генерального секретаря, хотя бы и покинутый, дает некоторые преимущества, главное из которых — личные связи. В ближайший же уик-энд состоялся разговор Гутьерреса с господином Муцуоки Кааги, одним из богатейших людей планеты, признанным гением биржевых операций, совладельцем десятков корпораций с мировой известностью, меценатом и большим любителем рыбной ловли. Разговор шел тет-а-тет среди бурунов одной из быстрых речек Норвегии, впадающей в безымянный фьорд. Аляска ближе, но господину Кааги больше нравится ловля атлантического лосося, нежели лосося тихоокеанского. Господин Кааги прилетел сюда специально на ловлю нахлыстом, а известно, что всякому уважающему себя нахлыстовику претит ловля с берега. Облачиться в снабженные тремя дюжинами карманов прорезиненные штаны длиной чуть ли не до шеи, бродить взад-вперед по руслу, борясь с течением, оскальзываясь на придонных камнях — совсем иное дело! Это спорт. Это, если хотите, адреналин — неплохая замена улову, если рыба не идет на приманку. Часок-другой ловли — и уже начинаешь подозревать, что жизнь прожит не зря.

— Значит, Мау? — кричит Кааги на ухо Гутьерресу, перекрикивая шум переката и одновременно меняя на конце конической лески искусственную мушку, затаившую в себе жало крючка. — И семейство русского космонавта? Я правильно понял?

И совершает мастерский заброс метров на шестьдесят, где за едва приметным камнем может стоять хороший лосось. Увернувшись от грозно гудящего удилища ценою в хороший автомобиль, Гутьеррес сражается с течением, проклинает скользкие норвежские камни с Норвегией в придачу, ищет равновесие и энергично кивает: да! Да!

— Больше всего меня интересует, насколько достоверна информация о причастности к этому делу «Форпоста Всевышнего», — melancholично отвечает Кааги, сматывая леску.

— На девяносто девять процентов, — чуточку кривит душой Гутьеррес. — Этому источнику информации я доверяю, а сознательную дезинформацию считаю маловероятной. Для этого надо знать, что я в игре, уметь рассчитать мои ходы и иметь причину водить меня за нос, а не просто убрать, что гораздо проще.

Кааги согласно кивает, отправляя мушку за новый камень. Драгоценное удилище гнется в дугу, леска пищит, а рыболов подсекает и с криком «банзай» начинает вываживать отчаянно сопротивляющуюся рыбину. Разговор прерывается, начинаются вопли, суматошные команды, Гутьеррес держит подсачек и клянется в душе больше никогда в жизни не участвовать в рыбалке; наконец азартный японец хватает

бьющуюся семгу за жабры, взвешивает ее при помощи маленьких электронных весов, извлеченных из одного кармана, фотографирует миниатюрной камерой, извлеченной из другого кармана, и отпускает восояси.

— Если способности господина Мау в самом деле столь велики и необычны, — как ни в чем не бывало продолжает разговор Кааги, — то мне крайне желательно знать, каким образом «Форпосту Всевышнего» удастся держать его в повиновении. Они могли договориться по-хорошему?

— Вряд ли. Скорее, тут прямой и грубый шантаж. Серпентиец очень привязан к Волковым.

— Привязан настолько, что не может освободить своих друзей до того, как их убьют? — иронически улыбается японец. — Хотя нет на свете невозможного, в том числе и для террористов. Можно допустить, что нашего небесного гостя содержат пока в изоляции, рассчитывая в дальнейшем побудить его к добровольному сотрудничеству... Это возможно?

— Почти наверняка это так и есть.

— Значит, наш гость не всемогущ. — И господин Кааги снова улыбается. — Мне приятно это слышать. Иначе я был бы вынужден считать его явившимся на Землю божеством, а это так непривычно... Божествам лучше оставаться на небе.

Гутьеррес не спорит с данным тезисом. Он торопится перейти к главному:

— Если «Форпост Всевышнего» овладеет мощью серпентийца, нам останется уповать лишь на Бога, где бы он ни находился...

Логично. И все же господин Кааги, брезгливо снимая с крючка хариуса-недомерка, задает вопрос:

— Почему спасение мира должно быть только моим делом?

Гутьеррес возражает. Во-первых, не только. Во-вторых, к кому же еще обращаться, как не к столь влиятельному лицу? В-третьих, в списке предполагаемых целей будущих терактов фигурируют объекты, очень даже не безразличные господину Кааги. Наконец, в-четвертых, информационное агентство, контролируемое «Форпостом», не раз передавало в эфир манифесты, исполненные не только угроз, но и грубых личных выпадов по адресу ряда видных политиков и бизнесменов, в том числе господина Кааги. Гутьеррес наклоняется к уху собеседника и шепчет.

— Значит, червем земным? — неприятно улыбается Кааги.

— В точном переводе — навозным. Дальше еще хуже. Мне даже неловко повторять.

— Достаточно и червя. — Лицо японца вновь бесстрастно. Ясно, что ему не впервой слышать оскорбления со стороны «Форпоста», но до сих пор он не придавал им серьезного значения. Дело двоих, так сказать. И совсем иное дело, когда об оскорблении знают все, а оскорбленный никак не реагирует.

Это нехорошо. Совсем нехорошо.

И пусть адепты экономических теорий врут, будто умеют все просчитать. Личные мотивы плохо вписываются в их расчеты. Хотя, вне всякого сомнения, господин Кааги прикинул и прямую выгоду.

Иногда не проиграть — уже значит выиграть. Если же господин небесный гость в благодарность за спасение любезно согласится помочь кое-кому решить кое-какие мелкие проблемы... Нет-нет, никакого давления, строго на условиях добровольности. Если нет — ну что ж, Кааги не будет в обиде.

— Надо думать, нашего небесного гостя держат не на Земле, — произносит японский рыболов, делая очередной заброс. Он уже все для себя решил. — Я полагаю, вступать в контакт с генералом Хеншером мы не станем. Думаю, мы сумеем обойтись своими силами.

— Если я хоть что-нибудь понимаю, Хеншеру с его аппетитами лучше держаться от серпентийца подальше, — ухмыляется Гутьеррес, — не то Мау рано или поздно повесит его шкуру на вал кратера Гассенди...

Господин Кааги кивает, показывая, что принял шутку — если это шутка.

— Итак, первое: определить местонахождение нашего небесного гостя. Не думаю, что это невозможно: перечень подходящих объектов не слишком велик. Второе... ну, второе будет зависеть от первого. О! Какой вид отсюда! Полюбуйтесь, как солнце освещает вон тот склон!.. Прелестно, не правда ли?

15.

Впоследствии официальная версия вышла в такой редакции: во время маневров военно-космических сил из-за сбоя в системе наведения одной из выпущенных ракет произошло отклонение ракеты от курса. Система самоликвидации также не сработала, в результате чего ракета поразила нештатную цель — электростанцию Северная на лунной поверхности. Имеются повреждения ценного оборудования и, к сожалению, человеческие жертвы. Поскольку ракета не несла ядерной боеголовки, опасность радиоактивного заражения местности отсутствует. Точка.

Внутреннее расследование выявило несколько иную картину происшествия: истинным виновником оказался пресловутый челове-

ский фактор. Проще говоря, никакого сбоя не было, а имела место непростительная ошибка пилота боевой капсулы. Виновного лейтенанта вышибли из космофлота с позором и отправили на Землю, где он неожиданно получил крупное наследство и, приобретя в собственность участок реки в Норвегии, зажил припеваючи, делая свой бизнес на заезжих рыболовах. Впрочем, шут с ним. Как и с несколькими крупными и мелкими чинами, пополнившими свой бюджет кто за счет внезапного наследства, кто с помощью выигрыша в казино, а кто посредством иных, столь же приятных всякому смертному случайностей. Не будем завистниками, порадуемся за людей! К тому же они, сами того не зная, способствовали хорошему делу. Вот пример для взяточников всех времен и народов!

Ничего этого Мау не знал. Не знал он и того, что активную зону термоядерной электростанции Северная с перенастроенными магнитными ловушками Ван дер Локк, проявив несвойственный ему юмор, назвал серпентарием. К чему знать всякие мелочи? Мау сосредоточился на главном.

Состояние, в которое он впал, добровольно войдя в узилище, не имело аналогов в человеческой психологии. Возможно, это было нечто среднее между отчаянием и медитацией. Его земная семья оказалась в беде, и он впервые не знал, как помочь ей. Людей убивать нельзя — так учил Максим Волков, человек, которого Мау почитал как отца. Нельзя, и все. То есть нельзя ему, чужаку, а людям иногда можно. В особых случаях. Не будь запрета, Мау ринулся бы освобождать заложников, несмотря ни на что. Он знал, что люди часто лгут и еще чаще переоценивают себя. Быть может, стоило рискнуть сразу, до входа в плазменный кокон? Быть может, риск был не так уж велик?

Но пришлось бы убивать, это точно. Мау искал другие пути и не нашел их. Это пугало. До сих пор он не знал ничего невозможного. Теперь это случилось.

Вокруг него, удерживаемая магнитными ловушками, кипела плазма. А в центре плазменной сферы висел он — растерянный серебряный шар. Инстинктивно Мау принял форму, наиболее удобную для долгого ожидания и погружения в себя. Внутри сферы было горячо, но терпимо. Мау отключил большинство каналов внешнего восприятия. Иногда он принимал искаженные бушующей плазмой картинки и знал, что все Волковы живы. Часто поступали предложения, намеки, угрозы. Мау не реагировал.

Любому внешнему наблюдателю показалось бы, что серпентиец впал в кому. В определенном смысле так оно и было, но его кома

не имела ничего общего с человеческой. Тем не менее Ван дер Локк, поколебавшись, приказал отложить казнь одного из заложников с целью сделать Змеёныша более сговорчивым. Змеёнышу все равно было некуда деться. Время пока работало на «Форпост Всеышнего».

Радиосвязь, пусть и искаженная, наводила на мысли. Мау мог бы превратить себя в чисто энергетическую субстанцию и вырваться из кокона. Пугало незнание: сумеет ли он потом восстановить себя в прежнем облике? Не потеряет ли основу своего «я»?

Обратясь внутрь себя, Мау вспоминал. Теперь у него было на это время. Воспоминания всплывали неожиданно, иногда цельные, чаще отрывочные. Дивной красоты вспышкой расцвело воспоминание об Абсолютной Истине — основе жизни серпентийской расы. Но в чем заключается эта Абсолютная Истина, Мау не знал.

Не было сомнения: со временем он вспомнит и это. Тогда... тогда он станет совершенным существом, во всем подобным его собратьям, и сможет вернуться к своему народу. Он вспоминал. Истина ускользала. Пришло лишь понимание: после постижения Абсолютной Истины его перестанет интересовать ничтожная планета, обращающаяся вокруг неяркой желтой звезды, его перестанет интересовать местная жизнь, кичливо объявившая разумом свои скромные мыслительные способности и уцелевшая до сих пор только потому, что более могущественные соседи сохраняют хрупкий баланс сил, и уж конечно, ему будет мало дела до какой-то отдельной человеческой семьи, какая бы беда ее ни постигла. Он шагнет на новую ступень и начнет мыслить в истинно космических масштабах!

Все это будет — но потом. Пока здесь осталось недоделанное, пока счет не закрыт, не время думать об Абсолютной Истине. В отличие от людей, слабо контролирующих мыслительный процесс, Мау умел не только запретить себе думать о чем-то, но и соблюсти запрет.

Свет забрезжил было совсем с другой стороны — чисто земной. Возможно, стоит очеловечиться чуть-чуть сильнее и научиться лгать? Тогда те, кто держит его взаперти, просчитаются. Все их расчеты строятся на том, что пленник абсолютно искренен. Он может молчать, может говорить «нет», но если сказал «да» — это да.

Само собой, нельзя выполнять их дикие требования — ведь это значит убивать людей, много людей. Но можно согласиться притворно и обрести свободу действий.

Мысль не нравилась, но альтернативы были еще хуже. Мау еще раздумывал, когда его немногочисленные внешние рецепторы ощути-

ли некое механическое воздействие — слабое, по его меркам. Человек сказал бы, что здание реактора потряс удар колоссальной силы.

Удерживать в рабочей зоне температуру в миллион градусов не так-то просто; при аварии термоядерная реакция мгновенно прекращается. Как человек ощущает сладость глотка свежего воздуха, так Мау ощутил свободу. В ту же секунду он воспользовался ею — пришла пора действовать.

Первый же из попавшихся на пути двуногих был разорван взрывом почти пополам. Второй умирал от декомпрессии, не в силах даже привести в действие свое примитивное оружие, выплевывающее с незначительной скоростью острорылые металлические предметы малой массы. Мау не считал себя обязанным спасать этого человека. Ведь он его не убивал!

Но пока мозг двуногого был еще жив, Мау проник в сознание умирающего и получил ответ. Оказывается, Максим Волков содержится здесь, совсем рядом!

Стены тюрьмы Максима также не выдержали взрыва. Максим умер бы от удущья, не умри он уже от вскипания крови. Мау нашел его тело спустя целых три минуты после взрыва — пришлось расчищать обломки рухнувших конструкций.

А еще несколько минут спустя Максим медленно оживал внутри небывалой одноместной капсулы, не числящейся ни в каких регистрах космолота. Живая капсула носила имя Мау и, стремительно набирая скорость, мчалась к Земле.

Многие наблюдатели и просто зеваки отметили огромный болид, с воем и грохотом вспарывающий земную атмосферу. Оставленный им дымный след держался в небе в течение часа.

Мау очень спешил. Из мозгов умирающего охранника он выкачал достаточно, чтобы начать действовать не только на Луне, но и на Земле. Цепочки человеческих связей густы и запутаны, и все же, шагая по ним, всегда можно выйти туда, куда надо.

Во-первых, к Барбаре, Карине и детям. Тут были дороги секунды, иначе Мау не стал бы столь расточительно расходовать свою массу, тормозя об атмосферу. Предвидя это, он поглотил на Луне достаточный запас камней и обломков. Теперь этот запас, преобразованный в термоустойчивую броню, оплавленный, сгоревший, сдутый молекулами воздуха, медленно рассеивался в атмосфере.

И только после освобождения заложников следовало приступить к поиску главных виновников, дабы наказать их. Нет, почему обязательно смертью? Разве не бывает других наказаний?

Дворец одного из бесчисленных шейхов в одной очень жаркой

стране даже снаружи больше походил на крепость, а внутри именно ею и являлся. Мау не церемонился. Охрана понапрасну истратила около тысячи патронов. Дворцу был нанесен ущерб. Мау получил информацию.

16.

Уже не в мирном бельгийском городе Брюгге, а в еще более мирной швейцарской Лозанне стены одноэтажного коттеджа на городской окраине сотрясались бы от крика, не будь они выполнены из виброгасящего и звукопоглощающего материала.

— Я хочу знать, кто за этим стоит! — вне себя орал Бенджамин Ван дер Локк на Человека Без Имени. — Узнать это — не мое дело! Это твое прямое дело!

— Узнаю. Кстати, не исключено, что авария в самом деле была случайной.

— Чепуха!

— Совсем нет. И вот это-то пугает меня больше всего. Умный игрок знает цену случайностям и в какой-то степени умеет управлять ими. Но иногда бывает так, что все случайности против тебя. Все до единой. С самого начала. Тогда искушенный игрок бросает карты.

— Не хочешь ли ты сказать... — угрожающе начал Ван дер Локк и не закончил. Здание вздрогнуло. В стене гостиной образовалась солидная дыра. Взметнулась пыль. В пролом медленно и важно вплыл массивный железный шар — такой, каким строители ломают ветхие дома, освобождая землю под новостройки. Только этот шар не висел на тросе, а плыл сам по себе, неизвестно как удерживаясь в воздухе.

— Теперь я хочу сказать только одно: финита, — пробормотал Человек Без Имени.

У шара прорезались маленькие злые глазки, и он в одно мгновение покрылся чешуей. Тупой нос удлинился, обозначилась пасть, показался красный раздвоенный язык. Голова колоссального пресмыкающегося покачивалась, готовясь к броску. Когда успело вырасти длиннее тело, никто не заметил.

Внезапно метнувшись, гигантская анаконда сшибла Бена Ван дер Локка прежде, чем тот успел выхватить оружие. Да и что мог противопоставить Ван дер Локк серпентийцу? Несколько десятков граммов свинца и меди, содержащихся в пулях? Даже не смешно.

Человек Без Имени повел себя несколько умнее: не стал отстреливаться, а с поразительной быстротой рванул прочь. Напрасно: зажав Бена в челюстях, анаконда в одно мгновение обвила беглеца хвостом.

Затем змея начала сматываться с головы и хвоста, пока наконец обе опутанные кольцами, полузадушенные, вяло трепыхающиеся жертвы не оказались друг напротив друга.

Если бы в помещении присутствовал посторонний свидетель (разумеется, безногий или парализованный — здоровый попытался бы унести ноги), то можно держать пари: он зажмурился бы и заткнул уши, ожидая мерзкого хруста костей и соответствующего зрелища. Но этого не случилось. Гигантская рептилия подбросила Бена к потолку и вновь поймала его пастью, в одну секунду сделавшейся широкой и бездонной, как у бегемота. Дрыгнув ногами, Бен исчез. Человек Без Имени завопил было, бесполезно задержался, но кошмарная пасть, поднявшись на гибкой шее, накрыла его сверху. Анаконда глотнула, затем начала раздуваться, сокращаться в длине и перестала быть змеей.

Теперь она была огромным, в полкомнаты, головастиком — почти шарообразное тело с выпученными глазами и гибкий хвост. Этим-то хвостом чудовище обвило стоявший в углу массивный сейф, легко подняло его и окунуло в туловище, где сейф немедленно исчез. Тут же пропал и хвост, а кошмарная тварь вдруг начала обретать кубическую форму. Несколько секунд куб как будто раздумывал, принимая решение. Приняв — начал быстро превращаться в клетку с толстыми прутьями. Внутри клетки остались два совершенно голых, обезумевших, скулящих от ужаса человека. На копчике одного из них был явственно виден шрам — след давней ампутации. Еще миг — и серпентиец, отпочковавшись от клетки, принял человеческий облик.

Вслед за чем Мау впервые обнаружил на людях, не принадлежащих к семье Волковых, свое знакомство с мировой литературой:

— Бандар-Логи!

17.

Суд над Беном не состоялся: выпущенный под огромный залог Ван дер Локк бесследно исчез. Да и судебная перспектива данного дела выглядела, если честно, довольно сомнительной. Максимум — соучастие в похищении, и то лишь при неловкости адвокатов, каковой вряд ли стоило ожидать. Что до журналиста, назвавшего Бена истинным руководителем «Форпоста Всевышнего», то этот писака взял свои слова назад и публично сознался в ошибке. Какой такой мировой терроризм? О чем вы?

О дальнейшей судьбе Человека Без Имени пресса не обмолвилась ни словом, что и неудивительно. Где это видано, чтобы у человека не

было ни имени, ни примет, ни вообще каких-либо признаков существования на этом свете? Миф, фантом, призрак. Насушная пища для параноиков, ищущих повсюду масонские заговоры и верящих в «людей в черном». Полноте, господа, мы же разумные люди!

Сплав, из которого были сработаны прутья клетки, оказался совершенно новым, содержал немалый процент редкоземельных элементов и очень заинтересовал металловедов своей уникальной прочностью, вязкостью и тугоплавкостью. В скором времени на его основе... впрочем, если вам охота узнать больше — читайте специальные журналы. Экспертам, принимавшим участие в расследовании, заведомо известно, что исчезнувший сейф, использованный, видимо, в качестве стройматериала для клетки, был обыкновенным, стальным и не содержал сколько-нибудь заметного количества редких земель. Остальные подробности засекречены даже от них (экспертов, а не земель).

Термоядерная электростанция Северная после устранения повреждений и частичной модернизации возобновила свою работу. Она и по сей день исправно вырабатывает свои гигаватт-часы, вливая их в единую энергосеть посредством микроволнового шнура и обеспечивая работой немалое число инженеров, техников и реголитовых комбайнеров.

У Максима Волкова накрепко засел в голове один разговор с серпентийцем. Разговор этот состоялся, когда Мау, неся Максима внутри своего полого тела, ставил рекорд скорости на дистанции Луна — Земля. Разговаривать с живыми стенами было дико и непривычно даже для Максима.

— Вы одиноки, — говорил тогда Мау. — Что ж, и мы одиноки. Я успел вспомнить немного, но я вспомнил наших соседей по Вселенной. Некоторые из них могущественны, эволюционно молоды, дерзки и нацелены на установление своего господства повсюду, куда смогут дотянуться. Иные даже отказывают нам в принадлежности к живым и, главное, разумным формам материи. Для них мы просто враждебный фактор среды, мешающий им присвоить наши звездные системы. Другие расы стары и осторожны, чтобы не сказать трусливы. Они боятся нас и пытаются выстроить защиту от нашего вторжения, которого никогда не будет. Ни с кем из них мой народ не мог бы сосуществовать в одной области пространства. Только с вами. Я не говорю, что это легко. Но можно попытаться.

— С нами? — спросил Максим. — С людьми? Со всеми людьми Земли? Через тебя человечество наладит контакт и союз с твоим народом?

Серпентиец долго молчал. А когда заговорил, в его голосе Максим уловил и горечь, и снисходительную усталость. Так мог бы говорить старший с беспутным, но еще не потерянным младшим.

— Я могу принять любой облик, даже облик идиота. Проблема в том, что сколь бы я ни рядился под дурака, дураком я не стану. Я не веду разговор обо всем человечестве. Речь может идти только о тебе и твоей семье. Вас я могу понять и принять. Человечество — нет.

— Вот как, — только и сказал Максим. — Что ж, спасибо и на том. Ну а если тебе встретятся люди не хуже, а лучше, чем мы? Тогда как? Проигниорируешь?

— Я пожелаю им успеха. Впрочем... посмотрим. Ты мне говорил много раз, что начинать надо с малого. Так я и сделаю...

Так он и сделал.

Анхель Гутьеррес заехал поздравить семейство Волковых со счастливым окончанием неприятных коллизий, как он дипломатично выразился. Русский стол поразил гостя изобилием, а русская зима — холодом. К концу обеда Барбара и Карина, державшиеся поначалу скованно перед высоким гостем, освоились и стали настольно милы, что внутри Максима зашевелился червячок ревности, немедленно прибитый большой рюмкой водки. Гость тоже держался очень просто. Поиграв с Вовкой в снежки, он признался, что больше любит снег, чем ледяную воду норвежских речек.

Гость был внешне благодушен и после десерта, когда женщины оставили Анхеля и Максима вдвоем у камина. Но Максим ждал откровенного вопроса и дождался:

— Возможно, это совсем не мое дело, однако я был бы признателен за ответ... Где он?

— Мау? — не стал разыгрывать непонимание Максим. — Не знаю. Честное слово, не знаю. Он теперь появляется и исчезает, когда захочет. Мальчик вырост.

— Не согласился бы он...

— Сделать что-нибудь? Я могу гарантировать только то, что он согласится выслушать предложение. А дальше — решать ему.

— Уже кое-что... Кстати... он не собирается покинуть нас?

— Чтобы вернуться к своим? В ближайшее время, кажется, нет. По-моему, он просто еще не готов к возвращению.

— А обнародовать свое присутствие среди человечества?

— Вряд ли, — пожал плечами Максим. — Зачем это ему? Кому хочется, чтобы его ненавидели за все добро, что он пытается нам сделать? Люди будут видеть в нем высшее существо, хозяина. Если ему не построят храмов, то наверняка начнут проклинать. За все. За не-

счастный случай, который он не предотвратил, за эпидемию гриппа, за то, что он не может всех бедных и убогих сделать богатыми и счастливыми, больных — здоровыми, уродов — красавцами, а непризнанных бездарей — мировыми знаменитостями...

— И тем не менее он все-таки Хозяин, — полутвердительно сказал Гутьеррес. — Хозяин человеческих джунглей. Мау.

— Вопрос терминологии. Я бы сказал — Смотритель. Только инкогнито. Сейчас у него новый пунктик: предотвращение техногенных катастроф и уменьшение ущерба от стихийных бедствий. Тихонько, не высываясь. Пусть вынимает колючки из наших лап, и пусть люди верят, что им просто везет.

— Ну что ж... — Гутьеррес потянулся за сигарой. — Дело благородное. Я только одного боюсь: того, что...

— Люди привыкнут?

— Вот именно. Фатальное везение, вечная счастливая звезда — худший из хозяев. Впрочем, возможно, не все так плохо. Человечество привыкло жить со многими напастями, привыкнет и еще к одной. Привыкли же мы к тому, что во Вселенной мы не одиноки. Живем, все время ожидая вторжения, порабощения, уничтожения — но живем ведь. Хотя знаем прекрасно, сколь ничтожны наши силы по сравнению с могуществом, скажем, сагиттян... Я не верю в то, что помощь серпентийца принесет человечеству пользу. Зато я надеюсь на другое: на то, что когда придут — если придут — рыжие псы, Мау будет на нашей стороне.

— В этом не сомневайтесь, — ответил Максим. — Может, и отобьемся. В любом случае я не скажу, что это пойдет нам во вред.

— Живущим жизнь всегда на пользу, — согласился Гутьеррес.

Проводив гостя, Максим вернулся к камину, крикнув по пути женам, чтобы не беспокоили. Уютно устроившись в кресле, он закрыл глаза и некоторое время дышал ровно и глубоко. Затем медленно воспарил над креслом. Он еще плохо умел летать и предпочитал тренироваться в помещении и над мягкими предметами. А главное, он толком не знал, что ему делать с последним подарком Мау. Пойти работать монтажником-высотником? Ремонтировать на лету терпящие бедствие самолеты? Или просто носиться по небу, наслаждаясь полетом?

Решение со временем придет, в это Максим твердо верил. Как и многие другие решения вопросов, которые еще не поставлены. Решать одни вопросы и ставить другие — это и есть жизнь. Которая — прав Гутьеррес — всегда на пользу. Хоть кому-нибудь.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Парадоксально, но заданная англичанином Кипплингом благодатная и интереснейшая тема не получила должного развития в фантастике. Во всяком случае «мауглиада» у фантастов пользуется куда меньшей популярностью, чем, скажем, робинзоада, однако и они не обошли эту тему стороной.

Существо, застрявшее меж двух миров, тот, кто с детства способен обитать и там, и тут — и в землях сказочных тварей, и среди людей, — этот образ издавна волнует писательское воображение. Первоначальной версией рассказов о подобных почти оборотнях стали, видимо, истории о детях, подмененных эльфами, распространенные в Средневековье (вспомним хотя бы известную легенду о Тэм Лине, внуке герцога Роксбургского). Подпитывались эти представления и реально задокументированными историческими фактами о «детях ниоткуда», вроде появления в 1887 году зеленых ребятишек, мальчика и девочки (действительно с зеленым цветом кожи), или знаменитой истории Каспера Хаузера, «человека без прошлого».

Однако в наибольшей степени мифы о полулюдях–полузверях укреплялись благодаря обнаружению детей, которых воспитали жи-

вотные. Так, в 1767 году в Венгрии нашли девочку, выросшую среди медведей, в 1920–м в Индии — двух девочек, живших в волчьей стае и т.д. В литературе же такие истории получили прочную прописку в 1894 году с выходом «Книги джунглей» Р.Киплинга. Имя главного героя — Маугли — стало нарицательным.

Образ Маугли неоднократно привлекал других писателей из–за мучительной раздвоенности души этого приемыша волков. Не став зверем, он так и не смог до конца очеловечиться. Любопытно, что даже Киплинг, несмотря на внешне оптимистичный финал «Книги джунглей», все–таки оставляет Маугли обитать как бы между двух миров. Кто читал полную версию книги, помнит, что в итоге Маугли становится зрителем заповедника, а не преуспевающим торговцем или раджой. Джунгли так и не отпустили воспитанника волчицы Ракши–Сатаны.

Читателей же в произведении Киплинга в наибольшей степени интересовали вовсе не поиски реальных совпадений с историями «звериных воспитанников» (все понимали условность сказочного мира «Книги джунглей»), а изображение разумных зверей. Акела, Багира, Балу, Шер-Хан не были просто животными. Взглянуть на род людской со стороны — вот что казалось самым занимательным.

Впрочем, позднее, развивая кипплинговские идеи, авторы отказались от использования сказочных образов говорящих животных и обратились к «более правдоподобным» инопланетянам. И новые маугли, сироты космической эры, появились на страницах романов о контакте с иным миром. А главной проблемой стал ответ на вопросы: «Сможет ли человек, воспитанный носителями иного разума, иной культуры, вновь вписаться в земное общество? Или даже просто контактировать с землянами?».

В зависимости от ответа фантасты, так или иначе касавшиеся темы космических найденышей, разделились на два лагеря: оптимистов и пессимистов. Оптимисты безудержно верили, что подобный воспитанник не только способен сам войти в земную цивилизацию, но и сможет весьма облегчить контакт между нею и инопланетянами. Пессимисты же сдержанно хмыкали и создавали тексты, в которых утверждали, что такой человек не способен стать членом земной цивилизации, да и само его

существование может поставить контакт под угрозу.

Забавно, но оптимисты и пессимисты в неявной форме отразили дискуссии, которые шли в XX веке в этнологии относительно того, что формирует национальную принадлежность человека. И оптимисты, несмотря на внешний гуманизм своих воззрений, оказываются ближе к мрачным расистским теориям: «кровь определяет национальность». Пессимисты же, напротив, проповедуя невозможность посредничества между людьми и инопланетянами, следуют за современной трактовкой этнической принадлежности: «все зависит от культурной среды».

Самым известным продолжателем «дела Киплинга», автором, чей герой в США затмил даже самого Маугли, стал, разумеется, Э.Р.Берроуз. К тому же создатель Тарзана, приемаша обезьян, оказался и одним из наиболее безудержных оптимистов в коллективной мауглиаде, созданной воображением фантастов. И это при том, что у героя книг Берроуза проблема выбора внешне казалась еще более острой. Ради джунглей ему пришлось отказаться от жизни среди аристократов, от положения богача, от всех благ, которые приносил титул лорда Грейнстока. Хотя какую ценность могли представлять все эти дворянские побрякушки для воспитанника стаи обезьян? Больше сомнений вызывает та легкость, с которой Тарзан вошел в контакт с людьми и даже

адаптировался в Англии, прежде чем окончательно решил вернуться в Африку.

Оптимизм Берроуза проявляется и в описании дальнейшей судьбы Тарзана — как бы царя и над людьми, и над животными. Он исполняет роль своего рода языческого бога, оберегающего тайны Африки. Тарзан воплощает справедливость, верность чести, следуя рыцарским путем лорда Грейнстока и оставаясь при этом воспитанником шимпанзе. Он не стал жертвой двух миров, но, согласно оптимистичному взгляду Берроуза, сумел позаимствовать лучшее из обоих царств, возвысившись над ними. Из всех литературных маугли судьба Тарзана самая счастливая.

* * *

Берроуз был фактически последним автором, которому удалось скопировать внешнюю канву истории Киплинга на Земле, правда, перенеся действие многотомного сериала в Африку. Фантасты второй половины XX века хорошо понимали, что уже никто не поверит в разумных обезьян и затерянные миры на нашей планете. А потому воспитателей для своих космических найденышей они искали уже среди звезд. Больше всех здесь отличился Р.Э.Хайнлайн.

Впервые Хайнлайн подобрался к теме еще в романе «Гражданин Галактики». Фантаст напрямую использовал образ землянина, выросшего среди чужаков. Торби, глав-

ный герой книги, проданный в рабство инопланетянам, ничего не помнит о своей родине, не помнит даже своих родителей. Однако, когда выросший мальчик возвращается на Землю после долгих приключений, он становится полноценным землянином и даже поступает на службу в некий спецотряд «Корпус «Икс», борющийся с космической работоторговлей. Проблемы взаимоотношений культур легко обходятся автором, да и сами культуры инопланетных цивилизаций оказываются хорошо понятны людям.

Столь же облегченный подход проявляется и во «взрослом» романе Хайнлайна о космическом найденыше — «Чужак в чужой стране». Судьба Майкла Валентайна Смита, новоявленного мессии с Марса, тоже относится к оптимистической версии биографии маугли. Конечно, саму жизнь Смита в итоге счастливой не назывешь: как и положено мессии, он погибает. А вот воспитание среди марсиан не повлияло на статус Смита в мире людей — изгоем он не стал. Он не только благополучно встроился в человеческое общество, несмотря на то, что рос у инопланетян, но еще и основал новую религию, новый культ. А это свидетельствует о великолепном понимании человеческой психологии.

Можно спорить, насколько сам Хайнлайн верил в подобную судьбу М.В.Смита. Боюсь, что в реальном мире, несмотря на все усилия Джубала Хершо, этого «альтер-

эго» автора и лучшего друга найденыша с Марса, Смит в лучшем случае оказался бы экзотическим персонажем, тщетно пытающимся донести до людей основы марсианской философии.

Любопытный вариант судьбы нового маугли предложили в «Земной крови» К.Лаумер и Р.Браун. Главный герой вырос среди инопланетян, однако не отождествляет их культуру со своей, он ее отторгает и отрицает. Целью его странствий по Галактике становится Земля — загадочная прародина, к которой персонажа притягивает земная кровь. Обнаружив родину, он не только не ломается от столкновения с ее культурой, но и начинает силой менять жизнь человечества.

Супероптимистом оказался и К.Кэпп в рассказе «Посол на Проклятую». Здесь земляне, отчаявшись вступить в контакт, посылают к инопланетянам месячного младенца, который должен вырасти среди чужаков и стать посредником между ними и людьми. Опять упование на земную кровь, на то, что биологическая основа окажется сильнее культурного влияния... Автору даже в голову не приходит, что пришельцы будут воспитывать маленького человечка в недрах своей цивилизации и вырастят из него в лучшем случае культурный гибрид, но уж никак не представителя Земного содружества.

А вот роман П.Андерсона «Сломанный меч» проникнут пес-

симизмом. Вряд ли автор этого известного произведения фэнтези вдохновлялся «Книгой джунглей», скорее уж, отталкивался от утоминавшихся в начале статьи историй об эльфийских подменышах. Однако именно у Андерсона чувство глубочайшей изуродованности души человека, оказавшегося в положении «чужого среди чужих», достигает наибольшего накала. Для Скафлока, Приемного Сына Эльфов, смерть в бою — это единственно возможный вариант, и фантаст подводит читателей к этому выводу жестко и недвусмысленно.

* * *

Самым заметным (во всяком случае, для российского читателя) произведением космической мауглиады до сих пор остается повесть братьев Стругацких «Малыш».

Любопытно, что это произведение, как и саму тему, Стругацкие, мягко говоря, недооценивали, считая повесть проходной, несерьезной. Даже и теперь Б.Н.Стругацкий с удивлением замечает в «Комментариях к пройденному»: «А сейчас я иногда думаю (не без горечи), что именно в силу своей аполитичности, антиконъюнктурности и отстраненности эта повесть, вполне возможно, переживет все другие наши работы, которыми мы так некогда гордились и которые считали главными и «вечными».

И верно — в итоге «Малыш» оказался самым лучшим и самым серьезным произведением из всех,

так или иначе касающихся темы космического маугли. Нужно быть очень талантливым писателем, чтобы отыскать какой-нибудь новый, непародийный вариант развития этой темы. Во всяком случае, более поздние версии судьбы ребенка, потерявшегося среди инопланетян, вроде романа Ф.Пола «Возвращение домой» или недавнего «Счастливчика» С.Костина, выглядят намного слабее.

Планета Ковчег, на которой земная экспедиция находит чужую цивилизацию и ее воспитанника Пьера Семёнова, прозванного Малышом, оказывается местом поражения для тех, кто стремится к контакту с иным разумом. Надеждам Г.Комова, руководителя одного из экспедиционных отрядов, на то, что Малыш станет своего рода агентом человечества, посредником, не суждено сбыться. И не только потому, что оправдались сомнения героя-рассказчика Стаса Попова: «Да, странно как-то. Человек — нечеловек. Наверное, на самом деле его нельзя назвать человеком. Человеческий детеныш, воспитанный волками, вырастает волком. Медведями — медведем. А если бы человеческого детеныша взялся воспитывать спрут? Не съел бы, а стал воспитывать... Дело даже не в этом. И волк, и медведь, и спрут — все они лишены разума. Во всяком случае, того, что ксенологи называют разумом. Если нашего маугли воспитали существа разумные, но в

то же время в некотором смысле спруты?.. И даже еще более чужие, чем спруты...».

И не только потому, что оказалась права героиня повести М.Глумова, считавшая, что нельзя жертвовать ребенком в пользу абстрактных идей, вроде «вертикального прогресса». Нет, сложившуюся ситуацию четко обрисовал Л.Горбовский, любимый герой Стругацких, в одной из финальных сцен повести, обсуждая с Комовым перспективы контакта землян и обитателей планеты Ковчег: «Но дело в том, что между нашими двумя цивилизациями, как между молотом и наковальней, оказалась сейчас третья, и за эту третью, Геннадий, за ее единственного представителя, Малыша, мы вот уже несколько суток несем всю полноту ответственности».

Надо обладать воистину непрошибаемой берроузовской верой в стабильность человеческой психики, чтобы верить, будто в такой ситуации человек не только сможет вынести на своих плечах груз «цивилизации, состоящей из единственного разумного существа», но и стать превыше остальных людей, с которыми сталкивается его жизнь. Судя по всему, «лорда Грейнстока галактической эры» из Малыша не получилось. Стругацкие больше не упоминали о его дальнейшей судьбе, и это молчание достаточно красноречиво. Взрослому Малышу не нашлось места в мире Полдня.

* * *

Помимо откровенных калек истории маугли, перенесенной на космические просторы, есть и своего рода «перевернутая версия» судьбы найденшей: не сентиментальные инопланетяне воспитывают потерявшегося землянина, а, напротив — земляне подбирают чужака. Иногда такая ситуация в НФ разрешается благодушно и даже легкомысленно — как в известном рассказе Т.Старджона «Ракета Мяуса». Дескать, подобрали маленького инопланетянина, и ничего: растить его будем, сопли ему вытирать ядовитые... Одну из самых благостных версий подобной мауглиады создал опять же Р.Хайнлайн в романе «Звездный зверь». Хотя у американского писателя инопланетная принцесса Луммокс и воспитывалась в доме землянина Джона Стюарта как домашнее животное, все же в итоге она легко нашла общий язык со своими родичами. Более того, Луммокс предотвратила возможный межзвездный конфликт, а на будущее еще и стала своеобразным гарантом дружеских отношений между Землей и ее планетой.

Чаще же верх берет жесточайшая паранойя, и инопланетные маугли превращаются в зловещих подкидышей, в будущих «хорьков в курятнике». Именно такими дети-приемыши предстают в классическом романе Д.Уиндема «Кукушата Мидвича». Не несчастные потерявшиеся сироты, а агенты злокозненной цивилизации. У них не воз-

никает культурного шока от столкновения с земной цивилизацией или от осознания собственной сущности инопланетных диверсантов. Нет, они живут по заданной программе, словно биороботы. И разговор с такого рода созданиями, как предполагает Д.Уиндем, может быть лишь один — безжалостная ликвидация. Английский фантаст в данном случае оказывается крайним пессимистом среди рассказчиков историй о потерявшихся в лесу земной жизни маленьких инопланетянах.

Своего рода «маугли наоборот» оказывается и люден Тойво Глумов из повести Стругацких «Волны гасят ветер». Он вырос среди людей, ничего не зная о своей истинной сущности, а потом чужаки-метагомы каким-то странным образом его инициировали. В итоге произведение развивается по пессимистическому сценарию: Глумов не может порвать с одним миром, будучи привязан к нему узами дружбы и любви, но его природа упорно зовет героя в другой мир. И у Стругацких эта «чужая кровь» оказывается сильнее. Ведь что пишет Майя, мать Тойво Глумова, в финале книги: «Я понимаю, почему молчит Тойво, — ему все это безразлично, да и где он, в каких мирах?». Здесь традиционная версия истории найденшца проигрывается как бы наоборот (к своим же ушел Глумов, к своим по крови...), да вот почему-то «светло и весело» от такого конца книги не становится.

Интересующую нас тему можно обнаружить и в творчестве другого мэтра отечественной фантастики. Правда, у В.Крапивина — пример мауглиады инверсированной. Уверенность писателя в том, что дети самых разных миров и цивилизаций легко поймут друг друга (во всяком случае, поймут несоизмеримо легче, чем взрослые), привела к созданию в повестях и романах из серии «В глубине Великого Кристалла» образа Пограничника. Пограничники — это дети, способные переходить из одного параллельного мира в другой, или, пользуясь терминологией самого автора, «с одной грани Великого Кристалла на другую». В повести «Белый шарик Матроса Вильсона» таким Пограничником оказывается разумная звезда. Она, внешне трансформировавшись в обычного мальчика Яшку, попадает в наше с вами прошлое, в Советскую Россию 40-х годов XX века. Но разумная звездочка не испытывает особенных трудностей с вживанием в совершенно новую цивилизацию, потому что встречает друга. Верного друга, с которым, как и всегда в романах Крапивина, герой сможет преодолеть все беды и несчастья.

Особым ответвлением темы «маугли в НФ» является история детей, воспитанных инопланетянами-окупантами на Земле. Несмотря на то, что мировая фантастика давно разрабатывает эту линию (достаточно вспомнить «Щенков Земли» Т.Диша или «Омов из се-

рии» С.Вуля), самым психологически убедительным и хорошо прописанным, с точки зрения развития характеров, остается роман «Любимец» Кира Булычёва. Его главный герой Тим воспитывается как домашнее животное среди инопланетян-спонсоров на Земле, будто на чужой планете. И Тиму приходится многое пережить, прежде чем он окончательно возненавидит мир, созданный этими пришельцами, и станет активным и яростным борцом против «опекунов».

Впрочем, чистоты истинных историй о космических найденышах в такого рода книгах нет. Их герои все-таки знают о существовании земной цивилизации. Они не полностью оторваны от людей, не попадают в ситуацию, при которой им неизвестно даже само понятие «Человек».

* * *

И все-таки как же ответить на главный вопрос: «Сможет ли воспитанник иных цивилизаций, космический найденыш стать посредником между своими восприимчивыми и кровными родичами-землянами?». Большинство фантастов склоняется к оптимистичному варианту ответа. А вот жизнь, к сожалению, льет воду на мельницу пессимистов. Ведь ни одному из реальных «человекозверей» так и не удалось стать полноценным человеком...

Рецензии

Нил ЭШЕР

СКИННЕР

Москва: ЭКСМО;

СПб.: Домино,

2005. — 480 с.

Пер. с англ.

Н. Берденникова.

(Серия

«Фантастический
бестселлер»).

5000 экз.

В последнее время британский фантаст Нил Эшер уверенно завоевывает популярность на родине и за ее пределами.

В романе «Скиннер» нет набивших оскомину звездных империй, космических флотилий, межпланетных торговцев, галактических сражений и даже попыток разгадать загадки Вселенной и предназначения человека. Зато в достатке иные атрибуты: вирус бессмертия, космические пираты, боевой зонд и гештальт-разум насекомых — ингредиенты, образующие дивный образчик приключенческой НФ. Фантастики, продолжающей традиции Андерсона и Гаррисона.

А начинается все с того, что на планете Спаттерджей появляются три персонажа, каждый из которых преследует свои цели. Живой мертвец Сэйбел Кич желает довершить начатый несколько столетий назад разгром банды Джея Хупа, открывшего планету и использовавшего ее как базу для пиратских вылазок. Исследовательница Эрлин Тейзер Третья Неукротимая, некогда открывшая вирус, живущий в местных организмах и способный продлить жизнь на неограниченный срок (правда, берущий за это плату — и весьма высокую), движима ностальгическими воспоминаниями. А авантюрист Джанер просто выполняет условия контракта, заключенного им с Ульем, надеясь — и небезосновательно — на приключения.

По мере развития событий в сюжетную орбиту вовлекаются новые персонажи: Старые Капитаны и команды хуперов бороздят моря Спаттерджея, искусственный разум Блюстителя и подчиненные ему зонды поддерживают порядок на планете, а ее коренные обитатели всюю поедают друг друга.

Действие романа развивается на одной планете, но планете необычной, колоритно и вкусно прописанной. Сочетание оригинальности примет описанного мира, персонажей и их соответствия генотипу жанра оказалось удачным и жизнеспособным. По крайней мере, рецензент со столь добротной приключенческой фантастикой не сталкивался уже давно.

Сергей Шикарев

Люциус ШЕПАРД

**ЖИЗНЬ
ВО ВРЕМЯ
ВОЙНЫ**

*СПб.: Азбука-классика,
2005. — 608 с.
Пер. с англ.
Ф. Гуревич,
А. Кириченко.
(Серия
«Espresso»).
4000 экз.*

Этот роман, впервые опубликованный в 1987 году, одно из самых известных произведений Шепарда. В свое время книга приобрела даже скандальную репутацию благодаря откровенным намекам фантаста на вмешательство правительства США в центрально-американский конфликт конца XX века.

История рядового Дэвида Минголлы, служившего в экспедиционном корпусе армии США в Гватемале и позже ставшего боевым медиумом, способным контролировать чужое сознание, начинается жестко и драматично. Минголла влюбляется в женщину-медиума Дебору Чифуэнтес, однако она сражается на стороне противника, и Дэвида посылают убить его возлюбленную...

Если бы противостояние Минголлы и Чифуэнтес стало главным двигателем сюжета романа, могло бы получиться беспощадное, высокое и по-настоящему трагическое произведение. Но то ли Шепард пожалел своих героев, то ли решил, что простой, хотя и продолжительной дуэли двух медиумов будет мало для мира, созданного его воображением, однако американский фантаст решил усложнить действие. И переборщил.

Самые мощные и впечатляющие страницы книги Шепарда посвящены именно военным действиям, жизни во время войны, ее безумию и абсурдности. На этих страницах он поднимается до высот Балларда, чье влияние на роман очевидно. Однако там, где Шепард удаляется от визионерских и мастерски нарисованных картин бойни близкого будущего, книга откровенно слабеет. В романе выглядит абсолютно излишней опереточная и почти пародийная конспирологическая тема о тайной борьбе двух кланов латиноамериканских медиумов, чье противостояние якобы и определяло всю мировую политику на протяжении двухсот лет. Благодаря им столь непросто сложились и судьбы центральных героев книги. Степень правдоподобия, очень важная для такого рода книг-галлюцинаций, не просто падает от столь ходовых приемов. Сюжет рушится вниз с огромной скоростью и вконец разбивается о бессмысленный хэппи-энд.

Глеб Елисеев

Андрей
ВАЛЕНТИНОВ

ОМЕГА

Москва: ЭКСМО,
2005. — 480 с.
(Серия
«Триумvirат»).
8100 экз.

Новая книга фантаста–историка содержит три основные сюжетные линии, описывающие жизнь главного героя и его alter ego в трех разных ипостасях. В одной он — бравый майор Арлекин, ведущий партизанскую войну против блока НАТО, фактически оккупировавшего полуостров Крым. Во второй — археолог и руководитель отряда «Омега» Горно–крымской комплексной экспедиции, занимающейся в Крыму раскопками. В третьей — DP–watcher и хрономан, скользкий и погружающийся то ли в прошлое, то ли в параллельные вселенные. Сам Валентинов условно разделяет книгу на «Ад», «Рай» и «Чистилище».

Но постепенно три нити повествования начинают переплетаться и закручиваться, образуя своеобразный единый триптих. «Склеивкой» служат психотропные препараты, злоупотребление которыми позволяет главному герою мигрировать между Адом и Раем.

Однако авторский акцент на актуально–политические концепты кажется несправедливым по отношению к другим, не менее интересным идеям романа.

Как минимум столь же значительной в «Омеге» является часть, вдохновленная работами Вернадского и Пьера Тейяра де Шардена и посвященная собственно «точке омега», мирозданию и трансцендентальным поискам.

Важным атмосферообразующим элементом романа являются файлы из ноутбука героя, создающие информационный фон а–ля Дос Пассос, которым подпитывается действие. При этом темп развития сюжета и манера его подачи носят порой откровенно клиповый характер.

Писатель все стремительнее движется от конспирологических и криптоисторических построений к созданию мировоззренческих моделей, сдобренных автобиографическими элементами. Основными опасностями такого пути, как мы знаем, являются превращение произведения в набор из воспоминаний и размышлений и утрата сюжета и интриги. В «Омеге» этого удалось избежать. Остается ждать новых книг харьковского фантаста.

Сергей Шикарев

Пьер БОРДАЖ

**ВОИТЕЛИ
БЕЗМОЛВИЯ.
МАТЬ-ЗЕМЛЯ**

*Москва: АСТ,
2004. — 848 с.*

Пер. с франц.

*А. Григорьева.
(Серия «Золотая
библиотека
фантастики»).*

5000 экз.

«Философ и мечтатель, Пьер Бордаж отражает в своих книгах квинтэссенцию священных мифов человечества... В своих романах он выводит на сцену конфликты между человеком и формами общественного строя, основанными на господстве страха и единой мысли», — так характеризует Бордажа французский критик Бержо. Однако рецензируемые романы далеки от глубокомыслия и философии.

«Воители безмолвия» и «Мать-Земля» — первые две части трилогии, в которую входит также роман «Цитадель Гипонерос». Всё вместе — классическая космоопера, далекая от каких-либо новаций. Бордаж использует весь арсенал штампов жанра: гигантская звездная конфедерация, планета фантастической роскоши Сиракуза, тайные агенты-телепаты, погони, кровь, заговоры, секретные дверцы, открывающиеся в нужный момент, прекрасная дама, случайно узнавшая опасную тайну и преследуемая темными силами, жалкий человечек, от которого внезапно стали зависеть судьбы множества миров...

«Воители безмолвия» уже публиковались на русском, а вот со вторым романом трилогии наши читатели знакомятся впервые. Имперское иго обрушилось на звездную конфедерацию. Все надежды изменить что-либо рассыпались в прах. Все, кроме одной: любой ценой нужно попасть на планету-прародительницу, на Землю, где жива спасительная легенда о воителях безмолвия, неподвластных ментальной инквизиции и способных перемещаться в пространстве со скоростью мысли. На Землю отправляется мальчик, однако ребенок не в состоянии справиться с тысячами непреодолимых преград. Да и кому он может довериться в своем паломничестве? Свирепому видуку Папиронде? Принцу-изгнаннику, народ которого вот уже восемь тысяч лет ждет появления племени звездных мигрантов?

Судя по всему, добраться до конца даже первого тома этой трилогии удастся далеко не каждому читателю. Но еще большее их раздражение вызовет торопливый, полный ляпов перевод.

Игорь Найденов

Уолтер Йон
УИЛЬЯМС

ПРАКСИС

---

*Москва: АСТ,
Транзиткнига,
2005. — 475 с.*

*Пер. с англ.
Е.Кирцидели.
5000 экз.*

Одиннадцать тысяч лет назад раса Шаа подмяла под себя десятки планет, всюду насаждая свой кодекс законов и требуя беспрекословного подчинения. Главный лозунг скрижалей Праксиса: «Все действительно важное уже известно». Слово садовник, подрезающий дерево, Шаа устанавливали новый порядок с помощью планетных бомбардировок и карательных экспедиций. «Каждую расу следовало привести к пониманию ее обязанностей, кропотливо, словно выращивая деревце из крохотного саженца, направляя и подвязывая его ветви, чтобы оно достигло совершенной гармонии с Праксисом». В установленной иерархии сами Шаа заняли место живых богов. Но физиологическое бессмертие привело к вырождению, превратило владык в обузу для империи — поэтому они ушли из жизни, оставив другим расам свое учение, социальную структуру и военные технологии.

Первая часть романа, открывающего новый сериал, выглядит затянутой: Уильямс показывает галактическую империю изнутри в ее различных проявлениях, на разных уровнях иерархии. У каждого сапиенса имеется свое место в структуре общества, причем выйти за пределы своего круга никто не вправе, и каждый шаг в карьере возможен лишь при поддержке сюзерена. Два главных героя — лейтенант звездного флота Гарет Мартинес и кадет леди Сула — в числе тех немногих, кто пытается вырваться из «аквариума», постоянно натываясь на новые условности и ограничения. Но уход последнего из иерархов смешивает все карты. И вот уже иная раса, оправдывая свои амбиции тем, что стояла у самого основания Праксиса, пытается навязать другим свою гегемонию... Судьба созданного ею Комитета защиты Праксиса была еще менее удачна, чем у ГКЧП, однако Рубикон уже перейден — начинается галактическая война, в которой у офицеров флота появляются превосходные шансы для карьеры. Автор великолепно держит напряжение, пишет увлекательно, широкими мазками, а его псевдонаучные выкладки критиковать не следует — ведь перед нами всего лишь космоопера.

Сергей Некрасов

Владимир АРЕНЕВ

**ПАЛОМНИЧЕСТВО
ЖОНГЛЕРА**

*СПб.: Азбука,
2005. — 640 с.*

*(Серия
«Магический
портал»)
4000 экз.*

«Паломничество жонглера» относится к роду фэнтези, который можно было бы назвать «бюргерским». Знать и церковная верхушка привычно смещены из центра действия, герои, принадлежащие к «третьему сословию», представляют авторизованный взгляд на реальность. Отсюда приземленность всего происходящего в романе, хотя стержнем сюжета становится событие масштабное и трагическое: война богов и их нисхождение из «внешних пустот» к людям, грозящее для мира Плаургин катастрофой. Даже магов и лучших воинов Владимир Аренев заставляет пройти суровую школу сиротства, бедности.

Главным достоинством романа является хорошо продуманный, сбалансированный и сочно прописанный мир. Владимир Аренев наделил его экзотичной конфессиональной системой, которая постоянно находится в центре внимания и, к счастью, оказывается далеко за пределами модных умствований о сущности и «перекосах» христианства. Никакой эзотерики, никакой религиозной философии, чистый литературный эксперимент, чистая фантазия, отлившаяся в прихотливые и весьма занимательные формы. Автор снабдил книгу многочисленными приложениями — «Летоисчисление», «Книга «Бытие» (местное священное писание), «Собор Двадцати Четырех» (оргструктура местной церкви), «Глоссарий», — и это также производит впечатление.

Недостатками романа можно считать затянутость третьей части и пристрастие автора к литературным аллюзиям: ходовые фразы из современного интеллектуального лексикона несколько сбивают, когда действие происходит во вторичном мире, сконструированном главным образом на основе средневекового европейского антуража.

А в целом — добротное приключенческое чтение, заметно выше среднего уровня современной отечественной фэнтези. Роман «Паломничество жонглера» — первая книга задуманной Владимиром Ареневым трилогии «Хозяин небесного зверинца». В авторском послесловии обещано не тянуть со второй книгой.

Екатерина Кристинина

ТАМОЖНЯ ДАЕТ ДОБРО

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО. «ЧЕРНОВИК». АСТ.

Серия «Звездный лабиринт» и авторская серия С.Лукияненко.

Создавалось впечатление, что сегодня башни попадают ему на каждом шагу.

Стивен Кинг.

«Бесплодные земли».

В жизни каждого крупного писателя случаются периоды, когда хочется создать что-то принципиально для себя новое. Представьте, что вы известный автор, что каждую вашу следующую книгу тысячи поклонников ждут, заранее ее обожая, чем бы она ни была — продолжением «повсеградно оэкраненного» сериала или просто сборником рассказов с сетевых конкурсов.

И вот, испытывая читательское терпение, вы начинаете искать не только новое содержание, но являть и новые формы — как литературные, так и «диалоговые». Например, выкладывать кусочки романа по мере его написания в своем блоге (открытом интернет-дневнике), обеспечивая тем самым обратную связь с аудиторией. Или в качестве очередного эксперимента с текстом открывать каждую следующую главу, даже если предыдущая закончилась как бы на полуслове, отстраненным вступлением. Наподобие того, с которого начинается и эта рецензия.

А еще очень многим фантастам хочется «поиграть в мейнстрим».

Впрочем, как раз Лукьяненко с ним давно накоротке и активно использует приемы современной прозы «основного потока» в своих произведениях. А значит, для нового романа требуется более сложный путь, и автор предъясвляет текст в стилистике «Четвертой волны», чьи произведения всегда тяготели к мейнстриму, но в большей степени опирались на традиции русской классической прозы.

Поэтому героем романа становится ничем не примечательный менеджер ничем не примечательной компьютерной фирмы, да и имечко у него тоже ничем не примечательное — Кирилл Максимов. Обычно персонажи Лукьяненко ли-

бо обладают, либо практически сразу обретают необычные способности, и с первых же страниц их закручивает вихрь событий, в результате которых герой вынужден взять на себя ответственность за судьбы мира. Здесь же писатель гиперболизирует (скорее, *гипоболизирует*) традиционную для русской литературы тему «маленького человека»: Кирилл в первой трети «Черновика» и впрямь становится незаметным. Его перестают узнавать друзья и знакомые. В его квартире поселяется посторонняя девушка. Его забывают родители. Записи о нем исчезают из домовых книг, его паспорт рассыпается в труху.

Герой мечется в тщетных попытках осознать происходящее, но даже писатель-фантаст, в дом которого Кирилл заносит поиски истины, в состоянии лишь показать, как эту ситуацию описали бы коллеги по перу — с ассоциативно узнаваемыми фамилиями Глобачев, Чудов, Велесов, Дромов, Охотников... В этом ряду под именем Зарова фантаст поминает и самого Лукьяненко, предрекая герою обретение всемогущества и последующий отказ от него.

Вариант Зарова оказывается пророческим: герой действительно обретает всемогущество. Локальное, в рамках своей *функции* — быть таможенником между мирами. Вся процедура «исчезновения де-юре» была нужна *функционалам* (то ли секте, то ли правящей Вселенной касте), чтобы сделать

из Кирилла «своего», вменив ему в обязанность охранять столь же непримечательную пятигранную башню на северо-востоке Москвы. Но оказывается, что из каждой грани этой башни может отвориться дверь в один из параллельных миров. В какой именно — зависит уже от самого Кирилла.

Подобных башен много, ими давно в своих целях пользуются сильные мира сего. А поддерживают систему в порядке функционалы — полицейские, врачи, даже хозяева гостиниц...

Это не спойлер, это лишь завязка, с которой начинается головокружительный, в духе прежнего Лукьяненко, калейдоскоп событий. Герою предстоит многое узнать и осознать. Например, задуматься над поиском национальной идеи для здешней России. А также понять, что же все-таки есть «черновик» — он сам с навязанной ему функцией, миры, двери в которые ему предстоит «выспать», или же наша Земля?

Лукьяненко неоднократно признавался, что для него самая удобная форма произведения — это роман-диалогия. Вот и «Черновик» — лишь первый роман диалогии. Несмотря на то, что сюжетно он вполне самостоятелен, неожиданная развязка оставляет довольно много незавершенных линий для второй части, которая, скорее всего, будет называться «Набело».

Дмитрий БАЙКАЛОВ

ВРАНЬЁ, ВЕДУЩЕЕ К ПРАВДЕ

Евгений ЛУКИН

Читатель уже привык находить имя Евгения Лукина в разделе «Публицистика». Однако отнюдь не потому, что писатель окончательно перекинулся в чуждый стан, пытаясь стыдливо отклеить ярлык «фантаст». Напротив, он был, есть и остается верным рыцарем фантастики, просто предлагает взглянуть на эту ветвь литературы с неожиданной точки зрения. Впрочем, к парадоксам Лукина читатель тоже привык.

*Теперь я вижу, что был
прав в своих заблуждениях.*
Великий Нгуен.

Умру не забуду очаровательное обвинение, предъявленное заочно супругам Лукиным в те доисторические времена, когда публикация нашей повестушки в областной молодежной газете была после первых двух выпусков остановлена распоряжением обкома КПСС. «А в чем дело? — с недоумением спросили у распорядившейся тетеньки. — Фантастика же...» «Так это они говорят, что фантастика! — в праведном гневе отвечала та. — А на самом деле?!»

Помнится, когда нам передали этот разговор, мы долго и нервно смеялись. Много чего с тех пор утекло, нет уже Любви Лукиной, второе тысячелетие сменилось третьим, а обвинение живехонько. «Прости, конечно, — говорит мне брат по клавиатуре, — но ника-

кой ты к черту не фантаст». «А кто же я?» — спрашиваю заинтригованно. Собрат кривится и издаёт бессмысленное звуко сочетание «мейнстрим».

Почему бессмысленное? Потому что в действительности никакого мейнстрима нет. По моим наблюдениям, он существует лишь в воспаленном воображении узников фантлага и означает всё, распологающееся вне жилой зоны. Можно, правда, возразить, что и окружающая нас реальность не более чем плод коллективного сочинительства, но об этом позже.

Не то чтобы я обиделся на собрата — скорее, был озадачен, поскольку вспомнилось, как волгоградские прозаики (сплошь реалисты), утешить, наверное, желая, не раз сообщали вполголоса, интимно приобняв за плечи: «Ну мы-то понимаем, что никакой ты на самом деле не фантаст».

— А кто?

Один, помнится, напряг изви-

лины и после долгой внутренней борьбы неуверенно выдавил:

— Сказочник...

Услышав такое, я ошалел настолько, что даже не засмеялся.

Впрочем, моего собеседника следует понять: термин «мистический реализм» (он же «новый реализм») используется пока одними литературоведами, да и то не всеми, а слово «фантастика» в приличном обществе опять перешло в разряд нецензурных. Недаром же, чуя, чем пахнет, лет десять назад несколько мастеров нашего цеха предприняли попытку отмежеваться, назвавшись турбореалистами.

Тоже красиво...

Так вот о мистическом реализме. Если в Америке и Англии, по словам критиков, сайнс-фикшн и фэнтези традиционно донашивают лохмотья «серьезной» литературы, то у нас всё обстоит наоборот: нынешние модные писатели — зачастую результат утечки мозгов, так сказать, эмигранты жанра. А то и вовсе откровенные компиляторы, беззастенчиво обдирающие нас, грешных, выкраивая из обдирок собственные эпохальные произведения.

Что ж, Бог в помощь. Хотелось бы только знать, чем в таком случае этот таинственный мистреализм принципиально отличается от фантастики? Кроме брэнда, конечно.

Задав подобный вопрос литературоведу, вы сможете насла-

диться стремительной сменой цвета лица и забвением слова «дискурс» (вообще, когда авторитет теряется до такой степени, что забывает феню и переходит на общепринятый язык, знайте, вы угодили в точку).

— Да как вообще можно сравнивать Булгакова и...

Если же вы будете упорны в своей бестактности, ученый муж (жена) нервно объяснит, что мистический реализм — это когда талантливо, а фантастика — это когда бездарно.

Такое ощущение, что господа филологи добросовестно прогуляли курс лекций по введению в литературоведение. Классификацией, напоминаю, занимается теория литературы, а качество того или иного произведения оценивает критика.

Впрочем, попытки подойти к проблеме с позиций теории, как выяснилось, также приводят к результатам вполне умопомрачительным. Так мне рассказали недавно, что московские литературоведы, с легкостью вычленив отличительные (типологические) признаки детектива и любовного романа, споткнулись на фантастике. Не нашлось у нее ярко выраженных отличительных признаков. И знаете, какое из этого проистекает заключение? Фантастики нет. Нету нас. Нетути.

Встречу в следующий раз собрата по клавиатуре — непременно покажу ему язык.

* * *

Год этак семидесятый. Лекция. Преподаватель пластает романтизм. Представители данного направления, сообщает он, отвергли обыденность, видя выход в иной реальности, в иных временах. Мрачные реакционные романтики идеализировали прошлое, уходили в мистику. Прогрессивные верили в будущее. Был, правда, автор, стоящий особняком, его трудно отнести и к тем, и к другим. Эрнст Теодор Амадей Гофман. Явный романтик, но для реакционного слишком светел, а с другой стороны, и от грядущего ничего доброго не ждал. Герой его обретает счастье в Атлантиде (не исключено, что сходит с ума).

Хорошо, что я тогда не задал вопрос: «Так может, это фантастика?». Выволочка за неприличное слово наглецу-студизусу была бы гарантирована.

А почему, собственно, неприличное? Открой энциклопедию, прочти: «Фантастика — форма отображения мира, при которой на основе реальных представлений создается логически несовместимая с ними («сверхъестественная», «чудесная») картина Вселенной».

Отменно сказано. Единственное сомнение: не подскажите ли, какое именно отображение мира считать, по нашим временам, соответствующим действительности? Ведь не исключено, что в будущем сегодняшняя публицистика

не только покажется, но и окажется фантастикой. Как, скажем, случилось с публицистикой советской эпохи.

Белинский, однако, одиозного ныне термина не чурался:

«Портрет» есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде. Здесь его талант падает, но он и в самом падении остается талантом».

И далее:

«Вообще надо сказать, фантастическое как-то не совсем дается г. Гоголю, и мы вполне согласны с мнением г. Шевырева, который говорит, что «ужасное не может быть подробно: призрак тогда страшен, когда в нем есть какая-то неопределенность; если же вы в призраке умеете разглядеть слизистую пирамиду, с какими-то челюстями вместо ног и языком вверх, тут уж не будет ничего страшного, и ужасное переходит просто в уродливое».

Поругивал, как видим, но хотя бы честно называл вещи своими именами. Нынешние белинские такого непотребства ни за что себе не позволяют.

— «Божественная комедия», — отбивается низкими обиходными словами припертый к стенке литературовед, — не имеет отношения к фантастике, потому что Ад, Чистилище и Рай считались реально существующими.

— Позвольте, любезнейший! Тогда к ней не имеет отношения и «Туманность Андромеды», по-

скольку светлое коммунистическое будущее тоже считалось неизбежной реальностью.

— Да, но Алигьери—то верил не в будущее, а в вечное!

— Не вижу принципиальной разницы. Оба верили в то, что не может быть подтверждено опытом.

— Простите, но «Туманность Андромеды» — научная фантастика. — Слово «научная» произносится с заметным отвращением.

— А у Данте не научная? Помнится, мироздание у него скрупулезно выстроено по Птолемею...

— Да как вы вообще можете сравнивать Данте и...

Короче, смотри выше.

Зато, если вдруг филолог очаруется невзначай творчеством какого—либо фантаста, тут и во все начинается диво дивное, сопровождаемое немислимыми терминологическими кульбитами.

— Лем? Какой же это фантаст! Это философ...

— Брэдбери? Но он же лирик...

Прибавь мне Бог ума и терпения — обязательно составил бы и опубликовал сборник «Верования и обряды литературоведов».

* * *

Раньше казалось, будто всё дело в слове «научная», пока не обнаружилось, что термин «фэнтези» вызывает у паразитов изящной словесности не меньшее омерзение. Мало того, даже не—причастность к какому—либо из

этих двух направлений (фэнтези и НФ) ни от чего не спасает. Знаю по собственному опыту. Несмотря на утешения писателей—почвенников и на попытки собрата по клавиатуре, так сказать, проверить каинову печать на контрафактность, погоняло «фантаст» прилипло ко мне намертво. Собственно, я не против. А за термин обидно. Что делать, стилистическая окраска имеет обыкновение со временем меняться. Ну кто из нынешней молодежи поверит, к примеру, что арготизм «попса» в юных розовых устах когда—то звучал гордо и ни в коем случае не презрительно? О слове «демократия» и вовсе умолчу...

Вот и с фантастикой та же история.

Одно утешение — Фёдор Михайлович Достоевский. Уважал, уважал классик гонимое ныне слово:

«В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический».

«Что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности?»

Или такой, скажем, комплимент:

«Сердце имеет — фантаст».

И наконец главная жемчужина: «Реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастичности, потому что слеп».

Предвижу вопль: да он же не о той фантастике говорил! Так и я

не о той. Не о драконах, не о бластерах. Для нас с Белкой (Любовью Лукиной) все эти вытребенки самостоятельной ценности никогда не имели. Мало того, не относясь к читателям, для которых антураж важнее сути, не видели мы подчас и принципиальной разницы между НФ и, допустим, производственным романом. В первом случае коллектив доблестно достигал субсветовых скоростей, во втором — не менее доблестно выходил на заданные производственные мощности. Спрашивается, зачем гравилет городить, когда можно обойтись прокатным станом!

Скорее, нам казались фантастическими рассказы Шукшина, где роль зелененького инопланетянина с рожками или чертика с хвостиком исполнял откровенно выдуманый чудик или бывший зэк, тоже, как правило, сильно выдуманый. Стоило этим странным персонажам влезть в действие, как человеческие взаимоотношения начинали выворачиваться наизнанку, представляя в самом невероятном и причудливом виде.

Фантастика для нас была не более чем ключиком к реальности. Иногда отмычкой. А то и вообще ломиком. Фомкой.

То есть набором приемов.

Возможно, этим и была вызвана та изумительная фраза разгневанной тетеньки из обкома.

То, что жизнь сама по себе вполне фантастична, выяснилось

гораздо позже. Достаточно сопоставить две обычно разобщаемые области нашего бытия — и вот вам фантазмагория в чистом виде. Бери и пользуйся.

Поясню на примере. В рассказе «Серые береты» нет исходного фантастического допущения. Я действительно ловил мышонка — и мышонок оказался умнее. По телевизору действительно показывали сюжет о мышах, участвовавших в Великой Отечественной. Мне оставалось лишь совместить два эти факта.

Если кто-то успел вообразить, что в данной статье я намерен ослепить читателя анализом литературных направлений, пусть вздохнет с облегчением. Отделять зерна от плевел бесполезно, ибо слово «фантастика» сейчас нецензурно во всех своих смысловых ипостасях.

Я даже не собираюсь защищать его от нападков.

И знаете почему?

Потому что лучшая защита — это нападение.

Начнем с криминальной субкультуры литературоведов.

* * *

Ее преступная сущность очевидна и легко доказуема. Настораживает уже тот факт, что литературоведение ничем не способно помочь автору. Эта лженаука не имеет ни малейшего отношения к процессу писанины и годится исключительно для разбора закон-

ченных произведений. Или, скажем, не законченных, но уже мертвым прилипших к бумаге и утративших способность к развитию.

Знаменательно, что сами литературоведы опасаются иметь дело с живыми авторами, дабы тайное надувательство не стало явным. Примерно по той же причине большинство натуралистов предпочитает быть неверующими — иначе им грозит полемика с Творцом. Как провозгласил однажды в припадке циничной откровенности мой знакомый, ныне завкафедрой литературы: «Выпьем за покойников, которые нас кормят!». Недаром же старик Некрасов при виде аналогичной сцены воскликнул в ужасе: «Это — пир гробовскрывателей! Дальше, дальше поскорей!».

Еще в меньшей степени литературоведение необходимо простому читателю. Этот тезис я даже доказывать не намерен. Скажу только, что читающая публика для ученых мужей и жен — не менее досадная помеха, чем автор, поэту всё, что публике по нраву, изучения, с их точки зрения, не достойно.

Итак, городская субкультура литературоведов криминальна уже тем, что никому не приносит пользы, кроме себя самой, то есть паразитирует на обществе и тщательнее это скрывает.

Способ мошенничества отчасти напоминает приемы цыганок: неустанно убеждать власти в том,

что без точного подсчета эпитетов в поэме Лермонтова «Монго» всё погибнет окончательно и безвозвратно, а запугав, тянуть потихоньку денежки из бюджета. Навер, разумеется, невелик, с прибылями от торговли оружием и наркотиками его сравнивать не приходится, но это и понятно, поскольку литературоведы в уголовной среде считаются чуть ли не самой захудалой преступной группировкой. Что-то среднее между толкователями снов на дому и «черными археологами».

Само собой, изложив просьбу раскошелиться в ясных, доступных словах, на успех рассчитывать не стоит. Что казна, что предполагаемый спонсор — фраера порченые, их так просто не разведешь. Поэтому проходимцами разработан условный язык, специальный жаргон, употребляемый с двумя целями: во-первых, уровень владения им свидетельствует о положении говорящего во внутренней иерархии; во-вторых, делает его речь совершенно непонятной для непосвященных. Последняя функция создает видимость глубины и производит на сильных мира сего неизгладимое впечатление. Услышав, что собеседник изучает «гендерную агональность национальных архетипов», сомлеет любой олигарх, ибо сам он столь крутой феней не изъяснялся даже на зоне.

Глядишь, грант подкинет.

Заметим походя, что упомяну-

тый жаргон в последние годы тяготеет к расслоению. В то время как стоящие одной ногой в прошлом «мужики» продолжают ботать по-советски, демократически настроенные «пацаны», норвя обособиться, спешно изобретают и осваивают новую «филологическую музыку».

Подобно любой другой криминальной субкультуре литературоведение характеризуется следующими признаками: жесткая групповая стратификация, обязательность установленных норм и правил, в то же время наличие системы отдельных исключений для лиц, занимающих высшие ступени иерархии, наличие враждующих между собой группировок, психологическая изоляция некоторых членов сообщества, использование в речи аргю (список признаков позаимствован из работы Ю.К.Александрова «Очерки криминальной субкультуры»).

Да и клички у них вполне уголовные: «Доцент», «Профессор».

Кстати, согласно неофициальным данным, именно преступная группировка литературоведов, контролировавшая в конце девятнадцатого столетия город Лондон, натравила британские власти на Оскара Уайльда, причем не за гомосоциализм, как принято считать, а за то, что в предисловии к «Портрету Дориана Грея» он разгласил их главную, пуще глаза оберегаемую тайну: «Всякое искусство совершенно бесполезно».

И это всё о криминальной субкультуре литературоведов.

* * *

Тэк-с. С одним обидчиком разделался играючи. С другим — сложнее. Как уже отмечалось в эссе «Взгляд со второй полки», чем сильнее закручиваются гайки властями, тем пренебрежительнее относится обыватель к моему ремеслу. А ведь еще совсем недавно, в смутные времена, тихий был, пуганый, фантастику на всякий случай боязливо уважал: черт ее знает, вдруг она тоже правда! Теперь же, видя признаки наступающего порядка (вот и поезда опаздывать стали, и продавщицы хамить), приободрился наш цыпленок жареный, голосок подал, вспомнил, как клювик морщить.

— Привет фантастам! — развязно здороваются он со мной на улице.

Прижмешь его в споре — тут же найдется:

— Конечно! Ты же у нас фантаст...

А сам, между прочим, налетев на неожиданность, каждый раз ахает: «Фантастика!» — не понимая, что одним уже восклицанием этим лишает себя морального права упрекать одноименное литературное направление за отрыв от жизни.

Предстоящая мне задача не проста: доказать — и не просто доказать, а объяснить на пальцах всем недоброхотам фантастики,

что их «реальная жизнь» не меньший, а то и больший вымысел. Собственно, я уже высказывался на эту тему, и не однажды, но боюсь, выпады мои неизменно воспринимались в юмористическом ключе. Поэтому на сей раз я постараюсь подойти к делу по возможности серьезно. Заранее прошу простить меня за чрезмерное увлечение подробностями, но, как говаривал один мой друг-газетчик, репортаж есть набор свидетельств, что ты был в данное время в данном месте.

Начнем, благословясь.

Севастополь. Пироговка. Акации с шипами, роскошными, как оленьи рога, двухэтажные дома из инкерманского камня. Мне одиннадцать лет. Пыльные сандалии, просторные синие трусы, оббитые ороговевшие коленки. В одном из дворов — налитый до краев бассейн: круглый, метровой высоты. Зачем он там, сказать трудно. Видимо, на случай пожара. Для купания грязноват, а запускать кораблики — в самый раз.

Шагах в десяти от меня на бетонной (а может, кирпичной, но оштукатуренной) стенке бассейна, стоя на коленях, пыгается достать прутиком свою парусную дощечку самый младший из нашей оравы — девятилетний Вовка Брехун. Кличка обидная и несправедливая. Плакса, ябеда, маменькин сынок, но почему Брехун? Уж кто горазд врать — так это я. Приехал из Оренбурга и

пользуюсь этим всюю: рассказываю вздохом, как плавал по Уралу в прозрачной подводной лодке и ловил под землей недобитых фашистов. Поди проверь! Однако разнузданное воображение ни у кого из пацанвы протеста не вызывает, поэтому прозвище у меня вполне уважительное — Аримбург (орфография выверена по надписи на асфальте).

И вот, силясь дотянуться прутиком до кораблика, Вовка Брехун внезапно теряет равновесие и летит торчмя головой в мутный желтоватый с прозеленью омут. Оторопь, затем восторг. Мальчишеский, злорадный. Ох, достанется сегодня Брехуну! Ему ж мамочка к бассейну близко подходить не разрешает...

Однако дальше происходит нечто странное. Вместо грязной и мокрой головы на поверхность выскакивает ступня в сандалиии, потом другая — и они как-то вяло принимаются шлепать по воде. Что он делает, дурак! Ему же достаточно нащупать ногами дно и встать. Глубина, повторяю, метр.

Почему я не бросаюсь на помощь? А черт его знает! То ли срывает родительский запрет на купание в бассейне, где «всякая зараза плавает», то ли боязнь проявить героизм без санкции старших. Кроме того, не следует забывать, что Брехун — наименее значительное лицо в нашей компании, которого как-то и спасать неловко. Впрочем остальные ве-

дут себя не лучше. Кричать, правда, кричим, но скорее ликующе, чем испуганно:

— Брехун тонет!..

Потом на бетонную стенку вспрыгивает рослый парень в светлых отутюженных брюках, белой рубашке, туфлях. Должно быть, за ним наблюдает его девушка, поскольку всё, что он делает дальше, красиво до невозможности. Четко, как на соревнованиях по плаванию, он приседает, отведя руки назад, затем вонзается в воду «щучкой», хотя при его росте разумнее просто слезть в бассейн.

Чудом не вписавшись в дно, выпрямляется, весь мокрый, весь в какой-то дряни, и на руках его тряпично обвисает наш утопленник.

Нервы мои не выдерживают — и я со всех ног кидаюсь домой с потрясающей новостью: Брехун утонул!.. Ну, чуть не утонул!

Поступок опрометчивый: выслушав мой сбивчивый рассказ, наверняка оснащенный выдуманными по дороге душераздирающими подробностями, во двор мне вернуться не позволяют. А через некоторое время раздается звонок в дверь. На пороге — дворовые активисты: две вредные тетки («тёханки», как мы их называли) и не менее вредный мужичонка («дяхан»). Но, самое удивительное, сзади из-за их спин выглядывают оробело-сердитые лица пацанов.

Никакого свежего греха я за собой не ведаю, но раз пришли, значит что-то натворил.

— Ваш сын, — торжественно объявляет тёханка, — спихнул мальчика в бассейн...

Всё это настолько невероятно и несправедливо, что от обиды я ударяюсь в самый постыдный рев, чем окончательно подтверждаю свою вину. Несколько дней меня не выпускают гулять, все попытки оправдания пресекаются решительнейшим образом. Действительно, нельзя же врать и выкручиваться столь нагло и бесстыдно! Свидетелей-то — полон двор.

Наконец срок заключения истекает, и мне позволяют выйти из дому. Первым делом нахожу пацанов.

— Сквора! Гусек! Ну вы же видели, что я никого не толкал...

Слушайте, они меня чуть не побили.

— Кто не толкал? Ты не толкал? Я видел! Гусек видел! Ты же по стенке шел мимо Брехуна — и вот так двумя руками в спину его толкнул...

Они не ввали. Они были искренне возмущены моей неумелой попыткой заморочить им голову.

Испуганный, сбитый с толку, я тут же постарался забыть эту историю — и правильно сделал, потому что думать о таком, когда тебе всего одиннадцать лет, — это и с ума сойти недолго.

Что же произошло? Думаю, событие воссоздавалось следующим образом. Брехун упал в бассейн.

Аримбург убежал. Почему убежал Аримбург? Испугался. Чего? Ну ясное дело, того, что столкнул Брехуна в бассейн. И вот в памяти пацанов складывается ясная, четкая картина — одна на всех: Аримбург идет по стенке и двумя руками изо всех сил толкает в спину Брехуна. Допрашивай их с пристрастием, случай показания — факт очевиден.

Понадобилось прожить жизнь, чтобы понять: любое наше воспоминание — о чем бы оно ни было — строится именно по приведенному выше образцу. Полагаю, что люди вообще гораздо искренней, чем о них принято думать. Они почти никогда не лгут, просто слышавшееся отпечатывается у каждого по-своему. И если бы только по-своему! И если бы только слышавшееся!

* * *

Однажды я спросил Сергея Сияякина:

— Серёжа, а вот, скажем, выезжаешь ты на труп. У тебя пять свидетелей. И все они слово в слово показывают одно и то же...

Начальник убойного отдела задумался, но лишь на секунду.

— Ну, значит успели уже друг с другом переговорить, — с уверенностью профессионала заключил он.

Страшное это дело — коллективная память.

Но и индивидуальная тоже хо-роша.

Недавно я с умилением напомнил Марине Дяченко, как любовался ее дочкой в колыбельке: вся такая розовая, крохотная...

— А ты разве у нас в девяносто пятом был?

— Да, — отвечаю с гордостью. — Восьмого марта.

— Позволь, но Стаска родилась позже.

Секундное остолбенение.

— Минутку, минутку... — ошалело бормочу я. — Как же... Восьмое марта... девяносто пятый...

Это что же получается? Это получается, что в Киеве восьмого марта девяносто пятого года Маринка в упоении рассказывала мне о том, как прекрасен любый новорожденный младенец, а у меня, стало быть, из ее слов сложилась иллюзия, будто бы... Да нет же, нет! Я ведь не только Стаску — я и кроватку запомнил, и комнату. Хотя это-то как раз просто: счастливые Серёжа с Мариной могли показать мне заранее подготовленную колыбельку и прочее.

И сам собой возникает вопрос: а вдруг меня и с Брехуном память подвела? Были же случаи, когда преступник, ужаснувшись содеянному, забывал всё напрочь!

Хорошая версия. Остроумная. Но, к сожалению, кое-что в ней представляется сомнительным. Вернемся в Севастополь.

В том же году я преподнес родителям еще один подарочек — нечаянно поджег строящийся жи-

лой дом, уронив горящую спичку на тюк сухой прессованной пакли. Хорошо — без жертв обошлось. Из подвала нас вынесло с опаленными бровями. Пожар тушили чуть ли не полдня. И всё помню. Помню, как, плача от раскаяния, выхватывал из-за пазухи и швырял оземь спичечные коробки и прочую пиротехнику, как умолял пацанов никому ничего не говорить, а они, обезумев, радостно вопили: «Рáля Аримбургу!».

Что такое рáля? «Рáля» (она же «ролянка») представляла собой сколоченную из дощечек теплежку на четырех подшипниках — самодельный, оглушительно визжащий по асфальту прообраз нынешнего скейта. Бились мы на них немилосердно. Возможно, поэтому слово «рáля» в нашем дворе употреблялось также в значении «хана», «амба», «капут»...

Видите, даже вопли пацанов могу дословно воспроизвести.

Поэтому как-то, знаете, маловероятно, что сбрасывание Вовки Брехуна в бассейн я с перепугу забыл, а поджог стройки запомнил в мельчайших подробностях, хотя для одиннадцатилетнего мальчишки он должен был представляться куда более грандиозным преступлением.

Обычно задумываться о таких вещах не позволяет инстинкт самосохранения. Нормальному обывателю прежде всего необходимо осознание собственной правоты, а какая к черту правота, если вдруг

заподозришь, что все твои знания об окружающем мире не более чем миф, продукт коллективного или индивидуального творчества!

Легко предвидеть, многие (те самые, что видят в фантастике попытку разрушить привычный порядок вещей) огрызнутся примерно так: а может, ты просто с детства склеротик?

Возможно, возможно. Но тогда почему эти апологеты реальности, стоит ввязаться с ними спор, неизменно восхищаются (даже сейчас!) моей якобы изумительной памятью? И почему их собственные воспоминания разительно меняются с годами?

Так в брежневские времена дедушки моих знакомых поголовно гибли в боях с белогвардейцами, а дяди — защищая Советскую Родину от фашизма. Однако стоило начаться перестройке, как те же самые дедушки оказались расстрелянными ЧК, а дяди сгинули в недрах ГУЛага. И ведь не врут — хоть на детекторе лжи проверяй. Видимо, всё это вместе и называется альтернативной историей.

Собственно, история другой и не бывает.

Как выразился персонаж того же Достоевского, «вранье всегда простить можно; вранье дело милое, потому что к правде ведет. Нет, то досадно, что врут, да еще собственному вранью поклоняются».

Кстати, хорошее определение литературного приема, именуемо-

го фантастикой: вранье, ведущее к правде. Однако обаятельнейший персонаж Фёдора Михайловича несколько смягчил выражения: когда речь заходит о правоте, а тем более о целостности мира и рассудка, собственному вранью не просто поклоняются — ему верят, самозабвенно и безоглядно. До возникновения зрительных и звуковых образов.

* * *

Боюсь, моя неотцентрованная аргументация зацепила рикошетом не только противников, но и некоторых любителей фантастики — из тех, что искренне полагают ее выдумкой, созданной исключительно для их развлечения: «Позвольте, позвольте! Мы ж не в позапрошлом веке живем. Истинность или ложность свидетельств легко установить с помощью... да хотя бы камер слежения!».

Увы, камеры слежения лгут сплошь и рядом. Говорю вам это как поклонник бокса (наименее лицемерного из человеческих занятий). Одна камера при повторе эпизода утверждает, что удар пришелся вскользь, другая — что в самую точку, третья — что удара не было вообще. Поэтому судьбы полагаются по старинке на собственные опыт и интуицию.

Как тут не вспомнить древнюю притчу о трех слепцах, ощупывавших слона! Но ведь и зрячие ведут

себя подобно слепым: один видит только ногу, другой — только хвост, третий — только хобот. И каждый готов ради правды взойти на эшафот.

Скажете, преувеличиваю? Как это можно, имея глаза, не увидеть?

А вот как.

Шли два приятеля, два взрослых человека мимо кинотеатра, где крутят старые фильмы, — и заметили на афише нестерпимо знакомое название. Картину эту они смотрели в детстве не раз и не два. Захватывающая была картина. Особенно заставлял содрогаться эпизод, когда из тумана выползло орудие величиной с фабричную трубу, выстрелом из которого злодей собирался разом уничтожить человечество. Перемигнулись приятели — и решили зайти поглядеть, над чем же это они обмирали от сладкого ужаса лет двадцать назад. Честно сказать, ждали разочарования. Однако после сеанса вывалились оба на улицу в полном восторге, изнемогая от хохота. То, что они по ребячьей наивности принимали за боевик, на проверку обернулось пародией. Причем самыми уморительными оказались именно те кадры, когда выезжала из тумана жуткая пушка. По стволу ее, как теперь выяснилось, шествовал дворник с метлой — и подметал. К выстрелу готовил. А то, знаете, стояла в бункере, запылилась. Иными словами, пушку приятели в

детстве видели, дворника — нет. Не вписывался он в мировую катастрофу.

И обратите внимание, с какой восхитительной точностью приведенный случай укладывается в систему образов притчи: хобот — пушка, дворник — хвост, а слон — это фильм в целом.

Давно известно, что человек воспринимает окружающий мир в большей степени мозгом, нежели органами чувств. Вот почему мы столь часто слышим не то, что нам сказал собеседник, а то, что ожидали от него услышать.

Еще одна тонкость. Возьмите любую анонимку. Если ее автор не является потенциальным клиентом психушки, особого разгула фантазии в тексте вы не найдете. Изложенные факты имели место быть, просто истолкованы они не в пользу жертвы. Механизм прост: каждый наш поступок непременно вызван не одной, а многими причинами. Иные из них достойны уважения, иные постыдны. Аноним всего-навсего перечисляет (с искренним, учтите, возмущением!) исключительно причины второго рода, и никакими камерами слежения вы его не опровергнете.

Полагаю, что в свете сказанного клевету вполне можно приравнять к альтернативной реальности.

* * *

Чем дальше в прошлое отодвигается событие, тем фанта-

стичнее оно становится. И чем большее количество людей принимало в нем участие, тем грандиознее вымысел.

Известно, что история бывает двух видов: мифологическая (ее мы знаем по школьным учебникам) и, условно говоря, фактическая (с ней можно встретиться в трудах профессиональных исследователей). Обе то и дело решительно противоречат друг другу. Исходя из того, что большинство населения знакомо только с мифом, харьковский фантаст Андрей Валентинов (Шмалько) предложил следующий рецепт: напиши всё, как было, и получится альтернативная история. На худой конец — криптоистория.

К сожалению, остроумный совет запоздал века этак на полтора. В конце шестидесятих годов девятнадцатого столетия увидела свет эпопея Льва Толстого «Война и мир», где автор, отрицая принцип изложения «с пошлой европейской, героичной точки зрения» и пытаясь восстановить истинный ход событий, по сути покусился на продукт коллективного творчества, чем до глубины души возмутил ветеранов. «Я сам был участником Бородинской битвы и близким очевидцем картин, так неверно изображенных графом Толстым, и переубедить меня в том, что я доказываю, никто не в силах, — бушевал А.С.Норов. — Оставшийся в живых свидетель Отечественной войны, я без оскорбленного пат-

риотического чувства не мог дочитать этого романа, имеющего претензию быть историческим».

И ветерана можно понять. Дело даже не в том, что автор с маниакальной скрупулезностью рушит одну за другой милые русскому сердцу легенды, — он еще и подводит под это философскую базу.

«Когда человек находится в движении, — пишет граф, — он всегда придумывает себе цель этого движения».

Если же движение (читай: поступок) почему-либо не нравится человеку, он задним числом перекраивает его в своей памяти:

«Полковому командиру так хотелось сделать это, так он жалел, что не успел этого сделать, что ему казалось, что всё это точно было. Да, может быть, и в самом деле было? Разве можно было разобратъ в этой путанице, что было и чего не было?».

Не зря же один из персонажей романа «знал по собственному опыту, что, рассказывая военные происшествия, всегда врут».

Допустим, так оно и есть, но придать войне смысл возможно только с помощью вранья. Иначе станет обидно за державу. Однако граф беспощаден. История, совершенно справедливо заключает он, не соответствует описываемым событиям, поскольку основывается на ложных донесениях (см. выше):

«Ежели в описаниях истори-

ков, в особенности французских, мы находим, что у них войны и сражения исполняются по вперед определенному плану, то единственный вывод, который мы можем сделать из этого, состоит в том, что описания эти не верны».

Достается и нашим:

«Русские военные историки должны невольно признаться, что отступление французов из Москвы есть ряд побед Наполеона и поражений Кутузова».

И неизбежный вывод:

«Выигранное сражение не только не есть причина завоевания, но даже и не постоянный признак завоевания».

Логика графа безжалостна: если все донесения хотя бы наполовину лживы, то любой военачальник, будь он семи пядей во лбу, командует химерами и живет в фантастическом мире.

«Не только гения и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, — утверждает Толстой, — но, напротив, ему нужно отсутствие самых лучших, высших, человеческих качеств — любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения».

А в первой редакции романа — еще круче:

«Чтобы быть полководцем, нужно быть ничтожеством».

Всяк, корпевший в школе над сочинением по «Войне и миру», знает, что главное ничтожество среди полководцев — это, конеч-

но, Бонапарт. Ибо относится к себе всерьез. В отличие от своего ветхого годами противника, ухитрившегося в разговоре с Ростопчиным запаять о том, что уже сдал Москву французам. Очевидно, таким и должен быть идеальный стратег, поскольку главное его достоинство, в понимании автора, не путаться под ногами исторического процесса:

«Очевидно было, что Кутузов презирал ум, и знание, и даже патристическое чувство... Он презирал их своей старостью, своей опытностью жизни».

Как выясняется, правильно делал, поскольку, по мнению графа, любая попытка умышленно повлиять на происходящее обречена изначально:

«Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью».

И, разумеется, в первую очередь, бесплодностью поражаются адепты воинского искусства. Уж лучше невежество в чистом виде:

«Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но кото-

рая для него есть абсолютная истина».

Подвергаются сомнению самые азы науки побеждать:

«Тактическое правило о том, что надо действовать массами при наступлении и разрозненно при отступлении, бессознательно подтверждает только ту истину, что сила войска зависит от его духа».

Иными словами, получили по шее и разбежались — всего-то делов! А упомянутое тактическое правило — не более чем попытка «натянуть факты на правила истории».

Предвижу обиду бесчисленных наших поклонников самурайщины, однако в первой редакции романа Болконский накануне Бородинской битвы говорит Пьеру буквально следующее:

«Головин, адмирал, рассказывает, что в Японии всё искусство военное основано на том, что рисуют картины... ужасов и сами наряжаются в медведей на крепостных валах. Это глупо для нас... но мы делаем то же самое... Вся цель моя завтра не в том, чтобы колоть и бить, а только в том, чтобы помешать моим солдатам разбежаться от страха, который будет у них и у меня».

Хочешь не хочешь, бывшему артиллерийскому офицеру придется разрушить еще один миф — о благородстве ратного дела:

«Цель войны — убийство, орудия войны — шпионство, измена и поощрение ее, разорение жите-

лей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями; нравы военного сословия — отсутствие свободы, то есть дисциплина, праздность, невежество, жестокость, разврат, пьянство».

И если бы речь шла об одних французах! Склонность героического православного воинства к насилию и грабежу признается в романе даже русскими дипломатами.

Жутковата и сама концепция произведения, совершенно естественно проистекающая из вышеприведенных посылок:

«Для истории признание свободы людей как силы, могущей влиять на исторические события, есть то же, что для астрономии признание свободной силы движения небесных тел».

Немудрено, что автор сплошь и рядом оказывается по ту сторону того, что мы, в силу косности, привыкли именовать добром и злом:

«Про деятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или вредна, ибо мы не можем сказать, для чего она полезна и для чего вредна».

* * *

Такая вот, милостивые государи, безжалостная криптоистория, то бишь реконструкция исторических событий. Можно принимать ее, можно не принимать, но в последовательности графу Толстому

отказать трудно. Не зря же накинулись на него с такой яростью все кому не лень, стоило роману выйти в свет! Стыдили, кивали на «Бородино» Лермонтова, один сатирик даже изложил не без сарказма содержание «Войны и мира» лермонтовскими семистишиями. Причем никто не вспомнил, что сам-то Михаил Юрьевич повествует от лица старого солдата, а уж как умеют ветераны проводить патриотически-воспитательную работу с молодежью — дело известное. Одна гибель полковника чего стоит!

*И молвил он, сверкнув очами:
Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой...*

Любопытно сравнить это со строками из более позднего стихотворения Лермонтова «Валерик», в основе которого лежат уже не рассказы успевших переговорить друг с другом очевидцев, а личные впечатления. Там тоже есть сцена гибели старшего офицера:

*...взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. — Тащат в горы.*

Постойте — ранен генерал...»

Как видим, никаких орлиных очей, никаких громких слов — предсмертный бред и ужас окаяться в плену у чеченцев.

Да и само сражение подано чуть ли не с отвращением:

*И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,*

*Как звери, молча, с грудью
грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть
(И зной, и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.*

Не знаю, как насчет гоголевской «Шинели», а у меня такое впечатление, что баталист Толстой вышел целиком из этого восьмистишия.

Вернемся, однако, к «Войне и миру». Посагательство на миф о кампании 1812 года сыграло с графом дурную шутку. Поставьте себя на место наших шкрабов: с одной стороны, идеи романа непедагогичны и разрушительны (причем для любого государства, в том числе и советского); с другой стороны, автор — «матёрый человечище» и «зеркало русской революции».

Как быть?

Очень просто: взять Льва Толстого и тоже превратить в миф. Объявить крамольное произведение патриотическим, рамолика Кутузова — гением, истеричку Наташу Ростову — идеалом, и самим в это поверить.

Дайте нам две любые строки любого автора — и мы включим его в школьную программу. Даже этого графа, что ради честного словца не жалел ни матери, ни отца и в таком признавался, от чего добрый россиянин может в падучей забиться:

«Вспоминая теперь всё то зло, которое я делал, испытал и видел

вследствие вражды народов, мне ясно, что причиной всего был грубый обман, называемый патриотизмом и любовью к отечеству».

А теперь для сравнения выдержка из энциклопедии: «...показал патриотич. порыв рус. народа, обусловивший победу России в Отечеств. войне 1812».

Так выковываются истинные патриоты.

* * *

Когда мифоборец сам становится мифом, случаются порой презабавнейшие недоразумения. Жертвой школьного учебника пал, к примеру, мой хороший друг Святослав Логинов, автор нашумевшей статьи «Графы и графоманы». Обнаружив противоречие между текстами Льва Толстого и тем, что говорилось о них на уроках, Святослав почему-то обрушился не на учителей, даже не на криминальную субкультуру литературоведов, а на самого графа. Возможно, по наивности, а возможно, и потому, что когда-то был преподавателем. На своих рука не поднялась.

Самозабвенно ломясь в открытую дверь, наш паладин истины объявил произведения Толстого непедагогичными. Однако граф и сам не скрывал своей неприязни к любой официальной идеологии, в то время как педагогика, насколько я помню, до сих пор находится на содержании у государства. Если вчитаться, пресловутая назн-

дательность детских книжек яснополянского мудреца не то чтобы носит подрывной характер — нет, она зачастую просто отсутствует (см. статью «Графы и графоманы»).

Еще очаровательнее выглядят упреки Святослава Владимировича в отношении неряшливой стилистики Льва Николаевича. Граф опять-таки и сам признавал, что повествования его весьма корявы. Легенда о языке Толстого как образчике русской литературной речи целиком и полностью выдумана теми же литературоведами и педагогами. (Кто не верит, пусть перечтет приведенные выше цитаты из «Войны и мира».)

Вот будет смеху, если правдолюбец Святослав Логинов сам со временем обрастет бородой легенд, превратится в миф — и, в свою очередь, подвергнется буйному набегу новых мифоборцев!

* * *

Как видите, для простоты я ограничился бытовыми и наиболее общеизвестными литературно-историческими примерами.

Пора подбивать итоги.

Окружающая жизнь воспринимается нами настолько искажено, что ее можно смело приравнять к выдумке, а реализм — к одному из направлений фантастики. Нельзя доверять даже увиденному своими глазами. Чем безогляднее убежден человек в достоверности собственного вос-

приятия, тем сильнее он ошибается. Сверяя наши заблуждения с заблуждениями ближних, мы пускаем процесс по нарастающей: произошедшее оформляется сначала в ряд легенд, противоречащих друг другу, потом, как правило, в единую легенду. Наиболее фантастичны исторические события, поскольку в дело вступает еще и фактор времени. Попытки реставрации случившегося возмутительны уже тем, что разрушают сложившееся общее мнение.

К сожалению, миф можно ниспровергнуть лишь с помощью другого мифа, свидетельством чему служат идеологические кувырки и перевертыши, наблюдаемые при смене общественного строя, когда вчерашнее добро объявляется сегодняшним злом, а зло, соответственно, добром. Еще одно соображение: если некое явление и после подобного кувырка продолжает пользоваться неприязнью со стороны подавляющего большинства (а большинство всегда такое), стоит приглядеться к этому явлению повнимательней. Не исключено, что в нем-то и таится зернышко истины.

Поэтому на провокационный вопрос репортера: «Чем, на ваш взгляд, фантастика отличается от журналистики?» — я, несколько сгущая краски, ответил: «Фантастика — правда, прикидывающаяся вымыслом. А журналистика — наоборот».

Итак, фантастикой мы можем назвать бегство, или отступление, из коллективно созданного и создаваемого поныне мифа, именуемого реальной жизнью. Не берусь утверждать, будто чем дальше от вранья, тем ближе к правде (на самом деле, чем дальше от вранья, тем ближе к другому вранью), и всё-таки мне кажется, что мудрость данного маневра несомненна: куда бы вы ни бежали (НФ, фэнтези, хоррор, и т. п.), всегда остается шанс нечаянно обрести более верное понимание действительности.

Даже если этого не случится, отбежав на достаточное расстояние, вы можете оглянуться и увидеть миф целиком — возможность, которой изначально лишен реализм, сплошь и рядом ограничивающийся, по словам Достоевского, кончиком своего носа.

Ничего нового я здесь не открыл. Похожие взгляды высказывались и прежде. Пресловутый турбореализм поначалу удивлял меня отсутствием внятной программы. Однако спустя некоторое время, когда данное движение стало тихо разваливаться, оставшийся в одиночестве Андрей Лазарчук коротко и ясно изложил суть дела:

«Реализм постулирует: мир веществен, постигаем и описуем. Литература дает картину этого мира.

Фантастика постулирует: мир веществен, постигаем и описуем.

Литература проводит над ним опыты.

Турбореализм постулирует: мир веществен, однако постигается нами по большей части через описание, оставленные другими людьми. Мы не в состоянии отличить объективную истину от ее искажений и преломлений. Литература дает картину этого мира».

Формулировка настолько соответствовала моим собственным воззрениям, что я немедленно прилепил из озорства «Алой ауры протопарторга», над которой в ту пору корпел, бирку «турбофэнтези». Когда же озадаченные читатели попросили объяснить, с чем это едят, ответил примерно так:

«Как известно, турбореализм исходит из невозможности отличить правду от лжи. Турбофэнтези, напротив, настаивает на том, что невозможно отличить ложь от правды. В этом вся разница».

Что же касается рецепта Андрея Валентинова, столь бестактно использованного Львом Толстым... Думаю, зря харьковский коллега ограничился всего двумя направлениями (альтернативная история и криптоистория). Наиболее полная формулировка, моему, должна звучать так: напиши всё, как есть, и получится фантастика.

Знать бы еще, как оно есть...

За экспертизой редакция обратилась к трем писателям, которые, как и автор статьи, регулярно выступают с публицистическими материалами. Задавая вопрос: «Что в будущем напишут о фантастике рубежа XX и XXI веков?», мы дали экспертам карт-бланш в отношении формы ответа. Результат превзошел самые смелые наши ожидания. Во всяком случае, стихами эксперты до сих пор не писали.

Андрей ВАЛЕНТИНОВ:

1.

Истории, отверзшей мрачный зрак,
Нет дела до возни некормленных писак,
Пытавшихся скудеющим умишком
Пополнить свой кошель заемным серебришком.
Иное видится: великия дела
Фантастика свершить в России возмогла,
Ея титаны, Ельцин и Гайдар,
Не книгу, но страну химерам дали в дар,
Утопиям, своим размахом смелым,
Дающим фору всяким кампанеллам.
А с ними — карлики, пигмеи—кравчуки,
Чьи подвиги, однако ж, велики,
Уэллса круче — быстро, без условия,
Отправить полстраны назад в Средневековье.
И вместе все, приявши верный тон,
Народы повлекли с собой в Армагеддон.
История — Фантастики сестра,
И обе греются у страшного костра,
Сгорают в коем не дрова — мечтанья,
О космосе, о тайнах мирозданья,
О будущем, где каждый — брат и друг,
Где все живут под сению наук.
То пламя освещало наши беды,
И дымом шли Туманность Андромеды,
И Полудень Великого Кольца,
И КЭЦ-звезда, и счастье без конца.
Такой трагедии достойны лишь гомеры.

2.

Однако же иные зрим примеры.
Писатели — в России, не в России, —
Не соблазняясь тернием мессии,
Кропали ерунду порой и хуже даже,
Не для души, а просто для продажи,
Драконов с эльфами без счету разводя,
Заемных, не своих — воруя, не щадя,
У Толкина, у прочих. Космоцарства
Пылали в пламени вселенского коварства,
Пока десантник Джон, rardon, Иван,
Не разбивал в бою проклятых марсиан,
За се вознагражден любовью принцессы.
Там Сатане служили дружно мессы,
Вампир там приходил, не прошен, к нам на пир,
И тайны мира все скрывал кумир,
Хранимый в подземелиях Кремля.
Такою чушью наполнилась земля,
Такое и писали, и читали,
За сим забыли их, не вспоминали,
И ныне, в Полдень века Двадцать Два,
Нет смысла тратить лишние слова.

Олег ДИВОВ:

Компетентность и профессионализм «высоколобой» критики всем известны. Поэтому текст будет приблизительно такой:

«В начале XXI века жанр научной фантастики претерпел в России серьезный спад. Являясь экстраполяцией современных представлений о будущем, научная фантастика не выдержала «бега наперегонки» с прогрессом. Сказалась и общая подавленность писателей, утомленных эпохой «демократических реформ», затянувшейся на два десятилетия. Кризис идей, неспособность предложить обществу позитивный путь развития, узость научно-технического кругозора, ввергли российскую научную фантастику в длительную стагнацию. Никогда больше ни один из представителей этого жанра и близко не подошел к тем высотам, которые занимали некогда великие мыслители и непревзойденные мастера слова А.Беляев, И.Ефремов, А.Казанцев, братья Стругацкие. И хотя в конце списка «10 самых продаваемых авторов» тех времен регулярно появлялось имя самого популярного научного фантаста России начала XXI века А.Бушкова, даже ему не удалось стать властителем дум молодежи и студенчества.

Только неустанная забота партии и правительства позволила российской научной фантастике подняться с колен. Этот путь был тернист, но сегодня можно с уверенностью сказать, что жанр снова обретает популярность. Книги научных фантастов, призывающие молодого читателя крепить оборону Родины, поступать в высшие технические учебные заведения, бороться с внутренними и внешними врагами, заполняют полки библиотек. Долгожданным триумфом научной фантастики стало недавнее присуждение Государственной премии незаслуженно забытым шедеврам прошлого, таким, как «Звездная месть», «Ярость», «Из Америки с любовью», «Армагеддон», «На будущий год в Москве» и «Дело жадного варвара».

Научная фантастика России снова уверенно смотрит в будущее.
С чем вас и поздравляю. Аминь.

Виталий КАПЛАН:

Выдержки из реферата студента 2-го курса литературно-маркетологического факультета Московского мирового университета, 2060 год:

«На рубеже XX и XXI веков в России писали много всякой фантастики. Но люди, которые этим занимались, не очень хорошо понимали, что и зачем делают. В то время считалось, что фантастика — это просто развлекательный жанр. Но сейчас мы понимаем, что это совсем не так. Современная фантастика, как и вся литература в целом, имеет огромное маркетинговое значение. Задача писателя — формировать читательские потребности, ориентировать его в безбрежном море товаров и услуг.

Однако писатели той поры по большей части об этом не слишком задумывались. Так, фантаст Олди все время живописал на редкость странные миры, в которых совершенно не было полезных для читателя товаров. Взять хотя бы «Герой должен быть один». Что купит читатель, находясь под впечатлением от романа? Да ничего!

Или вот Александр Громов очень любил описывать мировые катастрофы. Но эта тема портит людям настроение, заставляет думать о неприличных вещах, а в результате понижает покупательскую энергию. Правда, в одном из своих романов, «Феодале», Громов попытался пропагандировать идеи взаимовыгодного обмена и товарооборота. Но очень скоро съехал в никому не нужный психологизм и все испортил.

Большой популярностью в те годы пользовались книжки Сергея Лукьяненко, автора фильма «Ночные дозоры». Тем самым на Лукьяненко ложилась огромная ответственность: больше читателей — больше покупателей. Некоторые его романы действительно полезны. Например, в

«Спектре» он пропагандировал кулинарию, что в итоге активизировало работу пищевой промышленности. Однако этот успех так и остался единичным. Во всех прочих книжках Лукьяненко описывал то, что незачем предлагать покупателю. Ни аТаны, ни Настоящие Мечи не входят в разумный ассортимент. К тому же герои Лукьяненко часто сами себя ограничивали в возможностях, подавая тем самым дурной пример потребителям.

Находились авторы, которые в открытую выступали против различных сегментов рынка — даже таких бурно развивающихся, как компьютерные технологии и интернет. Ярчайший пример подобного безответственного отношения к печатному слову — повесть Олега Дивова «Другие действия».

Что касается такого жанра, как фэнтези, то поначалу от него была какая-то польза. Рынок компьютерных игр по мотивам фэнтезийных романов активно развивался. Правда, чаще всего это были иностранные романы. К тому же любитель фэнтези, как правило, был крайне ограничен в своих покупательских предпочтениях. И когда в 20-е годы изобрели гипновиртуалки, оказалось, что российская фэнтези бесполезна.

К сожалению, на рубеже веков буйным цветом росла откровенно вредная, деструктивная литература, которая не только не развивала читательско-покупательские потребности, но напротив, пропагандировала некую «духовность». Прежде всего это произведения киевских писателей М. и С.Дяченко. В этих книгах всякая мистико-психологическая заумь ставилась выше социальной активности. Крайне негативную роль сыграл и волгоградец Евгений Лукин, подвергавший желчным насмешкам ценности глобального общества. Немало вреда нанес Вячеслав Рыбаков, люто ненавидевший современную ему цивилизацию. Установлено, что под влиянием его романов «На чужом пиру» и «На будущий год в Москве» читатели на 13% реже посещали супермаркеты и развлекательные центры!

Добавим, что именно в те годы расцвела так называемая «сакральная фантастика». В основном это была женская литература — прежде всего здесь отметились Елена Хаецкая с мракобесными книжками и Далия Трускиновская с ее поисками «вечных ценностей».

...Конечно, были отдельные писатели, способствовавшие развитию туристического бизнеса, молодежной моды и компьютерной техники. Однако в целом фантастика тех лет находилась в глубоком тупике. И немудрено. Тогдашние фантасты, в массе своей сами плохие и безответственные потребители, не могли осознать, что будущее человечества — в безграничности потребительской альтернативы.

Потому их книги и изъяты из Сети решением Администрации Глобального Рынка».

Курсор

Стивен Кинг,

вопреки твердым обещаниям «уйти на пенсию» после завершения цикла «Темная башня», по-прежнему в литературном строю. Следующий роман знаменитого автора, «Ячейка», появится на прилавках уже в феврале 2006 года, а еще один, «История Лизи», в ноябре того же года. Вот и верь после этого писателям.

Одна из самых

популярных ролевых карточных игр «Magic: The Gathering», объединяющая более шести миллионов игроков во всем мире, «заговорила» на русском, который стал девятым языком игры. В связи с выходом русской версии в Москве состоялась презентация, на которой присутствовали создатель MTG американский математик Ричард Гарфилд и ведущие художники карт. Были проведены турниры среди любителей и профессионалов. В последнем, опередив маститых иностранцев, победил россиянин Матвей Линов. В России действует более ста клубов MTG, а активных игроков уже около трети миллиона.

**Заключительная
часть**

детской трилогии Терри Пратчетта о приключениях Джонни Максвелла обретет экранное воплощение. Режиссер Дермот Бойд снимает для телекомпании BBC трехчастевый мини-сериал по повести «Джонни и бомба», где главному герою предстоит вволю попутешествовать во времени.

Майкл Суэвик

выступил с оригинальным проектом под названием «Периодическая таблица элементов научной фантастики». Отдавая дань гению Менделеева, которого писатель считает «Шекспиром науки», Суэвик создал сборник миниатюр — по одной на каждый из 118 известных элементов периодической таблицы. Связь рассказов и элементов ассоциативна: в главе «Водород», например, говорится о путешественниках во времени, попавших на терпящий бедствие дирижабль «Гинденбург», глава «Калий» живописует прелести бананов.

Седьмой

«Звездный мост» проходил в Харькове с 15 по 18 сентября. В этом году фестиваль фантастики собрал рекордное количество участников — около четырехсот гостей. Всего же мероприятия конвента посетило несколько тысяч человек, ведь большинство фестивальных затей были открытыми для горожан.

В рамках конвента состоялись многочисленные доклады по проблемам фантастики и футурологии, работали секции, проходили диспуты, художественные выставки и встречи с известными писателями-фантастами, молодых авторов пригласили на созданный для них творческий семинар.

Участникам предложили покататься на тепловых аэроста-тах, поучаствовать в традиционном чемпионате по пейнт-болу «НФ против фэнтези» (победила сборная «Фэнтези»). К «Звездному мосту» был приурочен концерт группы «Пик-ник» на главной площади города. В перерыве состоялся впечатляющий фейерверк.

Из принципиальных новаций стоит отметить введение в этом году двухтурового голосования по трем основным номинациям «Кадуцеев» — премий фестиваля. Напомним, что в конкурсе участвуют те произведения, которые вышли в срок от конвента до конвента. В номинации «Циклы, сериалы и романы с продолжениями» первое место и «Золотой кадуцей» завоевал роман-цикл «Пентакль» Андрея Валентинова, Марины и Сергея Дяченко, Г.Л.Олди; «Серебряный кадуцей» достался Вадиму Панову за книгу «Королевский крест» из сериала «Тайный город»; «Бронзовый кадуцей» — Федору Березину за книги «Война 2030: Красный рассвет» и «Война 2030: Пожар метрополии».

Номинация «Крупная форма» оказалась счастливой для Александра Громова («Золотой кадуцей» за роман «Феодал»), Ольги Громыко («Серебряный кадуцей» за роман «Верные враги») и Светланы Прокопчик («Бронзовый кадуцей» за роман «Русские ушли»). В номинации «Дебют» первенствовали Алан Кубатиев (книга «Ветер и смерть»), Лора Андропова («По велению грома») и Александр Рудазов («Архимаг»). В конкурсе на лучшую эпиграмму победил харьковчанин Александр Золотко, под чье острое перо попали Олег Дивов и Светлана Прокопчик. Гран-при от харьковского института чудиков («Философский камень») за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастической достался Гарри Гаррисону, который в последний момент из-за болезни не смог приехать в Харьков (огромный искусственный рубин за Гаррисона получал его литагент в России Александр Корженевский).

Агентство «F-пресс»
при участии телекоммуникационной сети «Вокнет»

**ВЕЙНЕР Эндрю
(WEINER, Andrew)**

(Биобиблиографические сведения см. в № 6 за этот год)

Вот что написал об Эндрю Вейнере его именитый коллега Орсон Скотт Кард:

«Когда речь заходит об издательских измерениях научной фантастики, на мой взгляд, существует единственная причина, по которой канадскую НФ до сих пор полностью не проглотила американская, — просто с другого края за канадскую вцепилась британская, и они тянут в обе стороны, не в силах вырвать несчастную из зубов конкурентки. Однако маленькое сообщество канадских писателей–фантастов как–то умудряется выжить между двумя парами огромных челюстей. Среди этого сообщества выделяется Эндрю Вейнер, канадец, который в то же время представляется мне одним из лучших фантастов, пишущих сегодня на английском языке. Вейнер рискует публиковать свои книги сначала в Канаде, а уж потом ждет переизданий в США и Англии — мужество, близкое к самопожертвованию!».

ГРОМОВ Александр Николаевич

С именем Александра Громова критики связывают возрождение традиций «твердой» научной фантастики в постсоветскую эпоху. Родился фантаст в 1959 году в Москве. Закончив Московский энергетический институт, многие годы работал в НИИ Космического приборостроения. Работа по специальности наложила отпечаток и на одно из двух главных увлечений писателя — он заядлый астроном–любитель. С конца 90–х годов А.Громов — профессиональный писатель.

Литературным дебютом автора стал рассказ «Текодонт», опубликованный в 1991 году в приложении к журналу «Уральский следопыт», а в 1995 году в нижегородском издательстве «Параллель» увидела свет первая книга писателя — сборник «Мягкая посадка», куда вошло все лучшее, написанное А.Громовым к тому времени. Сборник стал одним из самых ярких книжных дебютов в российской НФ 1990–х. Уже в следующем году он был удостоен престижной литературной премии имени А.Р.Беляева, а в 1997–м заглавный роман сборника обрел еще одну награду — премию «Интерпресскон». С тех пор почти каждая новая книга А.Громова оказывается в центре пристального внимания критиков и читателей, тем более, что фантаст по нынешним меркам не отличается плодовитостью и выпускает в среднем по книге в год–два. Его перу принадлежат романы «Властелин Пустоты» (1997), «Год Лемминга» (1997), «Ватерлиния» (1998), «Шаг влево, шаг вправо» (1999), «Тысяча и один день» (2000), «Запретный мир» (2000), «Крылья черепахи» (2001), «Завтра наступит вечность» (2002), «Первый из могикан» (2004); в соавторстве с Владимиром Васильевым в 2004 году выпустил ро-

ман в жанре «альтернативной географии» (термин, придуманный Громовым и Васильевым) «Антарктида Online».

Последний на сегодняшний день роман «Феодал» (2005) получил на фестивале «Звездный мост–2005» премию «Золотой кадуцей» за лучшее НФ–произведение крупной формы. Кроме того, романы и повести А.Громова неоднократно удостоивались премий «Сигма–Ф», «Интерпрескон», «Роскон», «Филигрань», «Странник».

КАЛУГИН Алексей Александрович

Московский писатель–фантаст Алексей Калугин родился в 1963 году. Отслужив в рядах Советской Армии, закончил Институт инженеров пищевой промышленности, после чего несколько лет отработал в Институте медицинской и биологической химии АМН СССР и опубликовал два десятка научных статей по специальности. С конца 1990–х занялся профессиональной литературной деятельностью.

Первое опубликованное произведение — роман «Лабиринт» (1996). Роман–дебют по рекомендации издательства вырос в трилогию, за которой последовали еще два мини–сериала — «Резервация» (1997) и «Точка Статуса» (1998—1999). С тех пор из–под пера А.Калугина, отдающего в своем творчестве предпочтение «твердой» и детективной НФ, вышло более десяти книг, среди которых романы «Темные отражения» (1999), «Не так страшен черт» (2000), «Снежная слепота» (2001), «Игра в реальность» (2001), «Мир без солнца» (2002), «Между центром и пустотой» (2004), сборники рассказов и повестей «Специалист по выживанию» (1999), «Патруль вызывали?..» (1999), «Не сотвори себе врага» (2000), «Время — назад!» (2005) и другие. В 2005 году писатель стал лауреатом премии «Бронзовая улитка» за рассказ «В саду».

МАКАЛЛИСТЕР Брюс (McALLISTER, Bruce)

Американский писатель, критик и ученый–литературовед Брюс Хью Макаллистер родился в 1946 году в Балтиморе (штат Мэриленд). После окончания местного колледжа и Университета штата Калифорния в Ирвайне Макаллистер работал газетным репортером и преподавал литературу в различных университетах (в том числе в своей alma mater).

Дебютом автора в научной фантастике стал рассказ «Лица извне» (1963). С тех пор писатель выпустил около сорока рассказов и повестей, а также два романа — «Человечность на Прайме» (1971) и «Дитя снов» (1989). Последний представляет собой расширенный вариант одноименной повести Макаллистера, опубликованной двумя годами раньше и номинированной на премии «Хьюго» и «Небьюла». Героиня повести — санитарка в американском госпитале во время вьетнамской войны, способная «видеть» будущую

гибель солдат и согласившаяся участвовать в секретных экспериментах военных, результатом которых стало погружение героини в непрекращающийся кошмар — «сердце тьмы». Сейчас автор вместе со сценаристом Майком Аякве работает над сценарием по этому роману для одной из студий Голливуда.

ОВЧИННИКОВ Олег Вячеславович

Олег Овчинников родился в 1973 году в г. Оренбурге. Окончил факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ, где специализировался на компьютерной лингвистике. Ныне живет в Москве, работает ведущим программистом в компании «ACDLab Inc.».

В 1998 году стал победителем конкурса «Альтернативная реальность»: его рассказ «Глубинка», напечатанный в журнале «Если», был первым выступлением автора в жанре. С тех пор опубликовал более двух десятков рассказов и повестей в журналах и антологиях. В 2003 году повесть О. Овчинникова «Семь грехов радуги» была удостоена премии «Сигма-Ф», а в 2004-м в петербургском издательстве «Азбука-классика» увидела свет и первая книга писателя «Семь грехов», куда вошли развернутая в роман повесть и лучшие рассказы. В том же году на фестивале «Звездный мост» в Харькове книга была удостоена премии за лучший дебют.

ОЛДИ Генри Лайон

Под таким псевдонимом с 1990 года выступают харьковские писатели и литагенты Дмитрий Евгеньевич Громов и Олег Семенович Ладыженский. Оба соавтора родились в один год (1963) и даже в одном месяце (март) — с разницей всего в неделю.

Дмитрий Громов получил высшее образование в Харьковском политехническом институте по специальности «технология неорганических веществ», после чего поступил в аспирантуру, но диссертацию защищать не стал — в то время Д. Громов уже окончательно «заболел» фантастикой. В 1991 году появилась первая публикация в жанре — рассказ «Координаты смерти» и первые совместные работы с Олегом Ладыженским.

Олег Ладыженский родился в театральной семье, поэтому будущую профессию выбрал в соответствии с семейными традициями: он закончил Харьковский государственный институт культуры по специальности «режиссер театра» и с 1984 года работает «на два фронта» — пишет фантастику и ставит спектакли в театре «Пеликан».

Первое совместное произведение соавторы написали в 1990 году, это был рассказ «Кино до гроба и...». Уже в следующем году увидели свет первые книги творческого дуэта — «Витражи Патриархов» и «Страх». Известность авторам принес цикл «Бездна Голодных Глаз», состоящий из восьми романов и повестей («Дорога», «Ожидающий на Перекрестках», «Витражи

Патриархов» и др.). В качестве оптимального художественного метода Г.Л.Олди избрали синтез жанров. Их ранние романы — это синтез оккультно-эзотерической литературы, боевика, философской притчи, НФ, фэнтези, магического реализма, русской романтической повести XIX века и ориенталистики. Но с середины 1990-х соавторы работают преимущественно в направлении, получившем название «крипто-история». Они одни из самых плодотворных авторов постсоветской фантастики, в числе наиболее известных книг дуэта: «Путь меча» (1995), «Герой должен быть один» (1995), «Пасынки восьмой заповеди» (1996), «Дайте им умереть» (1999), «Мессия очищает диск» (1999), «Нам здесь жить» (1999), «Маг в законе» (2000), «Сеть для миродержавцев» (2000), «Орден Святого Бестселлера» (2002), «Песни Петера Сьядека» (2003—2004). Совместно с М. и С.Дяченко и А.Валентиновым они написали роман «Рубеж» (1999) и сборник «Пентакль» (2004). Последний уже в этом году был удостоен премии «Золотой кадудей».

Параллельно с литературной деятельностью соавторы активно выступают в роли литагентов (еще в 1991 году ими организована творческая мастерская «Второй блин»), активно занимаются популяризацией украинской и российской фантастики. В премиальном фонде харьковского дуэта практически все основные жанровые премии — от «Сигмы-Ф» до «Роскона». У авторов есть еще одно общее увлечение: контактное каратэ-до, оба имеют черные пояса.

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

(Библиографические сведения об авторе см. в № 5 за этот год)

Корр.: Так получается, что из всей фантастики Латвии известны только русскоязычные писатели: С.Иванов, Э.Раткевич, Н.Гуданец, В.Силин и Д.Трускиновская. А что же национальная фантастика? Как чувствует себя жанр на родине Имерманиса?

Д.Трускиновская: Давайте для начала определимся. Есть латвийская фантастика, к которой условно можно причислить всех названных вами авторов, поскольку они (то есть мы) живут на территории Латвии. А есть латышская фантастика — та, которую пишут латыши. Так вот, что касается последних — жанр фантастики у них не пользовался спросом НИКОГДА. Так уж вышло. После смерти Имерманиса никому и в голову не приходило ее писать. Пробовали издавать переводы Урсулы Ле Гуин и что-то еще — не «ко двору». Однако потихоньку стала протискиваться фэнтези, когда небольшая часть латышской молодежи влилась в ролевое движение. Я приходила на их сборища, они показывали мне свои труды. Возможности для публикации ничтожные, но как тусовочная литература фантастика уже существует. Самое крупное событие для фантастического сообщества Латвии последнего времени — издание на латышском первого тома «Властелина Колец».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на журнал «Если» на первое полугодие 2006 года.

Процедура проста: вы можете обратиться в любое отделение Сбербанка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение

СБЕРБАНК
РОССИИ

Форма № ПД-4

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

В ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» №№ 1—6, 2006 г.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810700000001216

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

В ОАО БАНК «РОСТ»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044599940 № к/с 30101810100000000940

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» №№ 1—6, 2006 г.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ 300 руб. 00 коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция

Кассир

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить издательскую подписку на журнал «Если». Отправьте сведения о себе (фамилию, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате.

Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
ООО «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.**

Тел.: 248-21-90. Факс: 248-68-19

e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)